

Петренко Владислав Григорьевич
(род. 7.IV.1958 в Одессе). Получил два высших образования: Одесский технологический институт холодильной промышленности (факультет криогенной техники, 1980), Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова (исторический факультет, 1986). В Одесском археологическом музее НАН Украины работал с 1985 г. вначале в должности экскурсовода, затем младшего научного сотрудника (с 1986), и с 1991 г. — научного сотрудника. Область научных интересов была связана с проблематикой энеолита — раннего бронзового века юго-запада Украины, прежде всего с памятниками усатовской культуры. Провёл последние по времени раскопки эпонимных Усатовских могильников (1984—1985), исследовал Александровский курган (1993, совместно с В. В. Бейлекчи), городище и могильник у с. Маяки на Днестре (1986, 1990, 2002—2003), энеолитический могильник Кошары I (2001). Принимал участие в раскопках трипольского поселения Черкасов Сад II (1985) и ряда других энеолитических памятников Одесщины, в том числе курганов.

Одесский
археологический
музей

XIV

Материалы по археологии Северного Причерноморья

Одесский
археологический
музей

Материалы
по археологии
Северного
Причерноморья
выпуск 14

МАСП

Памяти В. Г. Петренко

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ АРХЕОЛОГІЧНИЙ МУЗЕЙ

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
ODESSA ARCHAEOLOGICAL MUSEUM

МАТЕРІАЛИ З АРХЕОЛОГІЇ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

ВИПУСК 14

MATERIALS ON THE ARCHAEOLOGY OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

VOLUME 14

Ірбіс
Одеса
2019

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ВЫПУСК 14

Ирбис
Одесса
2019

ББК 63.4(2)33–425.0я431
УДК 904(38)«-02-01»(477.75)(062.5)

Очередной, 14 выпуск МАСПа содержит статьи и заметки по проблемам археологии и древней истории Северного Причерноморья и соседних территорий. Хронология работ охватывает диапазон от верхнего палеолита до античной эпохи включительно. Публикуются материалы из научного архива Одесского археологического музея. Сборник предназначен для специалистов-археологов, историков древности. Он также будет полезен для преподавателей и студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, краеведов.

Черговий, 14 випуск МАППу містить у собі статті та нотатки із проблем археології та давньої історії Північного Причорномор'я та сусідних територій. Хронологія робіт охоплює діапазон від верхнього палеоліту до античної добі включно. Публікуються також матеріали із наукового архіву Одеського археологічного музею. Збірка має призначення для фахівців-археологів, істориків давнини. Вона також буде корисною для викладачів та студентів вищих учбових закладів гуманітарного напрямку, краєзнавців.

Present book is a 14th issue of MASP (Materials on archaeology in Nord-Pontic area). It contains the articles and notes for the problems of archaeology and ancient history of the North Pontic area and surround territories. Chronology of publications covers the period from the Upper Paleolithic to the Antique epoch inclusive. Are published also materials from the scientific archive of the Odessa archaeological museum. The collection of papers is intended for the archaeologists and historians of ancient. Book will be useful also for the professors and students of higher educational institutes of humanitarian specializations, local history amateurs.

Редакционная коллегия:
д.и.н. И.В. Бруяко (отв. ред.), к.и.н. С.Б. Охотников, к.и.н. Н.М. Секерская, к.и.н. И.В. Пиструил, А.В. Главенчук

Рецензенты:
докт. ист. наук, проф. А.Н. Дзиговский
докт. ист. наук М.Ю. Видейко

Дизайн обложки:
Д.А. Топал

Утверждено к печати Учёным советом Одесского археологического музея НАН Украины (протокол № 417 от 13 июня 2019 г.)

ISBN 978-617-7473-36-6

© ОАМ, 2019
© Ирбис, 2019

Петренко Владислав Григорьевич
(07.04.1958–05.06.2017)

Ad memoriam

С.Б. Охотников

О наших встречах с В.Г. Петренко

Наше знакомство с Владиславом Григорьевичем Петренко, тогда еще просто Владиком, состоялось в 1972–1973 гг. в экспедиции Г.А. Дзис-Райко. Она вела тогда раскопки античного городища у с. Надлиманское (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012). В экспедиции Ганны Александровны он был еще совсем юным молодым человеком – почти мальчиком 14–15 лет. Но уже тогда проявился его интерес к археологии. Вместе со своим другом Сашей Чумаковым они проводили собственные разведки по окрестностям села и нашли на одном из мысов две абсолютно целые древнегреческие амфоры. Но дальнейшие раскопки на месте их находки ничего не дали, и как там оказались амфоры, до сих пор неясно. Хотя сам факт говорит о многом. Владик в дальнейшем, как и мечтал в юности, стал археологом, а Саша переключился на абсолютно духовную жизнь. Сейчас он священник униатской церкви отец Олесь Август. Посетители Facebook часто встречают его на ленте.

Владислав же, окончив школу, поступил, подчиняясь воле родителей, в Одесский технологический институт холодильной промышленности. Став и даже проработав некоторое время инженером криогенной техники, он, тем не менее, археологию не забывал. И при первой же возможности стал заочно учиться на историческом факультете ОГУ, а в 1983 году был зачислен на должность младшего научного сотрудника по хоздоговорной тематике того же университета. С августа 1985 г. и до конца своей жизни он проработал в ОАМ НАН Украины.

О том, что значила для него археология, можно судить по нескольким эпизодам. Как я уже говорил, мы познакомились в с. Надлиманском. Волею судеб после службы в СА в 1975 г. я начал вести раскопки на уникальном архаическом памятнике – Надлиманское III. Туда же определился и В. Петренко со своими друзьями и молодой женой. Мы провели несколько сезонов вместе, раскапывая это поселение и другие памятники по берегам Днестровского лимана: Надлиманское VI (Охотников 1983: 167–177), Затока I (Носова, Петренко 2008: 210).

Окончание экспедиции мы по традиции отмечали на Бугазе, проводя одновременно разведку близлежащих поселений, а вечером собирались у костра на берегу моря. Во время таких разведок я всегда удивлялся особому «археологическому чутью» Влада. Так, на Бугазе во время шурфовки он нашел терракоту, чуть позже, когда мы по просьбе Управления охраны памятников вели исследования поселения Граденицы III, еще одну, лежащую прямо на открытой поверхности.

Его тщательность, скрупулезность, перфекционизм в лучшем смысле этого слова проявлялись буквально во всем. Он готов был совершенствовать свои статьи буквально до бесконечности, как мы иногда шутили, «вплоть до последнего вагона». Это касалось и сборников Одесского археологического общества, секретарем которого он стал в 2009 г., сменив старейшего одесского археолога И.Б. Клеймана (Добровольный узник Аккерманской крепости 2008: 3–4).

Полевые работы В.Г. Петренко, особенно его раскопки поселений Усатово и Маяки, стали широко известны не только в Украине, но и за рубежом – в Японии, Германии, Канаде. В Онтарио, например, он участвовал вместе с коллегами в выставке, посвященной Трипольской культуре, а из Токио приезжали специалисты для того, чтобы ознакомиться с керамикой из Маяк. Особенно тесные связи завяза-

лись с археологами из Свободного университета в Берлине, где планировались совместные работы. Буквально до последних своих дней он готовил материалы к энциклопедии о культуре Триполье-Кукутень в Румынии.

Да, много различных событий связывало нас с Владиком. Последний раз мы работали вместе в «полевых условиях» на острове Змеином. Конечно, скорее это были не полевые, а морские условия, но это не мешало исследовать уникальный памятник, на котором когда-то стояло святилище Ахилла.

Часть предметов из него хранится в экспозиции местного музея. На Змеином мы были с Владиком дважды - и каждый раз он был в чрезвычайном восторге от увиденного на острове. У него сразу же появлялись несколько идей-гипотез об исследовании храма. По моей просьбе он сам сделал реконструкцию памятника Ахиллу, подножие от которого хранится у нас в музее. (Рис.1).

Собирались мы посетить остров и третий раз, но нелепая случайность… и мне больше не с кем, да и не хочется идти на Змеиный. Прощай, Владислав.

Рис. 1. Статуя Ахилла.
Реконструкция В.Г. Петренко.

Литература

Добровольный узник Аккерманской крепости 2008 // КС ОАО.

Носова Л.В., Петренко В.Г. 2008 // Рекогносцировка правобережья Будакского лимана // КС ОАО.

Охотников С.Б.1983 // Поселение Надлиманское VI в Нижнем Поднестровье. СА. – № 1.

Summary

The meetings and collaboration of the author with untimely deceased V.G. Petrenko are discussed in the note.

Ю.А. Черниенко

Не просто коллега…

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!
Н.А. Некрасов

Слова этого эпиграфа, которые в совсем другую эпоху были посвящены Н.А. Добролюбову, в силу печальных обстоятельств подошли Владиславу Григорьевичу Петренко. Когда человек умирает, это всегда горе. Но когда достойнейшая личность, каковой является В.Г. Петренко, казалось бы, в полном здравии и в расцвете лет совершенно неожиданно уходит из жизни при не вполне понятных обстоятельствах, боль утраты кажется еще более сильной. Жил человек своими проблемами, многочисленными намерениями, и вдруг все оборвалось – его нет… И не будет… Нет в семье, нет в музее, для коллектива которого Владислав значил очень много. Коллектив есть, но без Влада уже не тот. Не просто кого-то не хватает, – ущербнее стало. До сих пор иногда кажется, что Владислав когда-то вернется из какой-нибудь длительной командировки или из Крыма.

Я познакомился с Владиком в 1978 г. в археологической экспедиции в Надлиманском. Тогда мы были разных возрастных и социальных категорий: я – 15-летний школьник, он – 20-летний студент Одесского института холодильной промышленности. Владик сразу показался мне очень серьезным и солидным человеком. Честно говоря, амбициозности у него хватало (не скажу, что безосновательной). Неудивительно, что довольно долгое время Влад смотрел на меня свысока.

Затем (1983–1985 гг.) была хозтема на историческом факультете Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова, раскопки поселения сабатиновской культуры Вороновка II, которые определили мой интерес к эпохе поздней бронзы. Тогда не так уже играла роль разница в возрасте. Статусы, конечно, были разными: я – студент дневного отделения упомянутого факультета, Владик – студент-заочник того же факультета, но при этом – начальник отряда экспедиции «Южный», младший научный сотрудник (табл. 1). Но особенно впечатлял полевой профессионализм и компетентность Владислава, в частности, на фоне моего тогда еще весьма смутного понимания в полевой археологии. К раскопкам Влад относился чрезвычайно серьезно, что характеризовало его всю трудовую жизнь, был очень инициативным. Начальник экспедиции «Южный» А.Г. Загинайло высоко ценил деловые качества В.Г. Петренко и во многом на него полагался. В один рабочий момент раскопок поселения Вороновка II я обратился к Анатолию Георгиевичу с каким-то методическим вопросом. Будучи опытным полевиком, он без комплексов ответил: «Не знаю, спроси у Владика». С той поры последний стал для меня большим авторитетом. Я долго «смотрел в рот» Владиславу.

В 1984 г. В.Г. Петренко фактически руководил раскопками кургана у с. Старые Беляры. Последний оказался весьма интересным (Петренко 1991). С того же года Владислав начал самостоятельные исследования курганов в с. Усатово. О характерном для него трепетном отношении к сохранению археологического наследия свидетельствует, в частности, восстановление насыпи одного из раскопанных курганов.

Еще со студенческих лет я периодически советовался с Владиком по различным вопросам археологии, а он по возможности советовал. Например, прочитать монографию В.М. Массона (1976), полюбившуюся мне. Но Влад не делал вид, что знает все. Как-то еще на истфаке я что-то спросил у него по поздней бронзе Поднепровья. Владик сказал: «Не знаю. Я этим не занимаюсь». Ведь его главным научным интересом, делом всей жизни была усатовская культура.

С 1985 г. до последних дней жизни (июня 2017 г.) В.Г. Петренко работал в Одесском археологическом музее: сначала недолго экскурсоводом, потом младшим и много лет научным сотрудником отдела экспонирования материалов. С 1987 г. в том же музее работаю я. Последние несколько лет жизни Влада мы работали с ним в одном отделе. С 1986 г. Владислав руководил (с перерывами) раскопками известного многослойного памятника у с. Маяки, где главное место занимают комплексы усатовской культуры. Ценя Владика как грамотного полевика, я все хотел попасть именно в его экспедицию. Она состоялась в 1990 г. в Маяках. Я просил у Влада для себя максимальных возможностей для освоения полевой методики. И он дал то, что мог, как правило, считаясь и с моими мнениями, что я, конечно же, вспоминаю с благодарностью. При скромных финансово-кадровых возможностях мы самоотверженно исследовали глубокие рвы, забитые культурными остатками. Было нелегко, и особенно Владику как начальнику экспедиции. Побывавший у нас проездом в конце раскопок Е.В. Яровой сказал ему: «Ты выложился». Полагаю, что в отличие от В.Г. Збеновича, прежде использовавшего при раскопках данного памятника экскаватор. Не стану скромничать: стремившись овладеть методикой раскопок и стараясь сделать все, от меня зависевшее, я несколько облегчил участь Владика (что вспоминал и он). Когда мы вернулись в музей и забросили на склад последний спальник, Влад с облегчением вздохнул и, протянув мне руку, сказал: «Спасибо, друг!» Ничего подобного ранее не было. Несомненно, то было начало нового уровня взаимоотношений. Что ж, дух ответственности за археологические исследования делал нас в значительной степени единомышленниками. От таких, как В.Г. Петренко, С.А. Дворянинов, которого первый высоко ценил, мне передалось трепетное отношение к археологическим памятникам. Запомнился приезд Владика на курган в Мологу (Садовое) осенью 1990 г., как мы с ним добирались в Одессу через Белгород-Днестровский с посещением Тиры. Различных мелких эпизодов можно вспомнить немало.

Владислав был одним из тех, кто давал мне характеристику для получения Открытого листа. Судя по ней, Владик оценил мою скрупулезность и пр. Я нередко ощущал его товарищескую поддержку. Побывал Влад и на раскопе на поселении Грибовка II, помог мне разобраться в довольно сложной стратиграфии. Обращался я к первому и с немногочисленными трипольскими материалами с поселения Бугское 2 – он помог мне и как специалист-энеолитчик, определив соответствующий горизонт как Триполье BII/CI и даже узрев неолитический черепок, и как художник.

Большое внимание В.Г.Петренко уделял проблемам охраны памятников археологии. Неслучайно в 1991 г. он был избран председателем научно-методической секции памятников археологии при совете Одесской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Так, осенью 2005 г. под руководством Владислава мы осуществляли экспертные работы под согласование выделения земельного участка в с.Усатово. Поработали дружно и с удовольствием.

В мае – июле 2006 г. под руководством В.Г. Петренко я работал на раскопках кургана 2 у г. Беляевка. Как правило, мы трудились там лишь втроем, не считая бульдозериста (табл. 2). А погребений оказалось куда больше, чем предполагалось. Были и существенные трудности с бровками, которые иногда по небрежности портил бульдозерист. Рано наступило жаркое лето. Но мы справились довольно успешно, хоть и с задержкой. Инженерное образование, умение чертить помогли Владику в поле, да и не только. Он говорил, что ему везло на интересные курганы. Не был исключением и второй беляевский (Петренко 2014).

Владислав смолоду казался мне (и не только!) мэтром в области энеолита и ранней бронзы. Наиболее весомый вклад исследователь внес в изучение усатовской культуры, продвинув вперед многие проблемы на основе исследований интереснейших памятников европейского значения. Уже приходилось писать (Владислав Григорович Петренко (7.04.1958 – 5.06.2017). 2017: 140–141), что, вопреки многолетнему пониманию усатовской культуры как позднетрипольской, В.Г.Петренко доказал другое происхождение первой – на базе Хаджидерской энеолитической группы и археологической культуры Чернавода I, элементы которой, кстати, выявил среди материалов Усатовского поселения, при тесных связях с Трипольем. «Я дарю ее (культуру Чернавода I. – *Ю.Ч.*) Украине!» – небезосновательно воскликнул он на одной из научных конференций. Городища Усатово и Маяки исследователь считал обрядовыми. Интересна его идея о том, что ранние ямники Северо-Западного Причерноморья – это была элита усатовского общества. По убеждению В.Г. Петренко, трипольские «площадки представляют собой масштабные плоскостные символические модели, образы где-то реально существовавших жилых и, не исключено, специализированных культовых сооружений. Это целостные сакрально-обрядовые объекты, а не полы или обрушенные перекрытия построек» (Петренко 2009: 28). Впрочем, об этом и другом лучше подробнее написать специалистам по энеолиту и ранней бронзе. Я же немного остановлюсь на занятиях Владислава концом среднего и поздним бронзовым веком. Прежде всего, это, конечно, активное участие в исследовании поселения Вороновка II (Загинайло и др. 1984; 1989а,б; Петренко 1984; Ванчугов и др. 1991). Насколько мне известно, основным вкладом В.Г. Петренко в коллективную монографию явился раздел «Жилые, культовые и хозяйственные сооружения» (Ванчугов и др. 1991: 12–33). Помещения и другие объекты охарактеризованы весьма обстоятельно. В свое время я не обошел вниманием упомянутый раздел (Черниенко 2000: 485–490, 492, 496). Точно не помню, но кажется, что развивавшаяся мною версия о том, что в архитектурных блоках поселения Вороновка II жили патронимии (Черниенко 2000: 499–500; Черниенко, Елисеев 2009: 74, 76), когда-то давно каким-то образом исходила от Владика. Но после публикации упомянутой монографии он неоднократно озвучивал мне мысль, отличную от мнений других авторов этой книги: Вороновка II – сугубо культовый памятник. Владислав думал написать об этом отдельно. Кстати, что-то подобное написала М. Пьенежек (Pieniążek 2011[1]). Исследования в этом направлении только начинаются. Впрочем, уже приходилось упоминать (Черниенко 2016: 214) о неоправданной глобальной сакрализации археологических реалий в ряде работ исследователей, подмеченной, в частности, В.А. Ромашко (2013: 148). Владик говорил мне, что выделил архитектурный комплекс эпохи

[1] PDF-файл с этой статьей мне любезно предоставил В.Г. Петренко.

поздней бронзы (вроде бы сабатиновской культуры), похожий на вороновский, по документации раскопок Усатовского поселения. В.Г. Петренко одним из первых ввел в оборот данные палеоботаники по культуре многоваликовой керамики – отпечатки проса, пшеницы-однозернянки и ячменя на некоторых сосудах (Кузьминова, Петренко 1989: 120).

Исследователь отличался добросовестностью, целеустремленностью, любовью и бескорыстной преданностью своей работе. Влад был также добросовестным, порядочным, благородным, отзывчивым, культурным, словом, интеллигентным и светлым человеком, с которым было приятно и работать, в частности, в поле, и отдыхать, а общаться – чрезвычайно интересно. Нередко бывал веселым, любил юмор. Владислав пользовался заслуженным авторитетом среди коллег (в т.ч. зарубежных, с рядом которых он сотрудничал), да и не только среди них. Талантливости, профессионализму, эрудиции В.Г. Петренко как ученого, хоть он так и не защитил диссертации, над которой работал под руководством известного археолога Е.К. Черныш, могут позавидовать некоторые доктора исторических наук.

Влад отлично овладел компьютером, оказывал мне (в частности) соответствующую помощь. Одним из последних результатов воздействия Владислава на меня стал мой интерес к интернет-аукциону коллекционеров «Violity». Как это ни печально, все же лучше владеть какой-то информацией о находках «черных» копателей, чем ничего об этом не знать.

Сложные семейно-бытовые обстоятельства (жена с детьми жили в Крыму в связи с неудовлетворительными жилищными условиями в Одессе) усугубились после создания «границы» между полуостровом и материковой Украиной в 2014 г. Это всерьез сказалось на состоянии и судьбе Владика (он даже возобновил курение, все больше стал выпивать…). Страшно подумать, сколько по этим искусственным геополитическим причинам сломлено судеб жителей Украины! Сейчас так много «глобально» говорят о судьбах Украины, Европы, зачастую забывая о том, что за этим главным образом должны стоять судьбы большинства, т.е. простых смертных. Открытым Владик не был. Лишь в последние годы немного больше разговорился о личном. Говорил, что ему не работалось – депрессия. Впрочем, Владислав и тогда, конечно, работал. Например, над энциклопедией культуры Кукутень-Триполье, которая должна выйти в Румынии. Благодаря связям В.Г. Петренко с краеведами экспозиция Одесского археологического музея не так давно пополнилась уникальной киммерийской стелой.

В последние годы, бывало, после рабочего дня я не садился на ближайший к музею троллейбус, а часть пути был попутчиком Владика – прохаживались в сторону его дома, общались. Иногда подолгу задерживались, говорили об археологии, о том – о сем… Незадолго до смерти Влада вдруг стали вспоминать об очень старых знакомых, о которых давным-давно не вспоминали и трудно сказать, на каком они сейчас свете. Увы, всего этого никогда больше не будет. Останется лишь светлая память о Владиславе – Археологе и Человеке. И, конечно, результаты научной работы. Жаль, что многое осталось неосуществленным. Например, монография по Усатовскому комплексу, которой В.Г. Петренко посвятил много лет творческой жизни. Хочется надеяться, что это как-то будет доработано и введено в научный оборот.

Литература

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Владислав Григорович Петренко (7.04.1958 – 5.06.2017). 2017 // Археологія. № 3.

Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989а. Итоги исследования поселения поздней бронзы Вороновка II // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ.

Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1989б. Охранные археологические исследования Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского археологического музея АН УССР на Григорьевском лимане в 1983–1984 гг. // Воспитание историей. Тез. первой обл. истор.-краев. науч.-практ. конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.

Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г., Ванчугов В.П., Косоглазенко К.А. 1984. Отчет о работе новостроечной экспедиции «Южная-84» в 1984 году. – НА ОАМ НАН Украины, инв. № 89300/4.

Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г. 1989. Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III–II тыс. до н.э. (по данным палеоботаники) // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ.

Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.

Петренко В.Г. 1984. Дневник новостроечной экспедиции «Южная-84». – НА ОАМ НАН Украины, инв. № 89300/1.

Петренко В.Г. 1991. Курган бронзового века у с. Старые Беляры // Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Прил. 5. Киев.

Петренко В.Г. 2009. Проблема «Триполье и Степь» и памятники энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып. 9. Одесса.

Петренко В.Г. 2014. Второй беляевский курган // ССПК. Т. XVII. Запоріжжя.

Ромашко В.А. 2013. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев.

Черниенко Ю.А. 2000. Некоторые итоги и проблемы изучения строительного дела на сабатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. № 2.

Черниенко Ю.А. 2016. Некоторые впечатления о монографии В.А.Ромашко «Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры)» // Археологія та етнологія півдня Східної Європи: [зб. наук. пр.]. Дніпро.

Черниенко Ю.А., Елисеев В.Ф. 2009. Планировка сабатиновских поселений, ее ландшафтная и социально-демографическая обусловленность // МАСП. Вып. 9. Одесса.

Pieniążek M. 2011. Kultische Landshaften in der Steppe. Zu den Anfängen sakraler Architekturim Nordpontikum // PZ. B. 86.

Summary

The author was lucky to be familiar during 39 years with Vladislav Grigorievich Petrenko – a qualified specialist in the field of the Eneolithic and Early Bronze Age archeology, especially in the Usatovo culture, conscientious, decent, noble, responsive, cultural, in fine, intelligent and bright man. We worked together for a long time in the Archaeological Museum of Odessa, in expeditions. Vladislav also contributed to the study of the Middle and Late Bronze Age, especially of the settlement Voronovka II. He played notable role in my archaeological fate. I often felt the friendly support of Vlad. The researcher was distinguished by conscientiousness, purposefulness, love and

disinterested devotion to his work. Some doctors of historical sciences can envy the talent, professionalism, erudition of V.G. Petrenko as a scientist, although he did not defend the dissertation on which he worked under the guidance of the well-known archaeologist E.K.Chernysh. The light memory about Vladislav Grigorievich Petrenko, the Archaeologist and Man, will remain forever in our hearts.

Е.В. Яровой

Вспоминая друга

Весть о внезапном уходе из жизни Владислава Петренко, которого я всегда знал как Влада, оглушила и показалась неправдоподобной. Слишком нелепой и преждевременной показалась смерть этого активного и еще достаточно молодого человека. Кроме того, сравнительно недавно мы встречались, и он прекрасно выглядел и был полон самых различных идей и планов. Но, увы, эта информация подтвердилась: талантливый одесский археолог, мой давний друг и товарищ, ушел их жизни не дожив до 60 лет.

Кажется, Влада я знал всегда. Сейчас даже не могу вспомнить, где мы познакомились: то ли в Кишиневе, то ли в Одессе, то ли в одной из экспедиций. Но свои научные исследования начинали вместе и с давних, еще студенческих дней, знали друг друга и испытывали взаимную симпатию. Сегодня понимаю, что нас объединяла не только общность научных интересов и взлядов на жизнь, но и отсутствие конкуренции в научной тематике. Я занимался ямной культурой, а Влад изучал позднее Триполье, в первую очередь, усатовские памятники, а затем стал разрабатывать сложнейшие проблемы степного энеолита. Поэтому у нас всегда находились общие темы для обсуждения при отсутствии какого-либо научного соперничества. А для Влада это было немаловажно, так как он ревностно относитлся к своим научным разработкам и болезненно воспринимал любой плагиат.

Почти всю свою научную жизнь В.Г. Петренко посвятил Одесскому археологическому музею. Он не стремился делать карьеру, хотя и прошел все ее первые ступени: работал рабочим в экспедициях, затем лаборантом и научным сотрудником. Запомнился эпизод, когда в 1985 году я приехал в Одессу, чтобы получить внешнюю рецензию на свою первую монографию. Тогда один из ее рецензентов Иван Тихонович Черняков договорился с Петром Осиповичем Карышковском, что тот подпишет уже готовый отзыв. Встреча произошла в стенах Одесского университета в перерывах между лекциями. Когда мы выходили из здания истфака, к нему подъехала экспедиционная машина, из которой с ящиками в руках выскочили Влад Петренко и Слава Кушнир. Времени на общение у нас не было, и после взаимных приветствий мы разошлись в разные стороны: я – пить коньяк и обсуждать издательские вопросы со старшими коллегами, а ребята – заносить ящики с керамикой. После окончания университета я тоже таскал ящики с находками, но этот период в моей биографии продлился недолго. Поэтому в тот день, стоя за столиком в ближайшем кафе, пришел к выводу, что карьерный рост в Кишиневе проходит гораздо быстрее, чем в Одессе. Забегая вперед отмечу, что подобная практика была все же плодотворной: и Влад, и Слава в итоге стали знаковыми фигурами в археологии Украины. При этом сегодня В.Г. Кушнир не только доктор исторических наук и профессор, но и декан факультета истории и философии ОГУ, где когда-то носил ящики с археологическими находками.

В отличие от него, Влад так и не защитил диссертации. Думаю, что произошло это после того, как его тема практически полностью совпала с разработками одного из его коллег и ровесников. На одной из конференций в Киеве он даже снял свой доклад, когда выступивший несколько ранее визави озвучил аналогичные выводы. Впоследствии мы нередко обсуждали с ним эту тему. И всегда Влад утверждал, что

не хочет тратить время и деньги на чисто бюрократические процессы, связанные с оформление и защитой диссертации. Полагаю, что он был искренен в этом достаточно щепетильном вопросе.

Однако истинное наследие ученого оценивается не в званиях, должностях и наградах, а в научных публикациях и выдвинутых идеях. И в этом отношении В.Г. Петренко был одним из наиболее достойных представителей одесской археологической школы. Мне всегда импонировало не только его скрупулезное отношение к источникам, но и активное участие в полевых исследованиях. Значительную часть своей жизни он провел в палатках на раскопках и в музейных фондах, изучая коллекции из различных экспедиций. Успешно копал поселения, грунтовые могильники и курганы. Его издания усатовского могильника Маяки, Велико-Зименовского, Саратского, Старо-Белярского и других курганов, стоянки Гиржево и иных памятников отличаются не только качеством публикации, но и высоким уровнем анализа. А подобный симбиоз в отчественной историографии встречается не так часто. Думаю, что не ошибусь, если назову В.Г. Петренко наиболее крупным специалистом по степному энеолиту и позднетрипольским памятникам Северо-Западного Причерноморья за последние два десятилетия.

Работая над докторской диссертацией, я неоднократно консультировался с ним и неизменно получал ответы на поставленные вопросы или возможные пути их решения. Еще в 2012 году мы договорились, что он будет рецензировать и править мою монографию по раскопкам в Поднестровье. Ее издание затянулось, но в течение ряда лет я посылал ему главы и получал развернутые замечания. Объективный взгляд со стороны всегда необходим автору, поэтому я был благодарен другу за ответственное отношение к данной рутинной работе. О том, насколько серьезно он относился к ней, свидетельствует следующий пассаж из его письма: «Надеюсь, ты просмотрел текст по первой главе. Там главные правки – запятые, пунктуация вообще. Казалось бы пустяк, но они влияют на смысл. Кое-что подправлено в описании керамики. Я ее изучал у тебя в Кишиневе. Тут основной момент касается шнурового орнамента – это не треугольники, а углы, шевроны». Полагаю, что такие скрупулезные и точные замечания дорогого стоят!

Многие идеи В.Г. Петренко были подхвачены и развиты его коллегами, в то время как сам автор считал, что для их развернутой публикации необходимо еще немало времени. Столь профессиональное, и я бы сказал иногда чрезмерно требовательное отношение к своей работе привело к тому, что многие из своих разработок он так и не успел ввести в научный оборот. На его столь ранний уход, возможно, повлияли и политические процессы на постсоветском пространстве, которые он всегда принимал близко к сердцу.

Для друзей и коллег В.Г. Петренко не было тайной, что он являлся патриотом ушедшей эпохи и неоднозначно оценивал новую главу в современной истории родной Одессы и Украины. При этом никому не навязывал и не афишировал свою точку зрения. «Думаю, происходящее – только "начало болезней", и нас ждут очень серьезные испытания. Но что делать – предвоенное время», – провидчески написал он в феврале 2015 года. Последнее время он жил между Одессой и Крымом, где находилась его семья. Подобная ситуация не могла не сказаться на работе. Выражая соболезновние по поводу ухода из жизни моего отца, Влад написал в апреле 2015 года: «Моему отцу пошел 91-й. Он, моя любимая работа, какое-никакое имущество – это то, что удерживает меня в родном городе... Ситуация такая, что планировать что-то

долгосрочное нет смысла. Работаю по дому. Пишу понемногу. Вот и все пока. Настроение клонится в сторону уныния; гоню это от себя, как могу».

О том, что ситуация практически не изменилась, он сообщил через год, в январе 2016-го: «Моя жизнь движется своим чередом, всё по линии Одесса – Крым, и обратно. Ездить очень тяжело, и дорого тоже, но вариантов пока нет. Участвую в румынском проекте "Кукутень – Триполье". Вот, пожалуй, и всё». Но Влад явно скромничал: в его планах был дальнейший анализ усатовских материалов, периодизация степного энеолита СЗП и публикация полученных результатов. С этой целью он начал совместную работу по палеоботанике усатовской культуры с Г.А. Пашкевич и аспиранткой из Кембриджа и просил меня установить контакт с аналогичными российскими специалистами.

Постоянная неудовлетворенность и высокая требовательность к себе имела для Влада и обратную сторону. Я неоднократно приглашал его на конференции в различные города России. Он всегда соглашался и обещал прислать статьи или тезисы докладов. Но в итоге сообщал, что не успевает к указанным срокам. Я до сих пор сожалею об этом.

Последний раз мы виделись весной 2016 года. Будучи проездом в Одессе, я позвонил, и мы встретились на съемной квартире. За бутылкой сухого вина время прошло незаметно. Мы поделились последними новостями, наметили планы на будущее и договорились о более тесном сотрудничестве. Влад был в хорошем настроении, полон различных идей и излучал оптимизм. В итоге решили чаще встречаться и написать статьи для общего сборника. Расстались уже поздней ночью, и я проводил его до остановки. Настроение у нас было приподнятое, но возвращаясь в одиночестве по темным одесским улицам, я и представить себе не мог, что видел своего друга в последний раз! А вскоре он сообщил мне о своих ближайших планах: «Долговременных проектов не строю. С Одессой, как бы ни было, рвать связь не намерен. Мне еще нужно издать накопанное и осмысленное, главное, – Усатово. Я отдал четверть века своей жизни, чтобы разобраться, что там к чему».

Я убежден, что с Усатово он разобрался, но вот опубликовать результаты своей многолетней и кропотливой работы не успел. Невольно приходишь к выводу, что у каждого человека, видимо, есть своя судьба и свой отпущенный срок, предвидеть которые никому не дано! Печально, когда ученый с таким научным потенциалом уходит на пике творческого расцвета. Но он все же немало успел и оставил ценное научное наследие. Поэтому имя Владислава Григорьевича Петренко уже вошло в историю одесской археологии!

Список научных работ В.Г. Петренко

1980

Петренко В.Г. О семантике усатовской антропоморфной пластики // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев

1981

Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев

1982

Петренко В.Г. Об ориентировке позднетрипольских погребений Северного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев

1983

Петренко В.Г. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

1984

Петренко В.Г. Каменная плита с изображениями из Усатово // Северное Причерноморье. Киев

1985

Петренко В.Г. Новые находки памятников искусства в Усатово // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев

1986

Субботин Л.В., Петренко В.Г. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев

1987

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев

Зиньковский К.В., Петренко В.Г. Погребения с охрой в усатовских могильниках // СА. № 4

Петренко В.Г. Культово-мифологические представления степных позднетрипольских племён // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. конф. Москва

Петренко В.Г. О генезисе степных позднетрипольских памятников // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев

1988

Петренко В. Г. Раскопки поселения и могильника Маяки // АО 1986. М.

Петренко В. Г., Сапожников И.В. Кремнеобрабатывающее производство усатовской культуры // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. конф. М.

1989

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменения литорали Северо-Западного Причерноморья с XX тыс. до н.э. (палеогеографические карты) // Комплексные методы исследования археологических источников. Тез. докл. конф. М.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. О ритме палеогеографических изменений и смене культурных групп в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти проф. А.И. Доватура). Тез. докл. науч.-практ. сем. Рени

Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Итоги исследования поселения поздней бронзы Вороновка II // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. Київ.

Загинайло А.Г., Ванчугов В.П., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Охранные археологические исследования Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского археологического музея АН УССР на Григорьевском лимане в 1983–1984 гг. // Воспитание историей. Тез. первой обл. истор.-краев. науч.-практ. конф., посв. 200-летию г. Одессы. Одесса.

Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г. Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III–II тыс. до н.э. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тез. доп. XX Респ. конф. Київ.

Петренко В.Г. Михаил Фёдорович Болтенко // 150 лет Одесскому Обществу истории и древностей. Одесса

Петренко В.Г. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти проф. А.И. Доватура). Тез. докл. науч.-практ. сем. Рени.

Петренко В.Г. Усатовская локальная группа // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев

Петренко В.Г. Усатовская статуэтка, найденная в Нижнем Подунавье // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев

Петренко В.Г. Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Причерноморья (буклет выставки). Одесса

1990

Островерхов А.С., Петренко В.Г. Стеклянные бусы из могил Усатово // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. и сообщ. научн.-практ. ист.-краев. конф. Ч. II. Археология. Белгород-Днестровский

Петренко В. Г., Сапожников И.В. Орнаментированная зернотерка из трипольского поселения Гандрабуры // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого сем. Тальянки. 1990. Киев.

Петренко В. Г., Тощев Г.Н. Великозиминовский курган бронзового века // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса-Запорожье

Субботин Л.В., Петренко В.Г. Редкие памятники древних культур Подунавья // СА. № 3

1991

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.

Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев

Петренко В.Г. К относительной хронологии усатовской группы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. (Кишинев, 1990). Киев

Петренко В.Г. Курган бронзового века у с. Старые Беляры // Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев

Петренко В.Г., Дворянинов С.А. Новые данные о неолитическом поселении Майнова Балка // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. (Кишинев, 1990). Киев

1992

Петренко В.Г. Курганы // Историческое краеведение Одесщины. Вып. 4. – Одесса

Петренко В.Г. Опыт корреляции климатических и культурных ритмов // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез.докл.семинара. Одесса

Петренко В.Г., Шилов Ю.А. Новый усатовский памятник в междуречье Днестра и Южного Буга // Археологический вестник. № 3. Запорожье

1993

Малюкевич А.Е., Петренко В.Г. Усатовский комплекс с фигурными пронизями из кургана в низовьях Днестра // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса

Петренко В.Г. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса

Петренко В.Г., Полищук Л.Ю., Сапожников И.В. Новые археологические памятники в северных районах Одесской обл. (эпоха камня и медный век) // Древности Причерноморских степей. Киев

Петренко В. Г., Сапожников І.В. Дослідження поселення Майнова Балка // АДУ 1991. Луцьк

1994

Петренко В.Г. Относительно систематизации памятников позднего периода культуры Триполье-Кукутень // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в.н.э.). – Тирасполь, 1994

Петренко В.Г., Алексеева И.Л. Могильник усатовской культуры у с. Ясски в Нижнем Поднестровье // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса

Петренко В. Г., Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Геометрические микролиты усатовской культуры // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса

Суботін Л.В., Петренко В.Г. Курганний могильник усатівського типу Жовтий Яр // Археологія. № 1

1995

Петренко В.Г. Контактная конвергенция и культурогенез в энеолите Северо-Западного Причерноморья // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Тез.докл.семинара. СПб.

Петренко В. Г. Раннекурганные памятники на западе Причерноморских степей // История и археология Нижнего Поднестровья II. Тез. докл. конф. Белгород-Днестровский

1996

Петренко В. Г. К иконографии антропоморфных стел ямной культуры // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Petrenko W. 1996. Über die Entstehung der Usatovo-Kuitur // The Thracian World at the Grossroads of Civilisations. The 7th International Congress of Thracology. May 20–26, 1996. Constanta – Mangalia – Tulcea. Romania. – Bucharest, 1996

1998

Петренко В. Г. Энеолитический курган у села Сарата // Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса

Ostrovercov A., Petrenko V., Sapozhnikov I. 1998. Novaya Dolina // Bulletin de Thracologie recherches paleobalkaniques et carpato-pontiques. Vol. IV.

1999

Ларина О.В., Петренко В.Г., Сапожников И.В. Культура линейно-ленточной керамики в Днестро-Бугском междуречье (по материалам поселения Майнова Балка) // ССПіК.VII.

Мовша Т.Г., Петренко В.Г. О новоданиловских памятниках Нижнего Поднестровья и Подунавья // КС ОАО. Одесса

Larina O., Petrenko V., Sapozhnikov I. Materialul ceramic al culturil ceramicii bandsliniare // Studia in honorem Ion Niculiţă. Chişinău

2000

Petrenko V., Bejlekchy V. Alexandrovka barrow. The burial site of the Usatovo culture elite // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages). 4 th International Colloquium of Funeral Archaeology. Tulcea

2002

Петренко В.Г. Усатово, которое мы потеряли. // Историческая память. Историко-краеведческий ежегодник. Одесса

Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. Новый курган эпохи энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье // ССПіК. X

2003

Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Мат-ли міжнарод. конф. до 110-річчя відкриття трип. к-ри в Україні. Тальянки

Петренко В.Г., Носова Л.В., Кожухарь В.К., Денисюк В.Л. Археологические исследования в Южном Поднестровье // АВУ 2001–2002 рр.

Петренко В.Г. Епонімне Усатове та проблема генезісу усатівської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ

Сапожников І.В. Петренко В.Г. Карти для пошуків скарбів у Степовій Україні: місця схованок запорожських козаків під Одесою // Національне картографування: стан, проблеми та перспективи розвитку. Київ

2004

Бондарь Р.Д., Петренко В.Г. О позднем энеолите в культурно-хронологической колонке городища Орловка // Carpatica. Вип. 31. Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Ужгород.

Иванова С.И., Островерхов А.С., Петренко В.Г. Археология и история западного берега Тилигульского лимана// Причорноморський Екологічний бюлетень. № 2 (12). Одесса

2005

Бондарь Р.Д., Петренко В.Г. Городище Орловка: енеолітичні знахідки // Древнее Причерноморье. VI-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Мат-лы международ. конф. Одесса

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса

2008

Носова Л.В., Петренко В.Г. Рекогносцировка правобережья Будакского лимана // КС ОАО. Одесса

Петренко В.Г. Что такое энеолитические скипетры? // КС ОАО. Одесса

Petrenko V. Ancient Trypilians in the Steppe Zone: Usatovo Sites// Mysteries of Ancient Ukraine. The Remarkable Trypilian Culture 5400–2700 BC. Toronto

2009

Петренко В.Г. Проблема «Триполье и степь» и памятники энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып. 9

2010

Петренко В.Г. Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана // Terra cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня-бронзы. МАСП. Вып. 11

2011

Петренко В.Г. Социальная модель и генезис «усатовской» культуры // Прадавні землероби Південно-Східної Європи. Київ – Тальянки

Петренко В.Г., Кайзер Э. Комплексный памятник Маяки: новые изотопные даты и некоторые вопросы хронологии наличных культур // МАСП. Вып. 12

2012

Петренко В.Г. О погребальных памятниках усатовского типа на Тилигуле // Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. Киев – СПб.

Петренко В.Г. Стоянка Гиржево: некоторые новые и малоизвестные данные // Человек в истории и культуре. Сб. статей памяти проф. В.Н. Станко. Вып. 2. Одесса.

2013

Петренко В.Г. Усатовская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса

2014

Петренко В.Г. Второй беляевский курган // ССПіК. XVII

Редина Е., Петренко В., Манзура И., Говедарица Б. Исследование Кошарского археологического комплекса // АДУ 2013

2015

Petrenko V., Gerling C., Kaiser E. Majaki – ein komplexes Denkmal der Usatovo-Kultur. Isotopendaten werfen neue Fragen auf // EA. Bd. 21

Ольвия. 1979 г. В.Г. Петренко – второй слева.

Торжества в связи с открытием новой экспозиции музея. Гостиница «Лондонская». 2003 г.
В.Г. Петренко сидит третий слева.

Фотографии из архива С.Б. Охотникова

В.Г. Петренко (в центре) на раскопках поселения Вороновка II. Август 1983 г.

Раскопки кургана у пгт Беляевка (июль 2006 г.). В.Г. Петренко – второй справа

Фотографии из архива Ю.А. Черниенко

с. Маяки. Лето 2008 г. В.Г. Петренко и Д. Энтони на мосту через Днестр
Фото из архива Д. Энтони

В.Г. Петренко в зале первобытной культуры Одесского археологического музея. 2009 г.
Фото Е.В. Ярового

Канада. Ниагара. Ноябрь 2008 г.

Фото И.В. Бруяко

Каменный век

И.В. Пиструил

Наконечники метательного вооружения у охотников на бизона Северо-Западного Причерноморья (на примере археологической коллекции верхнепалеолитического поселения Анетовка II)

Позднепалеолитическое поселение охотников на бизона Анетовка II обнаружено в 1978 г. и систематически исследуется 40 лет Причерноморской экспедицией под руководством В.Н. Станко (1978–2007 гг.) и И.В. Пиструила (с 2008 г.). Поселение расположено на мысу правого берега реки Бакшалы, притока Южного Буга, на площадке третьей надпойменной террасы, слегка покатой к реке, на юго-западной окраине села Анетовка Доманевского района Николаевской области (Станко 1997: 25; Главенчук и др. 2008: 50).

За время раскопок было изучено около 1500 м^2 площади памятника и найдено более 1,5 млн. кремневых изделий и около 0,5 млн. обломков костей животных (Станко 1996: 131). Среди фаунистических остатков около 98% всех костных определимых остатков составляют кости бизона (Бибикова, Старкин 1989: 129). Возраст памятника определяется 18–19 тыс. лет, что соответствует максимуму последнего оледенения (радиоуглеродные даты: 18040 ± 150 ЛЕ 2424; 19088 ± 980 ЛЕ 4610; 19170 ± 120 ЛЕ 2947) (Станко 1997: 25). Анетовка II определяется как долговременное поселение с круглогодичным обитанием на нем охотников, что подтверждается фаунистическим материалом (Бибикова, Старкин 1989).

На исследованной площади поселения В.Н. Станко были выделены три структурно и функционально различных комплекса:

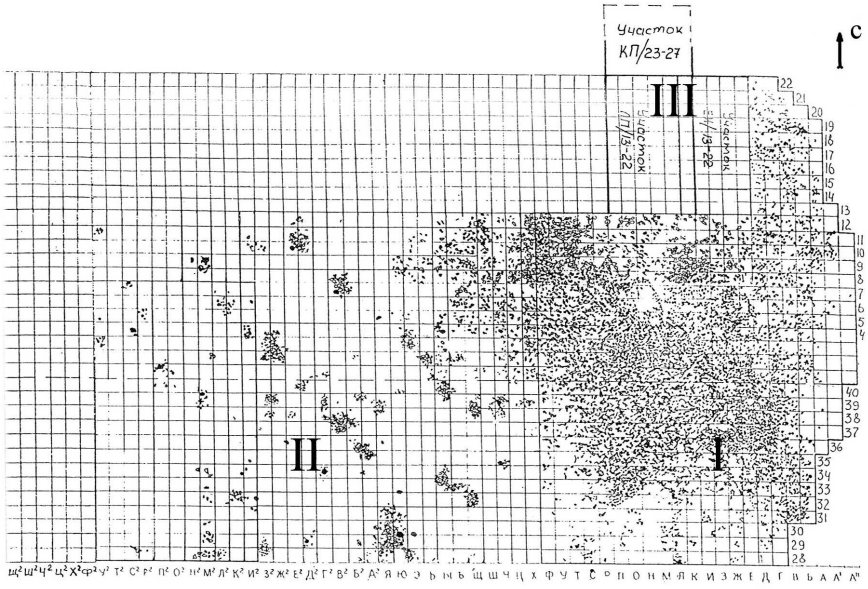
а) макроскопление кремня и фауны (до 500 м^2) – ритуальний комплекс;

б) группа отдельных микроскоплений (около 40), состоящих из костей животных и кремня, расположенных на площадке к западу от макроскопления – места утилизации охотничьей добычи (Станко та ін. 1992);

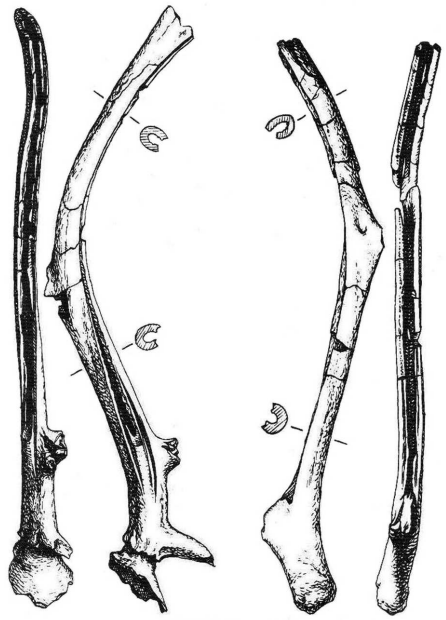
в) комплекс по обработке кремня и кости, расположенный к северу от макроскопления и состоящий из микроскоплений преимущественно кремневых изделий: галек, осколков, нуклеусов, сколов, изделий со вторичной обработкой, а также каменных наковален, абразивов, отбойников (Станко 1996: 133; 1997: 25), который исследуется в настоящее время (рис. 1: 1) (Главенчук и др. 2008: 50).

Макроскопление вытянуто по линии Ю-В – С-З и связывается автором раскопок с ритуальным комплексом (Станко 1996: 131; 1997: 25). После того как люди оставили поселение, это скопление, видимо, подверглось частичному разрушению, образовав с частью комплекса по производству кремневого и костяного инвентаря, расположенного к северу, мощное скопление кремня и фауны. Группа отдельных микроскоплений, открытых на западном участке памятника, интерпретируется как производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи.

С 1992 года работы ведутся на участке производственного комплекса, связанного с первичным расщеплением кремневого сырья и изготовлением изделий со вторичной обработкой, который находится на северо-восточной окраине поселения (Станко 1993: 4–8; Главенчук 1997: 76–86; Главенчук 2003-2004: 206–227).

1

2

Рис. 1. 1. Распределение археологических материалов на исследованной части поселения Анетовка II (I – макроскопление; II – места утилизации охотничьей добычи; III – места обработки кремня);
2. Рог северного оленя с пропилами (по: Станко и др. 1989: рис. 33).

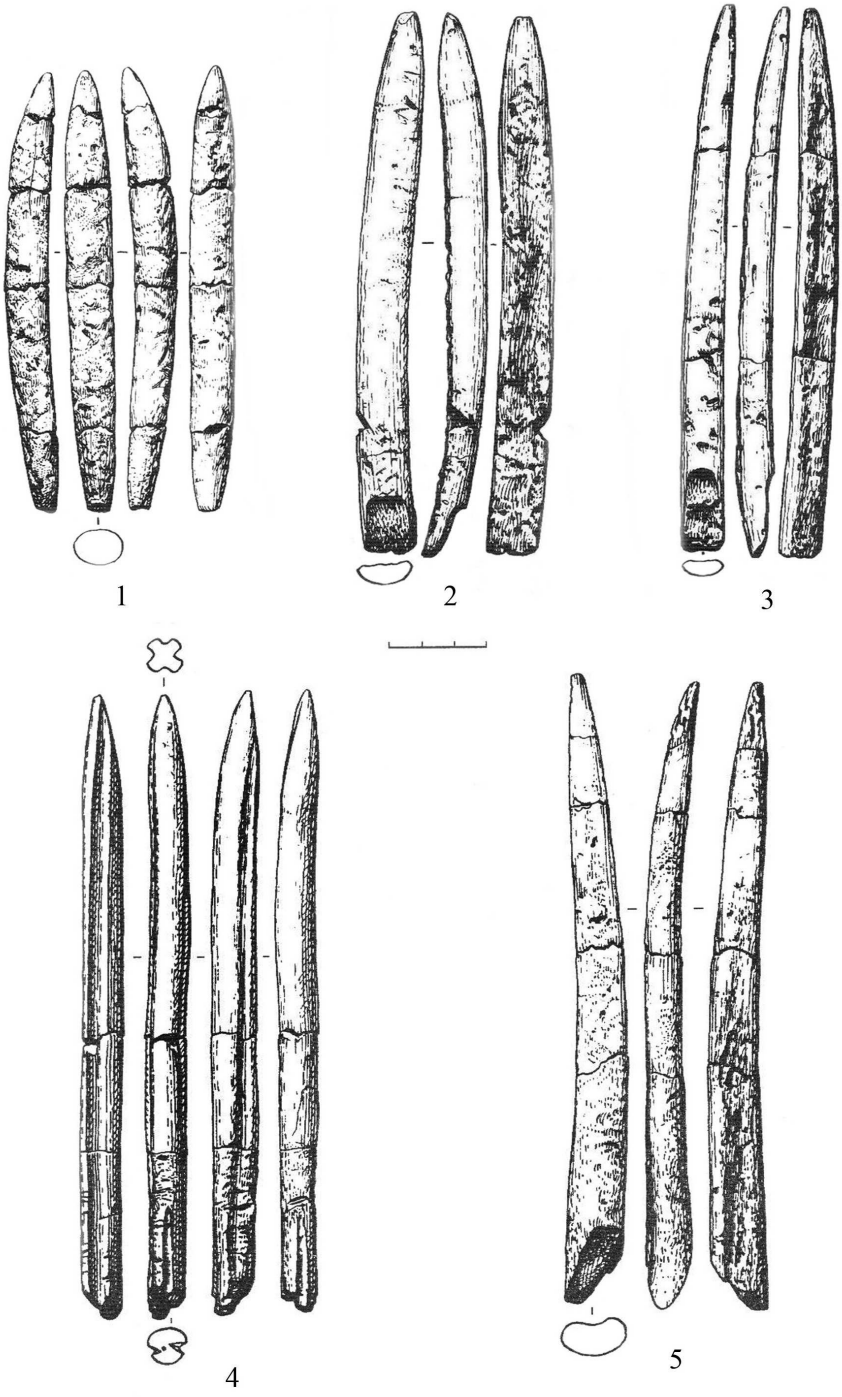

Рис. 2. Наконечники верхнепалеолитического поселения Анетовка II (по: Станко и др. 1989: рис. 36–38).

Производственный комплекс Анетовка II характеризуется наличием полного цикла расщепления кремня: от расколотых галек и нуклеусов до готовых орудий труда. Среди изделий со вторичной обработкой абсолютно преобладают микропластины и микроострия с притупленным краем. Вторая по численности группа изделий – резцы, среди которых преобладают ретушные (Піструїл 2005). Скребки – концевые, изготовлены преимущественно на пластинах, более чем в 10 раз уступают по численности резцам. Также в коллекции присутствуют острия на пластинах и отщепах, проколки, долотовидные изделия и др. (рис. 4).

Кроме этого, большой серией представлены изделия из кости и рога. По материалам поселения можно проследить также и полный цикл обработки кости и рога – от сырья до целых изделий. В коллекции присутствуют как практически полные штанги рогов северного оленя и трубчатые кости бизона, так и их обломки, из которых уже были вырезаны/выломаны пластины для дальнейшего производства орудий (рис. 1: 2). Все это позволило реконструировать основные приемы расщепления рога северного оленя (Ахметгалеева 2011: 20–21). Среди изделий из кости и рога присутствуют (преобладают) наконечники копий и/или дротиков (целые и обломки), костяные острия и лощила, украшения (просверленные зубы) и т.д. В последнее время, в том числе благодаря сплошной промывке культурного слоя поселения, на производственном участке была обнаружена серия новых изделий из кости и рога (Ахметгалеева, Главенчук 2012: 193–208). Но большинство изделий из кости и рога обнаружены в макроскоплении и были в свое время детально классифицированы и проанализированы автором исследований (Станко 1989: 68–72).

По внешним признакам коллекция наконечников памятника была разделена В.Н. Станко на несколько групп – «они не однотипны и отличаются размерами, формой и характером обработки» (Станко 1989: 69). В сечении они округлые и элипсовидные. По характеру оформления были выделены два типа наконечников: с пазами и без пазов; а по форме основы наконечника – три вида: кососрезанные, заостренные и с расщепленным основанием (Станко 1989: 70).

В колекции Анетовки II присутствует только один наконечник длиной 22,9 см (обломан, без базальной части) с четко прорезанными пазами (рис. 2: 4). В сечении он подокруглый и толщиной в средней части 1,1–1,3 см (Станко 1989: 70). Наконечник имеет четыре паза – два длинных противолежащих, которые прорезаны по всей длине наконечника, и два противолежащих коротких паза длиною 3 и 3,5 см – около слома. Ширина длинных пазов – 3–4 мм, а коротких – 2–2,5 мм. Края длинных пазов и их внутренняя поверхность заполированы по всей длине. Края коротких пазов более крутые, а их внутренняя часть практически не заполирована. По мнению В.Н. Станко, длинные пазы служили для оттока крови из раны животного (Станко 1989: 70). Что же касается коротких пазов, то трудно сейчас что-то предполагать без дополнительного детального анализа, но вполне вероятно, что они могли служить для закрепления микропластин (исходя из их размеров, прежде всего толщины) без ретуши, с ретушью и/или притупленным краем.

Другая группа наконечников, по В.Н. Станко, – с двумя заостренными концами (рис. 2.1). В коллекции присутствуют несколько целых экземпляров длиной 13–18 см при максимальной толщине 1,7-2,4 см. Они веретенообразной формы, округлые или слегка уплощенные в сечении (Станко 1989: 71).

Наибольшая по количеству группа наконечников в коллекции Анетовки II – с кососрезанной (или обломанной) базальной частью, длиной 14–22,8 см и шириной

1–1,6 см (рис. 2: 2,3,5). В сечении они овальные и/или овально-уплощенные (Станко 1989: 71). Острые концы этих наконечников зашлифованные и сильно заполированные. Корпус у большинства из них зашлифованный по внешней и по внутренней части роговой пластины (до губчатой массы), что дает в сечении уплощенный вид. На некоторых участках этих наконечников губчатая часть «выбрана» так, что появился неглубокий желобок. По мнению В.Н. Станко, невозможно объяснить время появления этих желобков – в ходе изготовления изделия или позже, что связано со степенью сохранности наконечников, но такая форма наконечников также не позволяла ему плотно закрывать рану, что вызывало сильный отток крови из раны животного (Станко 1989: 72).

Таким образом, без дополнительного исследования невозможно определить, когда и как появились эти желобки: случайно – в ходе изготовления изделия (причиной, например, могла служить недостаточная толщина роговой пластины), или это специально изготовленная выемка; или позже, и связано это с сохранностью наконечников. При этом, В.Н. Станко **не считал** (как указывали некоторые авторы (Сапожніков 2005: 11)), что пазы на наконечниках ряда памятников южнорусских степей служили для закрепления в них кремневых вкладышей, указывая на то, что они (пазы) неглубокие и широкие (Станко 1989: 81).

С.П. Смольянинова также разделила коллекцию наконечников Анетовки II на несколько разновидностей: без пазов (преобладают); с одним неглубоким пазом (несколько екземпляров); наконечник с четырьмя пазами (один) (Смольянинова 1990: 40).

Несколько позже, со ссылкой на вышеупомянутые работы, И.В. Сапожников и Г.В. Сапожникова по поводу наконечников стоянки Анетовка II тезисно отмечали: «большинство <...> являются наконечниками копий, часть которых имеют боковые пазы для вкладышей» (Сапожников, Сапожникова 2011: 70–71). Наличие боковых пазов для закрепления вкладышей – это новая точка зрения на наконечники поселения Анетовка II. К сожалению, данный тезис не был аргументирован и, скорее всего, подобный вывод был «навеян» работами Д. Ю. Нужного (Нужний 1992: 106; 2008: 125).

Эти предположения можно свести к двум точкам зрения на процесс изготовления наконечников метательного вооружения жителями поселения Анетовка II:

– овальная форма наконечников, некоторые уплощения их «тела» и выемки на них необходимы были для более эффективной охоты и не подразумевали дополнительного оснащения их «микролитическими вкладышами»;

– часть наконечников имеет боковые пазы, которые использовались для закрепления вкладышей.

Таким образом, исходя из приведенных интерпретаций формы наконечников поселения Анетовки II, необходимо ответить на несколько вопросов:

– сколько всё-таки на памятнике пазовых наконечников?

– с какой целью и как изготовлены (если они целенаправленно изготавливались) пазы?

– каким образом происходило, если оно вообще было, оснащение наконечников кремневыми вкладышами?

Как уже указывалось, в коллекции присутствует только один наконечник с четко прорезанными на противолежащих сторонах параллельними пазами. Целенаправленность вырезания пазов на нем – несомненна.

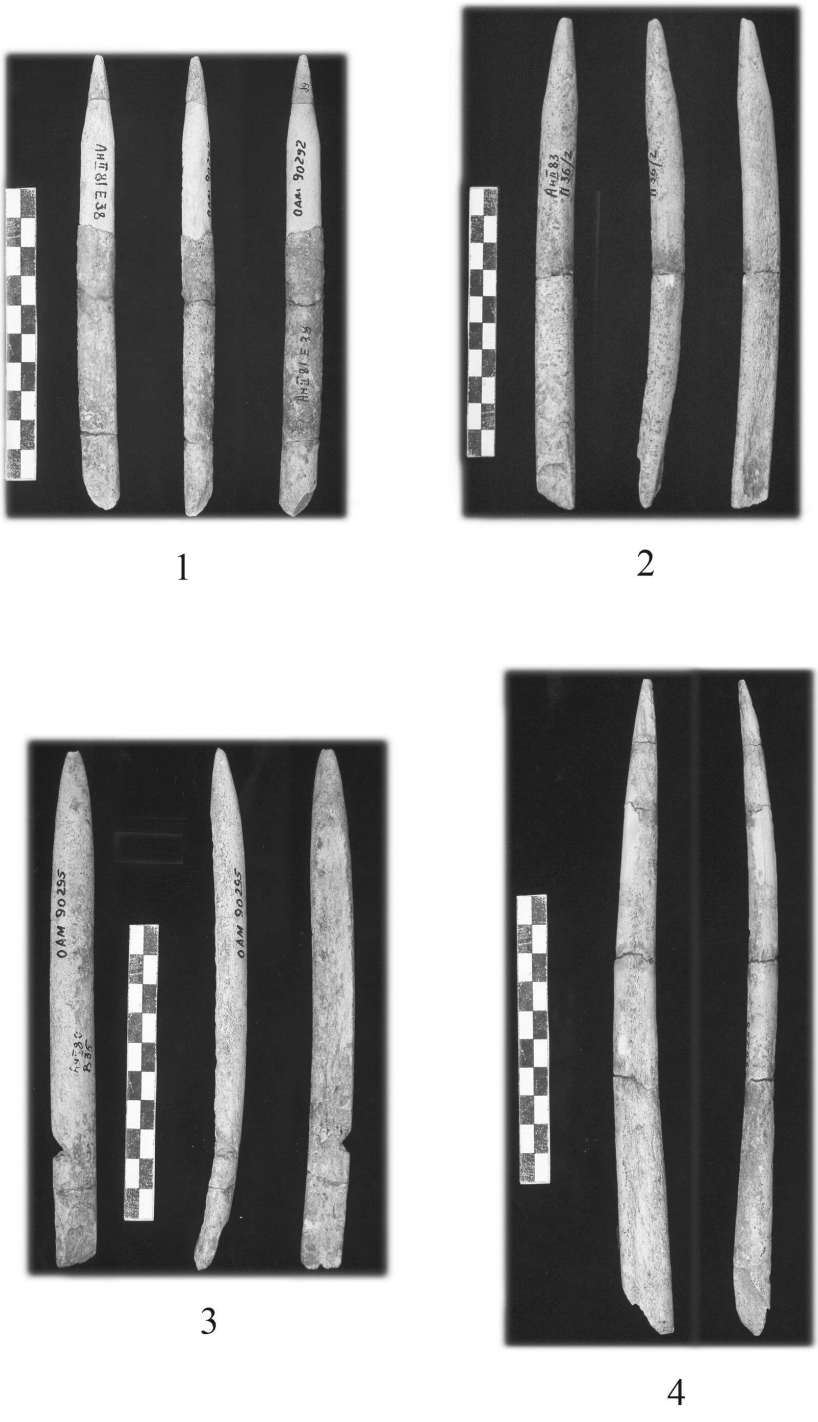

Рис. 3. Наконечники из верхнепалеолитического поселения Анетовка II (фото).

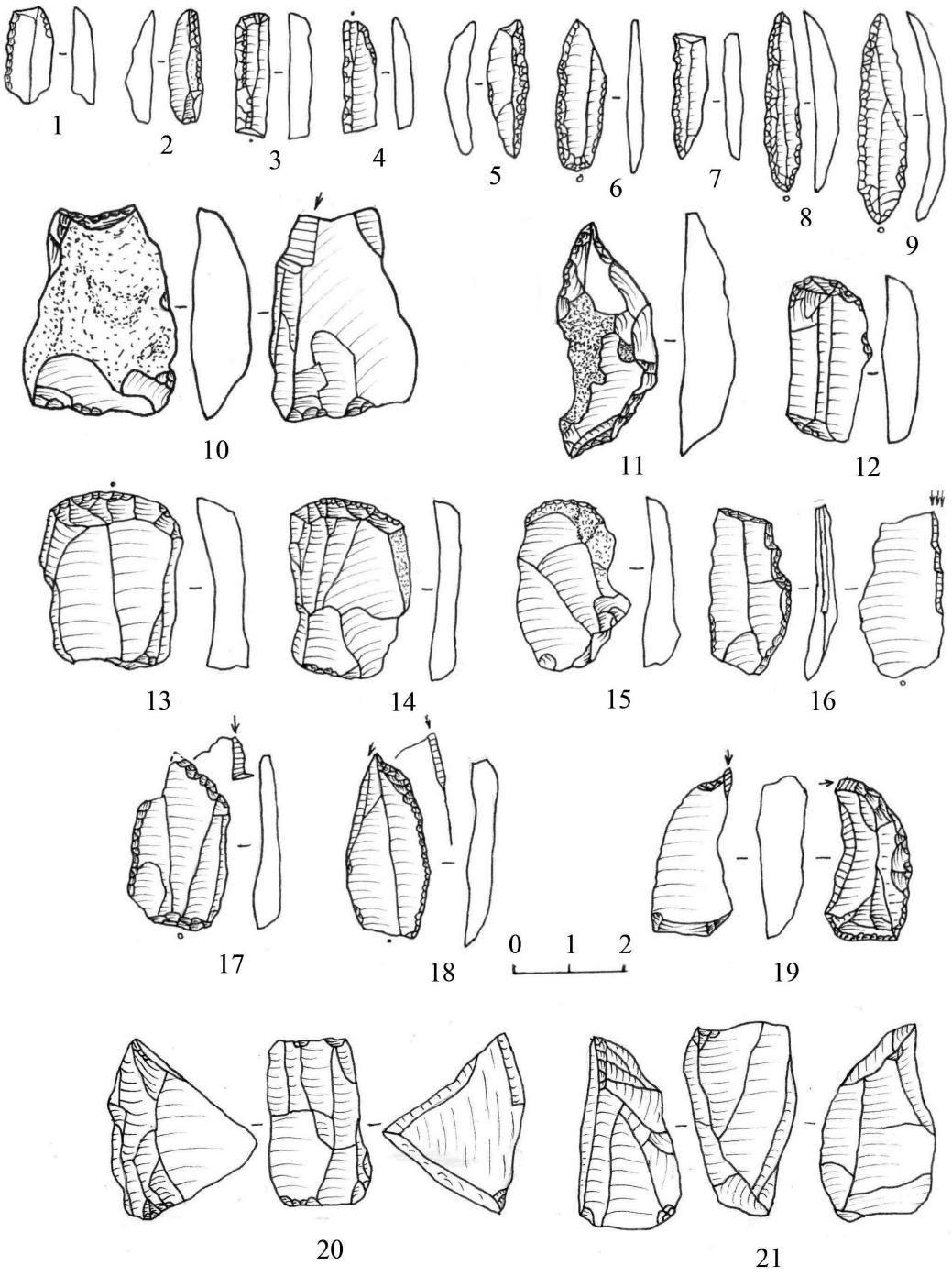

Рис. 4. Кремневый комплекс поселения Анетовка II.

Что касается других наконечников (по В.Н. Станко – с кососрезанной базальной частью), исследователи указывают на один неглубокий паз. Противоположная пазу поверхность орудия (а это внешняя сторона роговой пластины) зашлифована. Внешний осмотр наконечников показал, что желобок, или неглубокий паз, есть на большинстве орудий этого типа. Однако целенаправленность их изготовления вызывает большие сомнения. Во-первых, все эти «пазы» достаточно разные по размерам (не стандартизированы). Они имеют разную длину, ширину и глубину. Иногда ширина и глубина одного «паза» на разных его участках имеет разные параметры. Длина «пазов» также разная. Иногда они «идут» вдоль всего изделия, практически до самого острия (рис. 2: 2, 3; 3: 3), а у других «пазы» доходят до середины наконечника (рис. 2: 5; 3: 2). У третьих «пазы» присутствуют только у основания (рис. 3: 4). Присутствуют наконечники и без пазов (рис. 2: 1; 3: 1). Все это соотносится с уплощением тела наконечника и его диаметром. Если наконечники в сечении округлые – паз отсутствует; если тело наконечников в сечении, хотя бы частично, овальное, – чаще всего на наконечнике присутствует «паз». Интересные особенности прослеживаются и на обломках наконечников. В коллекции присутствует серия сильно уплощенных обломков (возможно, часть из них представляют собой целые экземпляры, отдельные из которых были переделаны из более крупных сломанных изделий) (рис. 5: 1–7). Так как толщина роговой штанги, из которой они были вырезаны, была незначительной, в сечении они имеют сильно уплощенную форму. Одна плоскость (внешняя поверхность штанги) и боковые края заполированы. Другая плоскость (внутренняя поверхность штанги) иногда практически полностью покрыта губчатой массой. Кроме этого, есть изделия с полностью заполированными поверхностями без следов губчатой массы. Но и в первом и во втором случае на наконечниках этого типа «пазы» отсутствуют. Все это свидетельствует о случайном образовании пазов на наконечниках. Во-вторых, «пазы нанесены» исключительно по внутренней поверхности роговой пластины, с которой они были вырезаны, а у некоторых края так сильно зашлифованы, что «пазы» имеют в сечении плавную полуовально-вогнутую форму. Подобные «пазы» и заполировка отмечены и у лощил из рога северного оленя. А их однозначно никто не прорезал. И чем крупнее изделие, тем шире «паз» (рис. 5: 7–8). Визуально только у одного наконечника и у нескольких обломков по губчатой массе отмечены единичные короткие линейные следы в середине паза, которые, **возможно**, свидетельствует о его целенаправленной или случайной дополнительной подработке. Но в данном случае речь идет именно о подработке (если таковая была), а не целенаправленном прорезывании пазов (Піструїл 2017: 138–139).

Исходя из всех перечисленных признаков, возможно с большой долей вероятности предположить, что «пазы» или продольные выемки целенаправленно не изготовлялись. Это – результат технологического решения изготовления наконечников. Иначе – это приспособление к разной (иногда недостаточной) толщине роговой штанги, которые использовались при изготовлении наконечников. Кроме этого, такая форма наконечников, как в свое время считал В.Н. Станко, не позволяла ему плотно закрывать рану раненого животного.

В ходе обработки кремневой коллекции поселения Анетовка II Д.Ю. Нужный выделил среди микролитов (микропластин и микроострий) с притупленным краем серию орудий с диагностичным макроизносом. По его мнению, диагностичный макроизнос «на миниатюрных черешковых частях острий с притупленным краем указы-

вает на их использование как наконечников стрел заостренного типа», а некоторые использовались в боковых лезвиях вкладышевых наконечников (Нужний 1992: 106; 2008: 125), при этом предполагая крепление микролитов как в широких и неглубоких пазах, так и непосредственно на поверхности наконечников при помощи смолы (Нужний 2008: 189, 195). Исходя из последнего тезиса, можно предположить, что на поселении Анетовка II крепление микролитов с притупленным краем производилось непосредственно на поверхность наконечников с кососрезанной базальной частью при помощи смолы. Судя по археологическим данным, при этом могли изготавливаться как однолезвийные (Нужний 2008: рис.58, 4), так и двулезвийные типы (рис. 6: 1). Этому способствовало и некоторое уплощение тела наконечника (в сечении имеет овальную форму), что давало возможность еще сильнее прикрепить (для этого, вероятно, все и делалось) именно микролиты с притупленным краем.

Непосредственно пазовое крепление микролитов из поселения Анетовка II, возможно, представлено единичным случаем (если, вообще, таковое было). Проблема заключается в том, что микролиты с притупленным краем закрепить в паз достаточно проблематично, так как при увеличении глубины уменьшается ширина паза, что препятствует адекватному креплению. Кроме этого, большинство микропластин с притупленным краем имеют искривленный профиль и разную толщину по длине заготовки (рис. 4: 1–9; Станко 1989: рис. 22–25), что также препятствует их закреплению в пазах. Для пазового крепления больше подходят микролиты с прямым профилем и краевой ретушью. Такого типа крепление микролитов зафиксировано на памятниках каменного века в Северо-Западном Причерноморье в более позднюю (мезолитическую) эпоху (рис. 6: 4). В этом случае на наконечнике вырезались более глубокие пазы с крутыми стенками, а в качестве вкладышей использовались ровные и стандартные сечения пластин с краевой ретушью (Станко 1982: 50–52), при помощи которых оформлялись два режущих лезвия. Кроме этого, параллельно с наконечниками с двумя пазами фиксируется присутствие наконечников с одним пазом, на которых формируется одна режущая кромка (рис. 6: 2, 3).

Таким образом, по имеющимся на настоящий момент материалам верхнепалеолитического поселения Анетовка II можно только предполагать разные варианты крепления микролитов на наконечники метательного вооружения.

Однозначно можно говорить о том, что в коллекции Анетовки II присутствует только один наконечник, на котором целенаправленно прорезаны пазы. Для каких целей они служили, сказать на данный момент сложно. На остальных наконечниках, исходя из всех перечисленных признаков, возможно с большой долей вероятности предположить, что «пазы» или продольные выемки целенаправленно не изготовлялись. Оснащение микролитами с притупленным краем, вероятно, происходило прямо на теле наконечника при помощи смолы. При этом могли изготавливаться как однолезвийные типы, так и наконечники с двумя лезвиями. Соответственно, говорить о «пазовом креплении» или «вкладышевой технике» оснащения наконечников микролитами на поселении Анетовка II, в настоящее время несколько некорректно.

Все эти предварительные выводы в дальнейшем требуют дополнительной доказательной базы, которую планируется получить с привлечением микротрасологических и экспериментальных исследований.

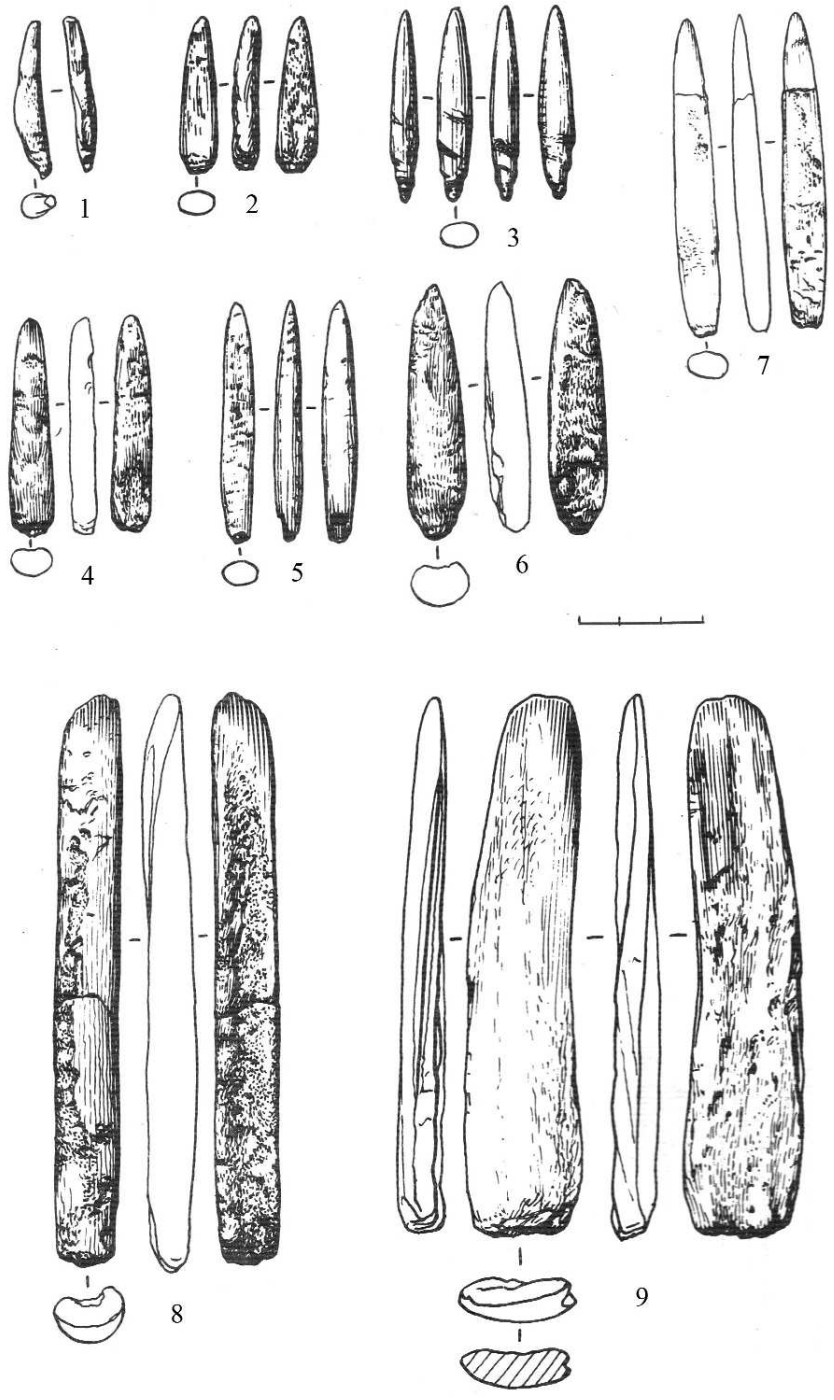

Рис. 5. Костяные изделия верхнепалеолитического поселения Анетовка II (по: Станко и др. 1989: рис. 40–41).

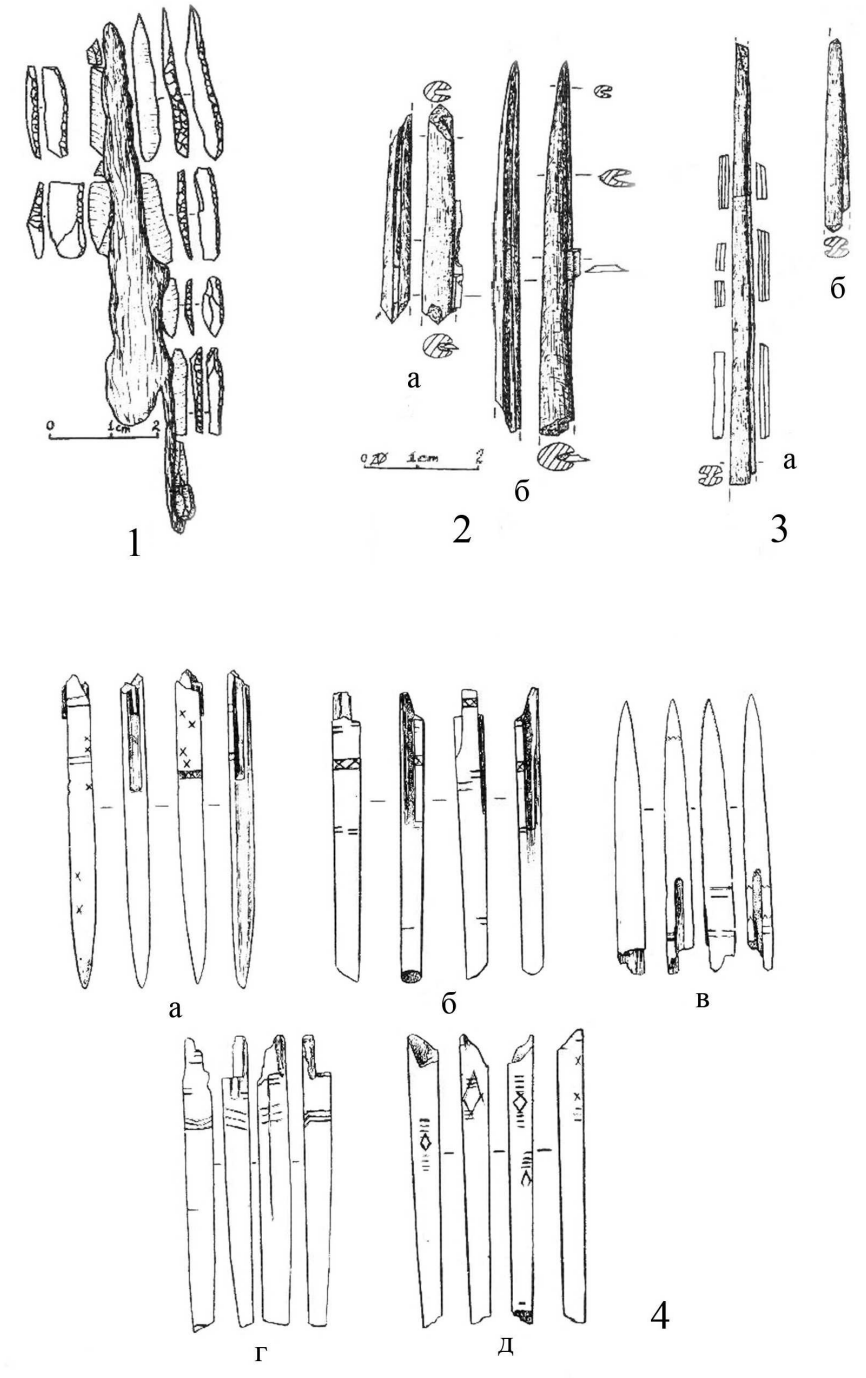

Рис. 6. Наконечники верхнепалеолитических и мезолитических памятников
(по: 1 – Нужний, 2008: рис. 38; 2–3 – Нужний, 2008: рис. 12; 4 – Станко, 1982: табл. 11).

Литература

Ахметгалеева Н.Б. 2011. Основные приемы расщепления рога северного оленя по материалам верхнепалеолитической стоянки Анетовка 2 в Степном Побужье // Труды III (XIX) Всероссийского съезда. Том I. Санкт-Петербург – Москва – Великий Новгород.

Ахметгалеева Н.Б., Главенчук А.В. 2012. Обработанная кость производственного участка верхнепалеолитической стоянки Анетовка II (раскопки 1992–2010 гг.) // SP. № 1. Кишинев.

Бибикова В.И., Старкин А.В. 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднепалеолитического поселения Анетовка II // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. К.

Главенчук А.В. 1997. Раскопки производственного участка на Анетовке II // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса.

Главенчук А.В. 2003–2004. Исследование производственного участка на позднепалеолитическом поселении Анетовка II. // SP. № 1. Кишинев.

Главенчук А.В., Киосак Д.В., Пиструил И.В. 2008. Исследования каменного века долины реки Бакшалы: некоторые итоги и перспективы // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Історичні науки. Вип. 83. Миколаїв.

Нужний Д.Ю. 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. К.

Нужний Д.Ю. 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. К.

Піструїл І.В. 2005. Різці на пам'ятках пізнього палеоліту Північно-Західного Причорномор'я. Автореф. дис. … канд. істор. наук. К.

Піструїл І.В. 2017. Наконечники метальної зброї у мисливців на стадних копитних верхньопалеолітичної стоянки Анетівка 2 // Кам'яна доба України. Вип. 17–18. К.

Сапожніков І.В. 2005. Пізній палеоліт степів південого заходу України: хронологія, періодизація і господарство. Автореф. дис. … докт. істор. наук. К.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья // SP. № 1. Кишинев.

Смольянинова С.П. 1990. Палеолит и мезолит степного Побужья. К.

Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. К.

Станко В.Н. 1993. К методике изучения микроструктур памятников палеолита // Древности причерноморских степей. К.

Станко В.Н. 1996. Охотники на бизона в позднем палеолите Украины // Археологический альманах. Вып 5. Донецк.

Станко В.Н. 1997. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (Южнобугская группа памятников) // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса.

Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. К.

Станко В.Н., Краснокутський Г.Є., Старкін А.В. 1992. Деякі особливості структури поселень пізнього палеоліту (за матеріалами Анетівки II) // Археологія південного заходу України. К.

Summary

Arrowheads of throwing weaponry of bison hunters of North-west Pontic region (archaeological collection of Upper Palaeolithic settlement of Anetovka II)

The paper presents the analysis of possible variants of flint bladelets attachment to arrowheads of throwing weaponry employed by Upper Palaeolithic herd animals hunters

of North-west Pontic region. Available archaeological material (numerous flint, bone and antler artifacts) is the result of over 30-year excavations of Upper Palaeolithic settlement of Anetovka II. Backed microblades and micropoints prevail among flint artifacts with secondary treatment and were used for throwing weaponry arrowheads equipment. Items of hunting weaponry (arrow-, dart- and spear-points) constitute the most numerous group among bone and antler artifacts. The artifact collection includes also one arrowhead with precisely slotted grooves. Research author (V.N. Stanko) considered these grooves to be cannelures for blood flow; according to opposite opinion (I.V. Sapozhnikov) grooves functioned for inserts attachment, and there must be more such grooved arrowheads in archaeological collection of Anetovka II. The undertaken analysis led to conclusion that purposefully slotted grooves had no function of microliths attachment, whereas backed microblades and micropoints were fixed directly to arrowhead surface by means of organic resin.

А.В. Главенчук

Культурный слой поселения Анетовка 2 на примере северо-восточного производственного участка

При раскопках археологических памятников разных периодов исследователи сталкиваются с целым рядом особенностей. Они наблюдаются при раскопках поселений, стойбищ, охотничьих лагерей, стоянок одного археологического периода, но находящихся в разных природных зонах (степные, лесостепные, пустынные, горные, пещерные и открытые памятники), на берегах различных водоемов, балок, на плато, на высоких или низких гипсометрических уровнях и т.п.

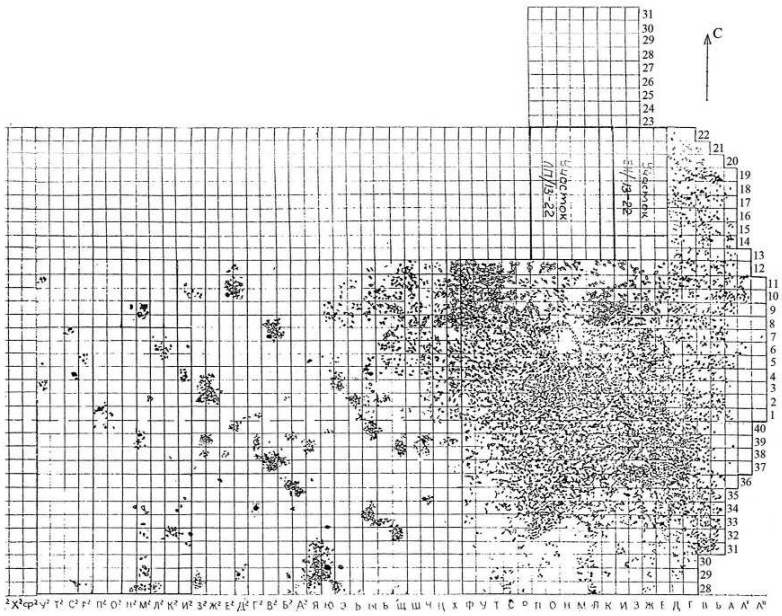
Культурный слой многих памятников степного палеолита залегает в так называемом «взвешенном» состоянии (мы наблюдаем шлейф находок, вертикально «взвешенный», часто достаточно мощный, до 1 м по вертикали). На такую особенность сохранности культурного слоя позднепалеолитических памятников степной зоны обратил внимание П.И. Борисковский ещё в 60-х гг. прошлого века (Борисковский 1964).

При раскопках такого слоя достаточно трудно увидеть древнюю дневную поверхность, на которой не всегда проявляются археологические объекты. На культурный слой памятника влияют различные природные процессы, в результате которых находки переотлагаются, размываются и перемещаются в горизонтальном направлении; таким образом, археологи имеют дело с культурными слоями памятников различной степени сохранности, переотложенными и залегающими in sity. В связи с этим, каждый новый археологический памятник требует индивидуального подхода и приспособления методики исследования к конкретным объектам.

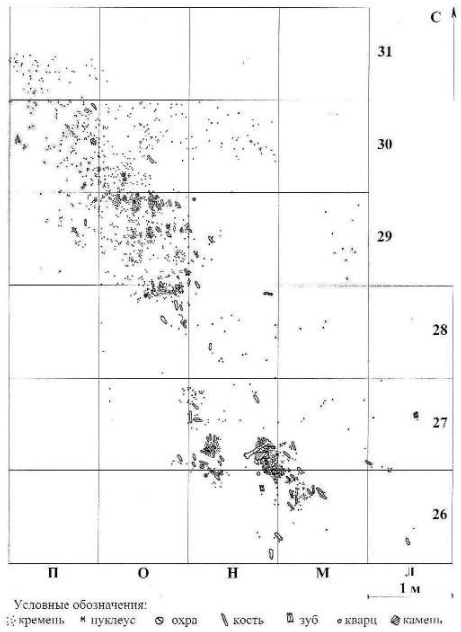
Для выделения различных археологических объектов, выявления их особенностей и различий между ними широко применяют планиграфический метод изучения культурного слоя, который является составной частью комплексного исследования археологического памятника. Наблюдение за микростратиграфией и литологией культурного слоя во время полевых исследований (расчистки и промывки культурного слоя), анализ данных в лабораторных условиях, вместе с всесторонним изучением найденных артефактов, результаты различных анализов и исследований, которые предоставляют естественные и точные науки, позволяют проследить нюансы и особенности культурного слоя, выделить различные археологические объекты, выявить инситные и переотложенные части раскопа, восстановить древнюю структуру памятника.

Позднепалеолитическое поселение охотников на бизона Анетовка 2 найдено и систематически исследуется с 1978 года Причерноморской экспедицией (в 1978–2007 гг. под руководством В.Н. Станко, в 2008–2017 гг. – И.В. Пиструила). Результаты исследований прошлых лет достаточно полно представлены в археологической литературе (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Станко 1993: 4–8; Станко 1996, 129–138; Станко 1997: 14–27; Бибикова, Старкин 1989: 127–131; Смольянинова 1990). Поселение расположено на мысе высокого правого берега реки Бакшалы, правого притока Южного Буга (площадка третьей надпойменной террасы, слегка покатая к реке), на юго-западной окраине села Анетовка Доманевского района Николаевской области.

За время раскопок было изучено около 2000 м^2 площади памятника (рис. 1.1), где найдено около 2 млн. кремневых изделий и примерно 0,5 млн. обломков костей

1

2

Рис. 1. Поселение Анетовка 2:
1 – общий план раскопанной площади поселения;
2 – распространение находок на участке ИП/23-31 (микрогоризонт 18).

животных (Станко 1996: 129–138). Среди фаунистических остатков преобладают (около 98%) кости бизона (Бибикова, Старкин 1989: 127–131). Возраст памятника определяется 18–19 тыс. лет, что соответствует максимуму последнего оледенения (Станко 1997: 14–27). Анетовка 2 интерпретируется как долговременное поселение, на котором круглогодично находились охотники на бизона, что подтверждается фаунистическим материалом (Бибикова, Старкин 1989: 127–131). Производственный комплекс Анетовки 2 свидетельствует о наличии полного цикла расщепления кремня от расколотых галек и нуклеусов до готовых орудий труда и демонстрирует яркие эпиграветтские черты.

На поселении Анетовка 2 находки кремня и обломков фауны обнаружены во всех микрогоризонтах голоценового и плейстоценового возраста. Вместе с тем на поселении сохранился достаточно мощный культурный слой (до 40 см), залегающий в слое делювиальных суглинков. Более того, культурные остатки поселения способствовали сохранению подстилающего их горизонта делювия, который нередко полностью размыт в местах отсутствия слоя (Станко, Григорьева, Швайко 1989: 13).

С 1992 по 2017 год основные работы велись на производственном участке **ЕП/13-22** (100 м^2), который находится на северо-восточной окраине поселения, и «прирезанном» к его северной бровке участке **ИП/23-31** (54 м^2) (Главенчук 1997: 76–86; Главенчук 2003–2004: 206–227; Главенчук 2004: 51–58; Главенчук 2005–2009: 225–242). Участок ЕП/13-22 является частью одного из трех, выделенных В.Н. Станко на Анетовке 2, структурно и функционально различных комплексов, а именно комплекса, который расположен к северу от макроскопления и состоит из микроскоплений преимущественно кремневых изделий (галек, осколков и обломков, нуклеусов, сколов, изделий с вторичной обработкой), а также каменных наковален, абразивов, отбойников (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Станко 1996: 131; Станко 1997: 25).

Для Анетовки 2, как и для многих степных памятников, характерно залегание находок в т.н. «взвешенном» культурном слое. «Взвешенный» культурный слой – слой, который с течением времени под действием природных факторов, после оставления памятника человеком, «взвесился» (был «растянут» в силу тех или иных причин по вертикали). Это происходит вследствие поднятия и опускания артефактов, на которые влияет рост растений, морозобойные трещины, жизнедеятельность мелких грызунов, насекомых и т.п. Работа с подобным слоем имеет свою специфику. На Анетовке 2 методика раскопок вырабатывалась и совершенствовалась начиная с первой ступени её исследования. С 1992 г. методика раскопок включает обязательную «сплошную» промывку культурного слоя. Подобная методика дала впечатляющие результаты и позволила выяснить многие нюансы и решить некоторые вопросы, которые без промывки не могли быть решены.

Участок ЕИ/13-22 (10 х 4 м) является восточной частью раскопа ЕП/13-22, находящегося на берегу восточной балки, впадающей в реку Бакшалу, на северо-восточной окраине поселения. Раскопки участка ЕИ/13-22 проводились с 1992 по 1999 г. На участке снят слой чернозема «А» и «Б» и 10 микрогоризонтов культурного слоя, сделана прокопка под культурным слоем. Расчистка культурного слоя проводилась ножами, горизонтальная фиксация находок велась по квадратам (1 х 1 м), по условным микрогоризонтам снятия глубиной 5–7 см, с нанесением находок на план, с поквадратной промывкой грунта культурного слоя. Анализ слоя участка показал, что разные микрогоризонты снятия культурного слоя представляют различную литологию и стратиграфию отложений. Культурный слой участка ЕИ/13-22, как и культур-

ный слой всего поселения Анетовка 2, залегает в делювиальных суглинках светло-коричневого цвета (иногда цвет суглинков – желтоватый или рыжеватый).

Микрогоризонт 0 является переходным между черноземом «Б» и непосредственно культурным слоем (слой черных или серых суглинков, перемешанных с желтоватыми суглинками нижних микрогоризонтов). При высыхании на солнце слой становится очень плотным. Стратиграфически это уровень перемешанного слоя, куда осуществлялся намыв ливневыми потоками археологического материала с более высокой, южной части поселения. Верхний уровень культурного слоя (микрогоризонт 1) литологически представляет собой светло-коричневые суглинки с пятнистыми вкраплениями светло-серых суглинков. Окрашенность слоя площади раскопа неоднородна. Слой сильно «изрезан» кротовинами более позднего происхождения.

Слой со 2-го по 8-й микрогоризонт снятия включительно представлен лессовидными суглинками светло-коричневого (местами рыжеватого) цвета, кроме северной части участка. С 20-х квадратов участка слой стратиграфически представлен лессовидными суглинками, смешанными с черноземом «Б». Ближе к 22 квадратам слой почти полностью состоит из чернозема. Интересно, что почва 4 микрогоризонта снятия представляет собой светло-коричневый суглинок, в северной части участка (линии ЖЗ/21-22) смешанный с каолином (не в виде пятен), который в этом месте имеет неестественное происхождение (суглинок участка не содержит каолина), из-за чего грунт в этой части раскопа имеет беловатый оттенок (возможно, каолин попал на этот участок в результате смыва с более высоких уровней поселения, где находится каолиновое пятно искусственного происхождения, зафиксированное геологом В.Ф. Петрунем).

На уровне 4 микрогоризонта в южной части участка ЕИ/13-22, на квадратах ЖЗ/13-16 наблюдалось уплотнение слоя крошкой крупнозернистого матового кварцита, то есть суглинок здесь смешан с крошками кварцита. Ни в 3, ни в 5 микрогоризонтах ничего подобного зафиксировано не было. Возможны несколько вариантов объяснения происхождения этого явления: подготовка рабочей площадки с целью предотвращения её размытия в непогоду («цементирования»); кратковременная, но интенсивная обработка крупнозернистого кварцита, огромное количество отходов от которого было втоптано в слой поселения, или использование для расщепления и обработки кремня отбойников или ретушеров из крупнозернистого кварцита, который легко разрушался.

В 5, 6 и 7 микрогоризонтах очень большой процент находок, полученных промывкой. Это связано с тем, что культурный слой Анетовки 2 находится во «взвешенном» состоянии и мельчайшие частицы кремня, которые легче всего проседают вниз (по вертикали), как раз и составляют находки из промывки (чешуйки, микрочешуйки, микроосколки, резцовые сколы, мелкие обломки орудий). Это вертикальное переотложение культурного слоя (мельчайших частиц кремня, которые легче всего проседают вниз) произошло ещё в процессе жизнедеятельности палеолитических жителей Анетовки 2. Таким образом, культурный слой уплотнялся и не разрушался природными факторами после того, как жители покинули поселение.

В 9-м микрогоризонте снятия на Е-И/13 – отложения светло-зеленого цвета, смешанные с лессовидными суглинками светло-коричневого (местами рыжеватого) цвета. Ближе к 17–18 линии эти отложения постепенно переходят в лессовидный суглинок светло-коричневого цвета. По 19 линии лессовидный суглинок светло-ко-

ричневого цвета переходит в чернозем «Б» (сероватые и черные суглинки), что связано с древней промоиной, выявленной во время прокопки под культурным слоем. По линии 20–21 квадратов удалось проследить переход от чернозема «Б» к делювиальным суглинкам светло-коричневого цвета с четкой, «заизвесткованной» линией перехода.

На квадрате З-14/9 отмечено заполнение кротовин золой, что, вероятно, указывает на существование здесь в древности очага; позже, из-за мягкости слоя, в этом месте прошли землеройные животные, которые втянули золу глубже первоначального ее нахождения. Косвенно существование очага подтверждается большим количеством в этой части участка во всех микрогоризонтах снятия «угольков» (обугленной кости), обожженной охры и обожженного кремня в скоплениях.

Планиграфически скопления кремня в 0 и 1 микрогоризонтах снятия слоя не наблюдаются. Со 2-го по 9-й микрогоризонт включительно зафиксированы скопления кремня и фауны, различных размеров и мощности (Главенчук 2005–2009: 225–242). Большинство скоплений представляет собой концентрацию кремня вместе с мелкой костью. Но некоторые скопления состоят либо из кремня, либо из остеологических остатков. Часто в них кремневые изделия находятся вместе с наковальнями, отбойниками и ретушерами.

В результате прокопки (на глубину 30 см) под культурным слоем выяснено, что сильная концентрация материала на квадратах Ж/20, Ж/21 и З/21 9-го микрогоризонта связана с древней промоиной. Большая часть археологического материала при прокопке собрана в промоине. По линии 20–21-х квадратов наблюдался переход от чернозема «Б» (представляющего собой черные и темно-серые суглинки) к делювиальным суглинкам светло-коричневого цвета. Граница между черноземом «Б» и светло-коричневым делювием – четкая, верхний слой делювия покрыт известковым налетом («заизвесткованный») и имеет белый цвет.

Участок КП/13-22 (10 х 6 м) является западной частью раскопа ЕП/13-22. Раскопки участка КП/13-22 проводились с 1992 по 2005 гг. Участок изучался с помощью такой же методики, как и ЕИ/13-22.

Участок КП/13-22 более насыщен находками и представляет большее количество скоплений кремня и кости различных размеров, мощности и происхождения. Многие из скоплений – достаточно мощные и артефакты в них плотно прилегают друг к другу (рис. 2; рис. 3.1). Удалось проследить общую закономерность: практически в 90% случаев в скоплениях имеются куски охры, во многих – куски каолина или мергеля. На участке очень много мелких кусочков охры, много охристых пятен, кое-где каолиновые пятна. Среди находок появились украшения (которых не было на ЕИ/13-22).

Под мощными, плотно прижатыми друг к другу находками (разноразмерными и не связанными с кротовинными «брекчиями»), как правило, наблюдается наличие светло-палевой суглинистой прослойки (особенно под крупными костями и массивными плоскими камнями, лежащими на поверхности горизонтально, плотно прижатыми и с толстым известковым налетом на «подошве»). Лессовидный суглинок светло-коричневого цвета на этом участке – довольно мощный (до 40 см) и перекрыт тонкой прослойкой светло-серых суглинков, которые переходят в серые суглинки чернозема Б.

Литология 0 и 1 микрогоризонтов снятия участка КП/13-22 такая же, как и на соседнем ЕИ/13-22. Начиная со 2 микрогоризонта снятия находки залегают в светло-коричневых делювиальных суглинках, которые иногда разрушены ходами землерой-

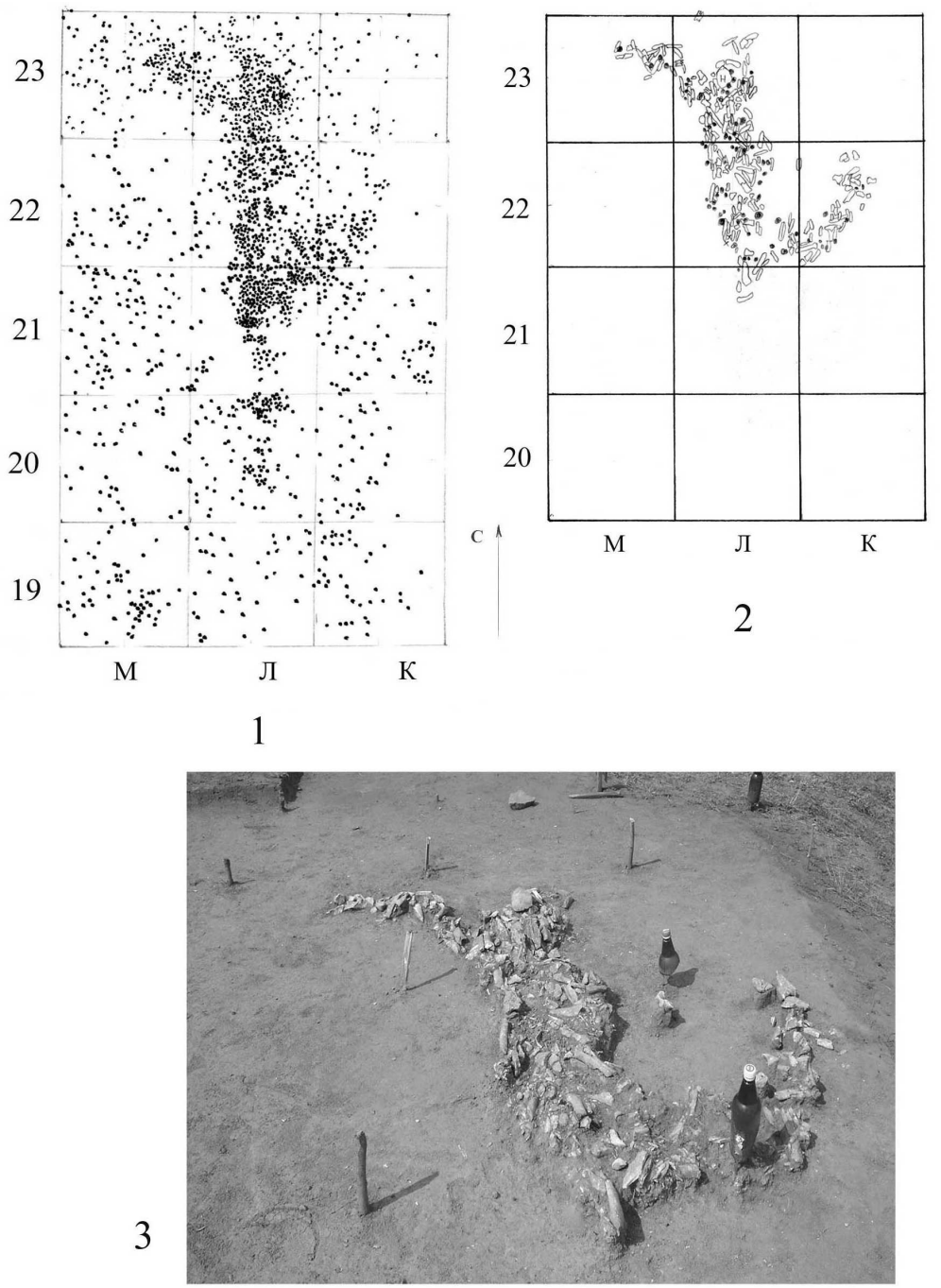

Рис. 2. Поселение Анетовка 2. Пример залегания археологических находок (скопление на квадратах КМ/19-23): 1 – характер залегания кремневых находок; 2 – характер залегания фаунистических находок; 3 – фото скопления археологического материала.

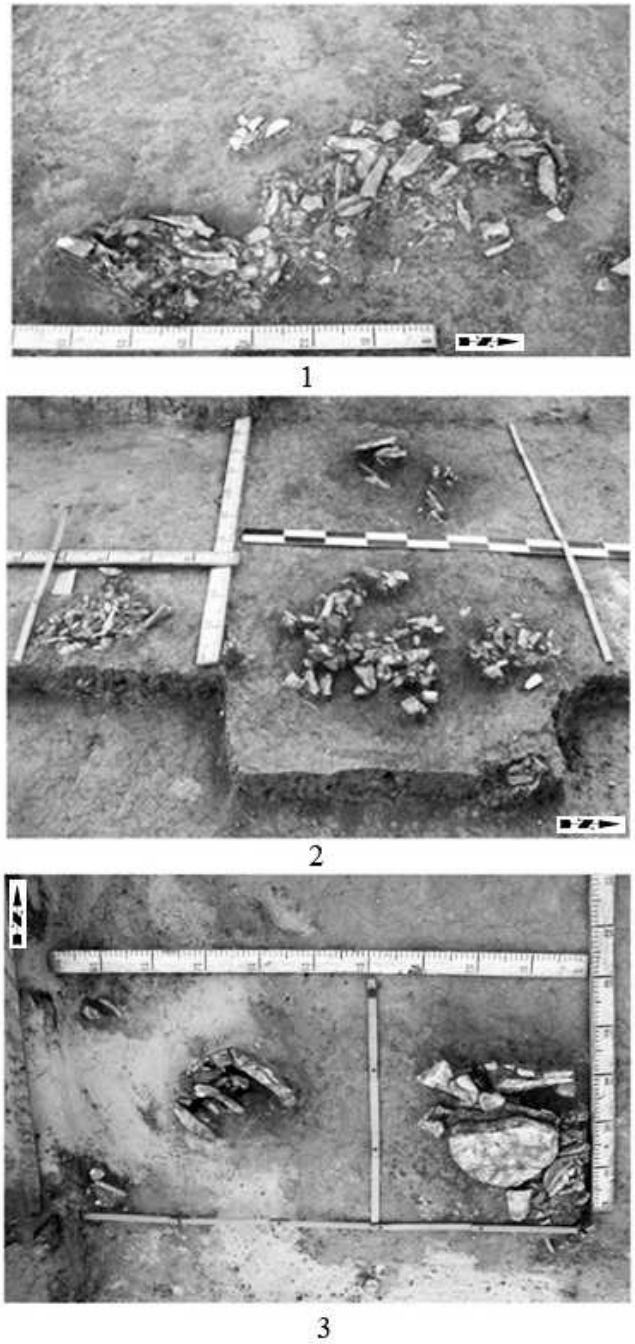

Рис. 3. Поселение Анетовка 2:
1, 2, 3 – Фото древних рабочих мест-скоплений археологического материала на северо-восточном производственном участке Анетовки 2

ных животных. Так называемые кротовины на участке разные: как плейстоценовые (заполненные суглинком и «заизвесткованные», иногда заполненные древним песком, который был поднят землероями с довольно большой глубины), так и голоценовые, заполненные современным черноземом. В разных микрогоризонтах снятия культурного слоя участка КП/13-22 выявлено не менее 20 скоплений кремня и костей, в большинстве скоплений находятся наковальни (часто несколько), отбойники и ретушеры. Культурный слой 4, 5, 6 микрогоризонта залегает в желтоватых суглинках.

На квадрате Л 18/5 обнаружены два зольных пятна: первое округлой формы, диаметром около 15 см, второе вытянутой формы, ориентированное по линии восток-запад, размером 25х10 см. При расчистке 7 и 8 микрогоризонта были также найдены несколько размытых зольных пятен (при зачистке чувствовался сильный запах золы): на квадратах Л 19/7 (суглинок с золой, пережженный кварцит), Л 18/7, Л 17/8 (два), Л 15/7 (три), К 15/8, Л 21/8 (два).

На квадратах Л 15/8, Л 16/8, М 16/8 зафиксирован древний холмик (неровный рельеф), здесь 8 микрогоризонт – дно культурного слоя. 9 микрогоризонт демонстрирует окончание культурного слоя.

Участок ИП/23-31 с севера граничит с древней балкой, которая «впадает» в р. Бакшалу. Находится он на северо-восточной окраине поселения Анетовка 2 и прилегает непосредственно к производственным микрокомплексам, исследованным на участке ЕП/13-22 в 1992–2006 годах. После снятия 9-го микрогоризонта культурного слоя участка ЕИ/13-22 в 1999 г., во время прокопки под культурным слоем (на глубину 30 см) обнаружили, что сильная концентрация материала на крайних квадратах 9-го микрогоризонта (ЗИ/20-22) связана с древней промоиной (обнаруженной в результате прокопки).

Начиная с квадрата З/20 промоина «простиралась» на северо-запад, в северный борт раскопа. Так как несколько скоплений участка ЕП/13-22 продолжались в северный борт раскопа, к северной бровке был «прирезан» участок ИП/23-27, который также расчищался по микрогоризонтам, поквадратно, с промывкой грунта. Необходимо отметить, что «прирезанным» квадратам, во избежание путаницы, присваивался номер микрогоризонта, который соответствовал номеру микрогоризонта предыдущего квадрата, на котором раскопаны «продолжающиеся» скопления (если скопление, «уходящее» в борт раскопа, ниже по склону, обозначено, например, Л 22/4, то «прирезанному» новому квадрату Л-23, который появился в 4 микрогоризонте, присвоен номер м/г не 1, а 4 и т.п.

После изучения культурного слоя площадь раскопа на общем участке (КП/13-27) была прокопана (до 30 см). Во время этих работ выяснилось, что древняя промоина, обнаруженная в 1999 г., продолжается ниже прокопанного участка. Чтобы предотвратить возможное уничтожение древней промоины с археологическим материалом, в 2008 г. было принято решение продолжить изучение участка ИП/23-27, площадью 35 м^2. Расчистка проводилась по условным микрогоризонтам снятия, мощностью 5–7 см, грунт всех квадратов просевался через сито грохот с диаметром ячейки 0,4 см, после чего просев тщательно перебирался. Позже, при продолжении исследования участка была сделана прирезка на ИП/28-31. В связи с сильной концентрацией материала была проведена промывка насыщенных находками квадратов.

По раскопанному участку материал концентрировался неравномерно, в основном по линии юго-восток-северо-запад, шириной от 70 см до 2,5 м (что связано с

древней промоиной, которая находится на этом участке). Квадраты вне промоины дали небольшое количество археологического материала. На уровне 31–32 линии квадратов ОП, с северной стороны участка, произошло «падение» слоя в древнюю балку, на берегу которой расположен участок. С западной стороны скопления, исследованные на участке ЕП/23-31, «уходят» в стенку соседнего участка РЩ/23-31. По предварительным данным, материал промоины связан со скоплениями, расположенными на производственном участке КП/13-27. На участке КП/23-30 (рис. 1.2, 3.2, 3.3) есть достаточно мощные скопления находок, которые очень похожи на скопления с участка ЕП/13-22.

На участке ИП/23-31, на разных квадратах мы наблюдаем различную литологическую ситуацию. Мощность желтоватых суглинков, в которых залегает культурный слой памятника Анетовка 2 в разных местах различная – это связано со склоновыми смывами в древности и различной мощностью накопления литологических пачек.

В результате раскопок участка выяснилось, что древний третичный песок залегает сразу под суглинками с культурным слоем на всей северо-западной части участка и обнажается в результате раскопок. Мощность древнего песка в разрезе очень большая, песок – «чистый», однородный (без включения в отложениях ракушек), белого и жёлтого цветов. На окраине участка ИП/23-31 и рядом с участком, в балке, обнаружены природные залежи (прослойки) охры вишневого и жёлто-рыжего цвета в земляной форме (готовая краска красных и охристых цветов, которая могла использоваться жителями поселения без дополнительной обработки).

Авторы монографии об Анетовке 2 подчеркивали: многолетними наблюдениями установлено, что скопления костей концентрировали археологический материал, а также являлись своеобразным щитом, защищавшим культурный слой от разрушения. Наличие больших и малых скоплений фауны спасло поселение от полного разрушения, как это имело место на многих памятниках степной полосы (Станко, Григорьева, Швайко 1989: 15). На поселении было раскопано довольно много микроскоплений костей. Часто вместе с ними были найдены большие камни, служившие «наковальнями» для раздела туш бизонов, у которых лежали в анатомическом порядке части скелета, которые мало подходили для употребления в пищу (Станко, Григорьева, Швайко 1989: 15).

Необходимо отметить, что кроме больших камней способствовало сохранению культурного слоя также и плотное залегание находок в скоплениях с переслаиванием между собой сколов (больших и маленьких, сверху на наковальнях и костях, между ними и под большими находками – например, чешуйки и микрочешуйки, которые уплотняют скопления и служат барьером для размыва культурного слоя. Даже если больших костей мало, но они залегают в слое вместе с очень плотно прислоненными друг к другу камнями (в том числе кремнями), это также становится барьером для размыва суглинка. Исходя из анализа сохранности культурного слоя на периферии поселения, мы можем смело предположить, что на окраине мыса захоронения находок («погружение» в суглинок) происходило гораздо быстрее, чем выше по склону.

Это связано с тем, что с более высоких уровней поселения сносился суглинок (водой и ветром) и создавал над скоплениями первобытных вещей достаточно мощное покрытие. Можно считать, что основная «заизвесткованность» кремня и фауны, а также других пород камня произошла уже после захоронения материала. Многие находки в нижней части (на «подошве» вещи), прилегающей к суглинку, часто

имеют очень плотный карбонатный натек, уже окаменевший и не поддающийся полному растворению кислотами. Благодаря частичной «заизвесткованности» мягких пород камня (таких как куски охры и каолина, мягкий песчаник), до сегодняшнего дня хорошо сохранились не растертые в древности в порошок мелкие кусочки охры, а также изделия из них (бусины, подвески), предметы мобильного искусства.

Промоина, связанная с участком ИП/23-31, вероятно, существенно древнее поселения, она образовалась до попадания в нее материала, связанного с жизнедеятельностью древних жителей, а не в процессе его возможного перемещения. Насыщенность археологическим материалом и его состав (группы изделий, размер сколов, их соотношение), наличие наковален, отбойников, ретушеров, изделий из других пород камня (в том числе охры, каолина, горного хрусталя и т.д.), украшений позволяет предположить, что такой набор артефактов, характерных для скоплений, расположенных выше, на участке ЛП/13-22 не природного происхождения, а антропогенного. Во время существования поселения древние жители первобытной стоянки могли располагаться также и в лощине-промоине, где были частично защищены от ветра.

Структура поселения оказалась несколько сложнее, чем предполагалось ранее: на «окраине» поселения и за «границами» жилой территории оказались мощные скопления кремня и фауны, в культурном слое сохранились различные пятна (охристые, каолиновые, зольные), найдены украшения и изделия мобильного искусства. В связи с этим нужно более внимательно подойти к изучению еще не раскопанных участков окраины мыса, который простирается дальше на запад.

С учетом «взвешенности» изученного культурного слоя, мощность его составляет 40–50 см. Необходимо указать, что на культурный слой Анетовки 2 влияли различные природные факторы (это обычное дело для открытых степных памятников палеолита), как: жизнедеятельность землеройных животных, рост растений и атмосферные факторы (дожди, снега, морозы). Культурный слой памятника формировался и разрушался не одномоментно, в условиях разных сезонов. Различные объекты культурного слоя могут иметь неодинаковую сохранность. Но можно утверждать, что хотя культурный слой северо-восточных участков Анетовки 2 является частично нарушенным, но большая его часть залегает in sity.

Литература

Бибикова В.И., Старкин А.В. 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднепалеолитического поселения Анетовка 2 // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. К.

Борисковский П.И. 1964. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области // Доклады на международной конференции антропологических и этнографических наук.

Главенчук А.В. 1997. Раскопки производственного участка на Анетовке 2 // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса:

Главенчук А.В. 2002. Раскопки производственного участка на поселении Анетовка 2 // Археологія та етнологія Східної Європи. Одесса.

Главенчук А.В. 2003–2004. Исследование производственного участка на позднепалеолитическом поселении Анетовка 2 // Stratum plus. № 1. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест.

Главенчук А.В. 2004. Производственный участок на позднепалеолитическом поселении Анетовка 2 // Археологические записки. Вып. 3. Ростов-на-Дону.

Главенчук А.В. 2005–2009. Планиграфия находок и микростратиграфия культурного слоя участка ЕИ/13-22 на поселении Анетовка 2 // Stratum plus. № 1. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест.

Главенчук А.В. 2011. Культурний шар поселення Анетівка 2 (за результатами дослідження північно-східної ділянки) // Кам'яна доба України. Вип. 14. К.

Смольянинова С.П. 1990. Палеолит и мезолит Степного Побужья. К.

Станко В.Н. 1993. К методике изучения микроструктур памятников палеолита // Древности причерноморских степей. К.

Станко В.Н. 1996. Охотники на бизона в позднем палеолите Украины // Археологический альманах. № 5. Донецк.

Станко В.Н. 1997. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (Южнобугская группа памятников) // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса.

Станко В.Н. Анетовка 2 1999. Позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье // Stratum plus. № 1. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест.

Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. К.

Summary

Archaeological material is present at the site in all lithological levels of Late Pleistocene and Holocene age, the main part of cultural layer (40 50 cm thick) and is located in yellow deluvial loamy soil in vertically suspended condition. Archaeological objects of Anetovka 2 experienced the impact of various natural factors such as atmospheric precipitation, weathering, plant growing processes, animal activity, that led to partial ruining and horizontal dislocation of cultural layer, though the main part of it is located in situ. Archaeological objects of large size such as big stones, faunal remains etc. formed significant assemblages that mark places of stone / bone tools production, animal carcasses procession and ritual activity. These objects experienced the least displacement and their location indicates the ancient site surface.

С.В. Паламарчук

Петровская Балка – памятник заключительного этапа каменного века*

Поселение (стоянка) конца каменного века Петровская Балка, расположенное в верховьях эпонимной балки на южной окраине г. Симферополя, открыто в 1985 г. В 1985, 1986, 1990 и 1991 гг. на нем автором были произведены раскопки и получен значительный материал, однако, по ряду причин личного характера, публикация его тогда не состоялась. Тем не менее сохранившиеся архивные материалы: отчеты[1], описи, фотографии, чертежи, таблицы рисунков многих предметов коллекции и пр., ныне позволили вновь обратиться к этому памятнику с целью его первичной публикации.

Необходимость подобного труда вызвана также тем, что информация о памятнике, появившаяся в печати в последующее после открытия время, фрагментарна, и не дает разностороннего представления помимо анализа либо кремневого инвентаря, либо керамики. Петровская Балка даже введена в научный оборот и упоминается в ряде работ (Cohen 1996; Cohen, Otte 1996; Yanevich 1998: 148 карта; Телегин и др. 2001; Яневич 2004). Фактически же – отчасти, потому что статьи В.М. Коэна, опубликованные на английском языке в бельгийском журнале Prehistoire Europeenne, малодоступны, а упоминания отдельных реалий памятника в других работах искажают его картину (Телегин и др. 2001). Основная проблема состоит в отсутствии комплексного описания многогранного материала раскопок и, как следствие, возможности более полноценного его восприятия и трактовки.

Из истории исследования. Работы на памятнике начались в ближайшие дни сразу же по обнаружению 16 марта 1985 г. культурного слоя на дне котлована, так как существовала опасность его уничтожения. Полученный археологический материал вызвал большой интерес у специалистов – С.Н. Бибикова и В.Н. Станко, с которыми завязалась активная переписка по ходу раскопок. В.Н. Станко посетил памятник и посмотрел первоначальную коллекцию находок, а затем командировал для ознакомления своего сотрудника В.М. Коэна. Пониманию памятника во много способствовали консультации С.Н. Бибикова 1985–1986 гг., о чем свидетельствуют сохранившиеся письма. В.И. Бибикова взяла на себя труд определения фаунистического материала из раскопок 1985 г. и составила его опись. Посетивший экспедицию летом 1986 г. Л.Л. Зализняк передал собранные образцы раковин и костей в киевскую радиоуглеродную лабораторию Института геохимии АН УССР.

Полевые работы на памятнике Петровская Балка были проведены в два этапа: основная площадь памятника исследована в 1985–1986 гг. и в результате получены подтверждающие документальные материалы и солидная коллекция находок. Работы 1990–1991 гг., главным образом, на участках с остатками верхнего слоя, дали

**** Приношу слова благодарности Г.А. Станицыной за помощь в поиске и работе с отчетами в Научном архиве ИА АН Украины, Н.Б. Бурдо и М.Ю. Видейко – за дружескую поддержку. Особую благодарность выражаю профессору Марселю Отту (Université de Liège), приславшему необходимый номер журнала Prehistoire Europeenne.***

[1] Разделы в отчетах Симферопольской экспедиции 1985, 1986, 1990 и 1991 гг. (Научный архив ИА АНУ) подготовлены автором под фамилией Гумашьян.

дополнительный материал из небольших сохранившихся участков нижнего слоя. Раскопки проводились неолитическим отрядом в составе Симферопольской экспедиции, и все полевые материалы, документы, чертежи и коллекция, были сданы на хранение в крымский филиал ИА АН УССР. Отчеты по памятнику в филиале сохранились частично: утрачены многие иллюстрации и страницы текста, а также часть полевой документации. Отчеты, сданные в научный архив Института археологии в Киеве, сохранились гораздо лучше, отсутствуют лишь отдельные иллюстрации. Судьба коллекции до конца еще не выяснена: по словам симферопольских сотрудников, в середине 90-х, во время ремонта здания, она была перевезена на археологическую базу в Алуште, некая часть находок попала в Киев. Поиски коллекции автором в 2013 г. успехом не увенчались, как и новая попытка 2018 г., поскольку множество археологических коллекций в Алуште тесно и хаотично сложены в неприспособленном открытом помещении, без каких-либо описей и указателей, где находятся свыше двух десятилетий.

Общие сведения. Поселение открытого типа расположено в тальвеге и на правом береговом склоне балки на дне котлована, в 600 м к Ю от крайних домов ул. Петровская Балка и в 60 м к северу от действующего (в те годы) родника. Собственно, благодаря котловану, существующему с начала 80-х гг., его открытие и стало возможным в отличие от ранее известного в этом месте поселения эпохи бронзы, керамика которого встречалась на поверхности[2].

Многочисленные кремневые изделия и дебитаж, мелкие фрагменты костей животных и лепной керамики обнаружены по всей поверхности дна котлована (70х50 м, глубиной 1,5–2 м); наиболее насыщена находками центральная часть, где сохранился участок культурного слоя. В северной части котлована слой нарушен экскаватором, местами выступала вода, тем не менее на поверхности были видны насыщенные скопления керамики, костей, угольков, комков обожженной глины и пр. В южной части выборка грунта полностью разрушила погребенную почву, а за его пределами раскопки не проводились. Место раскопа, прилегающее к охранной зоне военного кладбища 1853 г., в настоящее время сохранилось (Табл. 1). Наличие культурных остатков в районе котлована, где, по всей видимости (спутник, Google), до сих пор продолжают брать грунт, не исключено, так как неолитический слой залегает ниже гумусированного слоя почвы, близко к скальной породе. Интерес может представлять юго-восточное направление вдоль тальвега балки до родника.

За четыре года полевых работ исследованию подверглась сплошная площадь памятника ок. 600 кв.м (по годам: 1985 – **72** кв. м; 1986 – **300** кв. м; 1990 – 150 кв. м / **6** кв.м; 1991 – 80 кв. м / **12** кв. м (выделен нижний слой). Выявленная площадь поселения нижнего культурного слоя – около 400 кв.м., треть ее подверглась разрушению поверхности. При проведении раскопок использована инструкция «Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок» (Кольцов 1983), методика полевых исследований памятника Мирное (Станко 1982: 121–125) и личный опыт, приобретенный в раскопках Мирного, учитывая, что условия объектов в целом сходны. Площадь раскопа разбита на квадраты 1х1 м с буквенно-цифровой индексацией. Фиксация уровней залегания материала проводилась от условного «0» к востоку от борта котлована за его пределами в юго-восточной части, где был установлен репер. В 1986 г. С.Г. Колтухов произвел нивелирную съемку.

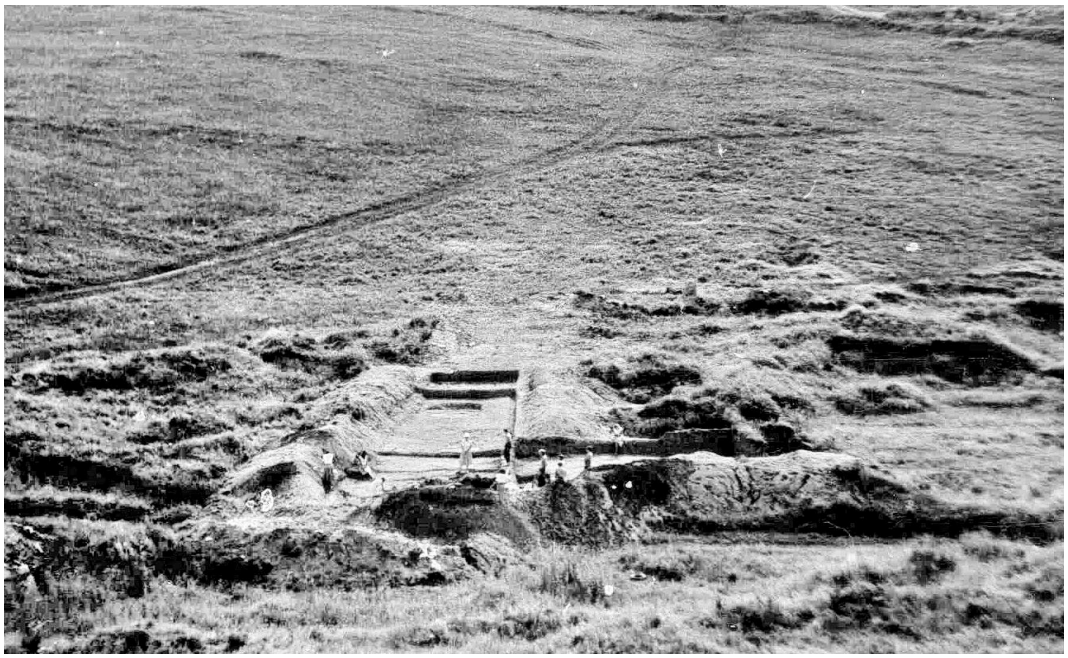
---

[2] Исследованию поселения эпохи бронзы (Петровская Балка I) будет посвящена отдельная публикация.

ч/б

А

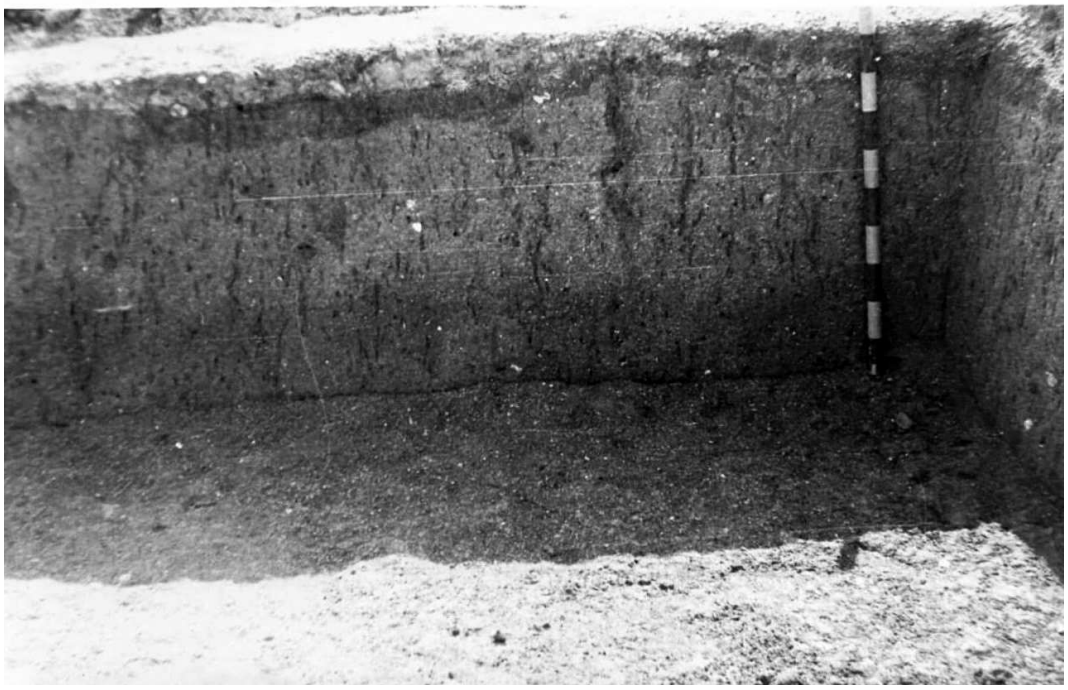

Б

Табл. 1. А – Современный вид верховьев Петровской Балки с юго-запада:
место раскопа – на правом краю, в тальвеге.
Б – Общий вид раскопа поселения Петровская Балка с севера на край куэсты.

А

Б

Табл. 2. Петровская Балка. А – вид раскопа с юга.
Б – разрез борта раскопа, вид с запада.

Стратиграфия. Культурный слой находился в нижней части следующего за черноземом гумусированного суглинка в среднем на глубине 1,20 см, мощностью от 5–7 см до 10–15 см, залегал на плотной, желтого цвета, палеопочве с обильными включениями мелкой обломочной породы с щебнем и галькой (Табл. 2, Б). Выполнено 5 стратиграфических разрезов (рис. 1): 3 по линии З–В (А–В, З–В, З1–В1) и 2 по линии С–Ю (А1–В1, С–Д). Показателен разрез З–В в центральной части по линии З–В (кв. И 15–20): 0–15 см – навал грунта на СДП; 15–75 см – гумусированная почва темного цвета с редкими рассеянными по вертикали фрагментами керамики эпохи бронзы; 75–100 см – гумусированная, карбонатизированная почва светло-серого цвета с остатками слоя эпохи бронзы; 100–115, 120 см – суглинистая почва светло-коричневого, желтоватого цвета из более крупных частиц осадочной породы, в нижней части которой зафиксирован неолитический слой до 15 см толщиной, ниже – материк, прокопанный с целью контроля на 50 см.

Стратиграфическая ситуация не везде позволяла однозначно трактовать характер наслоений ввиду раскопок на частично разрушенной площади, однако в не потревоженных местах кремни, керамика, раковины и пр. залегали в одном горизонте, фиксируя уровень ДДП времени обитания, следуя рельефу тальвега и склона балки, а также в заглубленных сооружениях. Отличительных признаков для выделения более узких хронологических этапов не замечено. Практически все находки обнаружены в горизонтальном положении, края тонких кремневых пластин и отщепов остры, отсутствуют какие-либо следы их окатанности; при снятии многих предметов были видны следы известкового натека, отпечатывавшегося на ДДП. Многие предметы плотно прилегали к щебенистому грунту материка, порой были слегка вдавлены в него.

С целью выяснения границ поселения и стратиграфии ближайшего к раскопу и котловану окружения, вокруг были сделаны 8 шурфов (рис. 1). Шурф № 1 к С, в котловане: верхний слой эпохи бронзы разрушен, нижний – отсутствует, на глубине 1 м – раковины улиток. Шурфы № 2, 3, 6 в 10 м к В от раскопа, вдоль склона берега, показали отсутствие слоя и наличие скальной корки на глубине от 20 см в южной точке до 60 см – в северной. Шурф № 8 в 6 м к З – выявил переотложение грунта и отсутствие нижнего слоя. Шурфы № 4, 5 и 7, в 3 м к Ю и 8–10 м к Ю-З от раскопа – наличие редких кремней на глубине 80–100 см от СДП

Планиграфия. Ряд хозяйственно-бытовых комплексов в виде остатков углубленных объектов – помещения типа полуземлянки, ям и ямок, очага, пятен кострищ, насыпей глины и других следов хозяйственной активности открыт в центральной части раскопа. Они выделены в несколько условных комплексов (рис. 1).

№ 1. Состоит из помещения полуземляночного типа, прилегающей к С жилой площадки с зернотеркой и курантом, скоплений артефактов и дебитажа, которые можно трактовать как места по обработке кремневого сырья. Здесь же – скопления кремня, керамики и смешанных пищевых отходов в виде куч раковин Helix albescens (далее H. albescens) и обломков мелких костей животных, и скопления материала и отдельной кучи раковин к В. Общая площадь ок. 100 кв.м, включая помещение (см. ниже).

№ 2. Остатки сооружений (яма и ямка, насыпь) и скопление материала в 3 м к С от него площадью ок. 16 кв. м (кв. Г–З 9–12). Яма овальной формы 105х80 см, впущена с ДДП на глубину около 30 см; в заполнении рыхлый грунт с обломками костей животных и кремнями подстилается в большей части ямы 2 см слоем раковин ули-

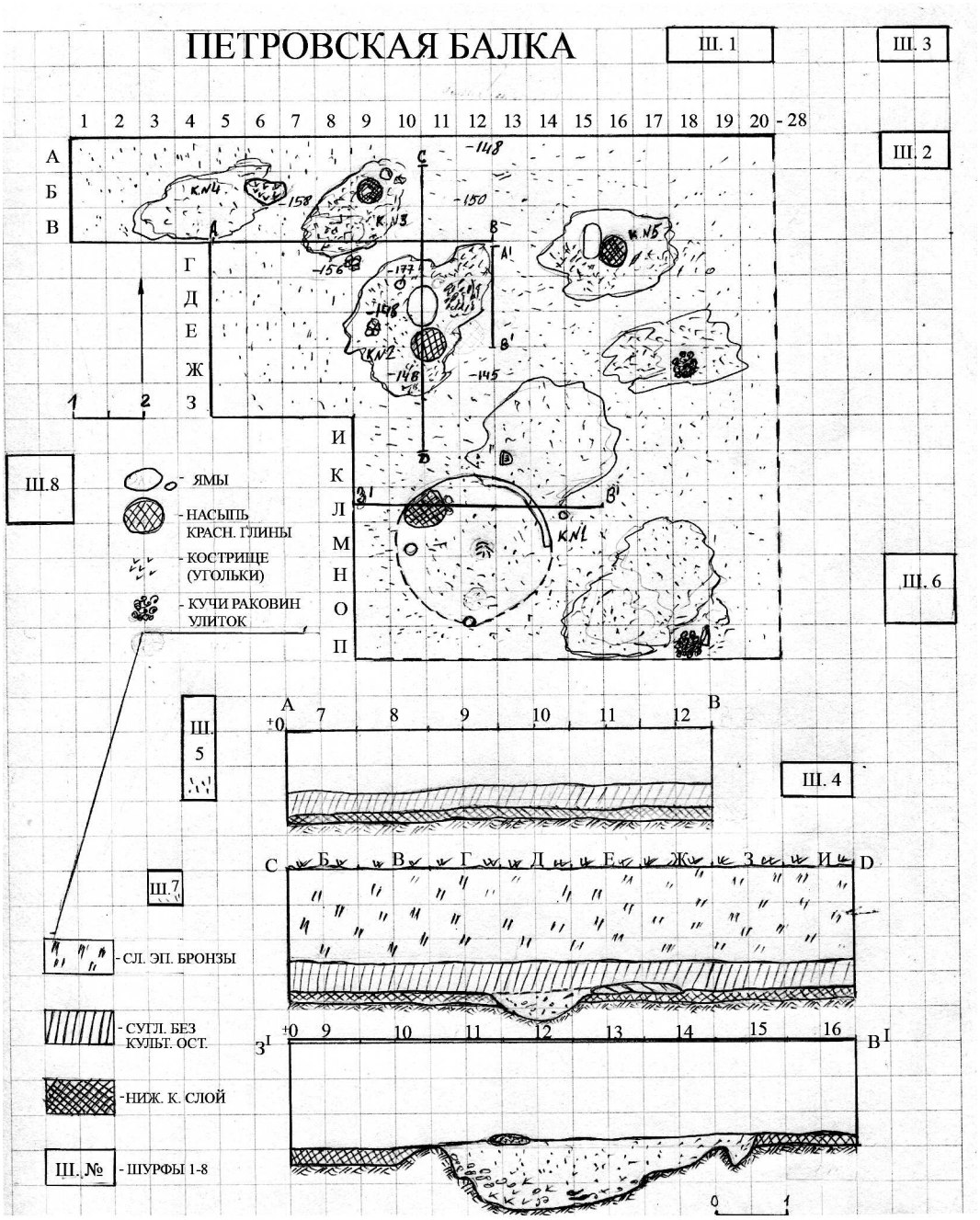

Рис. 1. Петровская Балка. Общий план раскопа и шурфов.
Стратегические разрезы.

ток. К С-З от нее – столбовая ямка д. 20 см, гл. 25 см; к западу – на ДДП находились две кучки (по 30х20 см) диких камней средних и малых размеров, наваленных друг на друга. В восточную сторону (кв. Д 11,12) от той же ямы обнаружена куча обломков костей животных, в т.ч. определимых. К Ю от ямы в небольшом углублении, чуть возвышаясь над уровнем ДДП, находилась насыпь красной глины (кв. Е, Ж 10,11) округлой в плане формы 85х90 см, в центре 7–10 см толщиной, с кремнями и обломками костей животных.

№ 3. Скопление кремней, керамики и обломков костей (кв. В–7, 8 частично В 9) с двумя кучками камней по краям и насыпь красной глины (кв. Б 9). Скопление расплывчатое, 1,5 м х 1,2 м. Находки располагались плотно, но не налегая одна на другую. Фрагменты керамики наиболее часты в кв. В–Е 7–9, причем обоих типов: гладкой, и реже – орнаментированной. Насыпь красной глины округлая в плане (45х53 см), линзовидная в разрезе, мощностью 5–6 см находилась на ДДП (кв. Б 9). На краю насыпи лежал крупный камень известняка-дикаря (30х15х7см). В самой насыпи – единичные находки кремней, в том числе трапеции и сегмент. Вокруг, особенно с западной и южной сторон, редкие мельчайшие распадающиеся древесные угольки. С северо-восточной стороны лежало несколько небольших диких камней и кучка (20х25 см) камней с южной. В месте скопления часты находки скребков: 12 концевых на пластинах и отщепах и 5 на массивных отщепах.

№ 4. Остатки очага и скопление бытовых отходов (кв. Б 4, 5, частично В 3, 4) в 2–3 м к западу от предыдущего. Очажное пятно аморфной формы в небольшом углублении 75х50 см, размытое; в заполнении – включения мелких угольков, комков обожженной глины, горелых косточек, у одного края – крупная расслоившаяся кость. Скопление округлой, неправильной в плане формы, толщиной до 6–7 см, где сплошным слоем вперемешку друг с другом залегали кремни, обломки костей и керамики, раковины улиток в виде наваленной на ДДП кучи мусора.

№ 5. Яма и насыпь красной глины к СВ от № 2. Яма 35х68 см (кв. В, Г 15), углублена на 20 см, дно неровное, заполнение однородное, аналогичное составу слоя вокруг, но с вкраплением редких мельчайших угольков, содержало несколько кремневых отщепов и пластин, единичные мелкие обломки костей животных, в т.ч. горелые. Насыпь красной глины находилась у восточного края ямы (В, Г 16) площадью 50–45 см, толщиной 10–15 см. Плотность находок вокруг меньшая, чем в предыдущих случаях.

Прочие скопления материала на уровне ДДП выявлены в разных местах раскопа, большей частью тяготеют к месту расположения полуземляночного помещения.

Помещение полуземляночного типа занимает площадь ок. 20 кв. м в составе комплекса № 1. Представляет собой обширное углубление подокруглой в плане формы, впущенное с уровня ДДП на глубину 60–70 см; края углубления, кроме северо-восточного участка, в плане прослеживались слабо. Неровное дно имеет ступенькообразное размытое понижение к С. К В от края углубления прослежены остатки дугообразного приступка шириной 25 см, впущенного в материк с уровня ДДП на глубину 25 см, протяженностью 140 см, с уклоном внутрь, поначалу принятый за «ровик». В его заполнении найдены: обломок трапеции фатьма-кобинского типа, 8 кремневых пластин и обломков, 15 мелких отщепов и чешуек, мелкий отщеп из песчаника, один мелкий фрагмент гладкой керамики. На западном краю внутри помещения также выявлена материковая «ступенька» на глубине 30 см от ДДП, на которой лежала насыпь (45х54 см) красноватой плотной глины, высотой ок. 30 см, с

неровной обожженной поверхностью. В ней находились как бы вмазанные фрагменты стенок лепных сосудов и редкие осколки и чешуйки кремня. И рядом – насыпь желтого грунта с примесью известняковой крошки. С З и Ю по краю сооружения располагались две столбовые ямки д. 20 см, гл. 25 см, в 2 м одна от другой; обе впущены с уровня ДДП. Заполнение помещения, чуть более рыхлое, по цвету мало отличалось от окружающего слоя. В верхней части – менее плотное и более темное, в средней и нижней – желтее, с темной линзовидной прослойкой (следы горения) и плотнее. Наблюдались мельчайшие угольки, вкрапления красной обожженной глины, мелкие камешки известняка-дикаря, кремни, фрагменты гладкой керамики с примесью толченой ракушки, десятки раковин улиток, в том числе целых, а также обломки костей животных. В средней части заполнения, на гл. 30 см от уровня ДДП в западной стороне обнаружены плотные плоские комки обожженной глины с незначительными примесями; вместе с ними фрагменты гладкой керамики с примесью раковин, мелкие угольки, гальки и предметы из кремня: нуклеусы, отщепы, отходы, пластины, скребки, трапеции и сегменты. В нижней части заполнения – свыше сотни фрагментов гладкой керамики с примесью толченого известняка в тесте. При раскрытии в слое они мало отличались по цвету от грунта, в котором находились, часто разваливались при прикосновении. В разрезе заполнения на этом уровне прослежена темная линза, ниже которой зафиксированы фрагменты гладкой керамики, несколько кремней, кости, раковины улиток, плоский терочник из песчаника. На дне сооружения найдено много кремней: отщепов, дебитажа, нуклеусов, десятки пластин; из орудий труда – трапеция, скребок на отщепе, концевой микроскребок, пластины с ретушью, сверло, орудие типа скребла на массивном отщепе. Здесь же найден развал целого гладкостенного сосуда. Поблизости, чуть выше, лежала трапеция из светлого непрозрачного кремня с частично струганной спинкой, отщеп кремня и мелкий камень известняка.

Вероятно, при создании сооружения использовались деревянные столбы и сырцовые детали конструкции, судя по ямкам и многочисленным комкам плотной обожженной глины из средней части заполнения, а также куча обожженной глины и глиняная насыпь в его северо-восточном углу. Отсутствие крупных камней в конструкции, следов очага, некоторая небрежность внутреннего пространства, говорят о легком сооружении типа получума либо навеса. Экспозиция входа не ясна, хотя можно предположить юго-западный вариант, между двумя столбовыми ямками. Утверждать, что это остатки жилища, достаточно оснований нет, скорее это недолговременное укрытие с частично защищенным пространством.

В 0,5 м к С от помещения (кв. К–13) обнаружена каменная зернотерка с плотно прилегавшим к ней курантом-«батоном», на боку in situ; вокруг на ДДП находилось скопление мелких фрагментов гладкой керамики с примесью толченых раковин: более полусотни обломков от стенок сосудов и три – от венчиков. Вместе с керамикой – не меньшее число обломков костей животных, некрупных камней известняка-дикаря и пр. Значительная концентрация культурных остатков отмечена вокруг помещения. В 1–2 м к В – два скопления (кв. Л, М 17, 18; Н 15; О, П 16, 17) площадью по 5-6 кв.м, где буквально кучей, один на другом лежали многочисленные кремни, мелкие и мельчайшие обломки костей животных, множество раковин улиток. К ним примыкала (кв. П–18) куча (70х67 см) раковин улиток в несколько слоев в небольшом углублении, в центре достигая мощности 10–13 см. Среди них встречались редкие кремни, в том числе обломок трапеции и один горелый круглый отщеп

со следами использования, несколько обломков керамики и костей животных, пара камешков. По обилию раковин эта куча превосходила все остальные.

Скопление площадью 12 кв.м включало кремневые изделия и дебитаж (кв. Е, Ж 18–21, чуть слабее – в Е, Ж 16, 17) с кучей раковин улиток вперемешку в 3–4 м к С-В от помещения. Мощность культурного слоя здесь не превышала 10 см, и выделялась лишь куча (раковин) высотой 15 см, д. 45 см, на глубине от СДП 110–120 см. Среди находок: плоский нуклеус, трапеция, несколько мелких обломков костей. Далее к северу неолитический слой полностью обрывается.

Насыпи плотной красноватой глины, принесенной со стороны, обнаружены в четырех местах: в трех случаях располагались рядом с ямами. Раковины улиток открыты в двух местах кучами, в комплексе № 2 слоем и по всему раскопу рассеяно.

Отложение 7–15 см слоя с артефактами в нижней, предматериковой, части палеопочвы и заметным увеличением числа находок на ДДП, указывает на недолгий срок жизни компактного поселения. Массовые кремневые изделия из слоя и редкие экземпляры, найденные в нарушенных местах котлована, не обнаруживают особых технико-типологических либо петрографических различий. Керамика из нижнего слоя находилась среди прочего материала, наряду с множеством раковин улиток и мелких обломков костей животных.

Вещевой комплекс поселения Петровская Балка

Статистика находок по группам и годам

Группа находок	1985 г.	1986 г.	1990 г.	1991 г.	Всего
Кремень	2.620	4.480	200	100	7.400
Керамика	225	585	–	–	810
Камень	45	129	–	–	174
Кости животных	949	1406	–	–	2.355
Раковины улиток цел.	880	964	–	–	1.844
	4.721	8.524	200	100	13.545

Кремень.

Сырьем для изготовления орудий труда служил темно- и светло-серый крапчатый и полупрозрачный кремень; реже – черный либо непрозрачный серый и темно-серый, черный матовый. На многих кремнях имеются остатки желвачной корки, что свидетельствует об относительно небольших размерах конкреций исходного материала. Патина на кремне, за исключением части подъемного материала, отсутствует. Из 7.300 кремней орудия труда представляют собой около 600 экз., среди которых выделены крупные группы: геометрических микролитов, отщепов и пластин с ретушью, скребков; прочие орудия составляют мелкие группы или представлены единичными экземплярами.

Геометрические микролиты (Табл. 3, IV: 1–39): трапеции и сегменты – 150 экз. Численно преобладают трапеции (50), но имеется много переходных типов. Основной тип трапеций – удлиненные и средневысокие с частично струганной спинкой (с краями, уплощенными сострогивающей небольшую часть спинки ретушью), но

Типологическо-статистическая таблица кремневых изделий

Группа	Петровская Балка. Наименование (вид) изделия, типы	К-во
А	Нуклеусы и заготовки	64
разное	Пластины (большие, средние, малые; сечения пластин	1807
	реберчатые, обушковые и нестандартные)	
	Отщепы крупные и средние	1073
	Отщепы мелкие, чешуйки	3294
	Обломки, осколки	70
	Отбойники	5
	Сколы с нуклеусов (поперечные и продольные)	113
Б	Пластины с ретушью	67
орудия	Пластины с выемками (анкоши)	13
	Пластины с усеченным концом	14
	Микропластины с притупленным краем	15
	Пластины-вкладыши	9
	Ножи-серпы из пластин	5
	Отщепы с ретушью, с выемками (скобели, ножи)	167
	Иные отщепы	…11
	Скребки концевые	49
	Скребки округлые	31
	Скребки микро-	6
	Скребла	9
	Острия	10
	Сверла	5
	Проколки	4
	Стамески	5
	Резцы	12
	Геометрические микролиты (сегменты и трапеции)	150
	Топор (двустороннеобработанные орудия)	1
	Обломки двустороннеобработанных орудий	3
	Обломки иных орудий	11

немало и обычных симметричных и асимметричных трапеций с притупливающей ретушью, сегментовидных, с притупленными косыми краями. Среди прочих – пять трапеций с хорошо выраженной струганой спинкой, в том числе одна – миниатюрная. 6 миниатюрных трапеций, одна из них ламинарная, сделана на чешуйке, 5 трапеций – фатьма-кобинского типа (с зубчиками и часть – с небольшой выемкой в основании). Несколько небольших трапеций – с вогнутыми боковыми сторонами (поперечно-лезвийные наконечники стрел).

Сегменты (30) разных типов: обработанные притупливающей ретушью по дуге со стороны спинки, с уплощенной вершиной, в том числе иногда имеющие маленькие резцовые сколы у основания, некоторые – с выемкой в центре основания. Преобладают удлиненные и средневысокие, с частично заходящей на спинку пологой ретушью, чаще – асимметричные, некоторые – с резцовыми сколами; реже – обработаны крутой краевой ретушью. Отдельные экземпляры – с хордой, полностью обработанной плоской отжимной ретушью. К геометрическим микролитам отнесен и один «треугольник» – так называемый микролит со шпорой (Табл. 3, IV: 39). Сочетаемость геометрических микролитов разных форм подтверждается единовременным их погребением в одном горизонте залегания на древней дневной поверхности вместе с раковинами улиток и керамикой.

Отщепы – 176 экз., с ретушью, с выемками и пр. (скобели, ножи, резчики). Пластины (Табл. 3, II: 1–28) – 123 экз. – с ретушью, с выемками, со скошенным концом и пр. Часть пластин – с притупленным краем, есть – с концом, обработанным отжимной ретушью, два экз. – с выделенной головкой (типа нижнешиловских). Микропластин с частично или полностью притупленным краем 15. Выделяются 5 пластин-вкладышей с заполированным рабочим краем (жаток). Скребки – 86 экз. – на пластинах и отщепах. Преобладают концевые, много подокруглых, несколько круглых и веерообразных. Скребки изготовлены на укороченных, коротких и нестандартных заготовках (Табл. 3, III: 1–22). Миниатюрных (микро-) скребков – 6 экз. Скребла – 9 экз. на крупных массивных отщепах, чаще пластинчатых.

Проколки – 4 экз., с симметричным или асимметричным жальцем, выделенным по обоим краям мелкой заостряющей ретушью на отщепах средних и мелких размеров подтреугольных или подчетырехугольных очертаний, со слегка изогнутым профилем. Имеются единичные развертки.

Сверла – 5 экз., в виде длинных суженных, со слегка изогнутым профилем пластин, обработанных по обеим сторонам и симметричному острию мелкой и крупной затупливающей ретушью со спинки (Табл. 3, II: 13, 15). Стамески – 5 экз., изготовлены на массивных отщепах или нуклевидных обломках.

Пластины – свыше 1000 экз., преобладают изделия средних размеров правильных призматических очертаний, удлиненных пропорций, с прямым профилем и равными боковыми краями. На большинстве пластин визуально не определяется каких-либо следов изношенности. Пластины шириной более 2,5 см – всего 3, и они достаточно массивны. Микропластин – 110 экз., реберчатых пластин 109 экз., обушковых – 65 экз., нестандартных – 34 экз., сечений пластин (в основном средних размеров) – 418.

Отщепы, главным образом, аморфных очертаний, но встречаются и пластинчатые. Возможно, многие из них использовались в процессе труда без дополнительной подправки. Процент отщепов может быть несколько завышен, так как допускается вероятность проникновения на отдельных участках, где имелись нарушения нижне-

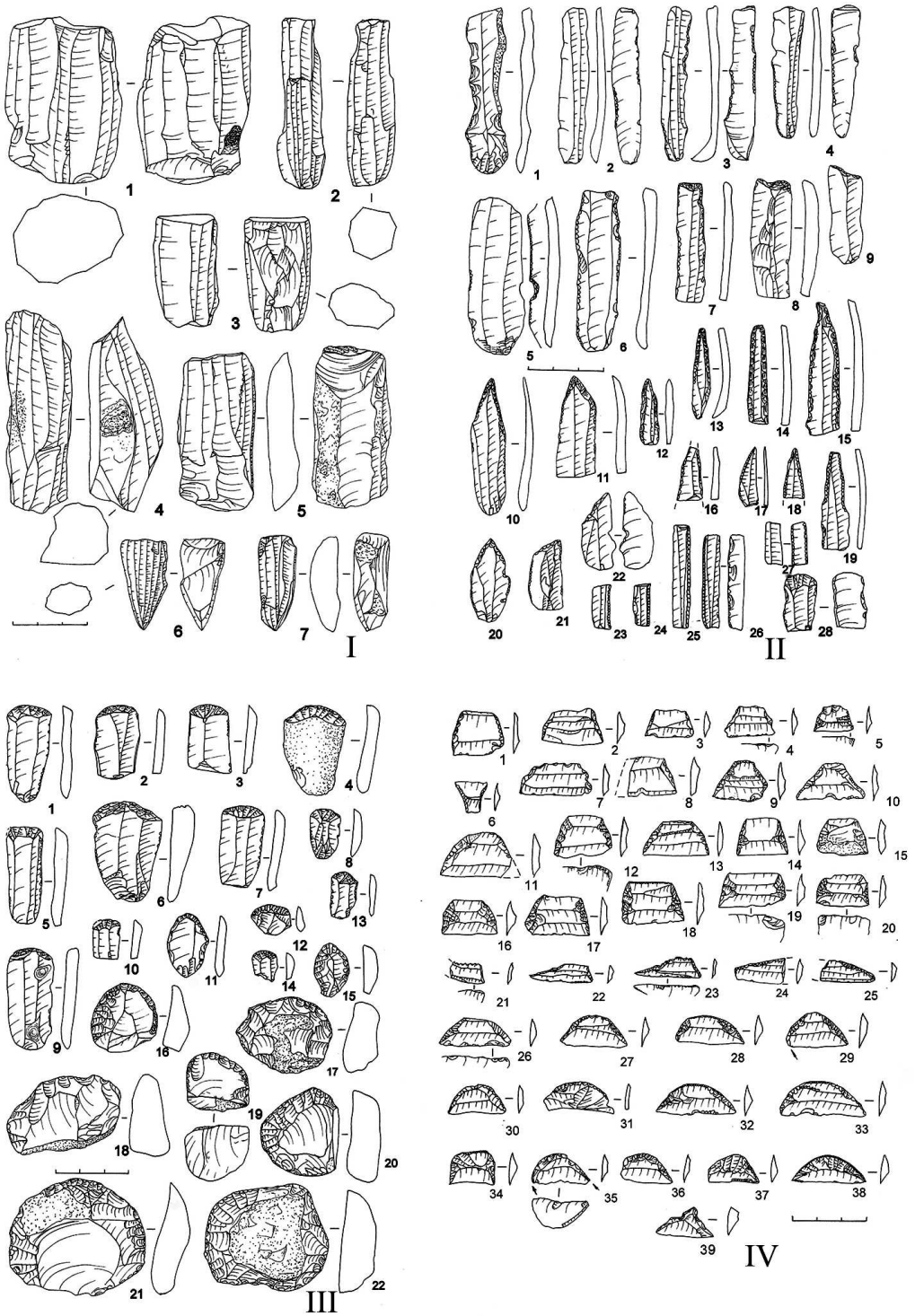

Табл. 3. Петровская Балка. Изделия из кремня.

го культурного слоя, материала из верхнего слоя эпохи поздней бронзы, где использовано сходное сырье.

Уникальной находкой является кремневый топор – двусторонне-обработанное оружие крупных размеров с линзовидным поперечным сечением удлиненно-треугольной формы; обнаружен при зачистке восточного борта котлована в районе въезда. С некоторой долей вероятности его можно отнести к нижнему слою, но условия залегания сомнительны. Также в нижнем слое найдены три мелких обломка двусторонне-обработанных орудий.

Нуклеусы представлены несколькими типами (Табл. 3, I: 1–7), среди которых преобладают уплощенно-конические одно- прямо- и косо-площадочные, встречаются призматические двухплощадочные, плоские одно- двухплощадочные, конические поперечные, продольно-поперечные, клиновидные, атипично-аморфные, бессистемные. Большая часть нуклеусов сработана до предела, некоторые носят следы вторичного употребления в качестве ретушеров, отбойников.

Отбойники представлены кремневыми предметами в виде правильных шаров (или их частей), обработанными крупными сколами по всей поверхности с рабочими частями, сплошь покрытыми звездчатыми выбоинами.

Дебитаж – мелкие отщепы, осколки и чешуйки – составляет почти половину находок из кремня (3294 экз.); их, конечно, было больше, но не все оказались замечены в силу их микроскопичности.

Технико-морфологическая характеристика кремневого комплекса позволяет судить в целом о его достаточной однородности, за исключением отдельных, крайне редких, более ранних или более поздних форм, допустимых в пределах неолита.

Керамика. В нижнем слое найдено свыше 800 фрагментов лепной посуды, более половины которых представляют собой мелкие и очень мелкие, плохо сохранившиеся и непрофилирующие фрагменты. По составу теста керамики и обработке поверхности выделено две группы: гладкая (с гладкой поверхностью) неорнаментированная, легко крошащаяся, чаще серо-желтого цвета, и более грубая (с менее гладкой поверхностью), орнаментированная. Фрагментов плоских днищ не обнаружено ни в одной группе. Группа гладкой керамики включает 775 фрагментов (94%), орнаментированной – 25 фрагментов (6%); распространена лишь на участке комплексов № 2, 3, и не обнаружена на участке комплекса № 1.

Гладкую керамику представляют 33 фрагмента венчиков, свыше 500 фрагментов стенок и 3 фрагмента придонных частей от двух-трех десятков сосудов. Преобладающий цвет поверхности черепков серо-желтый; похоже, что сосуды были снаружи подлощены либо очень хорошо заглажены, что наблюдается у более массивных фрагментов. Несколько фрагментов – с черной поверхностью снаружи и серо-желтой изнутри и в изломе. В глину в качестве отощителя добавляли грунт, взятый на месте с природными включениями измельченных нуммулитов, в ряде случаев толченый известняк. Часть гладкой посуды – с примесью измельченных раковин в тесте. Так, в кв. 3, И 13,14 обнаружено 85 фрагментов лепных сосудов (обломки стенок и 3 фрагмента венчиков) с примесью толченых раковин в тесте, из которых 15 экз. «крупных», остальные очень мелкие. По фрагментам можно представить формы этой посуды: невысокие широкогорлые сосуды с короткими шейками, почти прямыми венчиками, выпуклыми боками, круглодонные (Табл. 4, I: 1–15). Выделено три вида: горшки, миски и, возможно, чаши (кубки).

Горшки: диаметр венчиков от 14 до 20 см:

а) с выделенной шейкой высотой 2-3 см, край венчика чуть отклонен наружу; толщина стенок 0,5–0,6 см. Таков реконструированный по просьбе автора И.Т. Черняковым в ИА АНУ в 1986 г. круглодонный сосуд с примесью измельченных раковин в тесте (к/о 1986 г. № 743), развал которого найден на дне помещения (Табл. 4, III);

б) с венчиком в виде слабо выделенного узкого «воротничка», иногда последний выделен углубленной линией под ним – 7 экз., один из них – с вогнутым срезом венчика; толщина стенок 0,4–0,6 см;

в) с толстым, слегка отклоненным краем венчика, выделенным менее резко, толщина стенок 0,7–0,8 см, в одном случае 0,5–0,6 см – 4 экз.;

г) с воротничком; толщина стенок 0,7–0,8 см – 3 экз.;

Единичен придонный фрагмент стенки (к/о 1985 г. № 158) сосуда, предположительно остродонного: книзу стенка резко утолщена – от 0,5 см до 1,5 см; самый низ снаружи подлощен, кверху – более шероховат, слегка заглажен, тесто плотное (рис. 5, 2). Находился в кв. В 8 вместе с 30 фрагментами стенок гладкой посуды.

Миски (условно): диаметр венчиков более 22 см, высота описываемых фрагментов всего 2–3,5 см:

а) с прямыми венчиками, утоньшенными в самом верху, толщина стенки заметно увеличивается книзу от 1 до 6 мм в среднем – 4 экз.;

б) с отогнутым наружу венчиком и резким изгибом шейки одна маленькая мисочка с толщиной стенки 0,5–0,6 см – 2 экз.

Чаши (кубки): тонкостенный сосуд с прямым венчиком – толщина стенки 0,2 см, с округлым уплощенным дном толщиной 0,4 см – 2 экз., со слегка отогнутым наружу венчиком – 1 экз. с толщиной стенки 0,5 см. В одном случае толщина стенок от 0,3 см сверху до 0,5 см в средней части.

Орнаментированная керамика (Табл. 4, II: 1–10): 25 фрагментов от четырех-пяти сосудов: 3 фрагмента от венчиков, 22 – от стенок, включая очень мелкие. На участке вместе с ней собрано 175 фрагментов гладкой керамики. Однако следует учитывать, что орнамент наносили только на верхнюю часть сосуда, а нижняя оставалась неорнаментированной, и потому подсчеты относительны. Большая часть керамики украшена накольчатым (зубчатым) орнаментом. Наружная поверхность яркого красно-желтого цвета, заглажена менее тщательно, чем в первой группе. У 8 фрагментов внутренняя поверхность черного цвета, в изломе – красного или черного; у остальных – снаружи и в изломе одного цвета. Поверхность некоторых покрыта серым налетом. Тесто со значительными примесями измельченных раковин или мелкотолченого известняка; в последнем случае – более плотное и тонкое. В ряде случаев отмечена незначительная примесь пироксена и редкие минеральные включения красного цвета (кровавик?).

Собирательным образом этой группы является широкогорлый, со слабо отогнутым наружу венчиком, удлиненным, немного выпуклым туловом горшок средних размеров. Форма днища не прослежена, могла быть округлой. В коллекции имелись немногочисленные выразительные фрагменты. Один – от слабо отогнутого венчика, наружная поверхность украшена зубчатым штампом по краю; в верхней части нанесены вертикальные ряды зубчатого штампа с промежутком в 0,5 см, в нижней части изгиба – горизонтальная линия зубцов штампа, такие же нанесены по внутренней поверхности длиной около 2 см.

Иную форму можно представить по двум фрагментам (из скопления в кв. Б 4) одного сосуда с черной (темно-серой) поверхностью, изнутри – темно-желтого

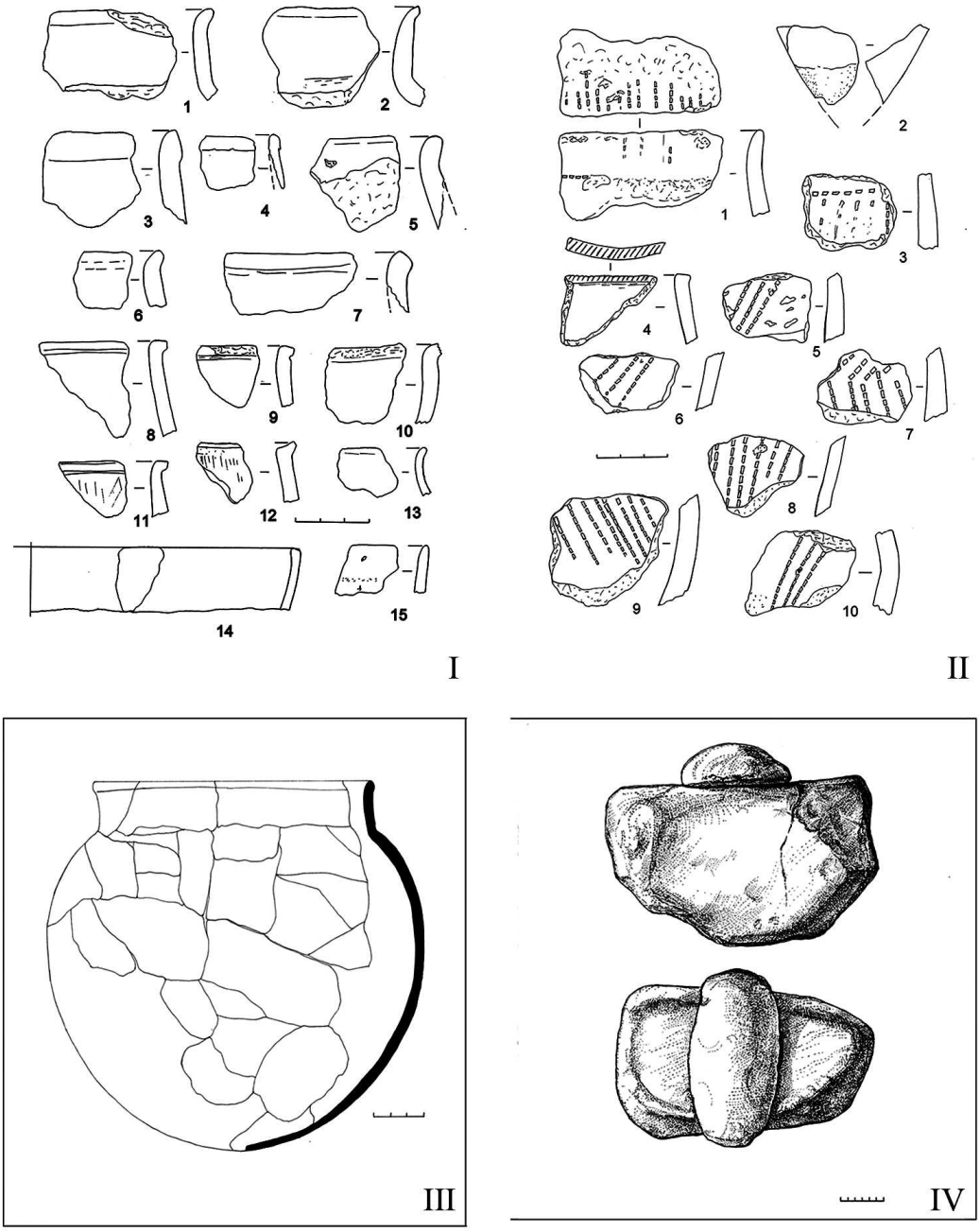

Табл. 4. Петровская Балка. I, II, III – керамика;
IV – зернотерка с курантом (песчаник).

цвета, возможно, вследствие вторичного воздействия огня. Венчик (толщиной 0,5–0,6 см) почти прямой с едва заметным изгибом, наружный край чуть утолщен, верхний срез венчика – под небольшим наклоном наружу, украшен частой косой тонкой насечкой, сделанной, похоже, кремневой пластиной (Табл. 4, II: 4). На другом фрагменте стенки (толщиной 0,6–0,7 см) этого же сосуда по тулову – оттиск косого двухрядного зубчатого штампа. Три фрагмента стенок других сосудов украшены косыми зубчатыми рядами через 0,5–0,4, -0,12 см, сужающимися к низу сосуда (один случай), либо трехрядными косыми зубчатыми линиями; в одном случае косые ряды под углом друг другу (Табл. 4, II: 7). Подобная описанной выше орнаментика характерна для неолита как северо-понтийское импрессо (Гаскевич 2010: 222–223).

Место распространения орнаментированной керамики ограничено находками в центральной части раскопа (кв. Б 3–6; В 8; Г 7,8; Д 10; Ж,З 9), соответствует комплексам № 2 и 3. На участке комплекса № 1 керамики с орнаментом не найдено, за исключением 2-х фрагментов стенок (к/о 1986 № 29, 30) из зачистки заполнения помещения: 1 – красного цвета, с трехрядным зубчатым штампом, тесто пористое, с примесью известняка и растительности; 1 – с горизонтально прочерченной линией. Находка в заполнении может свидетельствовать о несколько более позднем времени образования комплексов № 2 и 3.

Примеси измельченных раковин использованы как в изготовлении гладкой керамики без орнамента, так и орнаментированной, и в данном случае не могут служить маркирующим признаком. Значительная часть гладкой керамики сильно крошится, что говорит о более слабом обжиге или иной технологии изготовления сосудов.

Сопровождавшие оба вида керамики находки из кремня, в том числе геометрические микролиты, оказались практически идентичны. Поскольку вариабельность керамики менее долгосрочна, чем в случае с каменной индустрией, сохраняющей традиции чуть ли не тысячелетия, ее характер позволяет предполагать более одного эпизода заселения объекта.

Петрография. Все камни – 174 экз., за исключением конкреций дикого известняка и гладких галечек аллювиального происхождения, были собраны и зафиксированы. Из них малая часть – орудия труда, в основном же – сомнительные объекты. Практически все они имеют на поверхности специфические следы искусственного или естественного происхождения. Преобладают изделия из песчаника: крупная зернотерка с курантом в виде батона (Табл. 4, IV), три небольших терочника и фрагмент венчика каменного сосуда типа широкой открытой миски. Из молочного кварца: – 2 орудия на крупных отщепах и 7 мелких отщепов. Кроме того, найдены обломки: мраморизированного известняка, галек кремнисто-глинистого сланца, изверженной породы типа диабаза со следами использования в качестве орудий труда, друзы полупрозрачного кристаллического кварца с измененной структурой (горелой), а также около сотни мелких галечек различных пород, описанных выше, со сколами или другими следами использования. Эти предметы были принесены обитателями целенаправленно, так как за исключением известняка и мелкой гальки, на месте других пород камня нет. Ближайшие местонахождения известны в 2–2,5 км к югу от поселения в карьере Петропавловском (с. Партизаны) в Курцово-Сабловской долине. Там же имеются и выходы на поверхность изверженных пород (диабаза и др.).

Териофауна. Предварительный просмотр части определимых костей В.И. Бибиковой показал наличие диких видов: бизона/тура, лошади, оленя, осла гидрунтинового и мелких парнокопытных (сайгак/овца/козел), а также кабана, в том числе домашнего, обломки костей которого преобладают. Подробное описание изложено в Приложении № 1, составленном Е.П. Секерской. Исследованные фаунистические остатки были собраны на площади около 60 кв. м, в том числе в скоплениях разнородного материала в условных комплексах № 2, 3, и 4. Большая их часть связана с комплексом № 2.

Преобладают мелкие обломки костей животных, реже определимые кости и зубы. Естественное разрушение, происходившее до погребения культурного слоя, судя по сохранности костной ткани, было незначительным. Мелкие обломки часто горелые. Некоторую часть костей обитатели стоянки могли употреблять в качестве орудий труда и подсобных средств, при изготовлении кремневых изделий и другим образом. К этой группе следует отнести и обломки окатанных костей, что может свидетельствовать об их специфическом использовании. Обломки трубчатых костей копытных – без явных следов сработанности. Единственное изделие из кости – маленькая белая бусина призматической формы, квадратная в сечении, была найдена в насыпи глины (кв. Е, Ж 10,11) (к/о 1985 г. № 356) вместе с полусотней находок из кремня. Практическое отсутствие изделий из костей животных, обилие мелких обломков которых показательно для памятника, даже удивительно. Специально кости исследованы не были и определялись лишь визуально.

Раковины моллюсков. Все раковины улиток, обнаруженные в нижнем культурном слое, относятся к одному виду рода Helix – Helix albescens[3]. Особенно много их было в центральной части раскопа. Скопления раковин отмечены в кв. Б, В 3, 4; В, Г 8; Г, Д 10–12 наряду с другими остатками, отдельные кучи – в кв. Ж 18; П 18. На остальной площади раковины в виде обломков, реже – целых экземпляров, встречались менее концентрированно, но во всех случаях залегали на ДДП и отсутствовали выше. Судя по характеру распространения, залегания и степени сохранности раковин, с учетом их размеров от очень маленьких до весьма крупных, улитки водились в данной местности в большом количестве в достаточно влажный климатический период, как во время обитания людей на поселении, так и какое-то время после того, как оно было покинуто ими. Улитки Helix albescens – распространенный циркумпонтический вид (Леонов 2006: 180–188), служили важным источником пищи для людей как ценный белок и, собственно, вполне могли быть поводом для устройства стоянки в этом месте на весенне-летне-осенний сезон. Поскольку в остатках кострищ раковин не обнаружено, можно предположить, что обитатели стоянки ели улиток в сыром виде (или варили?), а их измельченные раковины использовали в качестве отощителя глины при изготовлении посуды.

Радиоуглеродная датировка. В лаборатории Института геохимии и физики минералов (ИГФМ, г. Киев) в 1986 г. (?) или чуть позже, было выполнено четыре анализа: три – по раковинам Helix vulgaris/albescens, один по костям. Согласно публикации (Cohen 1996, 423), для Петровской Балки определено четыре даты: по раковинам 4530±40BP (Ki – 2931) – cal. 3342-3108 BC; 4470±50BP (Ki – 2932) –

---

[3] В полевых документах и отчетах указаны как вид Helix vulgaris, что является синонимом.

cal. 3328-3034 BC; 4410±50BP (Ki – 2979) – 3090–2924 BC; и по костям 4670±80BP (Ki – 2981) – 3620–3354 BC.

Более молодые даты по раковинам можно объяснить их относительной позицией в местах скоплений, так как они могли появиться там после того, как люди покинули местность. Дата по костям – сер. IV тыс. до н.э. – не противоречит времени распространения влаголюбивых улиток на склоне куэсты в конце атлантического либо начале суббореального периода.

Поиск аналогий. Прежде всего обращают на себя внимание памятники ближнего крымского круга. Сходство разнообразного кремневого инвентаря и орнаментированной керамики дает классический памятник позднего неолита Таш-Аир I, слой Va. Общее количество находок из кремня, камней и керамики здесь вдвое меньше, чем в Петровской Балке, но технико-морфологические показатели кремневого инвентаря во многом идентичны, сходно сырье. За отсутствием статистики, можно сослаться только на описание и рисунки предметов (Крайнов: 36–46; табл. XXX–XXXIX). Особенно сходны геометрические микролиты и скребки. Имеются трапеции со струганной спинкой, но также и с ретушью, частично заходящей на спинку, и сегменты с ретушью дугой по спинке, как в Петровской Балке, и так же, в небольшом количестве присутствуют вкладыши серпов. Керамика в слое Va двух групп, и обе с орнаментом. Первая группа с бороздчатым орнаментом и зубчатым штампом, наличием остродонных форм (Крайнов 1960: табл. XLIII, 4–6; XLIV, 1, 5–7); и вторая – с зубчатым орнаментом, покрывающим часть сосуда, видимо, остродонного, желтого цвета снаружи, черная внутри, с примесью дресвы, (Крайнов 1960: табл. XLVI, 1–6). Часть фрагментов с примесью дресвы плохого обжига. Вторая группа, из кострища нижней части слоя, древнее первой, но обе с зубчатым орнаментом (штамп трех зубцов). Как и в других памятниках, эта керамика найдена в небольших количествах (Крайнов 1960: 42–43). Такой же орнамент встречен во втором слое Таш-Аир II; в обоих случаях маркирует поздний неолит. Характер таш-аирской керамики сближает ее с меньшей группой керамики Петровской Балки. Помимо инвентаря заслуживает внимания наличие в слое Va «огромного количества раковин наземного моллюска Helix vulgaris» (H.albescens), превосходящего аналогичные находки в других слоях (IX–VI, Vb) в виде скоплений и кучками, хорошей сохранности, что напоминает ситуацию с раковинами в Петровской Балке.

Определенное сходство инвентаря Петровской Балки наблюдается в материалах (3 тыс. находок) находящейся в 10 км от нее к Ю-В стоянке открытого типа Денисовка. Проявляется в наборе геометрических микролитов, скребков и пластин, а также в группе неорнаментированной керамики коричнево-серого цвета, черной в изломе, с примесями кварца или известняка, с одним фрагментом остродонного сосуда. Датирована (по периодизации Д.А. Крайнова) самым началом позднего этапа крымского неолита в пределах IV тыс. до н.э. Аналогичные материалы содержат нижний слой Кая-Арасы, Таш-Аир I, слой Va, Замиль-Коба II, слой V, Ат-Баш, Константиновка II и др. (Щепинский 1968: 128–130).

Примерно в 5 км к Ю-В от Петровской Балки известен памятник открытого типа Курцы I, где на площади 20 кв.м исследован слой мощностью 10–15 см, содержавший помимо прочего 130 кремней и 100 фрагментов керамики. Среди орудий пластины с ретушью, скребки, трапеции (в т.ч. 2 с частично струганной спинкой, 1 – со струганной спинкой). Примечательна сходная с Петровской Балкой и керамика двух групп как по описанию внешнего вида, так и в количественном соотношении:

преобладают многочисленные обломки тонкостенных, плохо обожженных сосудов серого или коричневато-серого цвета с хорошо заглаженной или подлощенной поверхностью. В глине примесь мелкотолченого известняка или ракушки, черепки очень рыхлые, в воде рассыпаются. Другую группу составили 14 фрагментов с зубчатым орнаментом (рис. 1, 4–6) по венчику и шейке; 2 – с продавленными полосками (рис. 1, 7); оба типа отмечены в керамике второй группы Петровской Балки. Дата определена по фрагментам с зубчатым орнаментом А.А. Щепинским, указывающим, что в Крыму он появляется в позднем неолите, в слое Va Таш-Аир I, во 2-ом слое Таш-Аир II, но особенно распространен в энеолите – Симферопольская стоянка, Ореанда. Тилки-Кая; в Алексеевской Засухе подобная керамика встречена с керамикой ранненеолитической культуры; также имеет место в энеолите Надпорожья и Приазовья и в Воронцовской пещере на Кавказе. Курцы – дальнейшее развитие неолитических памятников типа нижнего слоя Кая-Арасы, Денисовка (Щепинский 1968: 122–124, 130–131) и Петровская Балка.

Кремневый комплекс Петровской Балки обнаруживает сходство в материалах более дальнего памятника открытого типа Ат-Баш (Ай-Петринская яйла), где в числе 66 геометрических микролитов есть аналогичные трапеции: и раннего мурзак-кобинского облика (30 экз.), и с подтеской, не заходящей на спинку (8 экз.), и со струганной спинкой (1 экз.), сегменты (19 экз.), в том числе с обработанной вершиной (8). Также в слое вместе с микролитами в очаге находилось днище остродонного лепного сосуда (Формозов 1962: 95–98, 99, рис. 3; Колосов 1985: 152–154, рис. 7).

В плане сопоставления особенно интересен материал нижнего слоя Кая-Арасы, памятника открытого типа, расположенного на площадке крутого склона балки (у Бахчисарая) в сотне метров от родника, где «неолитические вещи просто вкраплены в кизячный слой» (Формозов 1962: 106). В числе 3 тыс. кремней – 760 ножевидных пластин и 150 орудий: пластин с ретушью, выемками, концевых скребков (24 экз.), в том числе со скошенным краем, 13 трапеций обычных и 6 со струганной спинкой, 15 сегментов обычных и 15 – с вершиной, обработанной плоской ретушью; 25 нуклеусов (плоских, конических и пр.). В целом напоминают инвентарь памятников Ат-Баш, Юсуповский бассейн, Эклези-Бурун, Марьино (Формозов 1962: 104–112). Керамика нижнего слоя Кая-Арасы делится на две группы. Первая группа: толстостенные сосуды темно-серого, черного и коричневого цветов с шероховатой внешней поверхностью и заглаженной внутренней, из теста с примесью толченого известняка или мелкого кварца. В орнаментике – резные линии и наколы. К ней отнесено днище остродонного сосуда, найденное в очажном скоплении. Вторая группа: неорнаментированные тонкостенные (0,5–0,8см) круглодонные сосуды с гладкой поверхностью коричнево-серого, серо-желтого цвета. В тесте с примесью мелкого толченого известняка, реже – толченых раковин; эта керамика чаще рыхлая, слабо обожженная, рассыпается, размокает. Обе по описанию весьма напоминают керамику Петровской Балки. Особенно интересна ремарка А.А. Формозова о стратиграфической ситуации этих типов керамики: «Даже, если считать два типа керамики Кая-Арасы разновременными, все же их, судя по стратиграфическим данным, нельзя сильно отделять друг от друга во времени. Они непосредственно сменяли друг друга и существовали вместе с однотипным кремневым инвентарем» (Формозов 1962: 104–112). Аналогичная картина наблюдалась в Петровской Балке, где оба типа керамики находились в едином контексте, как и в Кая-Арасы на момент раскопок, поскольку второй тип был выделен А.А. Щепинским только при камеральной обработке (Щепинский 1985: 321).

Приведенные аналогии показывают, что вещевой комплекс Петровской Балки не особо оригинален, и памятник в целом имеет достаточную группу поддержки среди ближнего и более отдаленного окружения горно-предгорного Крыма. За пределами этой зоны отдельные элементы сходства есть в Алексеевской Засухе – однако памятнике позднекукрекского типа, где также имеются трапеции со струганной спинкой, пластины со скошенным концом и притупленными краями, небольшие округлые скребки и пр. (Колосов 1957, 14–16; Щепинский 1969, 36, 6). В неолитическом слое Мартыновки среди тысячи кремней также имеются сходные формы среди скребков на пластинчатых и круглых отщепах, пластинах и среди 12 трапеций: с частично заходящей ретушью, в том числе по верхнему основанию, таких же – узких, и 5 со струганной (иногда частично) спинкой и 13 сегментов. С учетом 2 вкладышей с вентральной подтеской, памятник отнесен к кукрекскому типу. Керамику представляют мелкие фрагменты стенок от 13 сосудов темно-серого цвета, слегка заглаженных, в изломе – черных, прочных, в глине незначительные примеси зерен кварца, без орнамента (Щепинский, Черепанова 1969: 30–35). Сходство отдаленное.

Почти все приведенные аналогии частичны, наиболее показательны Таш-Аир 1 слой 5а, Кая-Арасы нижний слой, Ат-Баш, Денисовка.

За пределами Крыма поиски приблизительных аналогий положительного результата не дали. Некоторые сходства в керамике Средний Стог 2, либо Дереивке (Котова 2006, 2013, 2015) по наличию толченой ракушки в тесте, элементам орнаментики (гребенчатый / зубчатый штамп в верхней части сосудов) недостаточны и условны: в вырванном из контекста виде их использование методологически вряд ли оправданно. Основные характеристики этих культур далеко не совпадают с Петровской Балкой.

Атрибуция и датировка. Памятник Петровская Балка при его раскопках был определен автором как неолитический с учетом технико-типологических показателей кремневого инвентаря и ввиду наличия керамики. По основным формам орудий можно было бы предполагать даже позднемезолитический его возраст, но керамика склонила в сторону омоложения памятника. На самом деле вопрос оказался сложнее и пока не получил однозначного решения.

После окончания раскопок коллекция Петровской Балки была впервые тщательно изучена В. Коэном в начале 90-х, включившим результаты исследования в статью о неолитизации крымских гор (Cohen 1996, 422–425). Особое внимание он уделил кремневому инвентарю, зарисовав и опубликовав около 200 кремневых орудий труда (Cohen 1996: 380–385), а также другие материалы: план и разрезы, список фауны, даты 14С, причислив памятник к мурзак-кобинской неолитической культуре.

В коллекции керамики В. Коэн определил фрагменты от 15 сосудов с примесью измельченных раковин: неорнаментированную на плоской основе (flat-base) – 12, и орнаментированную остродонную (sharp-base), проведя аналогию с памятниками Кая-Арасы и Ат-Баш, при этом полагая вторую группу старше первой. При этом он пишет, что (по керамике) южная часть памятника древнее, чем северная, внося тем самым путаницу, так как керамика второй группы была найдена только в северной части. Добавлю, что общая протяженность жилой площадки, где обнаружены обе группы, с севера на юг всего 15 м, и культурный слой одинаков по насыщенности.

В. Коэн считает Петровскую Балку гомогенным комплексом длительной оккупации родственными охотниками-собирателями и относит к позднему периоду

крымского неолита, продлившемуся до конца IV тыс. до н.э., с характерными долговременными памятниками открытого типа и пищевой базой типа Шан-Коба I, слой Ia (Cohen 1996: 423, 430). Кремневый инвентарь и посуда крымского неолита свидетельствуют о культурных контактах его населения с дальними соседями. На позднем этапе проявляются элементы культурных влияний Каменной Могилы, ямной и катакомбной общностей. Наиболее существенной явилась кавказская экспансия кемиобинской культуры, в конечном счете уничтожившая местную неолитическую культуру, не связанную с производящей экономикой (Cohen 1996: 430).

С материалами Петровской Балки позже ознакомился Д.Я. Телегин, но фрагментарно, рассмотрев только керамику, которую определил как «типично среднестоговскую» и датировал ее временем позднего Триполья (Телегин и др. 2001: 5, 7). Его краткая справка по памятнику: «двуслойное поселение энеолита-бронзы, в нижнем слое были выявлены материалы ССК, в том числе около 600 фрагментов керамики, 176 кремневых изделий, а также кости животных и ракушки. Керамика с примесью толченой ракушки в тесте, сосуды высокогорлые, украшены гребенчатым узором» (Телегин и др. 2001: 25). Приведенные цифры взяты, вероятно, из отчета за 1990 г.; основные материалы, полученные в 1985 и 1986 гг., не были учтены. По калибровочным радиоуглеродным датам среднестоговская культура раннего энеолита датирована 4400–3500 cal BC (6350–5450 BP) (Telegin et al. 2003: 456–470). Тем не менее Д.Я. Телегин включил Петровскую Балку в группу позднего дереивско-молюховского периода наравне с памятниками Молюхов Бугор, Дереивка и Александрия, характерными чертами которых указывает преобладание в орнаментике плетеного шнура, шнурового и гусеничного орнамента, гребенки, лунок, скобы. Керамику Александрии представляют сосуды с примесью толченой ракушки в глине, а «кремневые изделия крупных размеров, преобладают кремневые топоры клиновидной формы» (Телегин и др., 2001: 6, 7). Однако перечисленные характерные черты напрочь отсутствуют в Петровской Балке, за исключением наличия в тесте части сосудов измельченной ракушки и в редких случаях – гребенчатого орнамента, а чаще, накольчатого. Даты 14С Петровской Балки значительно омолаживают памятник, но они никак не коррелируются с датами Среднего Стога 2 либо Дереивки. Памятник был классифицирован по одной немногочисленной группе из всего разнообразия источников без учета остальных характеристик. Налицо изъятая из контекста меньшая (из двух групп) часть керамики, плюс недостаточное ознакомление с другими видами материалов, что привело к некорректной трактовке памятника в целом. Керамика ближнего круга, сходная с петровско-балковской, известная со времен исследований Д.А. Крайнова, А.А. Формозова, А.А. Щепинского в таких памятниках как Таш-Аир I-Va, Кая-Арасы, Ат-Баш, Балин-Кош, Курцы I и др., почему-то не рассмотрена на предмет отнесения к дереивской культуре. Как написал сам автор по вопросу о доместикации лошади, «в отдельных случаях в решении этого вопроса присутствуют случаи ничем не контролируемого субъективизма» (Телегин и др. 2001: 9).

После Д.Я. Телегина на Петровскую Балку обратил внимание А.А. Яневич, который высказал версию о происхождении коллекции памятника из разных слоев: позднемезолитического и энеолитического и, как следствие, ввиду наличия позднемезолитических форм кремневых орудий, ее смешанности. Ситуация, по мнению автора, имела сходство с «двумя нерасчлененными горизонтами» Кая-Арасы: энеолитическим и неолитическим, а также Денисовкой; обе представляют «энеолитические коллекции с выразительной мурзак-кобинской примесью» (Яневич 2004: 170).

Считая наличие в коллекции геометрических микролитов с плоской ретушью на спинке культурооопределяющим признаком (для таш-аирской культуры), автор полагает, что коллекция Петровской Балки также имеет «значительную примесь» «позднемезолитических мурзак-кобинских и энеолитических материалов». Знать бы, как эту примесь могли замешивать в один казан. Утверждение, что искомые слои «переотложены еще в древности или раскопаны вместе с культурными слоями, которые залегали выше или ниже», не соответствует стратиграфической картине памятника, выявленной в процессе раскопок, где переотложения и разделения одного четкого маломощного слоя на два не расчлененных горизонта не наблюдалось, а материалы были обнаружены in situ.

А.А. Яневич выделяет (по типологии кремневого инвентаря) в Петровской Балке позднемезолитический слой, который относит к более раннему периоду таш-аирской культуры, а сам памятник к раннему энеолиту. И на основании дат 14С «для раннеэнеолитических памятников Гурзуфское (4635±90 BP) и Петровская Балка» верхней хронологической границей таш-аирской культуры полагает первую четверть IV тыс. до н.э. (Яневич 2004, 175). Гурзуфское имеет калибровочную дату 2635±90 BC, Петровская Балка – 3620–3354 BC, очевидна разница почти в тысячу лет. Подтверждений в пользу классического энеолита в нижнем слое Петровской Балки нет: не было найдено вообще каких-либо характерных энеолитических артефактов из кремня, кости, шлифованных топоров, изделий из металла и пр. Керамика Петровской Балки не сопоставима с кеми-обинской, а ее малочисленная группа орнаментированной керамики, отнесенная Д.Я. Телегиным к среднему периоду энеолита, по внешним признакам может являться и неолитической, как, например, в Таш-Аир I, слой Va. Среди инвентаря Петровской Балки имеется не более полутора десятков кремневых вкладышей для серпов, вообще отсутствуют явно выраженные костяные орудия труда, ничтожно мало количество костей овцы/козы. Похоже, что неолит горно-крымской культуры на позднем этапе имел несколько затяжной характер.

Заключение. Картина освоения древним населением Крыма в заключительную эпоху каменного века, времени существования рассмотренных поселений (стоянок) открытого типа, не позволяет четко разделять их на неолитические и энеолитические. С учетом имеющихся характеристик скорее речь может идти о едином позднеолитическом периоде до появления здесь энеолитической кеми-обинской культуры, поскольку системообразующим признаком энеолита является применение металлов, чего нет в предыдущих крымских культурах типа горно-крымской и др.

Голоценовая фауна и панцири теплолюбивого моллюска Helix albescens, в большом количестве сопровождающие вещевой комплекс Петровской Балки, отличают климатическую стадию конца атлантикума и начала суббореала с IV до III тыс. до н.э. Этому не противоречит имеющаяся дата 14С (по костям) 3620–3354 BC. Наличие диких охотничье-промысловых видов животных в составе фауны памятника вкупе с набором специфического кремневого оружия, каменные орудия для обработки пищевых продуктов – зернотерка и куранты, а также часть кремневого инвентаря типа вкладышей серпов свидетельствуют о сезонном экономическом укладе с преобладанием охотничье-собирательского направления хозяйства и зарождения элементов производящего хозяйства. Петровская Балка как тип поселения, с учетом

ее месторасположения и характера жизнедеятельности обитателей, являлась сезонной стоянкой в теплое время года. Ее немногочисленное население занималось охотой в окрестностях, а также, в определенной мере, собирательством (разведением?) обычных улиток. Судя по незначительной мощности культурного слоя, данное место могло служить приютом для его обитателей в течение нескольких лет.

Приложение

Е.П. Секерская

Обсуждение определений костей животных из неолитической стоянки Петровская Балка

Исследования костей из неолитической стоянки были проведены к.б.н. В.И. Бибиковой. Названия видов животных даны без указания их видовых латинских научных наименований, что допускает возможность различных толкований статуса дикий – домашний в отдельных случаях. Результаты изучения материала изложены на 5 страницах рукописного текста и подписаны аутентичной подписью В.И. Бибиковой.

Видовой перечень животных включает следующие позиции: 1. Лошадь. 2. Гидрунтиновый осел. 3. Крупный бык (тур- или бизон). 4. Бизон. 5. Бык домашний (?) или тур. 6. Бык. 7. Олень (?) 8. Кабан. 9. Мелкое парнокопытное.

Кроме определимых костей были просмотрены и отнесены к неопределимым ряд фрагментов трубчатых костей копытных – в общей сложности 24 экземпляра.

Из имеющегося списка-перечня определенных костей можно заключить, что В.И. Бибикова считает возможным определить быка домашнего под вопросом только в одном случае, по третьему нижнему коренному зубу. Следовательно, исследовательница допускала разведение домашнего быка населением Петровской Балки.

Список диких животных включает: лошадь (7 костей, из них 1 – под вопросом; от 2 особей), гидрунтинового осла (2 кости от 1 особи), крупного быка – тура или бизона (4 кости от 1 особи), бизона (10 костей, минимально 2 особи – взрослая и молодая), и быка, видовой статус которого остается неясным (тур или бизон). Крупный бык представлен наибольшим количеством костей – фрагментами зубной эмали, изолированными зубами, фрагментами тазовых костей, позвонков, костей предплюсны и фалангами пальцев. Всего быку принадлежит 33 кости, как минимум от 2 особей (1 взрослой и 1 молодой).

Среди костей кабана только в одном случае (вторая фаланга) дано уточнение – домашний (?). Тем не менее, налицо принадлежность подавляющего большинства костей кабана молодым и полувзрослым особям (всего 44 кости, из них молодым особям принадлежит 17, полувзрослым – 16, взрослым – 11 костей). На основании приведенного списка можно заключить, что кости кабана принадлежали как минимум 3 особям – 1 взрослой, 1 полувзрослой и 1 молодой. Следует отметить, что к взрослым животным отнесены фаланги пальцев, эпифизы которых срастаются в раннем возрасте. Следовательно, данные фаланги в равной степени могут принадлежать и полувзрослым животным. Взрослой особи принадлежат 3 моляр, фрагмент верхнего моляра, фрагмент верхней челюсти с третьим премоляром, 2 премоляра и резец.

По поводу нижнего эпифиза плечевой кости В.И. Бибикова отметила, что он принадлежит, «видимо, не совсем взрослому животному». Как известно, срастание нижнего эпифиза плечевой кости с телом последней происходит у свиней в возрасте около 1 года. Таким образом, животное, которому принадлежала данная кость, также может быть отнесено к категории полувзрослых.

Все изложенное позволяет предположить, что кости кабана могут быть отнесены к домашней форме. Данное заключение не противоречит имеющимся данным о раннем одомашнивании кабана и использовании в пищу в основном молодых и полувзрослых особей разводимых животных. Домашняя свинья зафиксирована в ряде неолитических памятников Украины и Молдовы.

Наибольшие трудности вызывает обсуждение «мелкого парнокопытного», которому принадлежат 7 костей минимум от 2 особей (1 молодой и 1 взрослой). Определить его видовой статус при отсутствии самих костей и их промеров не представляется возможным. Для дикой фауны Крыма в эпоху неолита были характерны такие виды мелких парнокопытных, как косуля и сайгак. В то же время, учитывая неолитический возраст памятника, нельзя полностью исключить присутствие домашних форм мелких копытных – козы и овцы.

Таким образом, обобщая имеющиеся данные, можно говорить о том, что население стоянки разводило домашних свиней и, возможно, быка (?). Тем не менее, основное место в хозяйственной деятельности занимал охотничий промысел. В перечень охотничьих видов входят лошадь, гидрунтиновый осел, дикий бык тур, бизон и благородный (европейский) олень (?).

Перечень определенных элементов скелета позволяет предположить, что животных разделывали непосредственно на территории стоянки и добывали, вероятно, в непосредственной близости от нее. На стоянку туши добытых животных приносили целиком, включая головы и нижние части ног. Отсутствие данных промеров костей не позволяет уточнить видовую принадлежность животных и сравнить их с материалами других памятников неолитического периода.

Литература

Гаскевич Д.Л. 2010. Северо-понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы. Stratum plus. № 2.

Гумашьян С.В. 1985. Отчет о раскопках мезо-неолитического поселения Петровская Балка в 1985 году. // Махнева О.А. Отчет о работе Симферопольской экспедиции в 1985 году. НА ІА АН України. 1985/12, 12а № 21834.

Гумашьян С.В. 1986. Отчет об охранных раскопках поселения Петровская Балка в 1986 году. // Махнева О.А. Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1986 году. НА ІА АН України 1986/23 № 22010.

Гумашьян С.В. 1990. Отчет о раскопках поселения Петровская Балка в 1990 году. // Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П. Отчет о работе Симферопольской экспедиции в 1990 году. НА ІА АН України. 1990/55 № 24056.

Гумашьян С.В., Кислый А.Е. 1991. Исследование археологических памятников на массиве Петровские Высоты в 1991 году. // Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Гумашьян С.В., Кислый А.Е. Отчет о работе Симферопольской экспедиции в 1991 году. НА ІА АН України 1991/1 № 24423.

Зайцев Ю.П. 2003. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.

Колосов Ю.Г. 1957. Нові неолітичні стоянки Криму. КСІА УССР, вип.7.

Колосов Ю.Г. 1985. Неолит Крыма. Археология Украинской ССР. Киев. с. 152–154, рис. 7.

Кольцов Л.В. 1983. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок. Методика полевых археологических исследований. М.

Котова Н.С. 2006. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск.

Котова Н.С. 2013. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Х.

Котова Н.С. 2015 Древнейшая керамика Украины. Харьков.

Крайнов Д.А. 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир 1 как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, Москва.

Леонов С.В. 2006. Исторические аспекты использования наземных улиток в Крыму / Фауна, экология и внутривидовая изменчивость наземных моллюсков в урбанизированной среде. Львов.

Маркевич А. 1890. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя. ИТУАК, 10.

Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. Луганск.

Формозов А.А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Москва.

Щепинский А. А. 1968. О неолите и энеолите Крыма. СА № 1.

Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. 1969. Северное Присивашье. Симферополь.

Шепинский А.А. 1985. Ранний энеолит Крыма. Археология Украинской ССР. Т. 1, Киев. с. 320–321.

Яневич О. 2004. Таш-аїрська неолітична культура Гірського Криму (сучасний стан досліджень) // Кам'яна доба України. Київ.

Cohen V. 1996. Neolithization of the Crimean mountains // Prehistoire Europeenne. Vol. 9.

Cohen V., Otte M. 1996. Some chronological problems of the Upper Paleolithic Azov-Pontic area in light of new radiocarbon data from Crimea // Prehistoire Europeenne. Vol.9.

Telegin D.Ya., Lillie M., Potekhina I.D., Kovaliukh M.M. 2003. Settlement and economy in Neolithic Ukraine: a new chronology // ANTIQUITY. 2003. V.7. № 297.

Yanevich A. 1998. The Neolitic of the Mountainous Crimea // Baltic-Pontic Studies. Vol. 5.

Summary

The paper presents an overview of the archaeological researches in the framework of the exploration of late prehistoric occupation in the structural slope (cuesta) in the Inner ridge of the Cremean mountains. The fieldwork (1985–1991) focused on the settlement of Petrovskaya Balka The most significant findings and results include: there were open and fixed the remains of the site of hunter-gatherers with the beginnings of agriculture in the Late Neolitic period with a maximum recorded for the Petrovskaya Balka at 4670 ± 80 14C BP (Ki – 2981), calibration: 3620–3354 BC. Structures of the cultural layer registered stable character of occupation. A specific feature of the site is the presence of a large number of snail shells in this layer along with other finds. The flint assemblage (7.300 units) represents a broad spectrum of specimens of tools and waste. The ceramics collection (near 800 units) contains two classes of pottery – ornamented and non- ornamented, but both of them were closed in time. Petrovskaya Balka refers to the Mountainous Crimea culture. Archaeozoological evidense have suggested that in the economy of the inhabitants was dominated by hunting and picking up snails. The set of fauna and mollusk chracterise the climatic stage of the end of Atlanticum and the beginning of the subboreal from IV to III thousand BC.

М.А. Лобанова, Д.В. Киосак

Кремнеобрабатывающая «мастерская» в археологических остатках поселения культуры линейно-ленточной керамики Цыра (Молдова)

Введение

Молдавская археологическая экспедиция, работавшая с 1950 по 1962 гг. под руководством Т.С. Пассек, стала эпохальным явлением в истории изучения археологии первобытного Карпато-Днестровского региона (Белановская 2001–2002; Дергачев 2001–2002). Целые главы преистории региона были впервые открыты в то время – культура линейно-ленточной керамики (КЛЛК) в Северной Молдове (Пассек 1957), раннетрипольские поселения типа Флорешть I (Пассек 1958), памятники болградского варианта культуры Гумельница (Черныш 1964), солонченский локальный вариант среднего Триполья, Выхватинский позднетрипольский могильник (Пассек 1961) и т.д. Отдельное место в этом списке занимает и поселение культуры линейно-ленточной керамики у с. Цыра. Оно было открыто В.И. Маркевичем в 1958 г. и в 1959–1960 гг. исследовано МАЭ под руководством Т.С. Пассек (Пассек, Черныш 1963: 29).

В определенной степени оставшаяся в тени блестящих исследований поселения Флорешть I, стратифицированного памятника с яркими материалами, коллекция Цыры, тем не менее, постоянно привлекалась для характеристики «дунайского неолита» Молдовы. Особое внимание уделялось керамическому комплексу (Пассек, Черныш 1963; Маркевич 1973; Черныш 1996; Ларина 1999). Кремневые изделия охарактеризованы типологическим методом, а также подвергнуты комплексному (в том числе трасологическому) изучению Г.Ф. Коробковой (Коробкова 1987: 169). В то же время, современные методические приемы исследования кремневых индустрий (в первую очередь, технологический анализ) к кремневой коллекции Цыры не применялись, и подобный подход может нести определенный эвристический потенциал.

Благодаря кропотливой инвентаризационной работе сотрудников ОАМ НАНУ удалось обнаружить значительную часть кремневой коллекции Цыры в фондах музея. Ее обработка проводилась с помощью базы данных, созданной на основе технологически значимых признаков, выделенных Е.Ю. Гирей (Гиря 1997) и рядом других авторов (Поплевко 2007; Pelegrin 2012), и была ориентирована на интерпретацию технологии кремнеобработки.

Характеристика коллекции. Поселение Цыра расположено на левом берегу реки Реут у плотины на южной окраине одноименного села (Рис. 1). В обрыве берега в 1959 году обнаружены углубления с материалами КЛЛК, интерпретированные как землянки. Одно из них раскопано в 1960 году. Углубление было «восьмерковидным», из двух смежных ям неправильной формы и содержало два очага – на дне каждой из ям. Из него происходило около 40 кремневых изделий. Еще некоторое количество каменных артефактов собрано из вышележащих отложений (Пассек, Черныш 1963: 29–30).

В фондах ОАМ НАНУ хранится 121 кремневый предмет с шифром «Цыра-1960» и производными от него. Сравнение с опубликованными данными позволяет

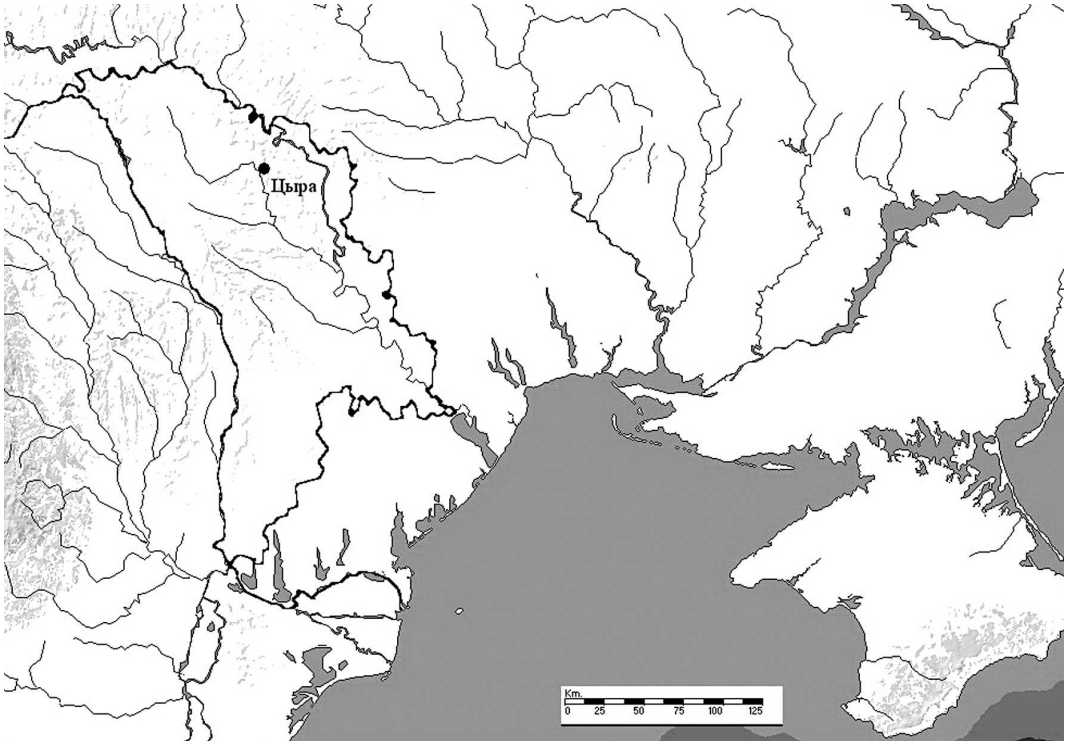

Рис. 1. Расположение поселения Цыра
Fig. 1 Situation of the settlement of Tira

рассмотреть вопрос комплектности и репрезентативности выборки. Г.Ф. Коробкова опубликовала данные о 187 «каменных и костяных предметах», происходящих из раскопок 1959–1960 гг. (Коробкова 1987: табл. 43). Исключив костяное долото и зернотерку, получим цифру в 185 единиц кремневых артефактов, из которых 48 были определены как нуклеусы и 33 использовались как орудия по данным трасологического анализа. Сравнение материалов, хранящихся в ОАМ НАНУ, и опубликованных орудий показывает, что некоторые категории орудий представлены полностью – скобели, другие – почти полностью (скребки, отбойники и вкладыши ножей). Лишь единичные изделия (наконечник копья и вкладыш серпа) отсутствуют в коллекции (Табл. 1). В целом более 80% орудий были доступны для анализа.

Сложнее обстоит дело с нуклеусами. 48 изделий, о которых сообщает Г.Ф. Коробкова, представляют собой 25% исследованной трасологическим методом выборки. Такая структура кремневого комплекса кажется маловероятной. Чтение ярлыков, писанных рукой трасолога на предметах из коллекции ОАМ НАНУ, проливает свет на этот парадокс. Видимо, Г.Ф. Коробкова и ее сотрудники в данном случае использовали термин «нуклеус» как заменитель более общего понятия «предмет расщепления», поскольку в число нуклеусов были включены и нуклевидные обломки, и отдельности сырья, и отдельные сколы обновления площадок и рабочих поверхностей нуклеусов. Учитывая направленность анализа на выявление относительного значения различных отраслей производства, такой подход выглядит рационально обоснованным и правомерным. Принимая во внимание этот факт, можно

заключить, что из 48 предметов расщепления, известных Г.Ф. Коробковой, на сегодня присутствуют 37 артефактов – более 3/4.

Таблица 1

Репрезентативность выборки орудий труда из коллекции Цыры в ОАМ НАНУ

	Функция	К-во (1987)	К-во (2018)	% 2018/1987
1	Скребки	12	10	83,33%
2	Скобели	8	8	100,00%
3	Отбойники	5	4	80,00%
4	Наконечник копья	1	-	0,00%
5	Вкладыши ножей	4	3	75,00%
6	Вкладыш серпа	1	-	0,00%
7	Всего	31	25	80,65%

Отсутствующие предметы вряд ли утеряны. Как известно, большая часть коллекции Цыры хранится в Национальном музее истории Молдовы (г. Кишинев). В частности, там находятся два конических нуклеуса и концевой скребок на пластине. Возможно, там удастся идентифицировать и остальные «недостающие» вещи.

Итак коллекция ОАМ содержит 2/3 всех кремневых изделий, 3/4 предметов расщепления и 4/5 всех изделий с микроследами использования. Данная выборка может рассматриваться как вполне репрезентативная и из количественных соображений. Более того, хранящиеся в ОАМ артефакты происходят исключительно из раскопок 1960 г. Судя по шифрам, часть из них происходит со дна углубления открытого в том году, или же с различных глубин в его заполнении и в грунте над ним. Учитывая незначительный размер раскопа и отсутствие в нем других объектов, можно предполагать, что кремневые изделия формируют комплекс, связанный с «восьмерковидным» углублением. В то же время «недостающие» артефакты могли происходить и из поверхностных сборов 1958 г., и из зачистки 1959 г., и быть не столь очевидным образом связанным с упомянутым комплексом. По данным Т.С. Пассек, с дна ям близ очагов происходят 7 обломков, 2 целых нуклеуса, 4 отщепа, 4 обломка и пластина (Пассек, Черныш 1963: 30). Все эти вещи с шифром «Р.1 дно» присутствуют в коллекции ОАМ НАНУ. Таким образом, последняя представляет собой содержательную выборку из материалов, собранных непосредственно в углубленном объекте или возле него, и может быть интерпретирована как один комплекс изделий.

Технико-типологический состав коллекции (табл. 2) характеризуется значительным преобладанием предметов расщепления и сколов, связанных с подготовкой серийного производства пластинчатых заготовок.

Сырье, использованное на памятнике, исключительно однородно. Это темно-серый, серый и светло-серый кремень с многочисленными белыми включениями, иногда в тонких сколах прозрачный, но чаще – непрозрачный или мутный. Корка, которая встречается на дорсальных поверхностях предметов из коллекции ОАМ очень часто, обычно ноздреватая, редко гладкая, аллювиального происхождения.

Сырье содержало внушительное число каверн, покрытых такой же коркой, и заметно затруднявших серийное расщепление. Для раскалывания выбирались конкреции значительных размеров – до 12х10 см в поперечнике и весом в основном в несколько сотен граммов, а в одном случае – и более килограмма. Иногда для обработки использовались и меньшие гальки. Параметры одной из них сохранил один из нуклеусов, в дальнейшем использованный как отбойник. Речь идет об удлиненной уплощенной гальке, овальной в плане с толщиной 4 см и шириной, как минимум, 4 см. Длина ее ненамного превышала 8 см (судя по небольшим участкам с сохранившейся коркой на противоположных концах изделия).

Таблица 2

Технико-типологическая характеристика		
Группы инвентаря	К-во	%
Оббитые и расколотые гальки	11	9,1%
Обломки	4	3,3%
Ситуативные нуклеусы	10	8,3%
Пренуклеусы	2	1,7%
Нуклеусы для пластин	9	7,4%
Первичные и полупервичные сколы	13	10,7%
Технологические сколы	8	6,6%
Отщепы и фрагменты сколов	24	19,8%
Пластинчатые сколы	15	12,4%
Отбойники	4	3,3%
Изделия с вторичной обработкой	21	17,4%
Всего	121	100,0%

Т.С. Пассек упоминает один нуклеус «мелового темного кремня» (Пассек, Черныш 1963: 30), видимо, подразумевая высококачественный прозрачный кремень Верхнего Днестра (Petrougne 1995). Он был хорошо ей знаком, так как значительная часть кремневых артефактов Незвисько и Торского были изготовлены из такого сырья. Изделий из него в коллекции ОАМ НАНУ не обнаружено. Всего здесь присутствуют 11 отдельностей сырья общим весом около 2,5 кг. Две из них подбираются к друг другу по обветренной поверхности слома и, скорее всего, представляют собой один предмет, расколовшийся на две части еще в древности.

Серый кремень с многочисленными белыми включениями по макроскопическим характеристикам аналогичен кремню, выстилающему ложе реки Реут на отдельных участках (Ларина 1999: 47), также описанному во многих месторождениях на Среднем Днестре (Petrougne 1995). Это сырье может рассматриваться как местное, и источник его должен был бы располагаться недалеко от памятника.

Предметы расщепления. Отдельную категорию изделий составляют ситуативные нуклеусы (10 шт.). Речь идет о предметах, использованных для расщепления «по случаю», без старательной подготовки снятий, для получения сколов иррегулярной

формы. Восемь из них – одноплощадочные. С отдельностей сырья или с массивных отщепов, с удобных, неподготовленных площадок снималась серия однонаправленных сколов, чаще всего отщепов. Лишь в двух случаях грань между ударной площадкой и рабочей поверхностью подвергалась абразивной обработке. Двуплощадочный ситуативный нуклеус обладает двумя противоположно ориентированными рабочими поверхностями для снятия тонких микропластинок на противолежащих концах предмета. Еще один ситуативный нуклеус – трехплощадочный. Первоначально он использовался для производства пластин, однако в дальнейшем, когда основная его рабочая поверхность истощилась, короткие, нерегулярных очертаний пластинки снимались в различных направлениях с удобных участков предмета.

Серийному снятию пластинчатых заготовок предшествовала подготовка пренуклеусов (Рис. 2). В коллекции две таких стадиальных формы. Им придана ладьевидная форма сериями широких трапециевидных отщеповых снятий по обоим флангам с широкой и плоской будущей «рабочей поверхности». Также с нее похожими поперечными сколами подготовлены площадки на обоих концах преформ. Углы при площадках достаточно острые – 60–75 градусов. В одном случае на рабочей поверхности была уже сформирована грань двусторонней подперекрестной оббивкой «с ребра». Попытки снять это ребро и, таким образом, перейти к серийному изготовлению пластинчатых заготовок завершились неудачно (заломами) и преформа была оставлена. Размеры пренуклеусов значительные – вес до 550 граммов, 12х7 см и 11х5 см.

Нуклеусы, вовлеченные в серийное получение пластинчатых заготовок, достаточно разнообразны по форме, однако все же следуют одной общей стратегии подготовки и использования некого объема сырья. По морфологии они разделяются на уплощенные и односторонние (3 ед.), призматические (4 ед.) и торцовый. По числу площадок можно различать ядрища с одной (4 шт.), двумя (3 шт.) и тремя (1 шт.) площадками. Стратегия расщепления реконструируется следующим образом. С пренуклеуса ладьевидной формы, с одной из площадок снималось первичное ребро. Так, открывалась односторонняя рабочая поверхность, с которой отщеплялись пластины и пластинки. Скалывание в большинстве случаев велось однонаправленно, вторая площадка использовалась как вспомогательная, для снятия заломов и вскрывавшихся неоднородностей сырья. Характерной стадиальной формой на этом этапе были уплощенные односторонние нуклеусы (Рис. 3: 5, Ларина, Дергачев 2017: Табл. 31:

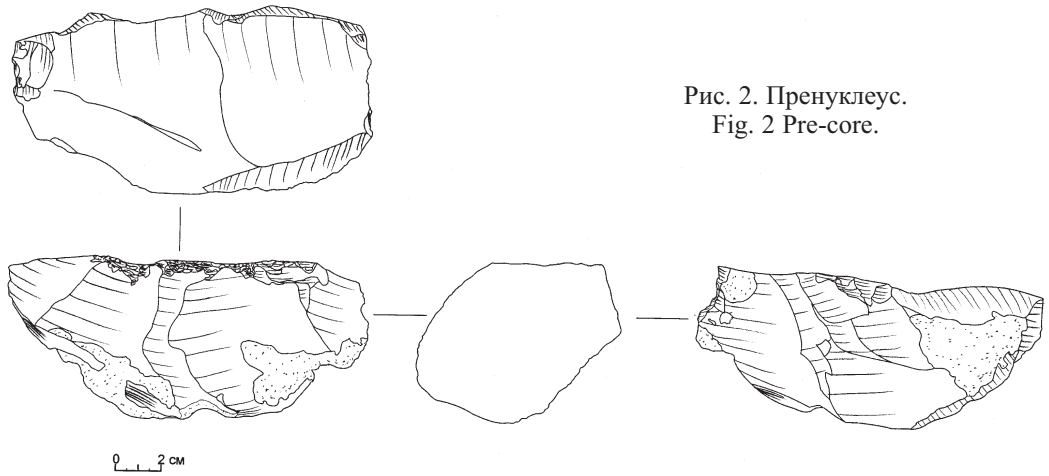

Рис. 2. Пренуклеус.
Fig. 2 Pre-core.

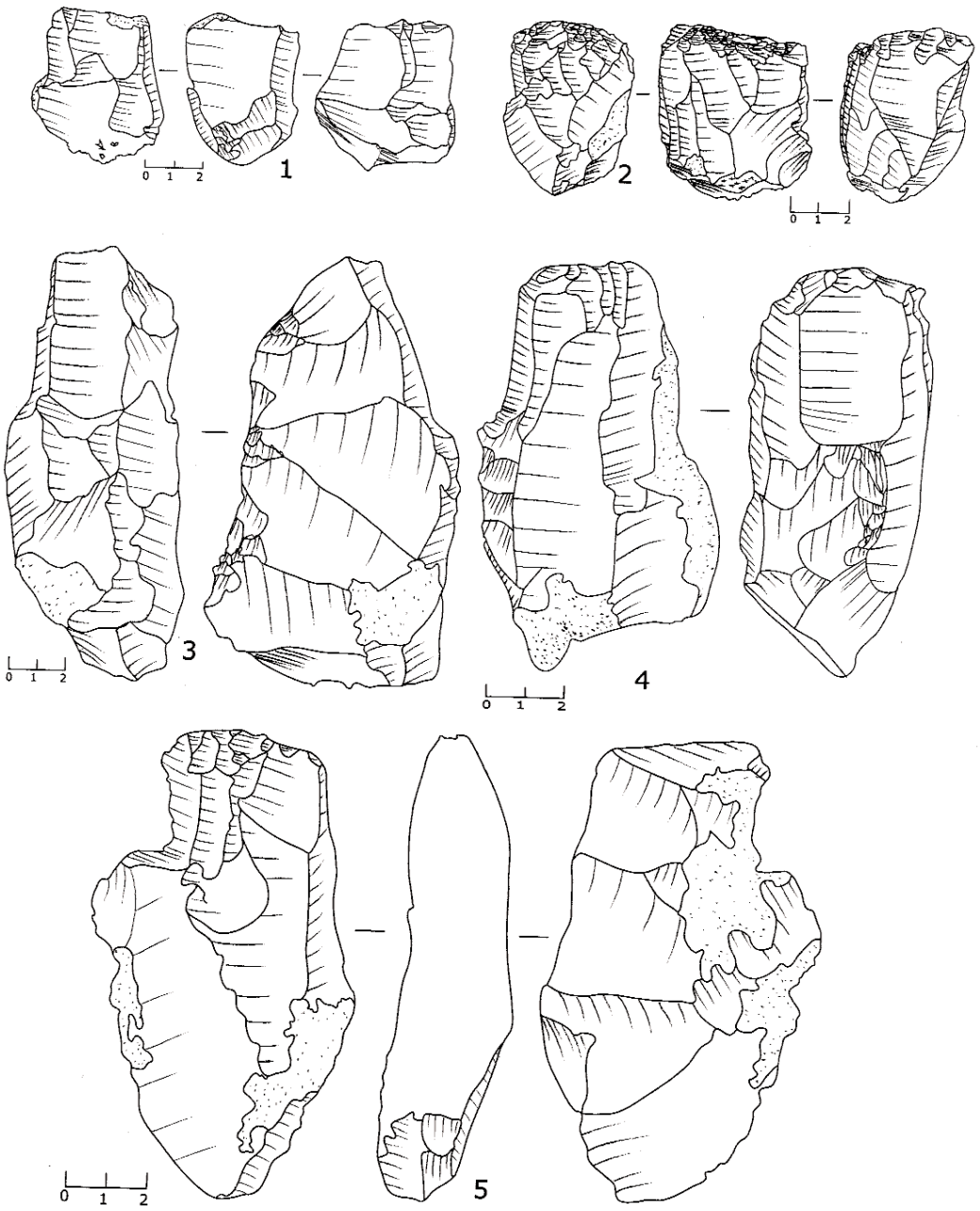

Рис. 3. Нуклеусы.
Fig.3. Cores.

16) или, возможно, торцовые (Рис. 3: 3). В дальнейшем при предельном уплощении рабочей поверхности, необходимостью становилось перенесение расщепления на один из торцов. Для этого оббивкой «на фланг» с рабочей поверхности оформлялось одностороннее ребро. Попытка отщепить такое ребро на нуклеусе пн 77 (Рис. 3: 4) закончилась неудачей и этот предмет расщепления был оставлен, зафиксировав этот этап технологического процесса. После исчерпания возможностей регулярного серийного расщепления нуклеус переоформлялся рядом приемов: снятиями с рабочей поверхности на ударную площадку, попыткой использовать тыл нуклеуса в качестве новой рабочей поверхности, а киль – в качестве ударной площадки, расщеплением с низа рабочей поверхности на киль и прилегающую часть тыла. В результате переоформления нуклеус приобретал морфологию объемного призматического нуклеуса и становился двух-, трехплощадочным (Рис. 3: 1–2). Суммарный вес нуклеусов превышает 1,6 кг. Четыре нуклеуса были оставлены с весом, превышающим 200 граммов. Эта очевидная растрата сырья еще раз свидетельствует об изобилии местного кремня близ памятника.

Многие нуклеусы после прекращения серийного расщепления были утилизированы для бессистемного снятия отщепов. Три небольших нуклеуса использовались в дальнейшем как отбойники.

Два подконических нуклеуса с рабочими поверхностями для пластинок и микропластин представляют, очевидно, иную стратегию получения целевых сколов и известны нам исключительно по публикации О.В. Лариной и В.А. Дергачева (Ларина, Дергачев 2017: Табл. 31, 14–15). Они выглядят инородным телом на фоне общего контекста описываемой индустрии.

Сколы. В коллекции заметной группой представлены массивные сколы с дорсальной поверхностью, полностью или частично покрытой коркой (13 ед.). Это 8 полупервичных, 4 первичных отщепов и полупервичная пластина. Вес их составляет почти 1 кг.

Таблица 3

Метрический состав отщепов

Диаметр, мм	Целые сколы и фрагменты	Частично в корке	Первичные	Полупервичные	Всего
0–10	0	0	0	0	0
10–20	0	0	0	0	0
21–30	4	3	0	0	7
30–40	3	6	2	0	11
Более 40	2	6	2	8	18
Всего	9	15	4	8	36

Из 36 отщепов и фрагментов сколов большинство несет следы корки на дорсальной поверхности – 27 ед. Полностью отсутствуют не только чешуйки, но и вообще отщепы размером менее 2 см. Возможно, такая ситуация обусловлена намеренным характером выборки в коллекции ОАМ и такие сколы были обнаружены на памятнике, но не представлены в выборке, доступной для изучения. Это предположение менее вероятно, чем содержательная интерпретация, предложенная ниже,

ввиду того, что МАЭ не проводила селекцию кремневых предметов на месте раскопок, а отбирала для изучения кремневый комплекс целиком. Выборка ОАМ представлена всеми категориями, известными для полноценного кремневого комплекса, в том числе и столь же малоинформативными как мелкие отщепы и чешуйки (например, обломки – 4 ед.). Поэтому сомнительно, что коллекция носит намеренно сортированный характер в этом аспекте.

Технические сколы – те отщепы и пластины, место которых в подготовке и поддержании серийного расщепления можно достаточно точно установить. Теоретически в эту группу следует включать все сколы, не являющиеся целью расщепления, и препятствием этому служит лишь ограниченность наших знаний о роли того или иного снятия в ходе производства конечного продукта. Эта группа представлена, в первую очередь, сколами обновления площадки нуклеуса (4 ед.). Они разнотипны. Один из них снимает почти всю площадку большого призматического нуклеуса с рабочей поверхностью для широких и толстых сколов на 3/4 периметра. Два скола служили для оживления «смятой» грани между ударными площадками и рабочими поверхностями и, соответственно, сняты вдоль этой грани. Наконец, достаточно специфическое изделие представлено сколом, направленным также вдоль вышеупомянутой грани, но ввиду неудачного управления скалывающей поверхностью, снявшего большую часть рабочей поверхности (Рис. 4: 10).

Эпизод переориентации двухплощадочного одностороннего нуклеуса фиксирует скол с остатками пластинчатой огранки, ориентированной навстречу оси самого отщепа на его дорсальной поверхности (Рис. 4: 11). Другой скол, видимо, снимался при поправке поверхности пренуклеуса сформированной широкими трапециевидными сколами. Он мог служить и для поддержания поперечной выпуклости рабочей поверхности нуклеуса в ходе расщепления. Единичными изделиями представлены полуреберчатый скол (Рис. 4: 12), скол снятия заломов с рабочей поверхности, скол с киля нуклеуса подконической формы.

Технические сколы фиксируют последовательность стадиальных форм и стратегию расщепления, описанную при рассмотрении нуклеусов – от ладьевидного пренуклеуса, через расщепление одностороннего двухплощадочного нуклеуса, переход на его торец, вплоть до его переоформления в призматичное двух-, трехплощадочное ядрище.

Многочисленные негативы сколов на нуклеусах, общая направленность стратегии расщепления позволяют утверждать, что, несмотря на их относительную немногочисленность (15 ед., 13%), целью производства были пластинчатые заготовки, в данном случае в виде широкой и короткой пластинки или пластины не самых правильных очертаний (Рис. 4: 1–9).

Таблица 4

Метрический состав пластинчатых сколов

Ширина, мм	Целые	Проксимальные	Медиальные	Дистальные	Всего
0–7	0	0	0	0	0
7–12	1	1	0	1	2
12–20	0	1	0	2	3
Более 20	4	1	0	4	5
Всего	5	3	0	7	15

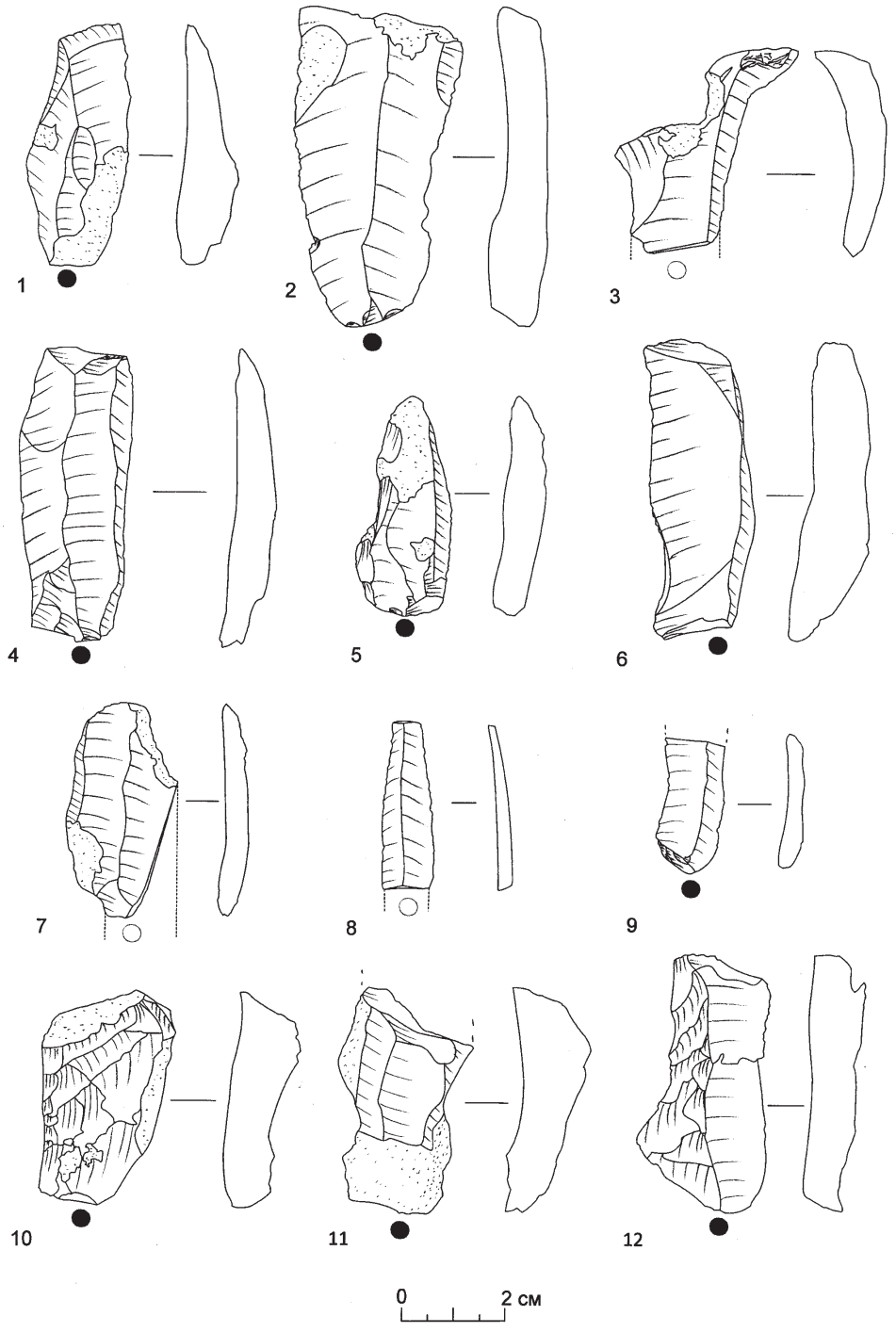

Рис. 4. Сколы.
Fig. 4. Blades and technical flakes.

В кремневом комплексе с резидентного поселения неолита обычно преобладают именно медиальные сечения – как наиболее удобные для использования (Tringham 1968; Kaczanowska 1980). Тут же они полностью отсутствуют среди пластинчатых сколов без вторичной обработки. Единственный медиальный фрагмент был использован как вкладыш ножа по данным трасологического анализа и несет люстровый блеск и мелкую краевую ретушь. Более того, почти полное наличие изделий на пластинах, известных в Цыре в результате раскопок, по сравнению данных трасологических исследований и современного состояния, не позволяет объяснять отсутствие медиальных сечений пластин и пластинок постдепозиционной селекцией. Таким образом, можем заключить, что наиболее пригодная часть пластинчатых сколов, производимых на памятнике, была изъята из комплекса, видимо, намеренно – с целью их дальнейшего использования в производственном процессе.

Таблица 5

Изделия с вторичной обработкой

Наименование	К-во	%
Скребла	2	9,5%
Скребки	8	38,1%
концевые на отщепах	1	4,8%
концевые на пластинах	1	4,8%
концевые на технических сколах	1	4,8%
боковые на отщепах	2	9,5%
боковые на технических сколах	1	4,8%
лезвия	2	9,5%
Отщепы с краевой ретушью	6	28,6%
Проколки на отщепах	2	9,5%
Пластины с краевой ретушью	2	9,5%
Пластины с косым усечением	1	4,8%
Всего	21	100,0%

Изделия с вторичной обработкой. Комплекс изделий с вторичной обработкой в основном совпадает с набором орудий труда, выделенных трасологическим методом. Лишь в одном случае в качестве вкладыша ножа была использована неретушированная проксимальная часть пластины. И, наоборот, перфоратор на отщепе остался не задействованным в производственных операциях.

Скребки (8 ед.) представлены 3 концевыми скребками на отщепах и широкой пластине, 3 боковыми скребками на отщепах и 2 фрагментами скребковых лезвий. Скребла изготовлены на массивных отщепах – выпуклое простое скребло на краю полупервичного отщепа и двойное, прямое, конвергентное на отщепе с коркой на дорсальной поверхности.

Отщепы с мелкой краевой ретушью (6 ед.), иногда формирующей выемки, как и одна пластина с такой же ретушью, были использованы в качестве скобелей. В двух же случаях мелкая краевая ретушь оформляла жала проколок на удобных участках массивных отщепов. Одна из таких проколок использовалась как скобель согласно Г.Ф. Коробковой (Коробкова 1987: табл. 43).

Медиальное сечение пластины с люстром и мелкой ретушью по обоим краям и проксимальная часть пластины с косым усечением были использованы в качестве вкладышей ножей.

Выводы. Кремневая индустрия КЛЛК предстает перед нами как индустрия с развитым пластинчатым компонентом, одно-и двухплощадочными нуклеусами, часто реутилизированными в качестве отбойников, значительным процентом орудий, преобладанием среди них концевых скребков на пластинах и удлиненных отщепах, ретушированных пластин и пластинок, с присутствием «длинных» фрагментов пластин с люстром («вкладышей серпов») (Tringham 1968; Kaczanowska 1980).

Д.Л. Гаскевич определил среднеднестровский вариант кремневой индустрии КЛЛК. Дня него характерно присутствие субконических нуклеусов, ассиметричных трапеций и параллелограммов, отдельных подокруглых скребков на отщепах. Среди «вкладышей серпов» преобладают неретушированные фрагменты пластинок (Гаскевич 2003: 6). О.В. Ларина описывает очень схоже кремневый инвентарь памятников Республики Молдова (Ларина 1999: 46–50). С. Цуркану считает особенностями инвентаря КЛЛК гомогенную структуру с преобладанием скребков и ретушированных пластин, почти полное отсутствие резцов, наличие геометрических микролитов, иногда (Траян-Дялул-Фынтынилор) в значительной пропорции. Более 60% орудий – микролитичны, лишь 2% макролитичны (Turcanu 2009).

Описанная коллекция, хоть и немногочислена количественно, достаточно выразительна на общем фоне кремневых индустрий КЛЛК Приднестровья своим качественным составом. Скорее всего, она отражает несколько эпизодов кремнеобрабатывающего производства, ориентированного на получение пластин. Еще Т.С. Пассек отмечала, что на поселении Цыра «изготовлялись орудия из кремня» (Пассек, Черныш 1963: 30). Г.Ф. Коробкова пришла к выводу о значительной роли «изготовления орудий труда» в Цыре, поскольку в нем участвовало «свыше 65% всех инструментов» (Коробкова 1987: 169).

С точки зрения технологического подхода к кремневой индустрии в первую очередь следует отметить экстенсивный характер кремнеобработки – большая часть сколов несет остатки корки на спинке, значительно число первичных и полупервичных сколов, отдельностей сырья. Еще более выразительным будет сравнение их с орудиями по весу. Совместно категории изделий, связанные с подготовкой сырья к расщеплению, весят около 4 кг – в десятки раз больше веса конечных продуктов (орудий и пластин). К тому же, все изделия достаточно крупные. Нефрагментированные вещи, могущие быть отнесенными к микролитическим, в коллекции полностью отсутствуют. Предполагая, что микролитизация кремневого комплекса «среднего» поселения КЛЛК, является результатом редукции заготовок в процессе подправки и переиспользования (Nash 1996), можно заключить, что комплекс Цыры находился в самом начале цепочки от изготовления кремневого скола до его использования на резидентном поселении конечным потребителем.

В то время как цепочка стадиальных форм пренуклеусов и нуклеусов направлена на производство пластинчатых заготовок, непропорционально малое число пластин, особенно их медиальных сечений, может указывать на то, что большая их часть была изъята из комплекса в древности с целью дальнейшего производственного использования. Подобная ситуация прослежена на Бодаках, более позднем трипольском поселении, специализированном на кремнеобработке (Скакун и др. 2012).

Изделия с вторичной обработкой, наличные в коллекции, в основном представляют собой достаточно грубые орудия «по случаю», изготовленные на месте из непосредственно доступных отходов расщепления кремня – отщепов и технических сколов, достаточно резко контрастируют, в основном, с пластинчатыми комплексами, известными на других поселениях во всем ареале КЛЛК (Gronenborn 1998; Ларина 1999; Mateiciucova 2008).

Таким образом, кремневый комплекс из углубленного объекта Цыры со значительной долей вероятности представляет собой остатки кремнеобрабатывающей «мастерской» по производству пластин из местного сырья среднего качества. Термин «мастерская» применяется в данном случае условно, не предполагая какой-либо специализации мастера по расщеплению кремня (Pelegrin 1994). Все проводимые операции не требовали каких-либо особых технических компетенций и по своему масштабу вполне вписываются в объем производства в рамках отдельного домохозяйства для удовлетворения его потребностей. К тому же, наличие небольшого числа орудий труда в коллекции (скребков, скобелей, ножей) указывает и на проведение обычных хозяйственных операций наряду с занятием кремнеобработкой.

При этом углубленный объект Цыры сложно охарактеризовать как место первичного расщепления. Этому противоречит почти полное отсутствие чешуек и мелких отщепов – постоянных спутников актов раскалывания кремня. Многочисленные примеры (Черныш 1951; Черныш 1962; Черныш 1967) свидетельствуют, что полевая методика МАЭ была достаточно совершена для того, чтобы зафиксировать эти мелкие сколы в расчистке. Поэтому, можем предполагать, что их не было неподалеку от очагов углубленного объекта и в его заполнении. Для интерпретации этой парадоксальной ситуации можно предположить, что углубление на Цыре представляет собой вторичный контекст отложения кремневых артефактов. Они, вероятно, были в него перемещены или в качестве невостребованного «склада» сырья на будущее, или же просто в ходе акта/ов уборки места первичного расщепления, когда мелкие чешуйки остались на месте, а крупные предметы были перемещены в углубление, утратившее свое первоначальное назначение и вторично использованное как обычная мусорная яма. Последнее предположение подтверждает и почти полное отсутствие фактов ремонтажа между отдельными изделиями (2 случая). При фиксации остатков расщепления *in situ* ожидаемый процент ремонтажа значительно выше (Inizan и др. 1995).

Производственный характер кремневого комплекса Цыры является редкостью для КЛЛК Среднего Поднестровья. Он позволяет сформулировать ряд важных для изучения технологии расщепления результатов: выделены стадиальные формы получения пластин, определена новая разновидность технического скола (широкий трапециевидный скол формирования флангов пренуклеусов), получены данные к изучению эффективности кремнеобработки при широкой доступности местного сырья. Исходя из этих предпосылок, возможен новый взгляд и на хорошо известные кремневые комплексы КЛЛК, происходящие из поселенческих контекстов.

Литература

Белановская Т.Д. 2001–2002. Светлой памяти Татьяны Сергеевны Пассек (15 августа 1903 г. – 4 августа 1968 г.) // Stratum Plus, № 2.

Гаскевич Д.Л. 2003. Крем'яний інвентар неолітичних культур України. К.: Автореф. дис. канд. іст. наук: 07.00.04 / НАН України. Ін-т археології.

Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий // Археологические изыскания № 44.

Дергачев В.А. 2001–2002. «...В урну собрав на чужедальнем костре» (К 100-летию Т.С. Пассек) // Stratum Plus, № 2.

Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. М.: Наука.

Ларина О.В. 1999. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. STRATUM Plus, № 2.

Ларина О.В., Дергачев В.А. 2017. Памятники культуры линейно-ленточной керамики Республики Молдова (свод источников). Кишинэу: Академия наук Молдовы, Институт культурного наследия.

Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2. Кишинев: Штиинца.

Пассек Т.С. 1957. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году (Поселение у с. Флорешты) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 70.

Пассек Т.С. 1958. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья // Советская археология, 1.

Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, Б I–II.

Поплевко Г.Н. 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Скакун Н.М., Цвек О.В., Гусєв С.О., Матєва Б.І., Терьохіна В.В. 2012. Нові дослідження на трипільському поселенні Бодаки // Археологія, № 4.

Черныш Е.К. 1951. Трипольские орудия труда поселения у с. Владимировки [Кировогр. обл.] // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 40.

Черныш Е.К. 1962. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье // Материалы и исследования по археологии СССР 102.

Черныш Е.К. 1964. Многослойное поселение у г. Болград Одесской области // КС ОГАМ за 1962

Черныш Е.К. 1967. Трипольские мастерские по обработке кремня // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 111.

Черныш Е.К. 1996. Культура линейно-ленточной керамики // Неолит Северной Евразии. Москва: Наука.

Gronenborn D. 1998. Ältbankeramische Kultur, La Hoguette, Limburg, and ... What else? - Contemplating the Mesolithic-Neolithic transition in the southern Central Europe // Documenta Praehistorica XXV.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. 1995. Technologie de la pierre taillée. Meudon: C.R.E.P.

Kaczanowska M. 1980. Steinindustrie der Kultur der Linienbandkeramik // Problemes de la Neolithisation dans certaines regions de l' Europe. Wroclaw: Zaklad Narodowy imienia Ossolinskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Mateiciucova I. 2008. Talking stones: the chipped stone industry in Lower Austria and Moravia and the beginnings of the Neolithic in Central Europe (LBK), 5700–4900 BC. Brno: Masarykova Univerzita.

Nash S.E. 1996. Is Curation a Useful Heuristic? // Stone Tools: Theoretical Imights into Human Prehistory. New York: Plenum Press.

Pelegrin J. 1994. Lithic technology in Harappan times // South Asian Archaeology, 1993 Insights, II. Helsinki.

Pelegrin J. 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The emergence of pressure blade making: Springer.

Petrougne V.F. 1995. Petrographical-lithological characteristics of stone materials from the late-Tripolye cemeteries of Sofievka-type // Baltic-Pontic Studies, 3.

Tringham R. 1968. A preliminary study of the early neolithic and latest mesolithic blade industries in southeast and central Europe // Studies in Ancient Europe: Essays presented to Stuart Piggot. Leicester: Leicester University Press.

Turcanu S. 2009. Industria litica cioplita din Neoliticul Moldovei. Iasi: Editura Universitatii «Alexandru Ioan Cuza».

Summary

An important moment in the prehistory study of the Carpathian-Dniester region was the Moldovian archaeological expedition of 1950–1962. Linear pottery culture in Northern Moldova was one of the parts of the study, in particular, at the settlement opened by V. Markevich near the village ?îra. Flint complex was previously studied, but without using of the modern methodological approaches. A database was created in the paper that focused on the interpretation of the flint processing technologies based on technologically significant principles. The collection is not numerous, but it is expressive against the general background of the flint industries of LBK in the Dniester region.

Энеолит и усатовская культура

Э. Кайзер, К. Герлинг, М. Ризенберг

Маяки в лаборатории. Изотопно-химические анализы комплексного памятника Маяки[1]

Данную статью мы посвящаем Владиславу Петренко. На протяжении своей активной научной деятельности он достиг невероятных высот в изучении археологии Северо-Западного Причерноморья и энеолита. Особой благодарности заслуживает то, что столь значимый памятник, как Маяки, был исследован и задокументирован с особой тщательностью. Владислав Петренко позаботился о том, чтобы сохранить все находки, обнаруженные на раскопках под его руководством. Лишь благодаря добросовестному архивированию объектов, будь это фрагмент керамики, орудие из кремня или кость рыбы, и сегодня возможно проводить дальнейшие исследования. Научное сотрудничество Владислава Петренко и Эльке Кайзер получило развитие, когда в рамках Exzellenzcluster 264 Topoi (Берлин) представилась возможность проведения изотопно-химических анализов, для которых искали материалы из комплексов энеолита и бронзового века на территории Северного Причерноморья.

Один из проектов, для которого были сделаны радиоуглеродные датировки из погребений в Маяках, уже закончен и находится в печати на немецком языке (Petrenko et al. 2019). Новые ^{14}C-датировки были опубликованы на русском языке в сборнике «Материалы по археологии Северного Причерноморья» (Петренко, Кайзер 2011). В настоящее время в заключительной стадии находится еще один проект, проводящийся в Институте доисторической археологии Свободного университета Берлина, целью которого является изучение изотопов стронция в зубах животных. На основании результатов этих двух проектов, в данной статье хотелось бы продемонстрировать, сколь высок их потенциал для археологических исследований. Владислав Петренко отчетливо осознавал, какие перспективы открывает применение различных естественно-научных методов, и потому, когда мы обратились к нему с просьбой, без промедления согласился принять участие в совместных исследованиях. Очень жаль, что он сам уже не сможет узнать, к каким результатам привели его усилия и интересы. По этой причине мы посвящаем данную статью Владиславу Петренко, ведь она смогла появиться лишь благодаря его дальновидности и готовности к сотрудничеству!

Памятник Маяки

Разумеется, памятник Маяки, не мог представить никто иной, как сам Владислав Петренко. Этому памятнику он посвятил множество статей, ссылки на некоторые из них приводятся здесь (Петренко, Ковалюх 2003; Петренко, Кайзер 2011; Petrenko et al. 2019). На топографической карте виден памятник размером 600 х 200 м, состоящий из групп курганов и грунтовых захоронений, а также остатков поселения (ил. 1). Первые захоронения на Маяках были сделаны в эпоху раннего энеолита. Здесь представлены и курганные группы усатовской и ямной культуры, а также погребения позднего бронзового века и сарматского времени (Петренко, Кайзер 2011: 32; Petrenko et al. 2019).

---

[1] Авторы выражают благодарность за перевод статьи на русский язык Марине Тыдо.

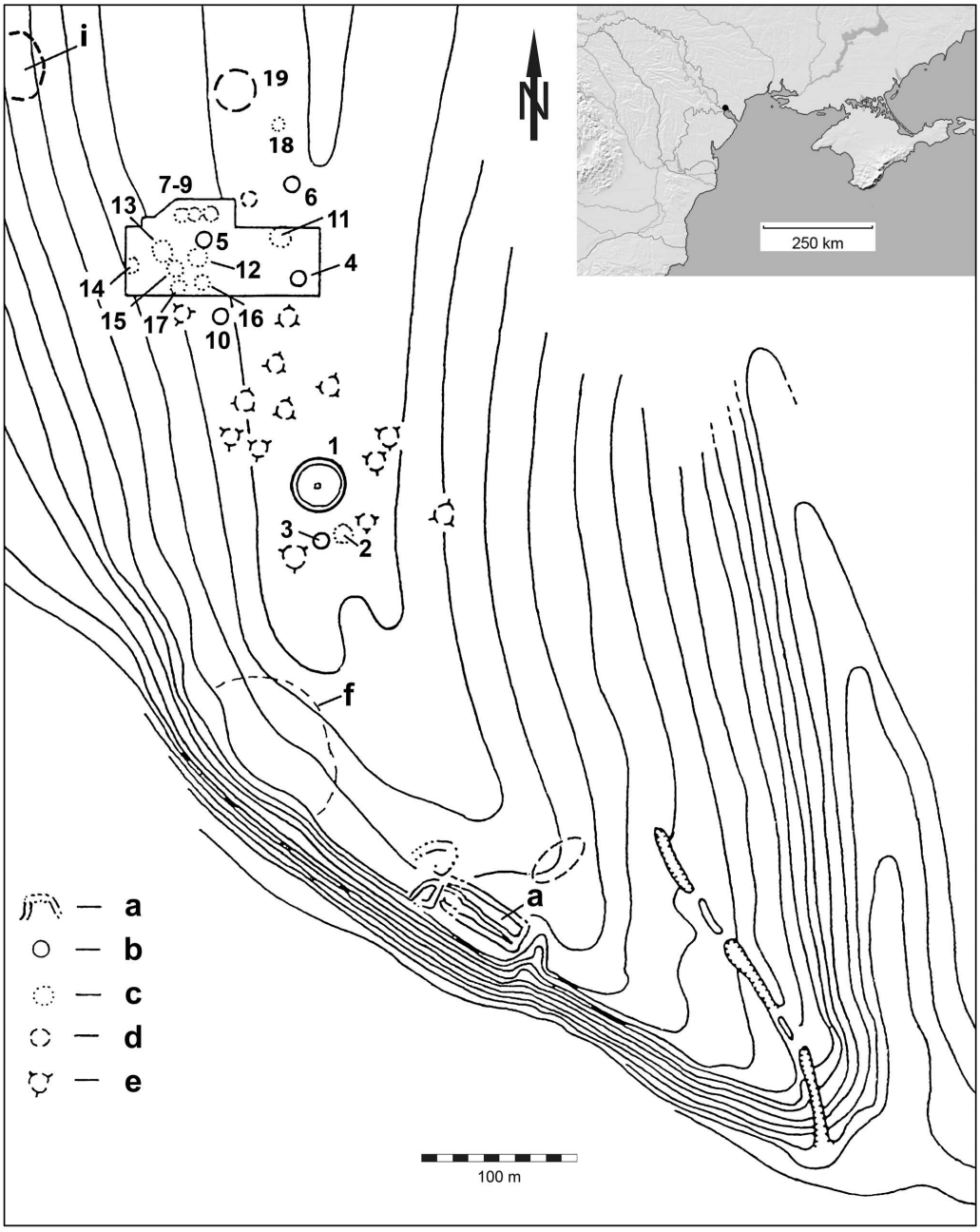

Рис. 1. Сводный план памятника Маяки.
a – рвы городища; b – исследованные курганы; c – участки одиночных и грунтовых захоронений; d – разрушенные участки грунтовых захоронений и курганы; e – предположительные места исследованных захоронений; f – стойбище эпохи бронзы; i – поле ритуальных ям первых веков н.э.

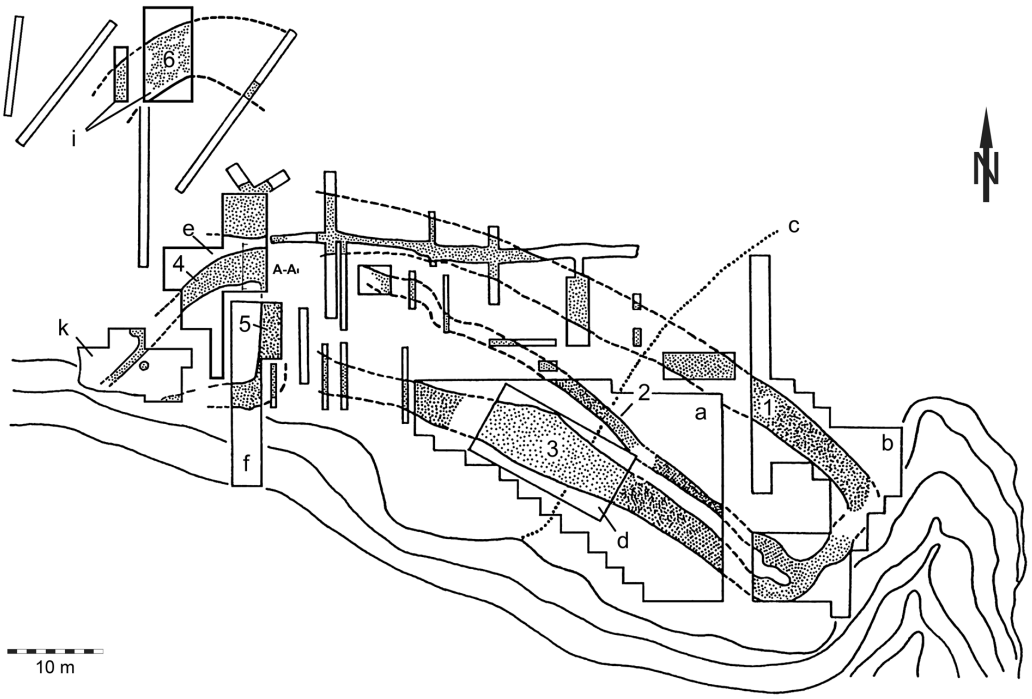

Рис. 2. Городище Маяки.
Сводный план по состоянию на 2009 г.: «зольные рвы» 1–6; участки, вскрытые наряду с шурфами В.Г. Збеновичем (a–b); граница карьера, уничтожившего восточную часть городища в 1972–1974 гг. (c); раскопы экспедиций Одесского археологического музея НАН Украины (d–k); А – А1 – разрез рва № 4 (см. рис. 3).

При раскопках городища Маяки на площади размером 130 х 40 м были обнаружены лишь рвы. Точное количество рвов определить невозможно. Причиной этому служит прерывистость, а также многочисленные разрушения большей части системы рвов, расположенной на бровке берега Днестровского лимана (рис. 2). Однако можно было идентифицировать около шести или семи рвов, глубина и ширина которых крайне вариабельна (Petrenko et al. 2019). Некоторые из них пролегают более или менее параллельно относительно края обрыва, а некоторые поперечно, и в некоторых случаях они напоминают окончания сегментов рвов. Проблематично и то обстоятельство, что невозможно восстановить линию рвов, идущую в направлении юго-запада, а также размер поверхности, некогда ими окруженной. Сколь различны размеры рвов, столь единообразно их заполнение. Оно во всех случаях состояло из нескольких слоев, достигавших иногда толщины до 30 см. Верхние слои заполнения рвов состояли из серо-коричневого суглинка, смешанного с золой (рис. 3). Под ними находились значительно более тонкие слои, частично лессовидные отложения, глиняно-песчаные отложения, в различных частях пересекаемые серыми лентами, содержащими золу. Очевидно, заполнение рвов происходило постепенно, но не все рвы заполнялись одновременно. В верхней части они, вероятно, время от времени очищались и вновь заполнялись тем же грунтом. За исключением слоев из чистого лесса, который, предположительно, заносился в рвы эрозией с поверхности, запол-

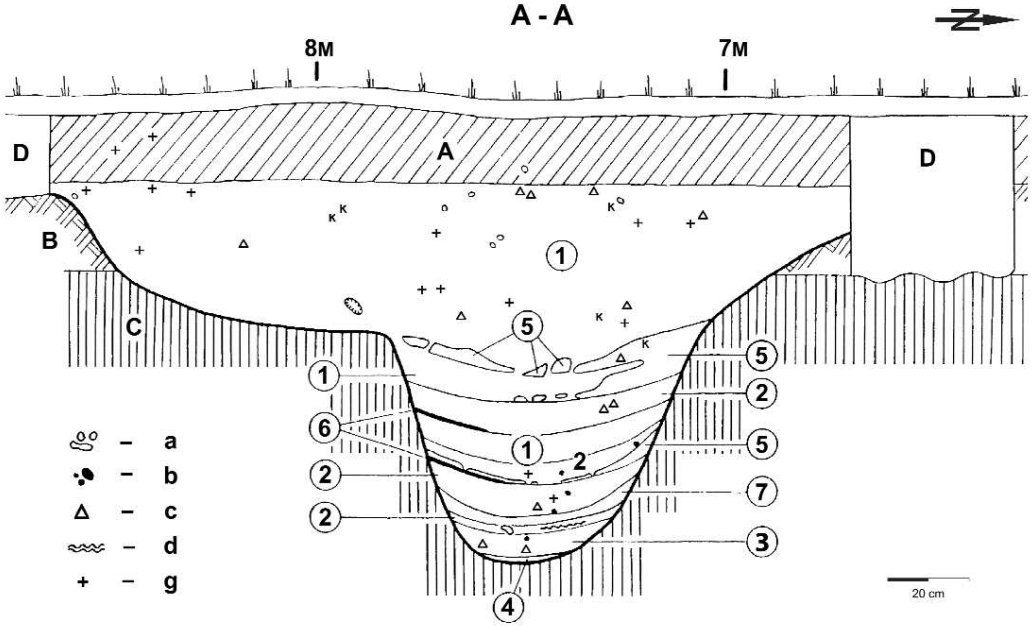

Рис. 3. Городище Маяки. Разрез рва № 4.
A – верхний (гумусовый) горизонт почвы; B – желтовато-бурый переходный суглинок, C – лессовидный суглинок (супесь), D – шурфы В.Г. Збеновича; 1 – серый золистый тонкоструктурный суглинок; 2 – серый лессовидный суглинок, напоминающий пойменный; 3 – смесь серовато-желтой супеси и пепла; 4 – слой утоптанной (?) илистой грязи; 5 – чистый натечный (?) суглинок; 6 – пепел; 7 – темно-коричневый суглинок (a – обмазка, b – древесный уголь, c – керамика, d – кость, g – чешуя рыбы).

нения содержали многочисленные находки: фрагменты керамики, костей животных и рыб, ракушки, обожженную глину, фрагменты зернотерок и артефакты из кремня. В среднем на кубический метр слоя заполнения приходится 600–650 находок! (Petrenko et al. 2019).

Фрагментарная сохранность рвов поселения затрудняет интерпретацию! Находки керамики позволяют отнести материалы к усатовской культуре, что подтверждается и ^{14}C-датировками, о чем более подробно речь пойдет ниже (ил. 7). Владислав Петренко пришел к выводу о том, что рвы не могли выполнять функцию оборонительного укрепления, поэтому название «городище» следует воспринимать как историографический реликт. Он также не истолковывал рвы как приспособление для ограды скота. В качестве сравнения он указывал на causewayed camps в Западной Европе, которым дается различная интерпретация. Они служили исходным пунктом для дальнейших размышлений, и Владислав Петренко не исключал, что подобные конструкции могли выполнять ритуальные или астрономические функции (Petrenko et al. 2019).

В самом общем смысле, находки из рвов можно описать как остатки деятельности на поселении. Особенно многочисленны кости животных. Всего было проведено археозоологическое определение 22.916 находок, 997 из которых относятся к

домашним животным.[2] Среди них преобладают овцы/козы. На основании средней плотности находок на кубический метр слоя заполнения Владислав Петренко с осторожностью предполагал, что численность домашних животных составляла около 6.000, останки которых были найдены в рвах. Помимо них были найдены останки рыб, определениями которых из старых раскопок занималась Л.Д. Житенева (Збенович 1974: 30), а в более поздних публикациях они были дополнены материалами из рва 4 (Petrenko et al. 2019). Овцы, козы, а также в меньшей мере крупный рогатый скот составляли важную основу питания жителей городища Маяки в эпоху энеолита. Однако очевидно, что рыба и моллюски из Днестровского лимана также употреблялись в пищу! Потребление упомянутых животных ресурсов является важным фактором изучения памятника. Наличие в системе питания пресноводной рыбы может оказать значительное влияние на ^{14}C-возраст индивидов, подвергнутых анализам. Исследование предполагаемого резервуарного эффекта явилось исходной точкой для первого изотопно-химического проекта, проведенного К. Герлинг и Э. Кайзер в рамках Exzellenzcluster 264 Topoi. Результаты будут представлены здесь. Помимо радиоуглеродного датирования и анализов изотопов углерода и азота, были сделаны первые исследования соотношений изотопов стронция преимущественно на антропологических материалах погребенных на Маяках индивидов. Результаты этого пилотного проекта стали в свою очередь основой для второго проекта, находящегося в данный момент в стадии подведения итогов, в котором проводились анализы зубов животных, найденных во рвах на Маяках, на предмет изотопов стронция и кислорода. Целью проекта является изучение вопроса мобильного и сезонного пастбищного хозяйства.

Специализирванное скотоводство

Рвы на Маяках содержали необычайно большое количество костей животных.[3] На эпонимном поселении Усатово-Большой Куяльник, существовавшем одновременно с Маяками и находящемся на расстоянии лишь нескольких километров от них, было проведено археозоологическое определение 8.250 костей животных (Петренко 1989: 118–125). На этих двух памятниках была найдена достаточно большая доля костей овцы/козы, вместе с которыми, очевидно, держали крупный рогатый скот и лошадей (рис. 4). Охота, по всей видимости, играла лишь незначительную роль при добыче пищи, в процентном отношении кости диких животных находятся в одноразрядном диапазоне.

С приходом усатовской культуры, а подбор материалов с поселений Северного Причерноморья, определенных археозоологами, демонстрирует это достаточно отчетливо, произошла смена в системе скотоводства в восточно-европейской степной зоне. Спектры костей животных из таких более древних энеолитических поселений как Дереивка, Молюхов Бугор и Константиновка показывают различные доли диких и домашних животных (рис. 4)[4]. Отягощающим обстоятельством при их оцен-

---

[2] Определение проводили различные зоологи: В.И. Бибикова, Л.Д. Житенева, Н.И. Бурчак-Абрамович, Е.П. Секерская, О.П. Журавлев.

[3] Для данного исследования материалов из Маяк были использованы лишь 17.381 определенных костей животных. Были учтены данные из Збенович 1974, 112 таб. 1 (по определению В.И. Бибиковой), а также данные определений из раскопок 1986: Е.П. Секерская 1989, 131–133.

[4] Данные археозоологии из следующих публикаций: Дереивка – Telegin 1986: 84; Молюхов Бугор – Журавльов 2008: 108–109 таб. 28; Константиновка – Кияшко 1994: 58.

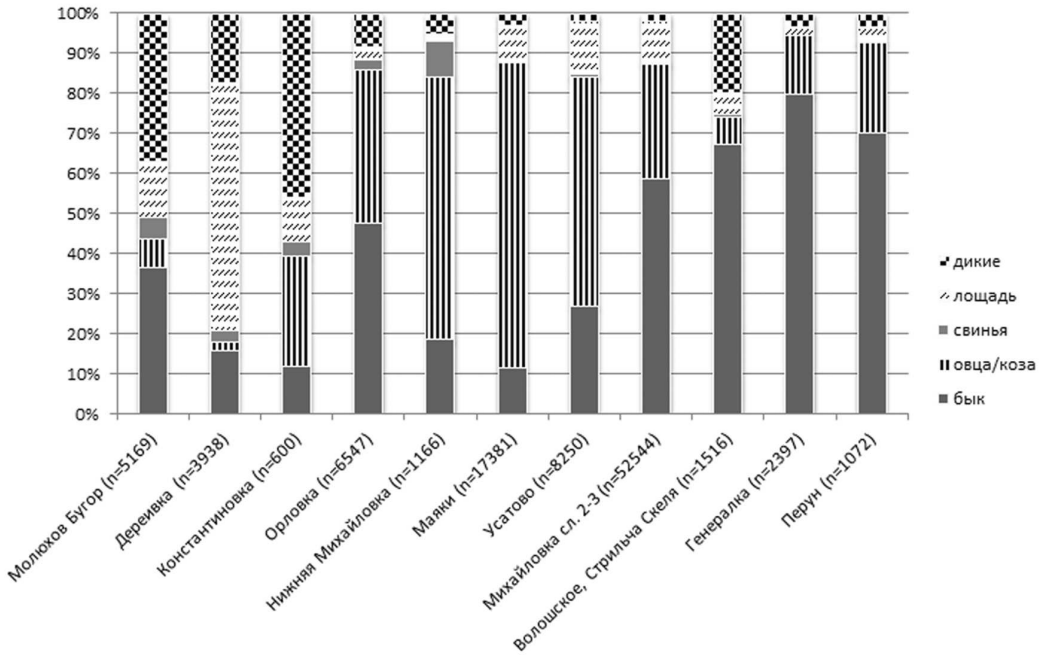

Рис. 4 Оценка археозоологических коллекций с поселений энеолита и ямной культуры. «n» обозначено абсолютное количество костей.

ках является то, что время доместикации лошади до сих пор не прояснено. Не исключено, что высокий процент костей лошади на поселении Дереивка происходит от неодомашненных лошадей, что может означать, что доля диких животных составляла около 80%. Также на поселениях Молюхов Бугор и Константиновка доля диких животных составляет 40–50%. Крупный рогатый скот, овец/коз содержали в незначительном количестве. В нижнем слое поселения Михайловка, датируемом энеолитом (Rassamakin 2004: 191; Abb. 132), но несколько древнее, чем поселения Маяки и Усатово, был обнаружен сравнительно низкий процент костей диких животных и высокий процент костей овцы/козы. Примечательно, что в нижнем слое Михайловки были обнаружены кости свиньи, что крайне необычно для степного памятника, по крайней мере, для энеолита и бронзового века, как это будет представлено ниже.

В данный момент остается открытым вопрос о том, что высокий процент костей диких животных на поселениях Дереивка и Молюхов Бугор, вероятно, может быть объяснен положением поселений в лесостепи. Возможно, здесь имелись природные ресурсы, традиционно используемые жителями лесостепи, а изменений основы жизнеобеспечения в IV тыс. до н.э. избегали, или же они попросту не требовались. В нижнем слое поселения Михайловка,[5] соотносимом с нижнемихайловской культурой, находки костей животных указывают на содержание овец/коз и крупного рогатого скота в качестве важной основы питания. Здесь также возникает вопрос о том,

[5] Данные археозоологии из: Бібікова / Шевченко 1962: 207 таб. 1.

не оказала ли аридная природная среда степи благоприятное воздействие для перехода на специализированное содержание овец/коз, с которым совмещали также и крупный рогатый скот. Количество исследованных энеолитических поселений невелико, доступные из них данные археозоологии уже были представлены в другой публикации (Kaiser 2010). Именно оба поселения усатовской культуры указывают на то, что, очевидно, в районе середины IV тыс. до н.э., по крайней мере в Северо-Причерноморской степи, все чаще отказывались от охоты, но зато предпочитали держать определенный вид животного, а именно овцу/козу. С началом ямной культуры произошла очередная перемена. Археозоологическое определение костей животных из таких поселений как Генералка, Перун и т. д., располагавшихся в Поднепровье, позволяет сделать вывод о том, что преимущественно содержался крупный рогатый скот, а овцы/козы были на втором месте (рис. 4)[6]. Охота на диких животных была совершенно незначительной.

Многочисленные останки рыб, обнаруженные в заполнении рвов на Маяках, указывают на то обстоятельство, что помимо рогатого скота в пищу употреблялись и другие ресурсы, богатые протеинами, а Днестровский лиман явно был ими насыщен. Употребление рыбы и других организмов, обитающих в пресной воде, может стать причиной значительного резервуарного эффекта. Поскольку радиоуглеродные датировки проб погребенных индивидов усатовской культуры на памятнике Маяки в сравнении с датами, полученными из рвов, дали более древние результаты, были проведены анализы стабильных изотопов углерода и азота.

Радиоуглеродные датировки

За последние десятилетия было установлено значительное количество радиоуглеродных дат для проб из рвов городища Маяки. Даты эти были представлены в соавторстве с Владиславом Петренко (Петренко, Кайзер 2011; Petrenko et al. 2019). В нашей статье мы хотели бы уделить внимание прежде всего радиоуглеродным датировкам, сделанным в рамках нашего проекта сотрудничества и указавшим на резервуарный эффект некоторых образцов (рис. 5). В Исследовательской радиоуглеродной лаборатории в области археологии и истории искусств Оксфорда (Research Laboratory for Archaeology and the History of Art) всего было определено шесть датировок. При этом для изучения были предоставлены образцы человеческих костей из пяти погребений на Маяках. **Усатовской культурой** датируются погребение 2 из кургана 7 и погребение 2 из кургана 9. В каждом из этих двух погребений находился мужчина в скорченном положении на левом боку, ориентированно на северо-восток, к тому же скелеты были частично окрашены охрой. Погребение из кургана 9 было безынвентарным, а инвентарем погребения 2 кургана 7 были два сосуда и кремневый отщеп (Петренко, Кайзер 2011: 48–51; Petrenko et al. 2019). Для погребения 2 кургана 7 была получена следующая датировка: (OxA-22959): **5530 ± 32** BP, **4450–4336** cal BC (95,4%), $\delta^{13}C$ -20,13‰. Погребение 2 кургана 9 датируется так: (OxA-22960): **5471 ± 24** BP, **4443–4239** cal BC (95,4%), $\delta^{13}C$ -19,75‰.

---

[6] Данные археозоологии для поселений ямной культуры из следующих публикаций: Перун – Підоплічко 1956: 51; Михайловка, слой 2–3 – Бібікова / Шевченко 1962, 207 таб. 1; Волошское – Підоплічко 1956: 14–15; Генералка – не опубликовано, обработка: Михаэль Хохмут и Пегги Моргенштерн, Отдел естественных наук Германского археологического института, Берлин.

На **ямную культуру** приходится погребение 13 из кургана 1. Погребенная в скорченном положении молодая женщина была захоронена в прямоугольной яме с остатками деревянного перекрытия. На черепе были обнаружены следы охры, погребение безынвентарное (OxA-22955: **4175 ± 28** BP, **2883–2640** cal BC (95,4%), $\delta^{13}C$ – 18,72‰).

Изначально к ямной культуре отнесли погребение 18 из кургана 1, однако радиоуглеродное датирование позволило датировать погребение **ранним средневековьем** (ил. 5) (OxA-22956: **1020 ± 24** BP, **974–1040** cal AD (95,4%), $\delta^{13}C$ -14,73 ‰). Но даже если принять во внимание то, что сосуды из этого погребения, как и его конструкция, да и сам погребальный ритуал не свидетельствуют однозначно в пользу ямной культуры, они совершенно нетипичны и для средневековья. Поэтому есть предположение о том, что произошла подмена костей еще до момента отбора пробы (Петренко, Кайзер 2011: 46; Petrenko et al. 2019).

Помимо этого был исследован материал из грунтового погребения K8, для которого были получены две датировки. После калибровки они обе показывают совпадающие отрезки времени. В погребении, несмотря на то, что в области нижних конечностей оно было частично повреждено, был обнаружен индивид в вытянутом положении на спине. Погребение было настолько неспецифичным, что с уверенностью его можно было датировать лишь с помощью методов естественных наук, и датировка эта пришлась на VIII–VI вв. до н.э., тем самым совпадая с другими грунтовыми погребениями железного века этого памятника (Петренко, Кайзер 2011: 48; Petrenko et al. 2019). OxA-22957: **2526 ± 25** BP, **793–545** cal BC (95.4%), $\delta^{13}C$ -16.89‰ und OxA-22958: **2565 ± 26** BP, **805–569** cal BC (95.4%), $\delta^{13}C$ -16.95‰.

Помимо двух погребений усатовской культуры, для которых была установлена новая датировка (курган 7, погребение 2 и курган 9, погребение 2), есть еще одна ^{14}C-датировка, позволившая отнести к усатовской культуре погребение 9 кургана 3 из Маяк. Два первых названных погребения после калибровки показывают период времени от 4450–4336 cal BC и 4443–4239 cal BC. Анализ образца из третьего погребе-

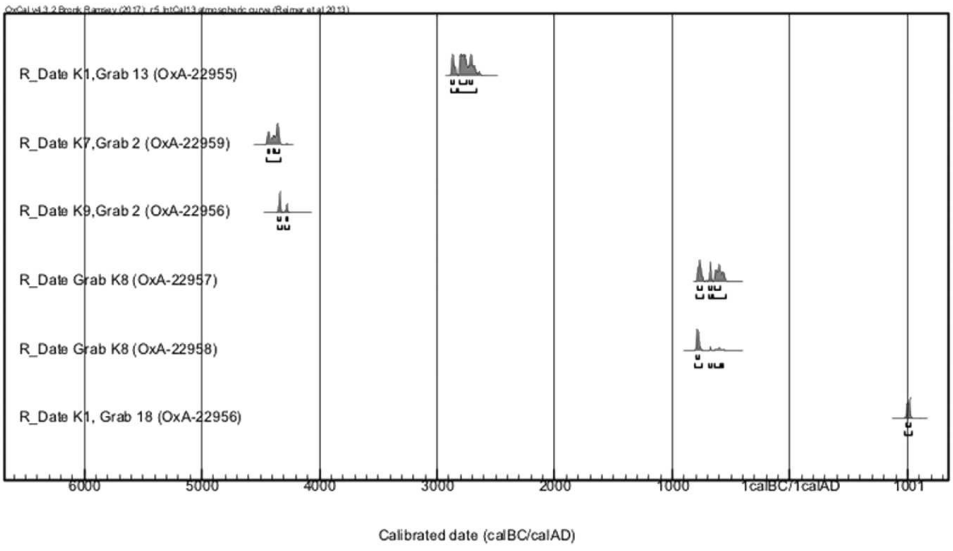

Рис. 5 Калиброванные ^{14}C-даты погребений разных периодов из Маяк.

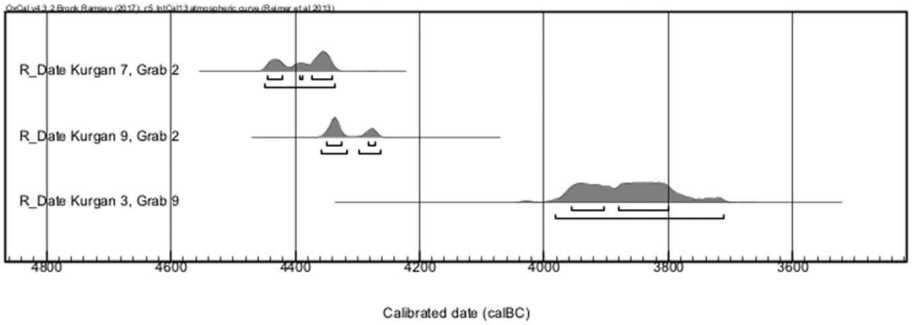

Рис. 6. Калиброванные ^{14}C-даты погребений усатовской культуры из Маяк.

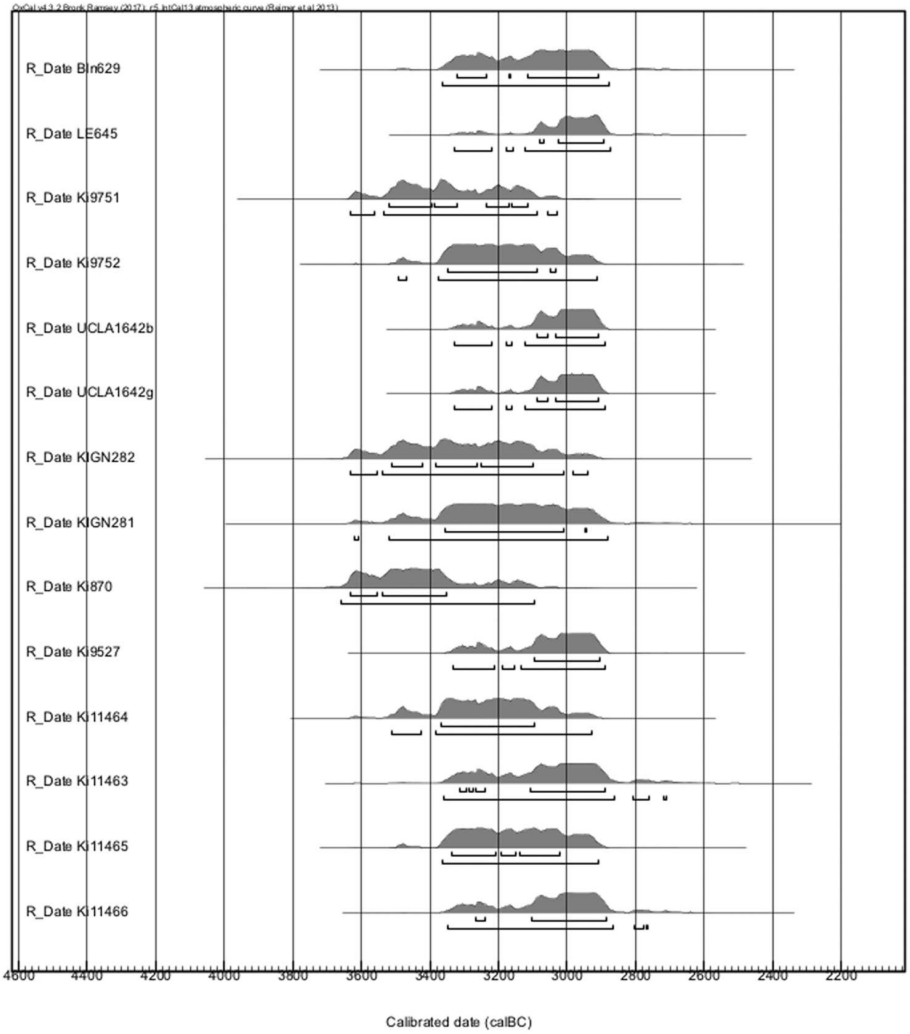

Рис. 7. Калиброванные ^{14}C-даты проб костей животных, древесного угля и керамики из погребений городища Маяки.

ния был проведен в лаборатории Ленинграда (Санкт-Петербурга) и относится к периоду 3960–3790 cal BC (рис. 6). Независимо от отклонений среди этих проб, все три даты значительно отличаются от радиоуглеродных датировок, полученных для образцов из рвов на Маяках (рис. 7) (см. также Петренко, Кайзер 2011: табл. 2; Petrenko et al. 2019). Для анализа были использованы пробы древесного угля, костей животных и фрагментов керамики. Частично датировки показывают значительные отклонения от средней величины, ведущие после калибровки к относительно широким временным интервалам, но в целом временные отрезки совпадают во времени между 3600 и 2900 cal BC (рис. 7).

Вряд ли можно предположить столь длительный период для усатовской культуры, но это не является предметом рассмотрения данной статьи. Отчетливо заметно, что данные, полученные из проб человеческих костей, дают значительно более древние ^{14}C-датировки, чем те, что получены из древесного угля, костей животных и фрагментов керамики. Многочисленные останки рыб, найденные во рвах поселения Маяки также датируемые усатовской культурой, позволяют предположить, что потребление пресноводной рыбы привело к различным датировкам. Для того чтобы проверить справедливость этого предположения, были сделаны анализы стабильных изотопов.

Резервуарный эффект? Анализы стабильных изотопов углерода и азота

В течение последних десятилетий применению анализа стабильных изотопов легких элементов углерода (^{12}C/^{13}C) и азота (^{14}N/^{15}N) стало придаваться все большее значение для того, чтобы получить информацию о питании и системе жизнеобеспечения как в доисторических, так и в исторических эпохах. Принцип, лежащий в основе метода, можно описать поговоркой «ты есть то, что ты ешь», поскольку изотопии из углерода и азота, поступающие в организм с едой, откладываются в коллагене тела человека и животного (Price 2007: 428–430). Стабильные изотопии определяются при помощи масс-спектрометров. Соотношение тяжелого и легкого изотопа

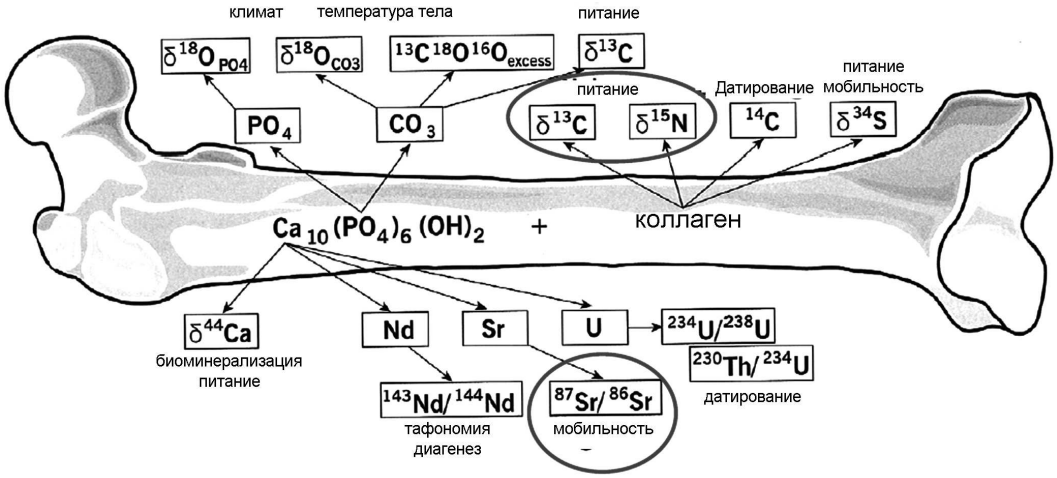

Рис. 8 Наличие элементов, значимых для реконструкции питания и окружающей среды, и их изотопов в минерализированной части кости, а также в органическом коллагене, и область их применения (из Tütken 2010: Abb. 1).

в пробе соотносится со стандартом и выражается в д-значении (Grupe et al. 2015: 433). Включение элементов углерода и азота из пищи подлежит четким правилам процесса обмена веществ, вот почему соотношение $^{12}C/^{13}C$ и $^{14}N/^{15}N$ в костной ткани коррелирует с изотопиями принятой пищи.

Измеряемые в коллагене человека значения $\delta^{13}C$, как правило, достигают 5‰ и -25‰. Различные соотношения значений $\delta^{13}C$ объясняются, с одной стороны, потреблением различных растений, а с другой – пищевыми ресурсами водного и земного происхождения (ил. 9) (Price 2007: 428). Среди растений различают C_3- и C_4-растения; цифры выражают различный процесс фотосинтеза. В аридной степной зоне к типичным C_4-растениям относится просо, в то время как многие другие сорта злаковых являются C_3-растениями. Люди, преимущественно употреблявшие в пищу C_3-растения или животных, питавшихся этими растениями, показывают значительно более негативные значения $\delta^{13}C$, чем те, которые прежде всего питались C_4-растениями (рис. 9).

Значения $\delta^{13}C$ морских растений и животных варьируются между -5‰ и -18‰. Если в коллагене человека обнаруживается меньше негативных значений $\delta^{13}C$, чем -16/-18‰, можно предполагать, что он также принимал пищу морского происхождения. Разумеется, подобные реконструкции следует производить на основании данных археологии. Значения $\delta^{13}C$ более негативные, чем -16/-18‰, напротив, говорят о питании, в основе которого преимущественно ресурсы земного происхождения (Price 2007: 429). Организмы, обитающие в пресной воде, показывают относительно негативные значения $\delta^{13}C$ (рис. 9). Дальнейшую информацию в данном случае нам могут дать значения $\delta^{15}N$. В основном, в коллагене человека его содержание находит-

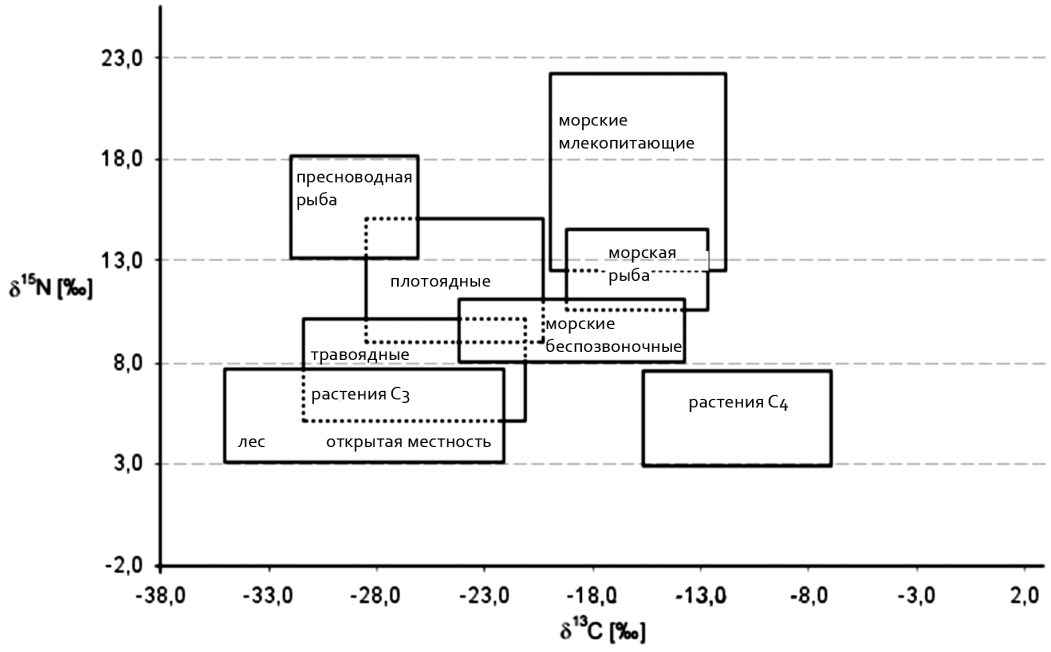

Рис. 9. Модель сети распределения питания, приближенная к Ambrose (1987) и Bocherens (1997) (из Schäuble 2005: Abb. 9).

ся в пределах +5‰ и +20‰. Значение д15N является хорошим индикатором трофического уровня организма и позволяет в случае человека получить информацию о преимущественно растительном или мясном питании. Если в пищу употреблялось значительное количество пресноводной рыбы, следует также ожидать повышенных значений $\delta^{15}N$. К тому же необходимо отметить, что растения, употребляемые в пищу, могут показывать очень различные значения $\delta^{15}N$ (рис. 9) (Grupe et al. 2015: 440).

Помимо индивидов из Маяк, для которых было проведено радиоуглеродное датирование, еще были исследованы три индивида усатовской культуры (курган 8, погребения 2 и 4; курган 10, погребение 2) и три индивида ямной культуры (курган 1, погребения 7 и 15; погребение G5) на предмет содержания в коллагене изотопов углерода и азота (табл. 1).[7] При этом обнаружились однозначные хронологические различия. Для индивидов усатовской культуры характерны очень высокие показатели соотношения изотопов азота и относительно низкие соотношения изотопов углерода (ил. 10). $\delta^{13}C$ колеблется от -20,2‰ до -19,6‰, $\delta^{15}N$ от 16,1‰ до 14,2‰. Погребения ямной культуры показали значения $\delta^{13}C$ -19,5‰ и -18,5‰, как и среди $\delta^{15}N$ 10,7‰ и 13,2‰. Для двух погребенных из более поздних эпох соотношения изотопов углерода составляют -16,8‰ и -15,0‰. Соотношения изотопов азота находятся рядом и составляют 10,3‰ и 10,6‰. Таким образом, видны четкие отличия между разными эпохами и культурными группами Усатово (средние значения -19,8‰ ± 0,3 и 15,3‰ ± 0,8 (1σ), n=5), ямной (средние значения -19,0‰ ± 0,4 и 12,2‰ ± 1,1 (1σ), n=4) и поздними периодами – железным веком и средневековьем (средние значения -15,9‰ ± 1,3 и 10,5‰ ± 0,2 (1σ), n=2).[8] Хронологические различия значительны как для $\delta^{13}C$, так и для $\delta^{15}N$, даже если при таких статистических тестах, как расчет средних значений, принимать во внимание небольшое количество образцов.

В плане соотношений изотопов углерода также имеются значительные различия между культурными или же хронологическими группами (рис. 10). Пробы инди-

Курган	Погребение	Культура	^{14}C-датировка	антропологическое определение	Номер пробы кости	% Коллагена	C:N	$\delta^{13}C$ (PDB)	1σ	$\delta^{15}N$ (AIR)	1σ	Номер пробы зуба	Определение зуба	$^{87}Sr/^{86}Sr$	2σ
1	7	предположительно ямная *			MA 39	1,5	3,4	-19,1	0,1	12,8	0,1				
1	13	ямная	2883-2640 cal BC	молодая женщина	MA 40	10,6	3,3	-18,9	<0,1	12,0	<0,1				
1	15	предположительно ямная			MA 67	18,2	3,2	-18,5	0,1	13,2	*0,6*				
1	18	бронзовый	974-1040 cal AD	женщина средних	MA 41	5,5	3,3	-15,0	<0,1	10,3	0,1	MA 2	M2 *Mandibula* слева	0,709606	0,000006
1	19	ямная										MA 1	M1 *Maxilla* справа	0,709708	0,000006
6	1	усатолская										MA 7	M3 *Maxilla* справа	0,709558	0,000006
7	2	усатовская	4450-4336 cal BC	мужчина 25-30 лет	MA 43	8,0	3,2	-20,2	<0,1	15,4	0,1	MA 6	M1 *Maxilla* справа	0,709463	0,000007
8	2	усатовская			MA 69	4,1	3,2	-19,7	<0,1	15,2	0,1	MA 12	M1 *Maxilla* слева	0,709483	0,000007
8	4	усатовская			MA 68	16,0	3,2	-19,6	<0,1	14,2	0,1	MA 10	M1 *Mandibula* справа	0,709571	0,000006
8	6 (инд. 1)	усатовская										MA 9	M3 *Maxilla* слева	0,709519	0,000007
8	6 (инд. 2)	усатовская										MA 8	M3 *Maxilla* слева	0,709430	0,000007
8	8	усатовская										MA 11	M3 *Mandibula* слева	0,709543	0,000007
9	2	усатовская	4443-4239 cal BC	взрослый/зрелый	MA 44	5,9	3,3	-19,7	<0,1	15,9	0,1	MA 5	M1 *Maxilla*	0,709292	0,000006
10	2	усатовская			MA 66	6,9	3,3	-20,1	<0,1	16,1	0,1	MA 13	M3 *Maxilla* слева	0,709305	0,000007
	G5	предположительно ямная			MA 65	6,9	3,3	-19,5	<0,1	10,7	<0,1	MA 3	M2 *Mandibula* слева	0,709859	0,000006
	K8	энеолит-ранний бронзовый	1) 793-545 cal BC 2) 805-569 cal BC	взрослая женщина	MA 42	20,0	3,1	-16,8	<0,1	10,6	0,1	MA 4	M2 *Mandibula* слева	0,709710	0,000007

Табл. 1. Результаты анализов изотопов углерода, азота и стронция исследованных индивидов из Маяк (* возможно, погребение 6).

---

[7] Данные исследования К. Герлинг проводила при поддержке Exzellenzcluster 264 Topoi в рамках проекта Postdoc.

[8] Kruskal-Wallis test, в каждом случае p=0.014 – наши расчеты основываются на двух образцах.

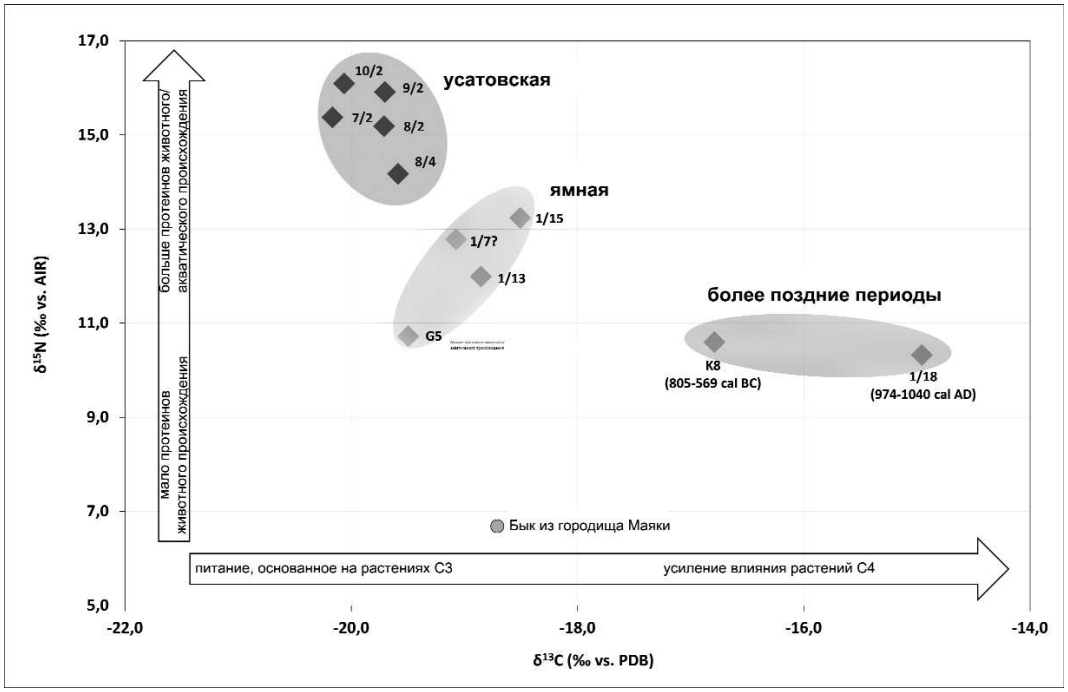

Рис. 10. Показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ у исследованных индивидов и одной особи КРС из Маяк.

видов усатовской культуры показали самые низкие значения $\delta^{13}C$ (средние значения -19,8‰ ± 0,3 (1σ)). Пробы ямной культуры дали несколько более высокие значения в среднем -19,0‰ ± 0,4 (1σ). Гораздо более позитивные значения показали оба индивида более поздних эпох (в среднем -15,9‰ ± 1,1 (1σ).

Данные показатели являются результатами пилотного проекта. Они крайне многообещающи в отношении расширения базы образцов. Помимо этого, для реконструкции питания людей, живших в Маяках в разное время, необходимо проводить исследования изотопов, содержащихся в разных источниках питания, растениях и животных. Единственное животное из этого же памятника, исследованное на предмет соотношения изотопов углерода и азота – бык (*Bos taurus*), показавший значения $\delta^{13}C$ -18,7‰ и $\delta^{15}N$ 6,7‰ (таб. 2, ил. 10). Однако лишь этого недостаточно для каких-либо выводов, поэтому для сравнения мы приведем показатели изотопов из других исследований. Иакумин и др. провели исследования шести особей КРС, давшие в среднем показания $\delta^{13}C$ -20,8‰ ± 0,5 и $\delta^{15}N$ 6,6‰ ± 1 (1σ) (Iacumin et al. 2004). Однако оба памятника, из которых были взяты пробы – Бугор и Бильшивцы – находятся на расстоянии сотен километров от Маяк и не являются оптимальными для сравнения. К. Приват исследовала в своей диссертации КРС из различных памятников региона Северного Причерноморья (Privat 2004). Для них приводятся средние значения $\delta^{13}C$ -19,4‰ ± 0,5 и $\delta^{15}N$ 7,2‰ ± 0,7 (1σ). При условии увеличения $\delta^{15}N$ 3–5‰ (ср. Lee-Thorp 2008) для более высокого трофического уровня, для потребителей мяса значения $\delta^{15}N$ могут находиться приблизительно между 10 и 12‰ (Hedges, Reynard 2007). В этот диапазон попадают оба индивида, датируемые более поздними периодами, а также две пробы ямной культуры (рис. 10).

Памятник	Культура	^{14}C-датировка	археозоологическое определение	Номер пробы	% Коллаген	C:N	δ^{13}C (PDB)	1σ	δ^{15}N (AIR)	1σ	Номер пробы	Определение зуба	$^{87}Sr/^{86}Sr$	2σ
городище			Бык (*Bos taurus*)	MA 64	5,2	3,2	-18,7	0,1	6,7	0,1	MG 1a	моляр, коронка	0,709711	0,000007
											MG 1b	моляр, середина	0,709692	0,000006
											MG 1c	моляр, шейка	0,709662	0,000006
											MG 1d	моляр, дентин	0,709469	0,000007
городище			Лошадь (*Equus caballus*)								MG 2a	моляр, коронка	0,709885	0,000006
											MG 2b	моляр, середина	0,709931	0,000007
											MG 2c	моляр, шейка	0,709967	0,000007
											MG 2d	моляр, дентин	0,709602	0,000007
городище			Овца/коза (*Ovis/Capra*)								MG 3a	моляр, коронка	0,709620	0,000007
											MG 3b	моляр, середина	0,709684	0,000007
											MG 3c	моляр, шейка	0,709655	0,000007
											MG 3d	моляр, дентин	0,709503	0,000007

Таб. 2. Результаты анализов изотопов углерода, азота и стронция исследованных животных из Маяк.

Остальные два индивида ямной культуры, а также прежде всего усатовской культуры, могут быть охарактеризованы гораздо более высокими значениями δ^{15}N. Это можно объяснить потреблением большого количества мяса и/или дополнительным употреблением ресурсов водного происхождения. Морские ресурсы, вероятно, можно исключить, т.к. для морской рыбы и прочих морских организмов характерна комбинация повышенного содержания углерода и азота, о чем уже было сказано выше. Более низкие значения азота у обоих индивидов поздних эпох (K8 и погребение 18 кургана 1) позволяют предположить, что более высокие показатели углерода можно связать скорее с дополнительным потреблением C_4-растений (с характерными значениями δ^{13}C составляющими ≥-16) (Alt et al. 2012, 131 Tabelle 4), нежели чем с употреблением морской рыбы (Katzenberg 2000). Сочетание низкого соотношения углерода и повышенного соотношения азота, характерного для всех индивидов усатовской культуры, может, напротив, служить указанием на крайне высокое потребление мяса и/или пресноводной рыбы (Dufour et al. 1999). Пресноводные ресурсы в эпоху энеолита, в отличие от последовавших периодов, могли иметь большое значение. Основополагающими изменениями в способе хозяйствования также можно попытаться объяснить обнаруженные различия в соотношении изотопов. Ввиду малого количества референтных проб археологических материалов, можно лишь предполагать, чем вызваны эти различия. Например, переходом от специализированного на содержании мелкого рогатого скота способа хозяйствования усатовской культуры к скотоводству, которое основывалось на содержании крупного рогатого скота в бронзовом веке. Исследования К. Приват и П. Иакумина и др. показали, однако, что, скорее, это невозможно, поскольку δ^{13}C и δ^{15}N овец/коз и КРС практически идентичны (Privat 2004; Iacumin et al. 2004).

Поэтому результаты анализов изотопов углерода и азота позволяют предположить, что для проб усатовской культуры энеолита следует учитывать резервуарный эффект, о чем было упомянуто выше в связи с радиоуглеродными датировками и останками рыб в заполнении рвов Маяк.

Возможно, резервуарный эффект характерен и для некоторых проб ямной культуры. Даже если без анализов возможных ресурсов питания на памятнике Маяки не исключено, что сильно повышенные показатели изотопов азота у индивидов усатовской культуры и частично ямной культуры, возможно, являются результатом ярко выраженного потребления мяса в большом количестве, упомянутые выше многочисленные находки останков рыб могут быть аргументом в пользу этого, еще одного

важного в питании компонента. Для двух проб, датируемых железным веком и средневековьем, резервуарный эффект, скорее, невозможен, т. к. сочетание высоких значений $\delta^{13}C$ и низких значений $\delta^{15}N$ можно, вероятнее всего, объяснить влиянием ресурсов питания C_4, которое, к примеру, существовало благодаря возделыванию засухоустойчивого проса в аридном регионе Северо-Западного Причерноморья.

Сезонное пастбищное хозяйство? Исследования изотопов стронция и кислорода

На основании определенных археозоологами костей животных из разных поселений энеолита и раннего бронзового века выше уже было сказано о том, что на городище Маяки, очевидно, в раннее для степной зоны Северного Причерноморья время занимались специализированным скотоводством. Н.Я. Мерперт в его основополагающих исследованиях указывал на значение специализированного скотоводства для культурно-исторического развития восточно-европейской степи (Мерперт 1974: 12). По его мнению, этот способ хозяйствования было выгодно вести лишь в сочетании с мобильным пастбищным хозяйством. Понимание сезонного пасторализма в предистории по-прежнему является вызовом для археологии, даже учитывая тот факт, что анализы изотопов являются новым и многообещающим методом для решения подобных вопросов (например, Honeychurch, Makarewicz 2016). Основы анализа изотопов стронция описала К. Книппер (Knipper 2004). На ее исследования опирается ил. 11. Радиогенный изотоп ^{87}Sr образуется в коренной породе благодаря распаду естественного изотопа ^{87}Rb. В процессе выветривания стронций вымывается, попадая в грунтовые воды и почву, и таким образом в круговорот питания организмов. Элемент стронций откладывается у млекопитающих в костях и зубах вместо кальция. В минеральной эмали зубов соотношение изотопов стронция, попавшего с питанием в организм в период развития зубов, архивируется на всю оставшуюся жизнь. В костях, напротив, происходит постоянная, хотя и медленная перестройка в костной ткани гидроксиапатита ($Ca_{10}(PO_4)_6(OH)_2$, ср. ил. 8). В то время как пробы эмали зубов позволяют получить информацию об определенном геологическом регионе, в котором человек жил в детстве и ранней юности, пробы костной ткани служат источником информации о месте пребывания человека в последние годы его жизни (рис. 11).

В отличие от изотопов углерода, азота и кислорода, соотношение $^{87}Sr/^{86}Sr$ в пробе не соотносится со стандартом, а дается непосредственно. Многочисленные исследования, использовавшие этот метод для реконструкции мобильности человека и животных, показали, что, хотя знание геологических коренных пород в регионе исследования и является основополагающим, его недостаточно в качестве сравнительного материала для проб. Вместо этого необходимо найти значения биологически доступного стронция. По возможности, в исследование нужно включать и другие референтные пробы, например, воду, растения, дентин постоянно живущих на этом месте животных и т. п. из исследуемого региона (Knipper 2004).

Помимо анализов изотопов углерода и азота для избранных индивидов из Маяков были сделаны анализы изотопов стронция, чтобы получить дополнительный индикатор образа жизни и способа хозяйствования (табл. 1, рис. 12). Для этого была пополнена серия проб усатовской культуры. Помимо проб, уже названных в связи с

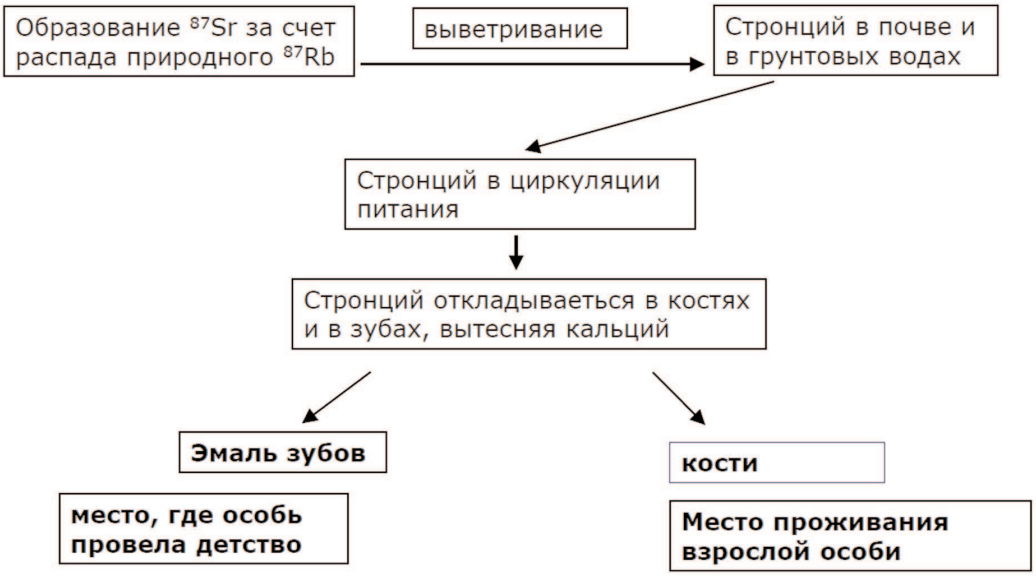

Рис. 11. Принцип анализа изотопов стронция для исследования мобильности (изменено по Knipper 2004: Abb. 8)

абсолютной датировкой и анализами стабильных углерода и азота, были отобраны пробы из погребения 6 (2 индивида) и погребения 8 кургана 8, а также погребения 1 кургана 6 некрополя Маяки.[9]

Что касается соотношений изотопов стронция (^{87}Sr/^{86}Sr), также были установлены различия между культурными и временными группами, имеющие значение для статистики; однако следует указать на малое количество проб. Девять индивидов усатовской культуры варьируются между 0,70929 и 0,70957 и дают среднее значение 0,70946 ± 0,00021 (2σ). Несколько более высокое среднее значение 0,70961 ± 0,00015 (2σ) получилось при анализе двух проб, датированных поздними периодами. Еще более высокое среднее значение 0,70978 ± 0,00021 (2σ) получилось для обоих индивидов ямной культуры. Разница между этими значениями крайне невелика, однако в этом регионе из-за схожей геологии на большом пространстве невозможно было ожидать значительных различий (Asch 2005). По причине диагенетических изменений, т.е. переработанных при хранении в грунте ^{87}Sr/^{86}Sr-соотношений (Hoppe et al. 2003; Trickett et al. 2003) в образцах дентина трех зубов животных (быка, лошади и овцы/козы) дали первые исходные данные, от которых можно ожидать локальный ^{87}Sr/^{86}Sr-сигнал для Маяк (рис. 12; таб. 2). Среднее значение трех проб дентина составляет 0,70953 ± 0,00007 (2σ) и, таким образом, оно схоже с большинством значений, измеренных у индивидов усатовской культуры. Поэтому можно предположить, что носители усатовской культуры жили на месте или же добывали пищу в непосредственной близости от поселения. Оба индивида ямной культуры, напротив, показали в своих ^{87}Sr/^{86}Sr-значениях небольшие отклонения, что можно, вероятно, воспри-

[9] Эти погребения подробно опубликованы (Патокова и. др. 1989: 66–67 рис. 26, 1–6; 70–72, рис. 27, 11–13; 28, 1.8–12).

нимать как признак использования других пастбищ или территорий, или же как изменение способа хозяйствования. Однако различия слишком незначительны, а база данных еще слишком мала для того, чтобы делать однозначные выводы. В особенности $^{87}Sr/^{86}Sr$-значения, полученные при анализах зубной эмали[10] трех зубов животных – быка, лошади и овцы/козы, схожие со значениями людей ямной культуры и более поздных периодов, предостерегают от придания чрезмерного значения малым различиям. $^{87}Sr/^{86}Sr$-значения в эмали овцы/козы и быка даже совпадают со значениями человеческих индивидов ямной культуры и двух более поздних периодов (табл. 2, рис. 12). Соотношения изотопов стронция в зубной эмали лошади являются, напротив, самыми высокими и, соответственно, слегка отличаются от зубов людей. Для всех трех животных можно было установить лишь небольшую $^{87}Sr/^{86}Sr$-вариацию среди исследованных срезов зубной эмали, что можно понимать как указание на незначительные различия по временам года. Но благодаря результатам изотопии стронция, дополняющим результаты анализов изотопов углерода и азота, стало возможным распознать некоторые признаки различного ведения образа жизни и хозяйствования между отдельными культурными группами в разные периоды.

Результаты исследований К. Герлинг привели к созданию нового проекта, который в данный момент разрабатывается в рамках кандидатской диссертации М. Ризенбергом. Он исследует зубы животных, прежде всего овец/коз, из поселения Маяки на предмет соотношения изотопов кислорода и стронция. Основой данного

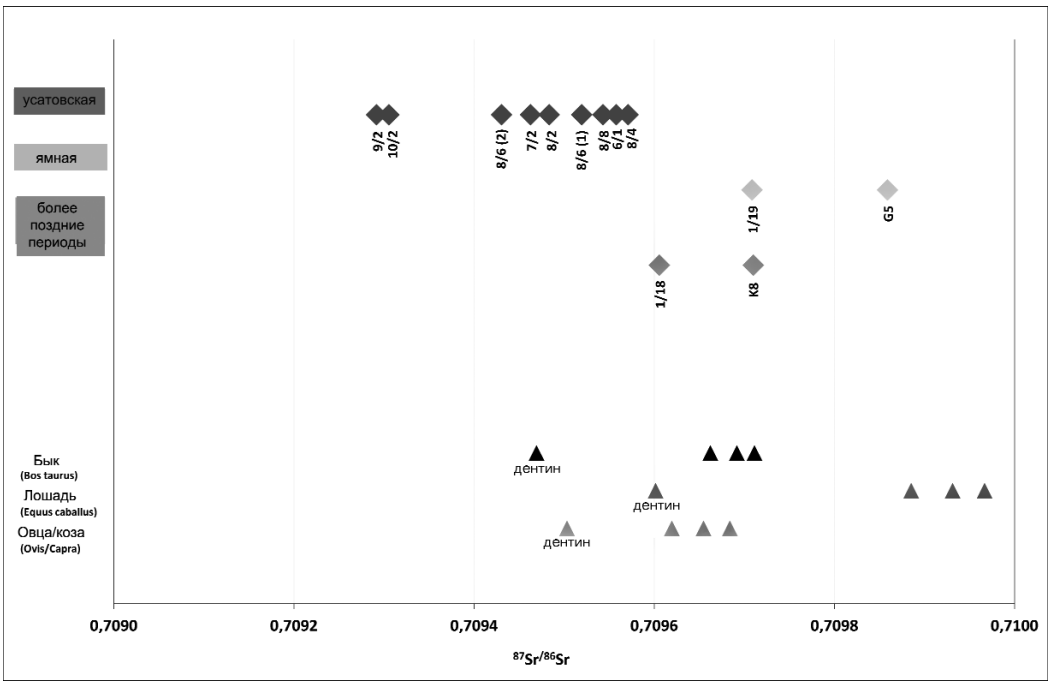

Рис. 12. Показатели $^{87}Sr/^{86}Sr$ у исследованных индивидов и у животных, использованные в качестве референтных данных.

[10] Пробы были взяты из трех разных мест на зубах животных – коронки, середины и шейки, чтобы охватить всю ось роста зубной эмали.

проекта является предположение о том, что значения изотопов упомянутых элементов при ведении мобильного пастбищного хозяйства можно распознать на длиннокоронковых зубах. В длиннокоронковых зубах диких, а также таких полезных животных, как, например, овца/коза и КРС, в соответствии с их специфической продолжительностью роста, могут сохраняться сигналы изотопов приблизительно до целого года жизни.

Для исследования изменений питания животного в разные времена года хорошо подходит секвенционный анализ зубной эмали (рис. 13). В противоположность кости, этот материал из-за своей плотной структуры довольно нечувствителен к диагенетическим изменениям почвы, и поэтому в нем сохраняются исходные сигналы изотопов, например, кислорода и стронция, из времени жизни индивида.[11] Благодаря дальновидному архивированию Владиславом Петренко археозоологических материалов, стало возможным проведение анализов для Маяк. Секвенционному анализу на предмет соотношения изотопов кислорода были подвергнуты вторые и третьи коренные зубы овец/коз, которые передают сигнал первого и второго годов жизни (Knipper 2010: 79) (рис. 13). Отдельные значения можно интерполировать в синусоидальную кривую, отражающую локальную температуру.

Для реконструкции сезонных различий при использовании пастбища дополнительно к изотопии стронция исследуются изотопы кислорода. Значения $\delta^{18}O$ помимо прочего зависят от температуры окружающей среды и осадков, поэтому благодаря им возможно понять сезонные вариации состава изотопов осадков (Knipper 2010: 78). При этом $\delta^{18}O$-значения, содержащиеся в летнем дожде, менее негативны, чем зимой. Всасывание кислорода и связанные с этим метаболические процессы у млекопитающих очень сложны, как показывает рис. 14. Измеренные соотношения изотопов в образцах костей (рис. 8) также необходимо соотносить со стандартом и выражать как значение $\delta^{18}O$. Сложность метаболических процессов у различных млекопитающих стала предпосылкой для того, что для каждого вида млекопитающих были разработаны собственные уравнения регрессии, с помощью которых должен быть сделан перерасчет $\delta^{18}O$-значений образцов кости.

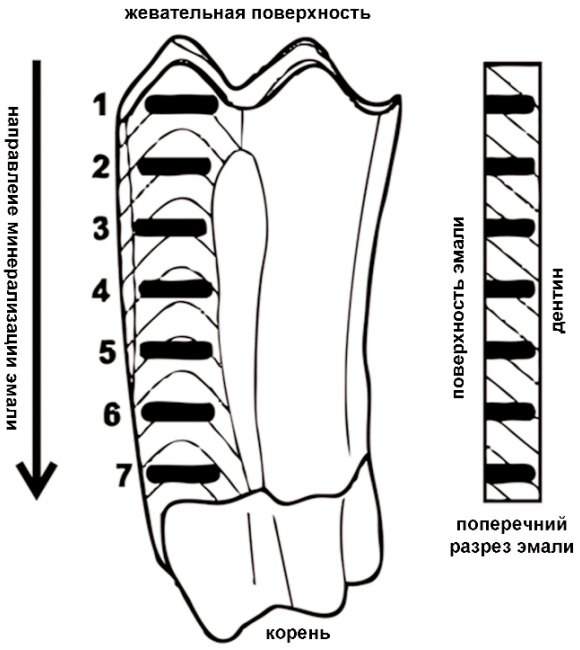

Рис. 13. Схема секвенционного анализа изотопов длиннокоронковых зубов животных (измено по Knipper 2011: Abb. 8.6).

[11] Основы методики опубликованы Knipper 2011: 130–198 и Pederzani, Brotton 2019.

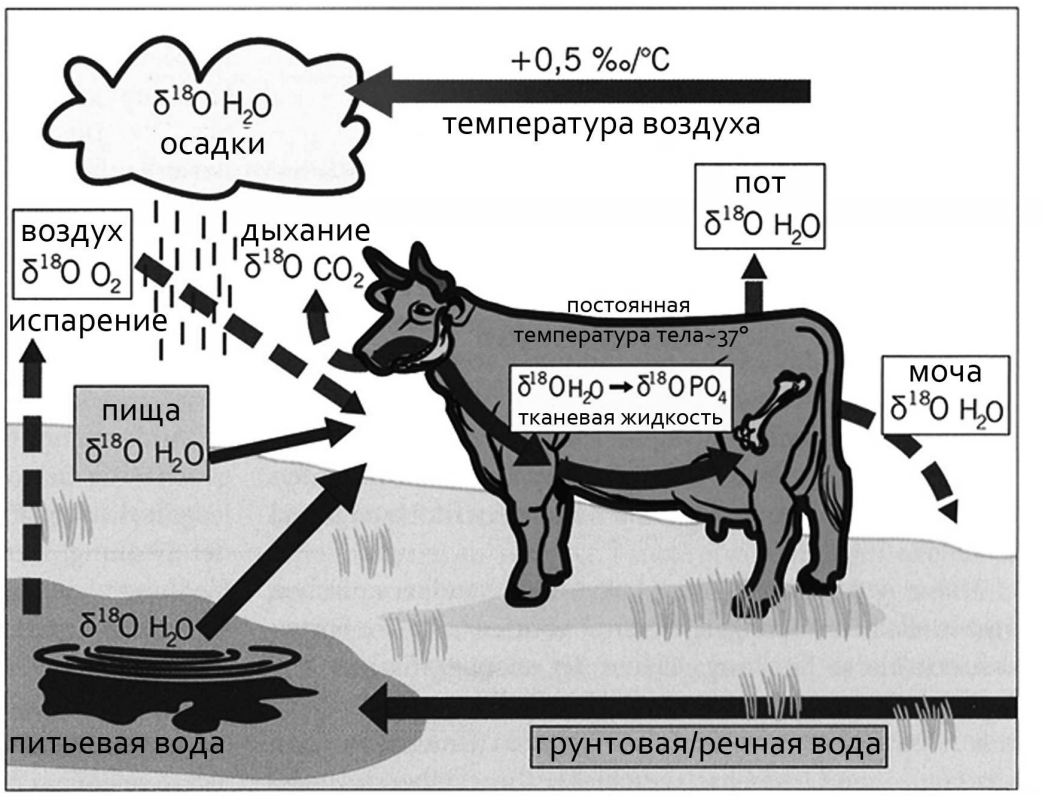

Рис. 14. Блок-схема для кислорода в крови крупного рогатого скота.
Кислород, принятый крупным рогатым скотом, поступает прежде всего из питьевой воды.
$\delta^{18}O$-значения осадков (=питьевая вода) зависят от температуры воздуха и местности
(из Knipper 2010: Abb. 3)

Таким образом можно прежде всего определить время рождения индивида. Оно является важным параметром для анализа вида содержания скота. В ареале минимума, который коррелирует с зимой, и максимума, соответствующего лету, на втором этапе был получен дополнительный материал для каждого образца стронция. Между этими двумя периодами смена мест при мобильном содержании скота, как правило, наиболее вероятна. Мобильность в течение года считывается в соотношениях изотопов стронция.

Первые результаты соотношений изотопов кислорода исследуемых зубов показали дифференцированную картину. Как правило, и в незагороженных участках для дичи, и при традиционном содержании скота, время рождения овец и коз соответствует определенному времени года (например, Gómez-Brunet et al. 2012). На Маяках же мы видим противоположные изотопные кривые (рис. 15). Исходя из них получаются разные периоды рождения.

Такие указания на неравномерную стратегию содержания образуют основу для дальнейших возможностей интерпретации системы жизнеобеспечения усатовской культуры, но здесь они представлены не будут. Полученные значения кислорода на секвенционно проанализированных зубах животных, даже без привлечения значе-

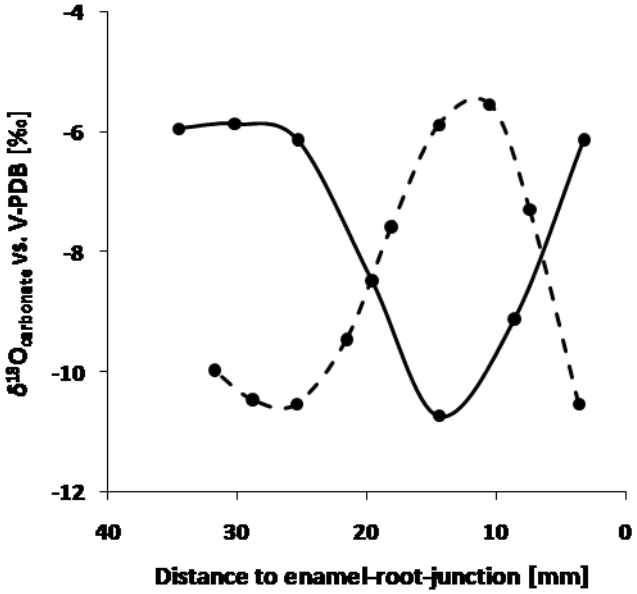

Рис. 15. В образце представлены изотопные кривые кислорода двух овец/коз из поселения Маяки. Здесь была взята проба третьего коренного зуба нижней челюсти. Отчетливо видны противоположные градиенты со смещенными друг против друга минимумами (соответствуют зимнему периоду) и максимумами (охватывают летний сезон).

ний изотопов стронция, уже позволяют получить представление о содержании скота, которое еще недавно казалось невозможным.

Выводы

Прежде всего в данной статье нам хотелось продемонстрировать потенциал изотопно-химических исследований, а также представить первые интересные и дальнейшие результаты. Для памятника Маяки были сделаны следующие важные выводы:

• Новые ^{14}C-даты, полученные в лаборатории Оксфорда, показали влияние «старого» углерода, что, во-первых, вызывает некоторые проблемы для интерпретации, а во-вторых, открывает новые перспективы для разработки абсолютной хронологии усатовской культуры.

• Прежде всего индивиды усатовской культуры дали более древний ^{14}C-возраст. Очевидно, именно памятник Маяки предоставляет все необходимые условия для разработки методической стратегии для количественного исследования резервуарного эффекта.

• Даже если учесть то, что количество проб в первом пилотном проекте было очень небольшим, изотопии углерода позволяют предположить, что носители усатовской культуры помимо мяса полезных животных потребляли в немалом количестве пресноводные пищевые ресурсы. Это подтверждается и многочисленными останками рыб, обнаруженными во рвах на поселении.

• Однако не только значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ показали заметные различия для трех культурно-хронологических отрезков усатовской и ямной культуры, а также двух индивидов из более поздних периодов. Соотношения изотопов стронция также отличаются. В то время как, по меньшей мере, большинство индивидов усатовской культуры предположительно жили постоянно на одном месте, индивиды ямной культуры и более поздних периодов дают отклоняющиеся показатели. Для точной оценки мобильности усатовской культуры серии образцов недостаточно!

• Оценка анализов изотопов кислорода и стронция, полученных на основании образцов зубов овец и коз, еще не завершена. Кривые значений изотопа кислорода привели к противоположным направлениями со смещенными друг против друга минимумами (соответствуют зимнему периоду) и максимумами (охватывают летний сезон). Это указывает на различные периоды рождения животных!

Хронологические и биоархеологические результаты показывают существенные различия для позднего энеолита, раннего бронзового и раннего железного века в Северо-Западном Причерноморье. Было бы вполне в духе Владислава Петренко, а также для памяти о нем, если бы представленные здесь результаты привели к дальнейшим исследованиям такого рода, чтобы начатое им предприятие успешно продолжилось и принесло пользу науке.

Литература

Бібікова В.І. , Шевченко, А.І. 1962. Фауна Михайлівського поселення // О.Ф. Лагодовська, О.Г. Шапошникова, М.Л. Макаревич, Михайлівське поселения. Київ.

Журавльов О.П. 2008. Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України. Київ.

Збенович В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.

Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э.). Азов.

Петренко В.Г. 1989. Усатовская статуэтка, найденная в Нижнем Подунавье // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев.

Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. Москва.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Петренко В.Г., Кайзер Э. 2011. Комплексный памятник Маяки. Новые изотопные даты и некоторые вопросы хронологии наличных культур // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12.

Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н. 2003. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Тальянки.

Підоплічко І.Т. 1956. Матеріали до вивчення минулих фаун 2. Київ.

Секерская Е.П. 1989. Новые остеологические материалы поселения Маяки // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Alt K., Knipper C., Held P., Nicklisch N., Fecher M., Roth C., Enzmann F., Tuckermann J., Seitz, H., Polzin C., Klopfsch V., Brauns M., Pike A.W.G. 2012. Königin Editha – Ein Indizienbeweis zur Identifikation einer historischen Persönlichkeit aus dem Magdeburger Dom // Meller H., Schenkluhn W., Schmuhl B.E.H. (Hrsg.), Königin Editha und ihre Grablegen in Magdeburg. Landesamt fьr Denkmalpflege und Archäologie Sachsen, Sonderband 18. Halle.

Ambrose S. H. 1990. Preparation and characterization of bone and tooth collagen for isotopic analysis // Journal of Archaeological Science 17.

Asch K. 2005. The 1:5 Million International Geological Map of Europe and Adjacent Areas. Hannover.

Bocherens H. 1997. Isotopes stables et reconstitution du régime alementaire des hominids fossils: une revue // Bulletins et Mémoires de la Sociéte d rAnthropologie de Paris 11 (3–4).

Dufour E., Bocherens H., Mariotti A. 1999. Palaeodietary implications of isotopic variability in Eurasian lacustrine fish // Journal of Archaeological Science 26.

Gómez-Brunet A., Santiago-Moreno J., Toledano-Diaz A., López-Sebastián A. 2012. Reproductive seasonality and its control in spanish sheep and goats // Tropical and Subtropical Agroecosystems 15.

Grupe G., Harbeck M., McGlynn G. 2015. Prähistorische Anthropologie. Berlin.

Hedges R.E.M , Reynard L. 2007. Nitrogen isotopes and the trophic level of humans in archaeology // Journal of Archaeological Science 34.

Honeychurch W., Makarewicz Ch. 2016. The Archaeology of Pastoral Nomadism // Annual Review of Anthropology 45.

Hoppe K.A., Koch P.L., Furutani T.T. 2003. Assessing the preservation of biogenic strontium in fossil bones and tooth enamel // International Journal of Osteoarchaeology 13.

Iacumin P., Nikolaev V., Genoni L., Ramigni M., Ryskovk Y.G., Longinelli A. 2004. Stable isotope analyses of mammal skeletal remains of Holocene age from European Russia: a way to trace dietary and environmental changes // Geobios 37.

Kaiser E. 2010. Der Übergang zur Rinderzucht im nördlichen Schwarzmeerraum // Godišnjak Centar za balkanološka ispitivanja 39.

Katzenberg M.A. 2000. Stable isotope analysis: A tool for study past diet, demography, and life history // Katzenberg M.A., Sanders S.R. (Eds.) Biological Anthropology of the human skeleton. New York.

Knipper C. 2004. Die Strontiumisotopenanalyse: eine naturwissenschaftliche Methode zur Erfassung von Mobilität in der Ur und Frühgeschichte // Jahrbuch des Römisch Germanischen Zentralmuseums Mainz 51.

Knipper C. 2010. Die räumliche Organisation der linearbandkeramischen Tierhaltung. Beiträge von Isotopenanalysen // Meller H., Alt K.A. (Hrsg.) Anthropologie, Isotopie und DNA – biografische Annäherung an namenlose vorgeschichtliche Skelette. 2. Mitteldeutscher Archäologentag vom 8. bis 10. Oktober 2009 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 3. Halle.

Knipper C. 2011. Die räumliche Organisation der linearbandkeramischen Rinderhaltung: naturwissenschaftliche und archäologische Untersuchungen. British Archaeological Reports International Series 2305. Oxford.

Lee-Thorp J.A. 2008. On Isotopes and Old Bones // Archaeometry 50(6).

Pederzani S., Britton K. 2019. Oxygen isotopes in bioarchaeology: Principles and applications, challenges and opportunities // Earth-Science Reviews 188. стр. 77–107. DOI: 10.1016/j.earscirev.2018.11.005

Petrenko V., Gerling C., Kaiser E. 2019. Majaki – ein komplexes Denkmal der Usatovo-Kultur. Isotopendaten werfen neue Fragen auf. Eurasia Antiqua 21, 2015 (2019).

Price T. D. 2007. Principles of archaeology. Boston [u.a.].

Privat K. 2004. Palaeoeconomy of the Eurasian Steppe: biomolecular studies. Unpublished Ph.D. Thesis. University of Oxford 2004.

Rassamakin Ju. Ja. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit, Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Archäologie in Eurasien 17. Mainz.

Schäuble A. 2005. Ernährungsrekonstruktion dreier mittelalterlicher Bevölkerungen anhand der Analyse stabiler Isotope und Spurenelemente. Dissertation an der Freie Universitaet Berlin 2005. https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/10455?show=full

Telegin D. Y. 1986. Dereivka. A settlement and cemetery of copper age horse keepers on the Middle Dnieper. British Archaeological Reports International Series 2305. Oxford.

Trickett M. A., Budd P., Montgomery J., Evans J. 2003. An assessment of solubility profiling as a decontamination procedure for the Sr-87/Sr-86 analysis of archaeological human skeletal tissue // Applied Geochemistry 18.

Tütken T. 2010. Die Isotopenanalyse fossiler Skelettreste – Bestimmung der Herkunft und Mobilität von Menschen und Tieren // Meller H., Alt K.A. (Hrsg.), Anthropologie, Isotopie und DNA – biografische Annäherung an namenlose vorgeschichtliche Skelette. 2. Mitteldeutscher Archäologentag vom 8. bis 10. Oktober 2009 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 3. Halle.

Zazzo A., Balasse M., Passey B.H., Moloney A.P., Monahan F.J., Schmidt O. 2010. The isotope record of short- and long-term dietary changesin sheep tooth enamel: Implications forquantitative reconstruction of paleodiets. Geochimica et Cosmochimica Acta 74.

Zusamennfassung

Mit diesem Beitrag gedenken wir Vladislav Petrenko, der sich um die Archäologie des nordwestpontischen Steppenraumes und des Äneolithikums in seinem engagierten Forschungsleben so verdient gemacht hat. Ihm ist im Besonderen zu verdanken, dass so bedeutende Denkmäler wie Majaki sehr sorgfältig und nachhaltig ausgegraben worden sind. Seinem umsichtigen Umgang mit dem Fundstoff ist es zu verdanken, dass Probenmaterial auch für isotopenchemische Analysen bereitlag und noch immer liegt. In diesem Beitrag werden Vladislav Petrenko zu Ehren verschiedene Ergebnisse für die kupfer- und bronzezeitlichen Komplexe vom Fundplatz Majaki vorgestellt. Dazu gehören neue Radiokarbondatierungen für Gräber, die zu Untersuchungen hinsichtlich eines Reservoireffektes für die Usatovo-Kultur geführt haben und damit zur diachronen Erforschung der Ernährungsweise im nordwestpontischen Raum. In einem weiteren Projekt wurden Tierzähne hinsichtlich der Strontiumisotopen beprobt und erste Resultate werden hier vorgestellt.

Zu den wichtigsten Rückschlüsse zählen: 1) Die neuen ^{14}C-Daten des Labors in Oxford zeigen eine Beeinflussung durch «alten» Kohlenstoff, was zum einen gewisse Probleme für ihre Interpretierbarkeit mit sich führt, zum anderen aber auch neue Perspektiven für die Erarbeitung einer absoluten Chronologie für die Usatovo-Kultur aufzeigt. Es sind vor allem die Individuen der Usatovo-Kultur, die höhere ^{14}C-Alter aufwiesen; 2) Ungeachtet der recht kleinen Probengröße legen die Kohlenstoffisotopien nahe, dass die Menschen in der Usatovo-Kultur außer Fleisch von Nutztieren zu einem nicht unerheblichen Maße auch Süßwasserressourcen konsumiert haben. Das wird zudem von den vielen Fischresten in den Gräben der Siedlung bestätigt; 3) Doch nicht nur die δ^{13}C- und die δ^{15}N-Werte einen ergaben sich signifikante Unterschiede für die drei kulturchronologischen Abschnitte der Usatovo-, Jamnaja-Kultur und zwei Individuen aus verschiedenen jüngeren Zeiten. Auch die Strontiumisotopenverhältnisse unterscheiden sich. Während sie zumindest für die meisten Individuen der Usatovo-Kultur eine ortskonstante Lebensweise andeuten, zeigen die Individuen der Jamnaja-Kultur und der noch jüngeren Perioden abweichende Werte; 4) Die Auswertung der Sauerstoff- und Strontiumisotopenanalysen, die anhand der Zähne von Schafen und Ziegen vorgenommen wurden, ist noch nicht abgeschlossen. Die Kurven der Sauerstoffisotopenwerte ergaben gegensätzlichen Verläufe mit den jeweils gegeneinander verschobenen Minima (entsprechen dem Winterzeitraum) und Maxima (umfassen die Sommerjahreszeit). Das weist auf unterschiedliche Geburtszeiträume der Tiere hin!

Die chronologischen und bioarchäologischen Ergebnisse lassen somit deutliche Unterschiede für die späte Kupfer-, frühe Bronze- und frühe Eisenzeit im nordwestlichen Schwarzmeerraum erkennen und beschreiben somit das Potential weiterer isotopenchemischer Untersuchungen.

Н.Б. Бурдо

Антропоморфные статуэтки усатовской культуры

Усатовская культура – один из ярких феноменов раннего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Открытие и изучение основных памятников этой культуры связано, преимущественно, с деятельностью археологов Одесского археологического музея, среди них Владислав Григорьевич Петренко, посвятивший исследованию усатовских древностей более сорока лет своей жизни. Одним их ярких компонентов усатовского культурного комплекса является антропоморфная пластика. За время исследований найдено большое количество статуэток. Этим находкам, а также различным аспектам их изучения и интерпретации посвящена эта статья.

Усатовская культура: история исследований и проблема идентификации

Систематические исследования между селами Усатово и Большой Куяльник вблизи г. Одесса были начаты Одесским историко-археологическим музеем (теперь Одесский археологический музей НАНУ) под руководством М.Ф. Болтенко в 1921 г., а впоследствии продолжены под руководством Е.Ф. Лагодовской. М.Ф. Болтенко назвал необычные объекты, обнаруженные здесь, «*полями культурных остатков*» (Болтенко 1925). Причем с момента открытия комплекса памятников Усатово-Большой Куяльник М.Ф. Болтенко рассматривал их как особую археологическую культуру. По свидетельству Е.Ф. Патоковой, термин «*усатовская культура*» был впервые применен М.Ф. Болтенко в 1924 г. (Патокова 1979: 7). Следует отметить, что в целом последующая история определения статуса усатовских древностей выглядит довольно драматично.

М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовская убедительно отстаивали принадлежность находок в Усатово к отдельной самостоятельной археологической культуре, генетически связанной с трипольской. Е.Ф. Лагодовская употребила также компромиссный термин «трипольская Усатовская культура» (Лагодовская 1948: 48–57). Исследовательница подчеркивала различия хозяйственно-культурных типов Триполья (земледельческий) и Усатово (скотоводческий), а также занимаемых территорий (Лагодовская 1943: 53–66; Селинов, Лагодовская 1940: 239–263).

Впоследствии мнение об Усатово, как о специфическом культурном феномене (но не варианте трипольской культуры) высказывали А.Я. Брюсов (Брюсов 1952: 228), Т. Сулимирский (Sulimirski 1968: 79–82) и другие исследователи. Специфичность усатовского феномена подчеркнута С.Н. Бибиковым и В.Н. Даниленко в первом обобщающем труде по древней истории Украины. Давая историческую интерпретацию археологическим материалам Усатово, авторы поддержали многие идеи, высказанные Е.Ф. Лагодовской (Нариси 1957: 63–72).

Необходимо отдельно остановиться на точке зрения на Усатово Е.Ю. Кричевского (Кричевский 1941: 245–253), сложившейся у него в конце 30-х гг. XX ст. Исследователь рассматривал усатовские материалы в контексте «*исчезновения трипольской культуры*», то есть как бы уже и не совсем трипольские. В то же время Т.С. Пассек критиковала приведенные выше точки зрения, исходя при этом из стадиальной

теории Н.Я. Марра, согласно которой все изменения материальной культуры объяснялись не сменой культурных традиций, а переходом культуры на новую стадию развития (Пассек 1949: 183). Ошибочность положений стадиальной теории, в том числе и в отношении культурогенеза, была показана в начале 50-х гг. XX ст. (например, Бибиков 1953: 284).

Таким образом, теоретическое основание для причисления усатовских древностей к трипольской культуре исчезло, что, однако, не повлияло на базирующиеся на нем выводы. До недавнего времени в советской, а затем и в отечественной историографии господствующей оставалась точка зрения Т.С. Пассек (Passek 935), которая настаивала на принадлежности Усатово к трипольской культуре и рассматривала усатовские материалы как южный вариант позднего этапа («городско-усатовского») трипольской культуры (Триполье г II). Усатовские древности в неопубликованном исследовании Б.А. Латынина и Т.С. Пассек 1926–28 гг., рукопись которого хранится в Научном архиве ИА НАНУ (фонд ВУАК № 586), уже в 20-е годы XX ст. были определены, как «*южный вариант трипольской культуры*». В этом же фонде хранится статья Т.С. Пассек «Южная группа «Трипольской керамики» (Відейко 2004: 62). Окончательно такое понимание Усатова, а также и курганных погребений с расписной керамикой было закреплено в классическом труде Т.С. Пассек (Пассек 1949: 189–207).

Впоследствии и Е.Ф. Лагодовская, уже под давлением авторитета Т.С. Пассек, причислила усатовские древности к трипольской культуре (Лагодовська 1953: 96). Аналогичных взглядов позднее придерживались В. Г. Збенович (Збенович 1974: 160–161). В.А. Дергачев (Дергачев 2004: 111–113), Э.Ф. Патокова (Патокова 1979: 154) и многие другие исследователи. Парадоксально, но одни и те же данные лежали в основе диаметрально противоположных интерпретаций. Ни у кого не вызывали сомнения ни генетическая связь Усатова с Трипольем, ни различие их по основным параметрам, но, вопреки фактам, усатовские древности рассматривались в рамках трипольской культуры.

Возвращение усатовским древностям статуса археологической культуры в начале XXI в. произошло благодаря В.Г. Петренко (Петренко 2003: 135–143; Петренко 2004а: 560; Петренко 2013). В.Г. Петренко предложил и последовательно отстаивал современную интерпретацию комплекса усатовских древностей, а также убедительно доказал ритуальный характер объектов Большого Куяльника и «городища» в Маяках, которые рассматривал как своеобразные обрядовые центры усатовских племен (Петренко 2003: 138–141; Петренко 2013: 171–177).

Усатовская культура – яркий, но относительно кратковременный и территориально ограниченный феномен раннего бронзового века. Она существовала в конце IV – начале III тыс. до н.э. в степном регионе от Дуная до Южного Буга (Товкайло, Фоменко 2013), но большинство памятников сконцентрировано в нижнем Поднестровье (Петренко 2013: 168–169). Для нее характерны грунтовые и курганные могильники с монументальной архитектурой и ритуальные городища, которые образуют обрядовые комплексы, сейчас их известно два: Усатово-Большой Куяльник и Маяки, а также подкурганные погребения (рис. 1).

Для усатовской культуры, в отличие от трипольской, характерен скотоводческий культурно-хозяйственный тип. Вполне вероятно, что усатовские племена были первыми кочевниками степей Северо-Западного Причерноморья (Бурдо 2004: 195–197). По справедливому утверждению В.Г. Петренко, усатовская культура

оставлена развитым обществом, которое унаследовало высокие стандарты трипольской культуры, но демонстрирует другой тип развития и адаптации к окружающей среде и климатическим изменениям, характерный для иного, чем трипольский, культурно-хозяйственного типа (Петренко 2003: 144).

История изучения усатовской антропоморфной пластики

Антропоморфная пластика усатовской культуры отличается своеобразными типами статуэток, которые не находят прямых аналогий в других культурах энеолита, в том числе и в Триполье. Общие соображения об усатовских антропоморфных статуэтках высказаны Т.С. Пассек (Пассек 1949: 193), С.Н. Бибиковым (Бибиков 1953: 259–260), однако наиболее полно усатовская пластика проанализирована в работах Э.Ф. Патоковой и В.Г. Петренко.

Антропоморфным статуэткам из комплекса Усатово-Большой Куяльник и могильников Маяки посвящены отдельные разделы монографии Э.Ф. Патоковой (Патокова 1979: 35–40, 106–107, 140–143; Патокова и др. 1989: 50–81) и специальное исследование (Патокова 1986: 5–20). В них подробно проанализированы конкретные статуэтки, предоставлен контекстный анализ антропоморфной пластики, предложена классификация для антропоморфных фигурок из Усатово – Большой Куяльник (Патокова 1979: 36–40) и усатовской пластики в целом.

Э.Ф. Патокова выделила следующие типы фигурок: тип А (на кубовидном постаменте), тип Б – статуэтка на кубовидном постаменте с отдельными реалистичными чертами; тип В – стоячие, крайне схематичные («*серезлиевского типа*»); тип Г – большая статуэтка на кубовидном постаменте с реалистичными чертами. Проанализировано распространение разного типа фигурок на памятниках разных регионов (Патокова 1986: 5–20).

Э.Ф. Патокова обратила внимание на то обстоятельство, что фигурки каждой из погребальных групп сохраняют общие для всех стилистические особенности, но отличаются друг от друга отдельными деталями. По мнению исследовательницы, разнообразие форм пластики из Маяк может быть объяснено различным содержательным значением, которое в них вкладывалось. Она обратила также внимание и на то, что в одних и тех же комплексах находят антропоморфные изображения различных иконографических типов, что может быть свидетельством различного функционального назначения антропоморфных фигурок (Патокова 1986: 5–14; рис. 5).

В.Г. Петренко обращался к анализу усатовской пластики как в обобщающих, так и специальных работах. Он выделил для усатовской антропоморфной пластики пять типов: 1 – фигурки на кубическом постаменте («усатовского типа»), 2 – тип Красногорки, 3 – крупная статуэтка из могильника Маяки, 4 – колонновидные фигурки («серезлиевского типа»), 5 – единственный фрагмент статуэтки «Оранты» из Усатово-Большой Куяльник (Патокова и др. 1979: 102–105; Петренко 2004: 559–560; Петренко 2013: 189–192). Исследования В.Г. Петренко не касались особенностей конкретных статуэток, они имеют преимущественно обобщающий характер, посвящены социальному контексту и семантике усатовской антропоморфной пластики (Петренко 1980), а также публикации отдельных статуэток (Петренко 1989). Исследователь справедливо отмечал оригинальность антропоморфной пластики усатовской культуры, которая, по его мнению, не имеет с трипольской общих морфологических черт, а только сходные знаковые системы в декоре (Петренко 2013: 189).

В.Г. Петренко выделял в степном регионе распространения усатовских памятников два варианта традиции искусства мелкой пластики. По его мнению, для усатовских памятников низовья Днестровского региона типична антропоморфная пластика различных типов, в то время как в памятниках выше по течению Днестра присутствуют только статуэтки красногорского типа и типа Терновка. По мнению В.Г. Петренко, в целом усатовские фигурки отличаются, прежде всего, как «скорченные» и «выпрямленные», сидячие и стоячие, а эта типологическая дихотомия предметов культа указывает на наличие дуальных социальных структур в усатовском обществе.

В.Г. Петренко полагал, что усатовские статуэтки разных типов сосуществовали, более того, есть статуэтки, сочетающие черты фигурок различных типов в едином пластическом образе с яркой индивидуальностью, например, терракота большого размера из Маяк отражает образ «Великой Богини». Фигурки использовались в мистериальных культах, были приношениями – антропоморфными вотивами, воплощали образ одной или двух богинь, которые отвечали оппозиционным понятием жизни и смерти, а «*эволюционные ряды*» антропоморфной пластики, которые можно строить из ее типов, демонстрируют не генетически-хронологическую эволюцию, а мифологическую (Петренко 2013: 189–191).

По мнению В.Г. Петренко, «*статуэтки дублируют практически весь фонд знаков-символов поздней трипольской культуры, характерный для ее расписной керамики*» (Петренко 2013: 192), однако это утверждение - явное преувеличение, учитывая данные Т.М. Ткачука (Ткачук 2005: 310–416) о знаковой системе расписной керамики Триполья.

В.Г. Петренко обращает внимание на определенные аналогии усатовской антропоморфной пластике в культурах РБВ Коцофень и Фолтешть II и объясняет это явление «*распространением сходных традиций изготовления пластики у сообществ Циркумпонтийской металлургической провинции*» (Петренко 1989: 54).

Отдельные сюжеты в исследованиях В.Г. Збеновича связаны с усатовской антропоморфной пластикой. Предложена классификация усатовских статуэток по степени их реалистичности. По мнению В.Г. Збеновича, статуэтки на кубовидном постаменте усатовского типа появились под влиянием пластики серезлиевского типа, которая, по его мнению, характерна для памятников южно-бугского локального варианта позднего Триполья (Збенович 1974: 156). Однако детальный анализ пластики серезлиевского типа (Бурдо 2018) не подтверждает такие выводы.

В.А. Дергачев предложил классификацию антропоморфной пластики позднего этапа (С II) Триполья, в которую включены и усатовские статуэтки (Дергачев 1980: 62–64; рис. 13), однако вопросы детальной систематизации усатовской пластики не были рассмотрены. Исследователь подчеркивал, что типы усатовских статуэток распространены преимущественно на территории Северо-Западного Причерноморья.

А.П. Погожева (Погожева 1983: 101; 103) выделяла среди усатовской пластики статуэтки трех групп: на кубовидного постаменте, стоячие «*традиционного стиля*» (в терминологии других авторов «выхватинского типа»), и цилиндрические (серезлиевского типа). Таким образом, А.П. Погожева причисляла статуэтки серезлиевского типа к усатовской пластике. Такого же мнения придерживался ряд других авторов (Патокова 1986; Бурдо 2018а), однако детальный анализ антропоморфной пластики РБВ позволяет присоединиться к мнению В.А. Дергачева, В.Г. Збеновича, В.Г. Петренко о том, что статуэтки серезлиевского типа связаны с другими локальными груп-

пировками, вероятно, синхронными с усатовской культурой (Бурдо 2018). По мнению Т.Г. Мовши, серезлиевские и усатовские статуэтки на кубовидном постаменте «*представляют собой степное явление, родившееся в земледельческо-скотоводческой среде, не исключено связанной с группой типа Нижней Михайловки*» (Мовша 1984: 73–74).

Специфическая трактовка антропоморфного образа и предельная условность усатовских статуэток на кубовидном постаменте обусловили дискуссию об их трактовке. Поза усатовских фигурок первыми исследователями усатовской культуры М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовской определялась как сидячая, с согнутыми в коленях ногами. Такого же мнения придерживались В.И. Маркевич (Маркевич 1981: 153), А.П. Погожева и Э.Ф. Патокова. Высказано также предположение, что характерная поза усатовских статуэток может соответствовать скорченной позе покойников в погребениях (Патокова 1986: 15–16; Петренко 2013: 191). Т.С. Пассек (Пассек 1949: 193) и В.Д. Рыбалова (Рыбалова 1964: 80) считали, что усатовские статуэтки изображают стоячую склоненную фигуру.

Классификация антропоморфной пластики усатовской культуры

Упомянутые выше классификации усатовской антропоморфной пластики, предложенные различными авторами, были построены преимущественно на основе степени схематизации статуэток. Такой подход кажется нам нецелесообразным, в основу нашей классификации положен принцип, используемый для классификации антропоморфной пластики культурного комплекса Триполье-Кукутень. Основным типообразующим признаком нами была избрана поза фигурок (Burdo 2014: 303–364).

Все типы статуэток относятся к схематическому стилю, а большинство даже к крайне схематическим антропоморфным изображениям. Выделены две группы статуэток – стоящие (I) и сидящие (II). Среди стоящих выделено три типа (рис. 2).

Тип I 1 – прямо стоящие схематические стройные фигурки с дисковидной головкой, которые типичны для всех локально-хронологических групп Триполье С II – выхватинский тип). Единичные фрагменты таких фигурок (7) найдены только при раскопках на ритуальном городище Большой Куяльник (Патокова 1979: рис. 14, 15–18). Вероятно, целесообразно считать их импортами из ареала распространения собственно выхватинской локально-хронологической группы Триполья.

Тип I 2 представлен немногочисленными крайне схематичными прямо стоящими фигурками ромбического силуэта. Наиболее выразительные три статуэтки *типа I 2* происходят из парного детского погребения № 2 кургана № 5 некрополя Маяк. Дети 7–8 лет погребены в прямоугольной яме скорченно на левом боку, ориентированы на восток. К погребальному инвентарю, расположенному возле головы, относятся шесть сосудов, в том числе два – расписные, медное шило и три статуэтки. Одна статуэтка найдена ближе к расписным сосудам, еще одна – рядом с другой группой сосудов, а третья – под большим сосудом с примесью раковины (Патокова и др. 1989, рис. 21, 1–17; 22, 1–3; с. 59). Статуэтки по форме идентичны (рис. 3, 9), довольно крупные, отличаются разной высотой, составляющей от 8,2 см до 9,5 см (Патокова 1986: 9), а также небольшими нюансами в декоре. Цвет статуэток темно-серый и светло-коричневый, окраска неровная, с желтыми пятнами. Они изготовлены из тонкоструктурной глины со значительной примесью мелко измельченных

раковин. На одной из фигурок видны крупные белые включения. Статуэтки-столбики отличаются ромбовидным абрисом, самая широкая часть приходится на середину высоты статуэтки, при этом понять, чему она соответствует – бедренным или плечевым выступам, типичным для трипольской антропоморфной пластики, невозможно. Верхняя и нижняя часть фигурок сходной усечено-конической формы, однако верх моделирован в виде округлой головки, а низ с цилиндрическим, слегка вогнутым основанием, в одном случае – с вертикальным отверстием. Декор – в виде тонких процарапанных линий, заполненных белой краской у двух более крупных фигурок. У этих же фигурок голову окружают тонкие штрихи. Шею у всех фигурок окружают тонкие параллельные линии (3–4), сходящиеся спереди под углом, в одном случае они разомкнуты (рис. 3, 9а). Такой декор на шее, как и моделировка головы, характерны для статуэток усатовского типа *II 1 а*, из обрядового центра Усатово-Большой Куяльник (рис. 4, 4, 6, 10–11), а также отмечен на одной статуэтке из городища Маяки (рис. 4, 26). Декор центральной и нижней части фигурок одинаков спереди и сзади. Ромбовидное тулово перекрещено лентами из трех параллельных линий. Цилиндрическое основание опоясано тремя параллельными линиями, по центру нижней части, а у двух статуэток и с боку, проходит два вертикальных ряда наколов. В декоре самой маленькой статуэтки отсутствуют штрихи на голове и наколы в нижней части.

Фрагменты похожих статуэток *типа I 2* обнаружены в Маяках в некрополе, в погребении девушки 16–18 лет № 1 кургана № 6 (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 20), детском погребении № 7 кургана № 8 (Патокова и др. 1989: 70; рис. 28, 5). Возможно, именно к этому типу относится фрагмент фигурки (Збенович 1974: рис. 38, 11) из заполнения рва в Маяках.

В Усатово в культовой яме № 2 второго грунтового могильника нижняя часть статуэтки *типа I 2* обнаружена в группе с тремя статуэтками усатовского типа рядом с сосудами со шнуровым декором (Патокова 1979: 124; рис. 47, 2). Возможно, к этому же подтипу относятся некоторые не очень выразительные фрагменты из раскопок в Большом Куяльнике (Патокова 1979: рис. 14, 8–13). Отметим, что в обрядовых комплексах Усатово – Большой Куяльник и Маяки статуэтки *типа I 2* представлены единичными, часто фрагментарными и не всегда диагностируемыми экземплярами (Патокова 1987: рис. 5, 14–16).

Тип I 3 – стоящие схематические фигурки с плоским овальным корпусом происходят из раскопок В.Г. Петренко ритуального городища в Маяках (Петренко 2004: 559). Одна фигурка стоит прямо – подтип I 3а (рис. 3, 6), вторая чуть наклонена вперед – тип I 3 б (рис. 3, 4). Прямых аналогий статуэтки маяцкого типа не имеют.

В группе (II) сидящих фигурок выделено три типа, все воспроизводят антропоморфную сидячую фигуру с корпусом, наклоненным вперед.

Тип II 1 – статуэтки усатовского типа на кубовидном постаменте. К подтипу *II 1а* отнесены фигурки с удлиненной цилиндрической верхней частью (рис. 3, 1–2, 10; 4, 1–13, 21, 26, 28–31), это наиболее распространенный тип; у статуэток подтипа *II 1 б* верхняя часть овального абриса, плоская в сечении (рис. 3, 11; 4, 24). К этому же подтипу относится большого размера статуэтка с реалистичными чертами в моделировании головы (рис. 3, 12; 4, 32). Большой размер маяцкой фигурки, ее поза, отдельные детали моделирования, в том числе и лица, находят определенные аналогии в статуэтке (рис. 7, 8) из погребения под курганом у с. Сушки (Бурдо 2013: 343). Прототипом статуэток усатовского типа, особенно подтипа *II 1 б,* можно считать фигурки культуры Чернавода I (Манзура 2013: 131, рис. 19, 20, 21).

Фигурки усатовского типа на кубовидном постаменте (*тип II 1*) из разных комплексов имеют общие технологические признаки. Они изготовлены из тонкоструктурной глины, цвет серый или темно серый, поверхность пятнистая. В массе четырех фигурок заметны природные золотистые минеральные примеси. Поверхность фигурок заглажена, у некоторых покрыта тонким слоем тонко отмученной глины и почти отполирована до блеска. Высота статуэток от 3 до 7 см. Статуэтки крайне схематизированные, воспроизводят сидячую склонившуюся вперед фигуру. Верхняя часть имеет вид наклонного стержня, овального в сечении, голова не выделена (завершение округлое или плоское), сливается с длинной шеей, которая расширяется и образует корпус до талии, где присоединена к непропорционально массивной нижней части в виде постамента в форме пирамиды с 4, очень редко с 3 гранями (рис. 3, 13) параллелепипеда или куба. Обобщенно постамент называют кубическим. Высота статуэтки примерно вдвое больше, чем высота постамента, а ширина его несколько больше высоты, иногда почти в 2 раза. У отдельных фигурок Большого Куяльника наколами или черточками обозначены глаза, нос, в двух случаях дугообразными линиями показаны уши (Патокова 1979: рис. 14, 2, 6, 7). У одной фигурки моделирована правая грудь, левая отсутствует (Патокова 1979: рис. 13, 10).

Большинство фигурок орнаментированы углубленным декором из тонких линий или отпечатков различных мелких штампов. Иногда прослежено заполнение углублений узора белой пастой. Система декора преимущественно стабильна. Выделяется три зоны – на шее, с четырех или трех сторон на постаменте. Шею обычно опоясывают 2–4 тонкие параллельные линии, не сомкнутые впереди. У некоторых фигурок сзади от нижней линии отходят 2, 3 или 4 короткие вертикальные линии. Постамент чаще орнаментированный со всех четырех сторон, но декор на разных гранях бывает как одинаковым, так и разным, иногда боковые или задняя грани лишены орнамента. Наиболее распространенный элемент декора – «М»-образные знаки (половина всех статуэток с декором), которые образуют вертикальные ленты, или расположены попарно или по три. Такие знаки изображены в сочетании с вертикальными элементами из линий или отпечатков прямоугольного штампа, а в одном случае - с концентрическими дугами. У одной фигурки на боковых и задней грани – декор из ломаных линий. На одной статуэтке изображены «W»-образные (а не «М»-образные) знаки (рис. 4, 6). Статуэтки Большого Куяльника преимущественно фрагментарны, а из некрополей – целые (рис. 4).

Пластика из II грунтового некрополя Усатова изготовлена из глины с примесью мелко истолченных раковин, иногда заметны более крупные частицы примесей. Крупным размером (высота 6 см), удлиненной верхней частью и почти одинаковым декором отличаются три фигурки из второй группы захоронений погребения № 5 и культовой ямы № 1 (рис. 4, 7–9; 7, 12). Э.Ф. Патокова предполагала, что орнамент на них был нанесен одним штампом. Меньшие фигурки высотой 4 см. У одной из них отсутствует декор на передней части постамента.

«М»-образные знаки присутствуют в декоре 4 статуэток. На двух из трех фигурках из культовой ямы № 3 третьей группы погребений передняя часть постамента орнаментирована по одинаковой схеме. Все фигурки четвертой погребальной группы отличаются небольшими размерами и сходным декором постаментов.

Наблюдаем определенное морфологическое и стилистическое сходство между статуэтками усатовского типа из Большого Куяльника, курганных и грунтовых некрополей Усатова (рис. 4). Отметим, что при этом состав глиняной массы фигурок различен для Большого Куяльника и некрополей Усатова.

Подавляющее большинство статуэток усатовского типа, найденных во рвах в Маяках, фрагментарны, из них только 4 были целыми. Их технологические и морфологические характеристики, как и общая система декора, в целом аналогичны статуэткам Усатова-Большой Куяльник. Сохранившиеся головки как плоские (рис. 4, 21), так и округлые (рис. 4, 26). Иногда условно переданы черты лица (рис. 4, 21, 26). Декор чаще всего в виде тонких прочерченных линий, иногда с заполнением белой пастой (Збенович 1974: рис. 39, 4), штрихов, тонких наколов или оттисков тонкой трубочки (рис. 4, 21-26). Орнаментальные композиции фигурок из рвов разнообразны, практически каждая обладает индивидуальными особенностями в наборе символов. Знаки (рис. 4, 22–23, 25) в виде окружностей («солярные») присутствуют на фигурках из рвов (Збенович 1974: рис. 39, 2–3). Узор на разных гранях постамента различен, в некоторых случаях боковые грани лишены декора. Встречаются фигурки без орнаментации (Збенович 1974: 61).

Некоторые статуэтки, представленные фрагментарно, выделяются крупными размерами (рис. 3, 3). Моделировка головы с выступающим крупным носом одной из них[1] находит аналогии в пластике Триполья (рис. 3, 5).

В некрополях Маяк статуэтки усатовского типа изготовлены из тонкоструктурной глины с примесью мелко истолченной раковины. Эти фигурки отличаются несколько укороченными пропорциями и массивностью деталей по сравнению с усатовскими, плоской (а не округлой) головкой, некоторыми индивидуальными чертами, в том числе моделированием носа щипком, груди в виде округлых выступов, глаз в виде тонких наколов, передачей горба (Патокова 1986: рис. 1, 1) на спине одной из фигурок (рис. 4, 28). Уникальной является крупная статуэтка с реалистичными чертами в моделировке головы (рис. 3, 12; 4, 32). Необычны не только ее размер, но и пропорции, моделировка верхней части, шнуровой декор (Патокова 1986: 12–14). Использование шнурового декора зафиксировано для пластики Фолтешть (Збенович 1974, рис. 38, 5), но его орнаментальные схемы различны.

Своеобразен декор фигурок из некрополя Маяк. Статуэтки из захоронения № 2 кургана (?) № 3 декорированы отпечатками круглого штампа, в том числе две – очень тонкой трубочкой (рис. 3, 12). Углубленные элементы орнамента заполнены красной краской (охрой). На передней грани постамента схемы декора у трех фигурок одинаковые, а сзади и на боковых гранях разные (Патокова 1979: 54; рис. 19, 1–9). В двух случаях орнамент нанесен на плоском срезе головки фигурок (рис. 3, 12; 4, 28, 31). На поверхности этих статуэток и в углублениях декора зафиксированы следы охры. В углублениях орнамента одной из фигурок (погребение 12) обнаружены следы заполнения белой пастой, а на поверхности – охры (Патокова 1986: 6).

Следует отметить общие черты усатовских статуэток из рвов и некрополей Маяк: моделировка лица, наличие крупных фигурок, декор из оттисков трубочки, «солярные» символы.

Усатовские фигурки, происходящие из Выхватинского могильника этапа Триполья С II (рис. 6) морфологически близки к находкам из Маяк. Одна из них отличается бедным декором (рис. 6, 4). На одной фигурке декор нанесен довольно небрежно, нечеткие знаки присутствуют на всех четырех сторонах постамента (рис. 6, 6). И только схема декора третьей фигурки (Pogoševa 1985: Abb. 985, 986, 987), в целом

---

[1] В монографии А.П. Погожевой фрагмент опубликован вверх ногами в виде основания фигурки (Погожева 1983: рис. 33, 8).

соответствует орнаментации усатовских статуэток (рис. 6, 5). Шею фигурки опоясывает лента из двух прочерченных линий, на всех сторонах постамента различные элементы. Спереди по центру изображен вертикальный ряд черточек, с левой стороны по центру – знак («звезда») в виде круга с лучами, с правой стороны знаки отсутствуют, по боковым граням слева изображены «М»-образные, а справа и по центру спины «V»-образные знаки, не имеющие аналогий в знаковой системе усатовской антропоморфной пластики[2]. Знак «звезды» имеет определенную аналогию на фигурке из ритуального городища Маяки (рис. 3 2; 4, 26), на боковых сторонах постамента которой изображена «звезда» с 8 лучами (Патокова и др. 1989: рис. 35, 1). Именно сходство этих символов послужило основанием для Э.Ф. Патоковой считать усатовские фигурки из Выхватинцев импортом из Маяк. Отметим, что при морфологической и стилистической близости усатовской пластики из Выхватинцев со статуэтками из Усатова-Большой Куяльник и Маяк, все они отличаются специфичными знаковыми элементами.

Фигурка из Кислицы (случайная находка) изготовлена из песчанистой глины, орнаментирована прочерченными линиями, заполненными белой краской, поверхность ее тщательно залощена, обжиг достаточно сильный. Моделировка фигурки на кубовидном постаменте отличается массивностью и приземистостью (рис. 7, 5). Схема декора на фигурке из Кислицы полностью соответствует композициям усатовской пластики: на шее расположены 4 горизонтальные параллельные линии, не сомкнутые спереди. Сзади с этих линий свисают три вертикальных штриха. Такой элемент орнаментации находит аналогии в декоре трех статуэток из усатовских могильников (Патокова 1979: 105, рис. 17, 5; с. 46; 128–129, рис. 48, 7–8), а также фигурки из погребения 12 комплекса V в Маяках (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 13). Индивидуальные особенности статуэтки из Кислицы –вертикальные черточки на плечах (по данным В.Г. Петренко, 5 на левом плече, 4 на правом (Петренко 1989: 53), а также глаза в виде двух точечных наколов. На кубовидном постаменте на всех четырех гранях главным элементом композиции выступают вертикальные ряды из «М»-образных знаков, образованных крупными угловыми элементами, что находит отдаленные аналогии в декоре статуэтки из грунтового некрополя Усатово (рис. 4, 6). Спереди колонка из 4 знаков фланкируется вертикальными рядами (7 черточек справа, 6 слева) горизонтальных черточек, нанесенных на грани постамента. В отличие от типичного усатовского декора, «М»-образные знаки крупные, образованы ломаными линиями, соединенными под углом, которые нанесены довольно небрежно. На боковых гранях нанесено по три «М»-образных знака, скомпонованных в колонку, сзади колонки из «М»-образных знаков расположены по краям постамента, причем слева в колонке 5 знаков, а справа – 5.

В.Г. Петренко усматривает закономерности «чет-нечет» в чередовании мелких элементов (знаков) декора, причем справа размещено нечетное число знаков, а слева – четное, что, по его мнению, связано с бинарными оппозициями, а такие особенности кислицкой статуэтки, как и в целом усатовской антропоморфной пластики, определенным образом взаимосвязаны с их четырехсторонностью и числовыми комбинациями, имеющими параллели в архаических календарных системах (Петренко 1989:

---

[2] В изображении знаков на спине этой статуэтки в некоторых публикациях вкралась ошибка – на спине нарисованы «М»-образные, а не «V»-образные знаки (Дергачев 1980: рис. 25, 1; Дергачев, Манзура 1991: рис. 20, 9). Правильное изображение Pogoševa 1985: Abb. 987.

53–54). К сожалению, другие образцы антропоморфной усатовской пластики не позволяют сделать аналогичных наблюдений.

В целом статуэтки усатовского типа воспроизводят сидящую в наклоненной позе антропоморфную фигуру с согнутыми в коленях ногами, подтянутыми к груди. Такая поза почти уникальна и не находит прямых аналогий в антропоморфной пластике Юго-Восточной Европы. В определенной степени прототипом такой позы можно считать сидящую статуэтку (рис. 7, 13) культуры Винча (Parzinger 1993: t. 212, 18), а также фигурки «Мыслителя» Прекукутень-Триполье А (Бурдо 2013: рис. 11; Pogoševa 1985: abb. 364) с поселения Тирпешть и Луки-Врублевецкой (рис. 7, 14). Среди трипольской антропоморфной пластики сидящие фигурки со склоненным корпусом встречаются очень редко (Бурдо 3013: 318–320).

Тип II 2 (красногорский) представлен двумя большого размера статуэтками из детского погребения кургана 204 у с. Красногорка (рис. 3, 7–8). Статуэтки[3], давшие название особому типу пластики усатовской культуры, столь необычной формы, что не были распознаны автором раскопок как антропоморфные изображения (Гошкевич 1903: 127, табл. XIII, 91, 92).

Статуэтки из Красногорки воспроизводят сидящую, с воздетыми и согнутыми под острым углом в коленях ногами, антропоморфную фигуру (в одном случае, несомненно, женскую) с наклоненным вперед корпусом. У большей по размеру фигурки, разломанной в древности пополам, выпуклым выступами обозначена левая грудь, вместо правой груди – ямка (рис. 3, 8). Верхняя часть статуэток подобна по моделированию усатовским подтипа *II 1 б*, а нижняя условно воспроизводит изогнутые в коленях ноги. Плоский овальный торс и детализация в моделировке ног одной из фигурок с декором в виде коротких штрихов (рис. 3, 7) находит отдаленные аналогии со статуэткой (рис. 3, 13) из некрополя Маяки (Патокова 1986: рис. 3, 1). Красногорские статуэтки можно трактовать как миксаморфное изображение, в котором совмещены антропоморфные (женские) и зооморфные черты, так как верхняя часть этих фигурок напоминает изображение кобры (Ржевська 2004: 573–574).

Тип II 3 (терновский) представлен статуэткой и фрагментом из захоронения № 1 кургана № 2 у с. Терновка (Агульников, Сава 2005: рис. 97, 4–5). Фигурки изготовлены из тонкоструктурной глины с примесью песка, цвет коричневый, обжиг равномерный, но слабый, что и объясняет плохую сохранность изделий. Верхняя часть статуэтки овальная, в сечении плоская, сходна по моделировке со статуэтками красногорского типа, груди обозначены маленькими выпуклыми выступами. Женская сидящая фигурка выполнена с элементами натурализма в моделировании головы и ног (рис. 7, 17). В отличие от усатовских и красногорских фигурок, ноги моделированы согнутыми в коленях почти под прямым углом и опущенными вниз. Такая поза предполагает наличие какого-то сиденья. В голове статуэтки сделано чашевидное углубление, обозначены черты лица, что сближает эту фигурку с большой статуэт-

---

[3] Отметим, что на протяжении многих лет в публикациях приводились не оригинальные (Ржевська 2004: 574), а рисунки статуэток из Красногорки (Пассек 1949: Pogoševa A.P. 1985: abb. 1040–1041; Манзура 2013: рис. 19, 19; Петренко 2013: рис. 38, 2, 4). До Второй мировой войны фигурки хранились в Херсонском областном краеведческом музее (Добровольський. Табл. III, 204), были вывезены оккупантами. Толька одна из статуэток была возвращена в результате реституции в Херсонский музей (Ржевська 2004: 573–574).

кой с реалистичными чертами из детского захоронения № 12 комплекса V в Маяках (рис. 7, 11).

Контекстный анализ усатовской пластики

Нами учтено 117 антропоморфных статуэток, которые можно связывать с усатовской культурой. Они выявлены в ритуальных комплексах Усатово-Большой Куяльник и Маяки, а также в погребениях под курганами (табл. 1).

Рассмотрим контекст находок по каждому из приведенных в таблице 1 памятников.

Таблица 1.

Антропоморфные статуэтки усатовской культуры

Объекты	Количество	Библиография
Усатово-Большой Куяльник		
Большой Куяльник (городище)	39	Патокова 1979: 34–40
Усатово, I курганный могильник (15 курганов)	1	Патокова 1979: 143
Усатово, II курганный могильник (3 кургана)	6 (из них 4 в одной культовой яме)	Патокова 1979: 143
Курганные могильники вместе	7	Патокова 1979: 106–107
Усатово, II грунтовой могильник: культовые ямы (4 ямы)	8 (из них 4/1; 2/1; 1/кенотаф; 1/1)	Патокова 1979: 140–143
Усатово, II грунтовой могильник: детские погребения (2 погреб.)	3 (из них 1/1; 2/1)	Патокова 1979: 140–143
Усатово, II грунтовой могильник: в 1 мужском погребении	3 в 1 погреб.	Патокова 1979: 140–143
II грунтовой могильник вместе	14	Патокова 1979: 140-143
Всего Усатово-Большой Куяльник	**60**	
Маяки		
Маяки – ров	25	Збенович 1974: 33 Петренко 2004: 559
Маяки – могильники	11	
Маяки всего	**36**	
Курганы		
Курган Садовое	5 (в 1 погребении)	Малюкевич, Агульников, Попович 2017: 24–25, рис. 6, 9, 12–13.
Курган Терновка	3 (в 1 погребении)	Агульников, Сава 2005, рис. 97, 3-5
Курган Красногорка	2 (в 1 погребении)	
Ташлык II Культурный слой	1	Фоменко та ін. 2014: рис. 2, 8.
Кислица (случайная находка)	1	Петренко 1989
Всего	**117**	

Большой Куяльник

По сведениям Э.Ф. Патоковой, наибольшее количество статуэток усатовской культуры происходит из раскопок «городища» в Большом Куяльнике. По мнению первых исследователей, проводивших эти раскопки, здесь представлены различные культовые объекты, но не обнаружено бытовых комплексов. В.Г. Петренко убедительно показал, что Большой Куяльник является археологическим памятником, принадлежащим к типу ритуальных городищ, или священных поселений (Петренко 2013: 171–172.).

К сожалению, утеряна полевая документация, а отсутствие подробных публикаций не позволяет сейчас установить конкретные места находок фигурок. Имеются сведения о том, что некоторые из них были найдены в углублении в каменной породе в форме головы быка и вблизи сооружения из известняка, которое М.Ф. Болтенко трактовал как жертвенник (Пассек 1949: 193). Статуэтки обнаружены преимущественно фрагментированными. Большинство – 21 находка – относятся к пластике усатовского типа (на кубовидном основании), из них только 2 фигурки целые, еще у 14 утрачена верхняя часть, 6 представлены лишь верхними частями (Патокова 1979: 34.). Пластика других типов представлена невыразительными фрагментами, 6 из них, возможно, связаны с типом *I 2*. Шестью фрагментами представлены статуэтки вихватинского типа.

Усатово, некрополи

В двух курганных могильниках Усатово (I и II), где раскопаны 18 курганов, найдено 7 антропоморфных фигурок, сконцентрированных в 4 комплексах. В первом курганном могильнике из 15 курганов найдена в культовой яме кургана I / 2 одна статуэтка усатовского типа высотой 6 см. Культовая яма была обнаружена под каменной выкладкой в юго-западном секторе кургана. Кроме статуэтки здесь найдены амфора из глины с примесью толченых раковин, и расписная чаша с крестообразным узором из «W»-образных знаков (Патокова 1979: рис. 17, 3–5).

Во втором курганном могильнике две статуэтки происходят из кургана II/1. Одна целая фигурка была обнаружена во время расчистки кромлеха в юго-восточном секторе, а еще одна – в культовой яме № 5. В культовой яме № 3 кургана II / 2 (рис. 3, 3) были найдены 4 фигурки.

Яма № 3 (6) обнаружена под плитой с чашеобразным углублением (диаметр 10 см) на поверхности у южного выхода из внешнего кромлеха. Яма, квадратная в плане, размером 1х1 м, глубиной 0,3–0,4 м была заполнена чистой глиной, вероятно, выброшенной из центрального погребения. На дне ямы обнаружена голова быка, изготовленная из известняка. У левого рога лежала шаровидная амфора, сосуд из глины с примесью ракушки. Пространство между сосудами посыпано белым порошком. У стенки ямы найдена амфора из глины с примесью ракушки, со шнуровым декором из косых крестов, и еще такая же, но без декора. Среди находок в яме было 5 коронок человеческих зубов. Справа от каменной головы быка зафиксирована кучка охры малинового цвета, ниже – «*четыре одинаковых фигурки из необожженной глины, лежащих плотно друг возле друга парами в два ряда*» (Селинов, Лагодовская 1940: 253; рис. 21, 23).

Т.С. Пассек в свое время безосновательно утверждала, что Е.Ф. Лагодовская, которая исследовала курган, не поняла, что выявленные ею фигурки антропоморфные, и не смогла раскрыть их символику, а «*исследование этих фигурок в коллекции Одесского археологического музея показало, что они изготовлены из палево-розовой массы, аналогичной посуде с черной росписью. Масса с примесью мелкозернистого песка подвержена обычном окислительному обжигу*» (Пассек 1949: 199).

В приведенном выше описании Т.С. Пассек наблюдаем определенные противоречия между сведениями об этих статуэтках, предоставленных Е.Ф. Лагодовской. Фигурки на трехгранном постаменте (Патокова 1979: рис. 32, 17; с. 81–82; Пассек 1949: 199; рис. 97, 6.) не орнаментованы, плохой сохранности, что позволяет доверять версии Е.Ф. Лагодовской об отсутствии их обжига. Отсутствие обжига или очень слабый обжиг подтверждает и палевый цвет глины. Вероятно, именно такого цвета была сырая глина, которая при обжиге (вероятно, в костре) приобретала серый цвет. Слабый обжиг объясняет и плохую сохранность фигурок из этого уникального комплекса, поскольку до наших дней они не сохранились.

Среди некрополей наибольшим числом антропоморфных статуэток отличается II грунтовой усатовский могильник, где из разных групп погребений происходят 14 фигурок. Среди первой группы погребений под закладкой из камней обнаружена яма № 3. Она прямоугольная в плане, углы закруглены, размеры 1,4х1,1 м, глубина 0,4 м, ориентация восток-запад. В засыпке ямы найден зуб человека, обломок косточки, фрагмент горшка. На дне ямы в центре стояла статуэтка усатовского типа с «М»-образными знаками рядом с маленьким сосудом. Исследователи предполагают, что этот объект можно рассматривать как кенотаф (Патокова 1979: 116; рис. 39, 15–16).

В этой же группе погребений антропоморфные статуэтки были обнаружены среди заклада над детским погребением № 5 (рис. 3, 4). Заклад аморфный в плане, размерами 1х0,6 м, выложенный из двух ярусов камней. На одном из камней верхнего яруса обнаружена статуэтка усатовского типа со штампованным декором и фрагменты расслоившихся сосудов плохого обжига. Под камнем, на котором лежала статуэтка, обнаружена еще одна, почти такая же, с небольшими нюансами в схеме декора, а также плохо обожженный горшок из глины с примесью ракушки (Патокова 1979: 118; рис. 43, 9, 12–13). Во второй группе погребений в культовой яме № 1 (в плане почти квадратная, размеры 0,8х0,7 м, глубина 0,1 м), которая на поверхности была обозначена одним камнем, обнаружена статуэтка, сходная с обнаруженными в закладе детского захоронения № 5, а также чаша из глины с примесью ракушки (Патокова 1979: 116; рис. 44, 5, 10).

В первой группе погребений обнаружена культовая яма № 2, в плане овальная, размерами 1х0,5 м, глубиной 0,3 м. В юго-западной части ямы на боку лежали две слабо обожженные фигурки усатовского типа, одна из них расслоилась, рядом было 4 сосуда (Патокова 1979: 120; рис. 44, 8–9, 11–13).

К третьей группе грунтовых могильников принадлежала яма № 2, зафиксированная в 2 м от захоронения № 1. Яма прямоугольная, углы скруглены, размеры 1,3х1 м, глубина – 0,5 м, ориентация запад-восток. В засыпке ямы найдена одна маленькая человеческая кость. На дне в северо-восточном углу стояли два небольших сосуда со шнуровым декором, в одном из них находилась статуэтка усатовского типа (рис. 5, 1–2), рядом найдены еще две такие фигурки, и нижняя часть стоящей статуэтки (Патокова 1979: 124; рис. 46, 6–8; 47).

К четвертой группе относится захоронение № 3. Могильная яма не прослежена, захоронение обнаружено на глубине 0,8 м. Похоронен пожилой мужчина, головой на северо-восток. На расстоянии 0,2–0,3 м от черепа найден сосуд из глины с примесью раковины и три статуэтки усатовского типа из аналогичной массы, одна из них на трехгранном постаменте (Патокова 1979: 124; рис. 48, 4, 7–9).

К пятой погребальной группе относится детское захоронение № 5, обнаруженное под каменной закладкой. Среди камней закладки обнаружены фрагменты расписной чаши и статуэтка усатовского типа (Патокова 1979: 133; рис. 51, 3–5).

Интересно, что во II грунтовом могильнике, который дал больше всего находок антропоморфной пластики, орудия труда и предметы вооружения представлены только 1 кремневым острием стрелы, 2 трапециями и миниатюрным медным шилом (Патокова 1979: 141–142).

Таблица 2.

Распределение антропоморфной пластики в погребениях усатовской культуры

Комплексы	Количество объектов с пластикой	Количество статуэток по объектам			Всего статуэток
		культовые ямы	захоронения	заклады	
Усатово, I курганный могильник (15 курганов)	1	1			1
Усатово, II курганный могильник (3 кургана)	3	2		1 кромлех	6
Усатово, II грунтовой могильник	9	1+1+4+2	детское 1 мужское 3	детское 2+1	14
Маяки – могильники	5		детские 4, девушка 1 1/4+1/3+ 1/2+1/1+1/1		11
Садовое	1		1/4		4
Терновка	1		1/3		3
Красногорка	1		2		2

Маяки, рвы

На городище в Маяках В.Г. Збеновичем были проверены раскопки трех рвов. По мнению автора, рвы имели оборонительный характер, а поселение, которое они окружали, разрушено оползнями (Збенович 1974: 23–35). Однако более убедительно выглядит в настоящее время точка зрения В.Г. Петренко, который полагал, что рвы были главным структурным элементом ритуального городища. Это подтверждается как конфигурацией рвов, так и их заполнением, которое содержит большое количество остатков материальной культуры, прослоек пепла, скопление угольков и кусков обожженной глиняной обмазки с примесями полов, костей животных, рыб. Присутствуют также человеческие кости взрослых и детей. Рвы заполнялись послойно длительный период времени. Вероятно, здесь происходили определенные обряды, в том числе и те, что сопровождались забоем скота, преимущественно, как установили археозоологи, во время зимнего и летнего солнцестояния. Это подтверждает правильность интерпретации городища в Маяках как ритуального, а сочетание его с некрополями свидетельствует о существовании тут обрядового центра длительного использования (Петренко 2013: 175–177).

Находки во рвах залегают бессистемно, скопления не прослежены. Редко встречаются развалы сосудов и большие фрагменты керамики. Иногда обломки одного сосуда находят на значительном расстоянии друг от друга и на разных глубинах. Особенно интенсивно насыщены находками «кострища», которые зафиксированы в разных частях рвов, иногда они залегают друг над другом. Толщина слоев пепла в этих слоях достигает 0,2–0,4 м. В одном из кострищ найден череп собаки. Из кострищ происходят многочисленные обугленные кости животных, фрагменты керамики с копотью, куски обожженной глины, иногда антропоморфные статуэтки (Збенович 1974: 24–25).

Интерпретации рвов как структурного элемента ритуального городища полностью соответствуют находки антропоморфных статуэток, которых обнаружено здесь 25 единиц (рис. 4, 21–26).

Маяки, некрополи

В некрополях Маяк было исследовано более 30 погребений усатовской культуры, но 11 антропоморфных статуэток происходят лишь из 5 погребений, из которых 4 – детских и 1 – девушки 16–18 лет (табл. 2).

В детском захоронении № 2 кургана (?) № 3 найдены четыре усатовские антропоморфные статуэтки. Одна фигурка без орнаментации, со следами от полос, нанесенных на верхней части коричневой краской, лежала у черепа сзади. Три фигурки вместе с сосудом из глины с примесью толченых раковин, каменным отщепом и медным шилом находились перед согнутыми руками покойника (Патокова 1979: 54; рис. 19, 1–9).

В парном детском захоронении № 2 кургана № 5 найдены три стоячие схематические антропоморфные фигурки. Фигурки с прочерченным декором почти одинаковые, отличаются высотой и деталями декора (рис. 3, 9). Две более крупные фигурки находились сзади у черепа одного из детей, меньшая была рядом с сосудом у восточной стенки ямы. В погребальный инвентарь входили также еще 5 сосудов, в частности расписная амфора на ножках и медное шило (Патокова 1989: 59; рис. 21, 11–17, 22, 1–3).

В детском захоронении 12 грунтового могильника (комплекс V) найдены две антропоморфные статуэтки на кубовидном постаменте, которые находились у рук покойного. На обеих фигурках зафиксированы следы красной охры. Большая статуэтка (рис. 3, 12) лежала лицом вниз, на нее была положена фигурка стандартного для усатовской пластики размера. Другой инвентарь: медное шило, 4 бусины из гагата, сосуд со следами жидкой охры изнутри (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 5–8, 13).

В захоронении № 1 кургана № 6, принадлежавшего женщине в возрасте 16–18 лет, найден фрагмент антропоморфной стоящей фигурки в северо-западном углу могильной ямы рядом с двумя сосудами. Другой инвентарь: 6 сосудов, два обломка деревянных предметов (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 20–21, 26, 1–6).

В детском захоронении № 7 кургана № 8 почти в центре на дне могильной ямы находилась слабо обожженная антропоморфная стоящая фигурка, от которой остались только отдельные фрагменты. Она находилась на 0,1 м ниже уровня залегания скелета. Другой инвентарь был на уровне погребения, это два сосуда и створка раковины Unio (Патокова и др. 1989: 70; рис. 28, 4–7).

Усатовские статуэтки в захоронениях под курганами

Известны лишь три курганных комплекса усатовской культуры в Поднестровье, кроме могильников Усатово и Маяки, где найдены антропоморфные фигурки. Статуэтки в каждом кургане имеют индивидуальными особенности.

В захоронении № 31 кургана № 1 у с. Садовое (рис. 5, 5), раскопанного на правом берегу Днестровского лимана, скопление из фрагментов от 4–5 антропоморфных слабо обожженных крупных статуэток, а также миниатюрный сосуд обнаружены сзади у черепа скорченного скелета. Другой инвентарь: за спиной три сосуда, каменное лощило; в 0,1 м от черепа – кремневый отщеп, у шейных позвонков – подвески из молочных зубов оленя (Петренко 2004б: 284–285; Малюкевич и др. 2017: 24–25). Антропоморфные статуэтки из Садового только в целом соответствуют канонам усатовской антропоморфной пластики. Они отличаются плохим обжигом, большими размерами, отсутствием декора.

В кургане № 204 у с. Красногорка на левом берегу Днестра во время раскопок И.Я. Стемпковского в 1897 г. найдены две большого размера антропоморфные статуэтки (рис. 3, 7–8). Они обнаружены в детском захоронении у кистей рук. Рядом с черепом найдены два расписных сосуда (Гошкевич 1903: 127, табл. XIII, 91, 92), которые не сохранились.

У с. Терновка на Левобережье Днестра (Республика Молдова) в погребении № 16 кургана № 1 найдена женская статуэтка и верхняя часть такой же статуэтки, а также керамическая поделка, которую можно рассматривать как очень условное антропоморфное изображение (Агульников, Сава 2005: 197–199; рис. 97, 2–5). Это погребение основное в кургане (следующее по хронологии погребение относится к ямной культуре). Погребальная яма, прямоугольная в плане, со скругленными углами, ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Несмотря на разрушения кротовинами, установлено, что костяк в скорченном положении лежал на спине, головой на восток.

Слева от черепа компактно залегали предметы пластики (женская статуэтка и антропоморфная поделка) и одна графитовая (?) бусина. Верхняя часть антропоморфной статуэтки найдена возле ступней. В районе тазовых костей зафиксирован

тонкий слой подстилки темно-коричневого цвета. В области грудной клетки и тазовых костей обнаружено 150 белых бусин в виде колечек (55) и цилиндров (95), среди них находились также четыре миниатюрные цилиндрические поделки диаметром 3 и 4 мм. Вероятно, погребение № 16 относится к усатовской культуре. Найденные в нем женские статуэтки были одинаковыми, отличаются только по размеру: целая статуэтка (рис. 7, 17) высотой 11 см несколько крупнее, чем та, от которой сохранилась только верхняя часть. Очевидно, плохая сохранность фигурок обусловлена слабым обжигом.

Выхватинский грунтовой некрополь. Здесь найдены три антропоморфные статуэтки усатовского типа на кубовидном постаменте (рис. 6). В.А. Дергачев вполне обоснованно считает их усатовским «импортом» (Дергачев 1980: 84; 101; 191, рис. 25, 1–3). Э.Ф. Патокова предполагала, что они могут быть связаны непосредственно с Маяками (Патокова 1986: 8), однако декор выхватинских статуэток усатовского типа отличается своеобразием и не позволяет в настоящее время с полной уверенностью связывать их с конкретными памятниками усатовской культуры.

Всего из 54 раскопанных в некрополе Выхватинцы захоронений происходят 14 антропоморфных фигурок, три из них усатовские, связанные с двумя погребениями.

Усатовская статуэтка без орнамента находилась среди костей грудной клетки в захоронении девочки (рис. 6, 1) в возрасте около 9 лет (погребение № 52 (47). У шейных позвонков найдены раковины Vulgaris, вероятно, от ожерелья, у ног стояла расписная чаша, в которой находилась емкость с примесью толченой ракушки, а рядом – два сосуда аналогичного типа. Кроме того, в погребении обнаружены 2 женские фигурки вихватинского типа разного размера. Они были положены перед лицом, причем одна лежала на второй. Верхняя фигурка большего размера (высота 23 см), под ней – фигурка беременной высотой 13 см. Отметим сходную ситуацию расположения статуэток в Маяках в захоронении 12 грунтового могильника (комплекс V) (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 5–8, 13). Ориентация фигурок и покойника – головой на север – совпадают. Среди фрагментов керамики найден кремневый отщеп (Дергачев, Манзура: 32; рис. 18, 10–14, 19, 1–4).

В детском (ребенок до 2 лет) захоронении № 57 (42) найдено 7 сосудов. У ног стояла расписная чаша, в которой находились створки раковины Unio и орнаментированная усатовская статуэтка высотой 6, 8 см (рис. 6, 5). Нахождение статуэтки в сосуде зафиксировано в культовой яме некрополя Усатова. Рядом находился обломок сосуда с шнуровой орнаментацией и еще одна такая фигурка меньшего размера (высота 5,4 см). 5 сосудов стояли у головы, в частности еще одна расписная чаша (Дергачев, Манзура: 33; рис. 20, 8–16).

Кроме крупных коллекций усатовской пластики необходимо остановиться на единичных находках. Типичная для усатовской культуры статуэтка (случайная находка) найдена у с. Кислица Измаильского района (Петренко 1989: 52–54). Это самая юго-западная точка нахождения антропоморфной усатовской пластики. Территория Нижнего Подунавья входила в зону распространения усатовской культуры, но в погребениях статуэтки здесь не обнаружены.

Самой восточной находкой усатовской пластики является фрагмент нижней части стоящей статуэтки (рис. 3, 15) на многослойном памятнике Ташлык II в Побужье (Фоменко и др. 2014: 137–147; рис. 2, 8). Эта находка выглядит вполне убедительной в связи с открытием могильника усатовской культуры в урочище Гард на берегу Южного Буга (Товкайло, Фоменко 2013).

Анализ погребений со статуэтками серезлиевского типа показывает, что они не связаны с усатовской культурой (Бурдо 2018).

Подводя итоги контекстного анализа усатовской антропоморфной пластики, следует подчеркнуть, что массовые находки статуэток связаны с обрядовыми центрами усатовской культуры Усатово-Большой Куяльник и Маяки. Использование фигурок было, вероятно, достаточно разнообразным.

На ритуальном городище Большой Куяльник фрагментарные фигурки обнаружены в углублениях ритуального характера. В Маяках на городище находки фрагментов статуэток связаны с линзами культурных остатков в рвах.

Антропоморфные статуэтки из некрополей в Усатово и Маяках чаще всего целые, а их фрагментация, на наш взгляд, может быть объяснена плохим обжигом терракот. В целом антропоморфные фигурки не являются обязательным атрибутом погребального обряда усатовской культуры, встречаются лишь в отдельных погребениях, часто (но не обязательно) в детских погребениях, причем в значительной части случаев в одной могиле находят более 1 статуэтки. Достоверно зафиксировано нахождение 4 фигурок, а в погребении кургана Садовое предположительно было положено 4–5 антропоморфных терракот. В захоронениях усатовской культуры с антропоморфной пластикой в погребальный инвентарь почти всегда (исключение – погребение из кургана у с. Терновка) входят сосуды, реже – украшения и другие предметы. Находки антропоморфной пластики характерны для погребений некрополей в Маяках, а в могилах усатовских некрополей единичны. В Усатово большая часть антропоморфных терракот (часто плохо обожженных) происходит из культовых ям. Как и в погребениях, в них находят 1–4 фигурки вместе с другим инвентарем, чаще всего разнообразными сосудами.

Выводы

Наиболее распространенным типом антропоморфной пластики усатовской культуры являются статуэтки на кубовидном постаменте. Эти фигурки близки между собой по размерам, технологическим и морфологическим признакам. Они передают антропоморфный образ в виде сидящей на корточках склоненной вперед фигуры. Грудь обозначена лишь у отдельных статуэток, но их все предположительно определяют как женские изображения.

В целом уникальный облик усатовских терракот позволяет предположить, что они воспроизводят сакральный миксаморфный персонаж, сочетающий антропоморфные (женские) черты и черты зооморфные, – может быть, фантастической змеи. В особенности четко это демонстрируют красногорские фигурки (рис. 3, 7–8).

В.Г. Петренко настаивал на «*нарочитой фалломорфности головы*» статуэтки из Кислицы (Петренко 1989: 53) и округлых (грибовидных) головок усатовских фигурок, их «*итифаллическом облике*» (Патокова и др., 1989: 103). Если принять эту версию (хотя она и представляется нам маловероятной), то некоторые усатовские фигурки отражают образ андрогина – мифического двуполого персонажа, который демонстрирует идеальное существо, объединяющее все сущности, в том числе мужское и женское начала. Образ андрогина присутствует в антропоморфной пластике древних культур, в частности в Триполье-Кукутень (Burdo 2014: 335).

При морфологическом и идеологическом единстве, а также специфичности усатовской антропоморфной пластики, степень стандартизации статуэток невысока.

Самый распространенный тип статуэток на кубовидном постаменте характерен для ритуальных комплексов Усатово-Большой Куяльник и Маяки.

По символам декора наибольшее сходство зафиксировано для фигурок внутри разных составляющих обрядовых центров (городища и некрополей). Находки статуэток каждого курганного погребения представляют особый тип усатовской пластики.

Отметим, что практически каждая фигурка, к какому бы типу усатовской пластики она ни принадлежала, отличается в большей или меньшей степени размерами и специфическими элементами декора. Абсолютно одинаковых статуэток нет, даже в тех случаях, когда близкие по размеру и декору в целом статуэтки происходят из одного погребения.

При морфологическом однообразии статуэток в целом, их декор демонстрирует значительное разнообразие в деталях в пределах общего принципа построения орнаментальных схем. Орнаментальные композиции выполнены по устойчивым канонам, отчасти обусловленным формой терракот, но отличаются элементами декора, образующими знаковую систему. Декор состоит из определенной комбинации знаковых элементов и их размещения на статуэтке.

Сравнение декора и некоторых деталей статуэток из разных объектов Усатово-Большой Куяльник показывает, с одной стороны, заметную разницу между городищами и некрополями в каждом комплексе, а с другой – различия между пластикой из Усатово-Большой Куяльник и Маяк (рис. 4). Четко фиксируются различия по двум параметрам – форме головки (чаще округлая у статуэток из некрополя Усатово и обычно плоская у фигурок из Маяк), а в особенности в знаках, используемых в качестве элементов орнаментальных композиций. Так, в городище Большой Куяльник преобладают «М»-образные знаки, встречаются они и на статуэтках из усатовского некрополя, но отсутствуют на статуэтках из Маяк. Разница в знаковой системе антропоморфной пластики разных комплексов усатовской культуры позволяет предположить, что узор фиксировал идентичность определенных социальных групп усатовских племен.

Следует обратить внимание на различие в использовании антропоморфных статуэток в некрополях Усатова, где фигурки обнаружены в культовых ямах, и Маяк, где статуэтки входили в погребальный инвентарь преимущественно детских захоронений.

Усатовские статуэтки на кубовидном постаменте сходны с фигурками культуры Чернавода II трактовкой сидящей фигуры, а фигурки подтипа II1б с овальной, плоской в сечении верхней частью находят аналогии в моделировке верхней части статуэток той же культуры II (рис. 7). В то же время трактовка головы с большими ушами с проколами у крупной усатовской статуэтки с реалистическими чертами в моделировке лица (рис. 3, 12) находит аналогии в пластике культур Караново VI и Гумельница. Наиболее близкие аналогии фигуркам на кубовидном основании известны в культуре Фолтешть (Збенович 1974: рис. 38, 5).

Статуэтка из Терновки в целом находит близкие аналогии в трипольской пластике (рис. 7, 16), но моделировка овальной и плоской в сечении верхней части и головы с чашевидным углублением сближает ее со статуэткой из Маяк. Возможно, что погребение из Терновки относится к наиболее архаичному пласту усатовской культуры.

Крайне схематичная фигурка из Садового находит отдаленные аналогии в трактовке фигуры в пластике позднейшего Триполья и сходна монументальностью со статуэткой из кургана Сушки (рис. 7, 6–8).

Оригинальная поза, характерная для статуэток усатовского типа, встречается в пластике неоэнеолитических и раннебронзовых культур очень редко. Возможно, отдаленным прототипом образа, который воспроизводит сидящую склоненную вперед антропоморфную фигуру может служить поза фигурок из Винчи и Триполья В I (рис. 7, 13–14).

Исследование антропоморфной пластики усатовской культуры доказывает ее самобытность на фоне антропоморфной скульптуры первобытности. Собственно, антропоморфная пластика усатовской культуры выступает одним из характерных признаков – идентификаторов или культурных маркеров, присущих именно этой культуре и выделяет ее из числа генетически связанных с ней или синхронных культурных группировок.

Системный анализ усатовской антропоморфной пластики, в частности с учетом контекста размещения фигурок, позволяет предполагать, что формально выделенные типы статуэток соответствуют иконографическим типам, которые воплощали различные, но близкие по смыслу, сакральные образы, а статуэтки использовались в погребальном ритуале и жертвоприношениях.

Литература

Агульников С.М., Сава Е.Н. 2005. Исследование курганов на левобережье Днестра. Кишинэу.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы // МИА, № 38. Москва, Ленинград.

Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков // Вісник Одеської комісії краєзнавства, № 2/3 Одеса.

Брюсов А.Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Москва.

Бурдо Н.Б. 2004. Тваринництво трипільської культури // ЕТЦ. Т. ІІ. К., 195–197).

Бурдо Н.Б. 2013. Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье – Кукутень. Saarbrücken.

Бурдо Н.Б. 2018. Антропоморфная пластика курганных погребений РБВ в Буго-Днепровском междуречье и Поднепровье // Tyragetia, v. XXII [XXVII], nr. 1.

Бурдо Н.Б. 2018а. Антропоморфна пластика усатівської культури// Стародавнє Причорноморя. XII. Одеса.

Гошкевич В.И. 1903. Клады и древности. Херсон.

Відейко М.Ю. 2004. Трипільська культура. Історія досліджень// ЕТЦ. Т. І. К.

Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья (опыт систематизации). Кишинев.

Дергачов В.О. 2004. Пізній період трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. І. К.

Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991, Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев.

Добровольський А. Речі трипільської культури Херсонського музею // НА ІА НАНУ, особистий фонд А.Д. № 13.

Збенович В. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. К.

Кричевский Е.Ю. 1941. О процессе исчезновения трипольской культуры // МИА № 2. Москва – Ленинград.

Лагодовская Е.Ф. 1943. Проблемы усатовської культуры // Научные записки Института истории и археологии УССР. № 1. Уфа.

Лагодовская Е.Ф. 1948. Усатовская культура и ее место в археологическом прошлом Украины // Вестник АН УССР. 6. Москва.

Лагодовська О.Ф. 1953. Пам'ятки усатівського типу // Археологія, т. 8.

Малюкевич А.Е., Агульников С.М., Попович С.С. 2017. Курганы Правобережья Днестровского лимана у с. Молога. Одесса – Кишинев.

Манзура И.В. 2013. Культуры степного энеолита // // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.

Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.

Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровк.

Нариси стародавньої історії УРСР. 1957. К.

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА № 10. Москва – Ленинград.

Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА № 84. Москва.

Патокова Э.Ф. 1971. Отчет о раскопках усатовского грунтового могильника в 1971 г. // НА ИА НАНУ 1971/86.

Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. К.

Патокова Э.Ф. 1986. Антропоморфная пластика Маяцкого могильника // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Петренко В.Г. 1980. О семантике усатовской антропоморфной пластики // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. К.

Петренко В.Г. 1989. Усатовская статуэтка, найденная в Нижнем Подунавье // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Петренко В. 2003. Епонімне Усатове та проблема генезису усатовської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. К.

Петренко В.Г. 2004. Усатівська антропоморфна пластика // ЕТЦ, Т. ІІ.

Петренко В.Г. 2004а. Усатівська культура // ЕТЦ, Т. ІІ.

Петренко В. Г. 2004б. Курган «Садовое» // ЕТЦ, Т. ІІ.

Петренко В. Г. 2004в. Вихватинський тип // ЕТЦ, Т. ІІ.

Петренко В.Г. 2013. Усатовская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.

Ржевська Ю.О. 2004. Херсонський обласний краєзнавчий музей // ЕТЦ, Т. ІІ.

Рыбалова В.Д. 1964. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф. 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. (Усатовская культура). СА, V.

Ткачук Т.М. 2005. Знакові системи Трипільсько-Кукутенської культурно-історичної спільності (мальований посуд етапів В ІІ-С ІІ, г ІІ). Вінниця.

Товкайло М.Т., Фоменко В.М. 2013. Ґрунтовий могильник усатівського типу на Ґарді // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту. До 100-річчя від народження В.М. Даниленка. Мелітополь, смт Мирне.

Фоменко В.М., Бурдо Н.Б., Спіцина Л. А. 2014. Багатошарова пам'ятка Ташлик ІІ // Археологія і давня історія України. Колекції наукових фондів Институту археології НАН України. Результати досліджень. 1 (12). К.

Burdo N. 2014. Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of similarities and differences. Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe. Suceava.

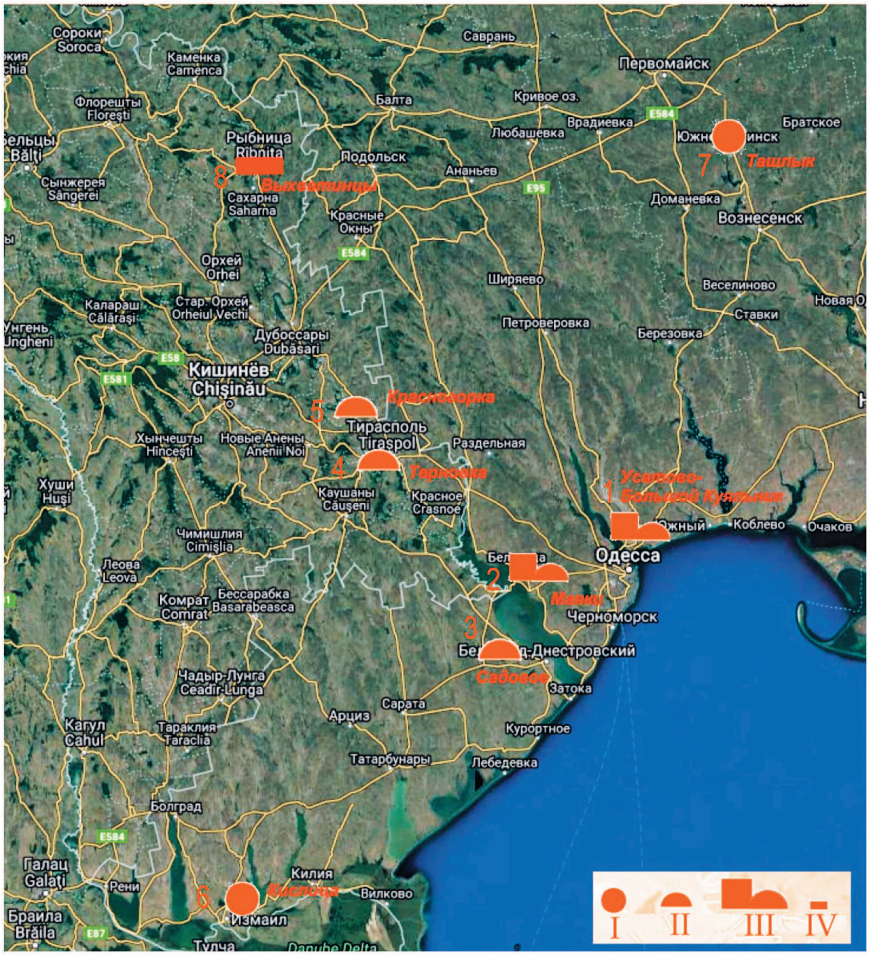

Рис. 1. Карта памятников с находками антропоморфной пластики.
1 – Усатово-Большой Куяльник, 2 – Маяки, 3 – Садовое, 4 – Терновка, 5 – Красногорка, 6 – Кислица, 7 – Ташлык II, 8 – Выхватинцы. I – находки вне объектов; II – курганные захоронения; III – обрядовые центры из некрополей и городища; IV – грунтовой некрополь выхватинской локально-хронологической группы Триполья С II.

Стоящие статуэтки I				Сидящие статуэтки II			
I 1 выхватинский тип	тип I 2 стоящие прямо	I 3 тип Маяки		II 1 усатовский тип		II 2 красногорский тип	II 3
		I 3 а стоящие прямо	I 3 б стоящие склоненные	II 1 а	II 1 б		
							

Рис. 2. Типология антропоморфной пластики усатовской культуры.

Рис. 3. Антропоморфная пластика усатовской культуры.
1–6 – городище Маяки; 7–8 – курган Красногорка (7–8 по Добровольский: табл. III, 204), 7а – Херсонский областной краеведческий музей; 9–12 – Маяки, некрополи; 13 – культовая яма из 2-го грунтового некрополя Усатово; 14 – культовая яма кургана II-1 Усатово; 15 – Ташлык II (1, 3, 5 – Научные фонды ИА НАНУ; 4, 6, 9–13 – ОАМ НАНУ; 2, 4, 6, 9 – по Петренко 2004; 12 – по Патокова 1986; 14 – по Селинов, Лагодовская 1940).

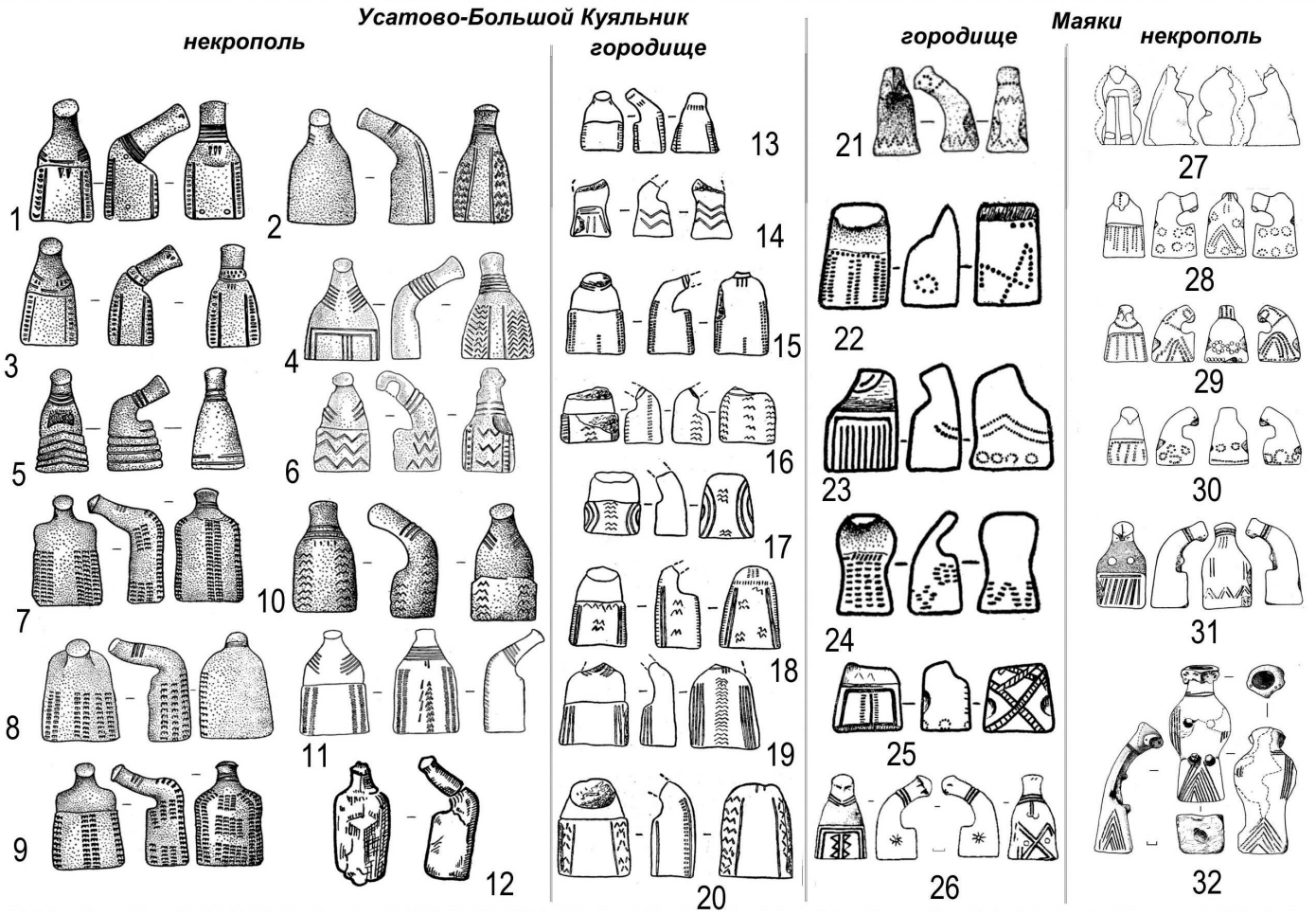

Рис. 4. Антропоморфные статуэтки из обрядовых центров Усатово-Большой Куяльник и Маяки.
1–12 – Усатово, некрополи, 13–20 – Большой Куяльник (по Патокова 1979); 21–26 – Маяки, рвы (21–25 – по В.Г. Збеновичу; 26 – по Патокова и др. 1989); 27–32 – Маяки, некрополи (по Патокова 1986).

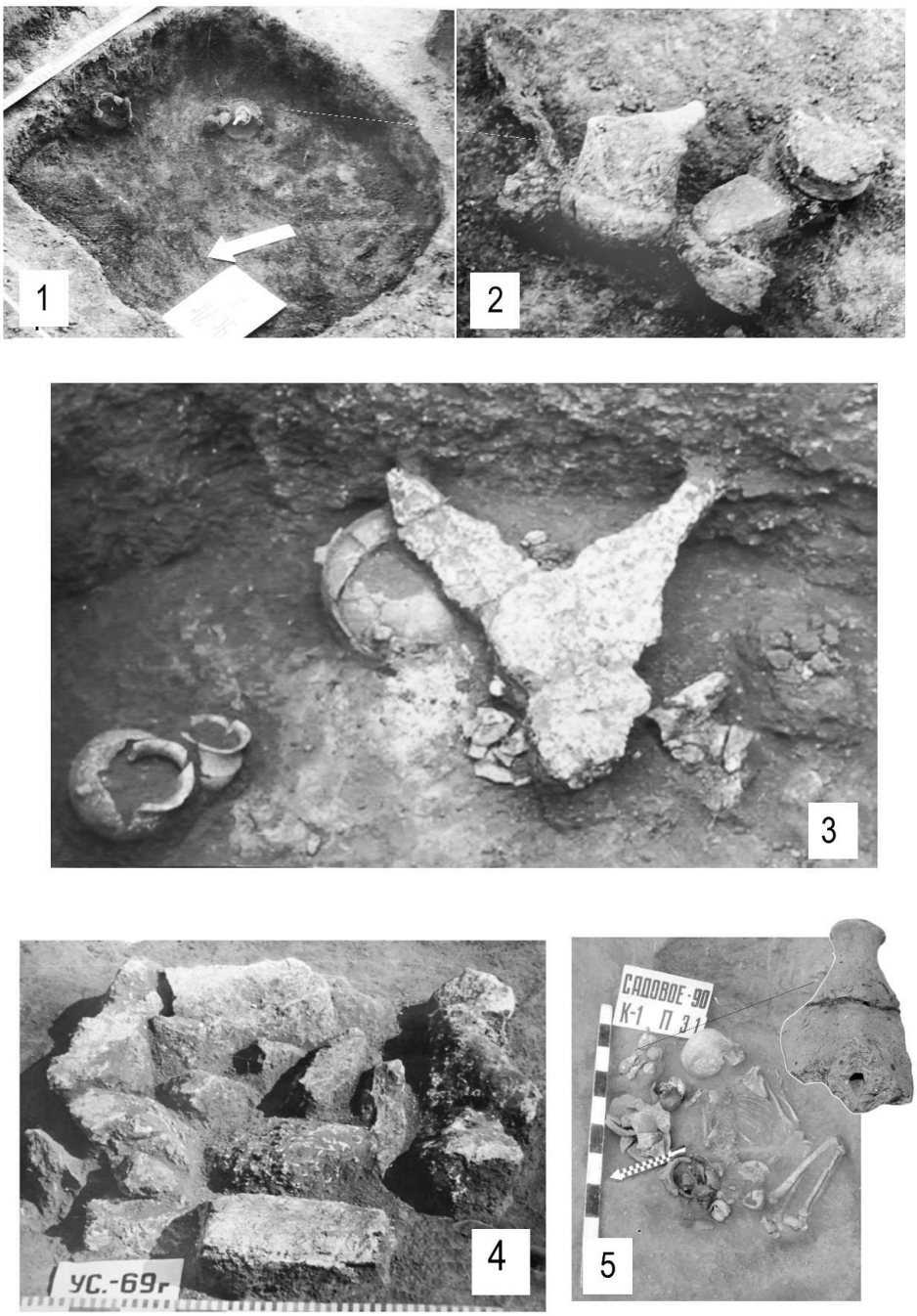

Рис. 5. Контекст находок усатовской антропоморфной пластики.
1–2 – 2-й грунтовой могильник Усатово, культовая яма № 2 (по Патокова 1971);
3 – Усатово, курган II-1, культовая яма № 3 (по Селинов, Лагодовская 1940); 4 – Усатово, группа 5 грунтового некрополя. Каменная закладка над погребением № 5, в которой найдена статуэтка (по Патокова 1989); 5 – курган Садовое (по Петренко 2004б).

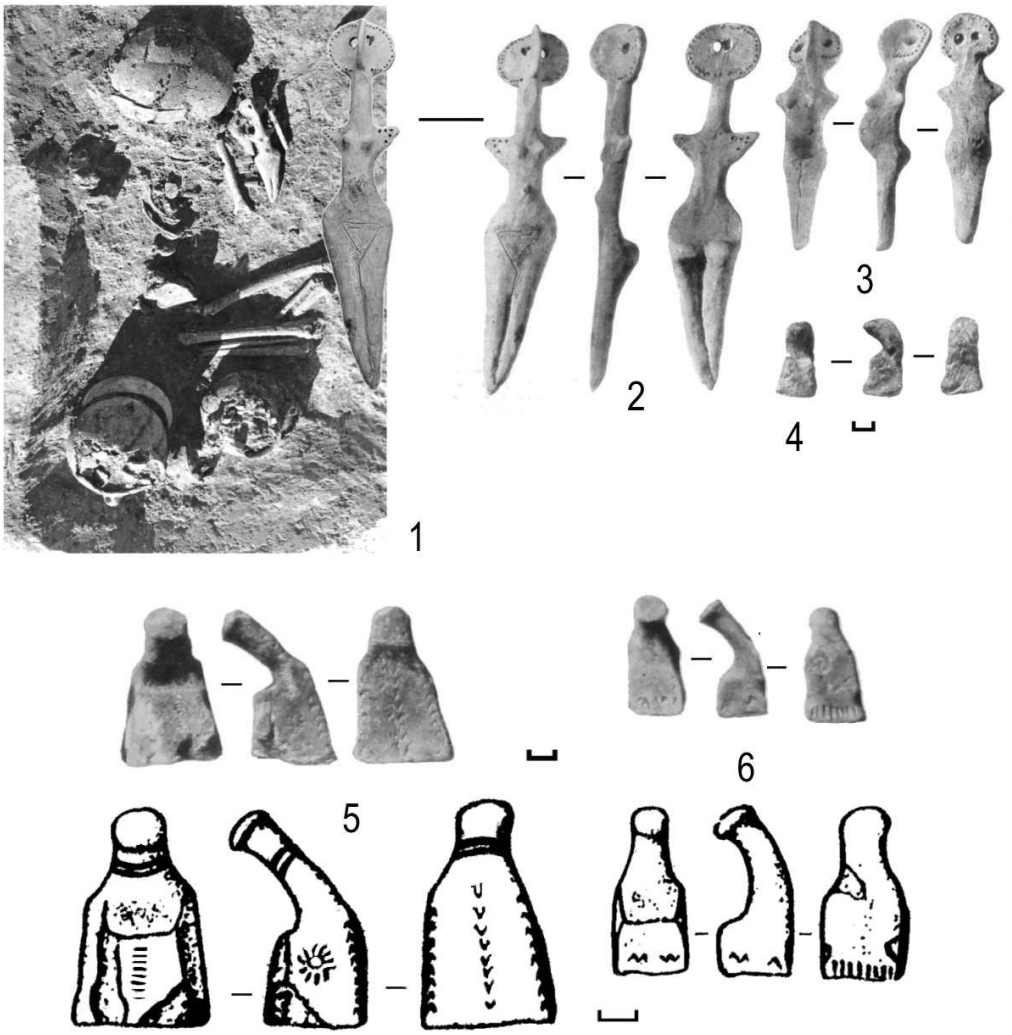

Рис. 6. Выхватинский некрополь.
1–4 – погребение № 52 (47); 5–6 – погребение № 57 (42).
1 – по Петренко 2004в, 2–6 – по Пассек 1961.

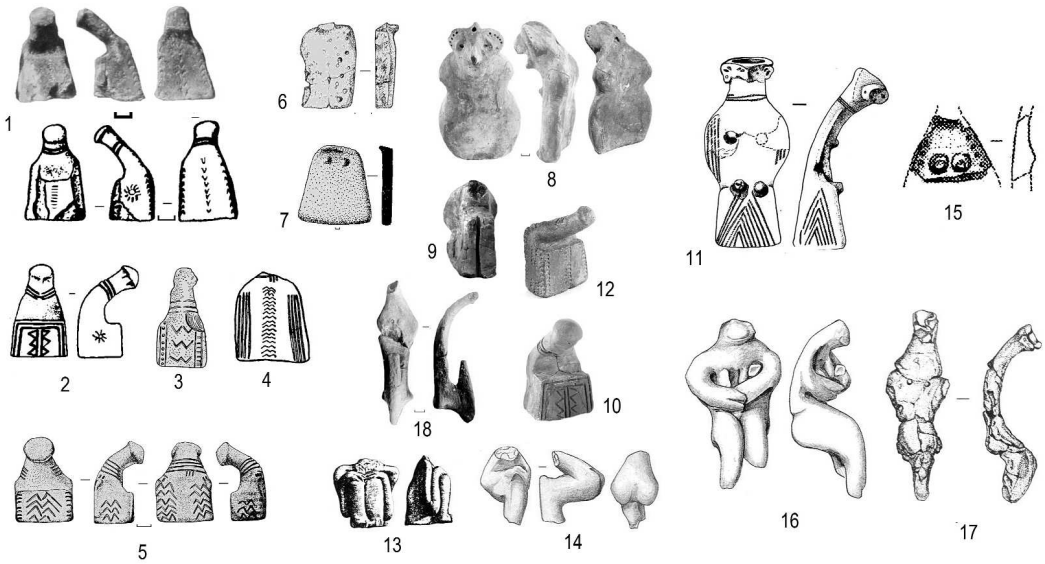

Рис. 7. Антропоморфные статуэтки энеолита – РБВ.
1 – Выхватинцы; 2 – Маяки, городище; 3, 12 – Усатово, 2-й грунтовой некрополь;
4 – Большой Куяльник; 5 – Кислица; 6 – курган Садовое (по Малюкевич и др. 2017);
7 – Печера (Триполье С II); 8 – курган Сушки; 9–11 – Маяки, некрополи;
13 – культура Винча (по Parzinger 1993); 14 – Лука-Врублевецкая,
Триполье В I (по Pogoševa 1985); 15 – культура Чернавода I (по Манзура 2013);
16 – Сушковка, Триполье С I (по Pogoševa 1985); 17 курган Терновка
(по Агульников, Сава 2005); 18 – курган Красногорка.

Parzinger H. 1993. Studien zur Chronologie und Kulturgescichte der Jungstein-, Kup-fer- und Frьhbronzezeit swischen Karpaten und Mittelerem Taurus, t. 2// Romisch-Germanische Forschungen, b. 52. Mainz am Rhein.

Passek T. 1935. La céramique tripolienne. Известия ГАИМК, вып. 122. Ленинград

Pogoševa A.P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur// Beitrage zur Allgeme, inen und Vergleichenden Archaologie, bd. 7. Berlin.

Sulimirski T. 1968. Corde Ware and Globular Amphorae Notes-East of the Carpathians. London.

Summary

The work collected and analyzed the findings of 117 anthropomorphic figurines of the Usatovo Culture. The most complete representation of anthropomorphic plastic in ritual centers from Usatovo-Bolshoy Kuyalnik and Mayaky.

The most common type of anthropomorphic figurines from Usatovo Culture are figurines on a cuboid pedestal. These figurines are close to each other in size, technological and morphological features. They transmit the anthropomorphic image in the form of a squatting figure leaning forward. In general, the unique image of Usatovo terracotta suggests that they reproduce a sacred character combining anthropomorphic (female) features and features zoomorphic, perhaps a fantastic snake.

In the case of morphological and ideological unity, as well as the specificity of Usatovo anthropomorphic plastics, the standardization degree of statuettes is not high. Identical figurines were not present, even in those cases when similar in size and decor as a whole figurines come from one burial or a cenotaph.

With the morphological monotony of the figurines in general, their decor shows a considerable variety in details within the general principle of constructing ornamental patterns. Ornamental compositions created in according to stable canon, but were different in the decor elements that forming the sign system. The decor consists of a certain combination of symbolic elements and their placement on a figurine.

Comparison of the decor and some details of statuettes from different objects Usatovo-Bolshoy Kuyalnik shows, on the one hand, a noticeable difference between items, found at fortifications and necropolises, and on the other - the differences between the plastic from Usatovo-Bolshoy Kuyalnyk and Mayaky. On the site of the great settlement of the Great Kuyalnyk, M-shaped signs predominate, they also occur on statuettes from the Usatovo necropolis, but are absent on the statuettes from Mayaky. The difference in the familiar system of anthropomorphic plastics of different complexes of the Usatovo Culture may indicate that the pattern fixed the identity of the social groups of the Usatovo Culture tribes.

One should pay attention to the difference in the use of anthropomorphic figurines in the necropolises of Usatovo, where figurines were located in cultic pits, and Mayaky, where figurines were included in the funerary inventory, mostly at children's graves.

The investigation of the anthropomorphic figurines of the Usatovo Culture proves its originality against the background of the anthropomorphic sculpture of the other European cultures from Copper or Early Bronze Ages. Actually, the anthropomorphic figurines of the Usatovo culture is one of the characteristic features-identifiers inherent in this particular culture and distinguishes it from the genetically related or synchronized cultural groupings. The system analysis of Usatovo anthropomorphic plastics, in particular taking into account the context of the placement of figurines, suggests that the types of figurines formally distinguished correspond to iconographic types that embodied different but similar sacral images. It is possible to assume, that the figurines used in funeral rites and sacrifices.

С.С. Попович

Малоизвестные находки усатовских сосудов из разрушенных погребений

Существование цепи «комплексных» памятников усатовской культуры на правобережье Нижнего Днестра не вызывало никаких сомнений у Владислава Григорьевича Петренко. Во время моей последней с ним встречи в Одессе, обсуждая несколько «случайных» находок усатовских сосудов и более ранние результаты разведок, произведенных северо-западнее Паланки, исследователь допускал возможность их обнаружения на территории современных населенных пунктов (Паланка, Тудора, Олэнешть и др.). К сожалению, мое обещание прислать фотографии сосудов так и осталось обещанием, но, тем временем, выявление еще нескольких малоизвестных аналогичных находок побудили меня к написанию этой статьи в качестве последнего поклона Ученому, посвятившему жизнь изучению усатовских древностей.

Каталог сосудов

Паланка (р-н Штефан Водэ, Республика Молдова). Село расположено на возвышающемся мысе второй террасы Днестра высотой от 10 до 34 м. Первые сведения об усатовских находках на территории села Паланка относятся к разведкам 1958 г. А.И. Мелюковой, благодаря которым в восточной части села было найдено несколько позднетрипольских фрагментов керамики (Мелюкова 1958: 14). Годом позже местонахождение было осмотрено молдавской экспедицией ИА АН СССР под руководством Т.С. Пассек. В 1962 г. в Государственный Эрмитаж из ИА АН СССР поступил сосуд, описание которого приводится ниже. В 1985 г. И.А. Борзияк и И.Н. Волох проводят в черте села разведочные работы, отмечая присутствие здесь энеолитической керамики (Борзияк, Волох 1995: 11). Впоследствии либо в самом селе, либо на прилегающих к нему землях были выявлены еще два позднетрипольских сосуда, хранящиеся в примэрии с. Паланка.

1. Амфора средних пропорций, округлотелая со слегка приплюснутым туловом, высокой шейкой и отогнутыми краями венчика. Выше максимального диаметра тулова симметрично расположены две налепные ручки. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной мелкоструктурной глины с отдельными вкраплениями зерен темно-красного шамота. Поверхность амфоры красно-коричневого цвета, на которую нанесен рисунок темно-коричневой и красной красками. Роспись состоит из сетчатого орнамента и разделена на четыре зоны двумя широкими вертикальными полосами красного цвета. Со стороны ручек сетчатый орнамент граничит с тремя вертикальными полосами, центральная из которых более тонкая. Полосы в нижней и верхней части соединяются с двумя горизонтальными линиями, пространство между которыми заполнено красной краской. Размеры: высота 13 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 5,3 см (рис. 2, 1).

Место хранения: Государственный Эрмитах, РФ. Коллекция № 2286/1.

2. Амфора с округлым туловом, со скошенным к середине венчиком и двумя симметрично расположенными ручками. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной мелкоструктурной глины без видимых добавок. Поверхность желтоватого цвета, на нее черной краской нанесен рисунок, состоящий из сетчатого орнамента. Рисунок разделен на четыре части четырьмя парами вертикально, либо под углом расположенных полос. Композиция в верхней и нижней части окаймлена двумя горизон-

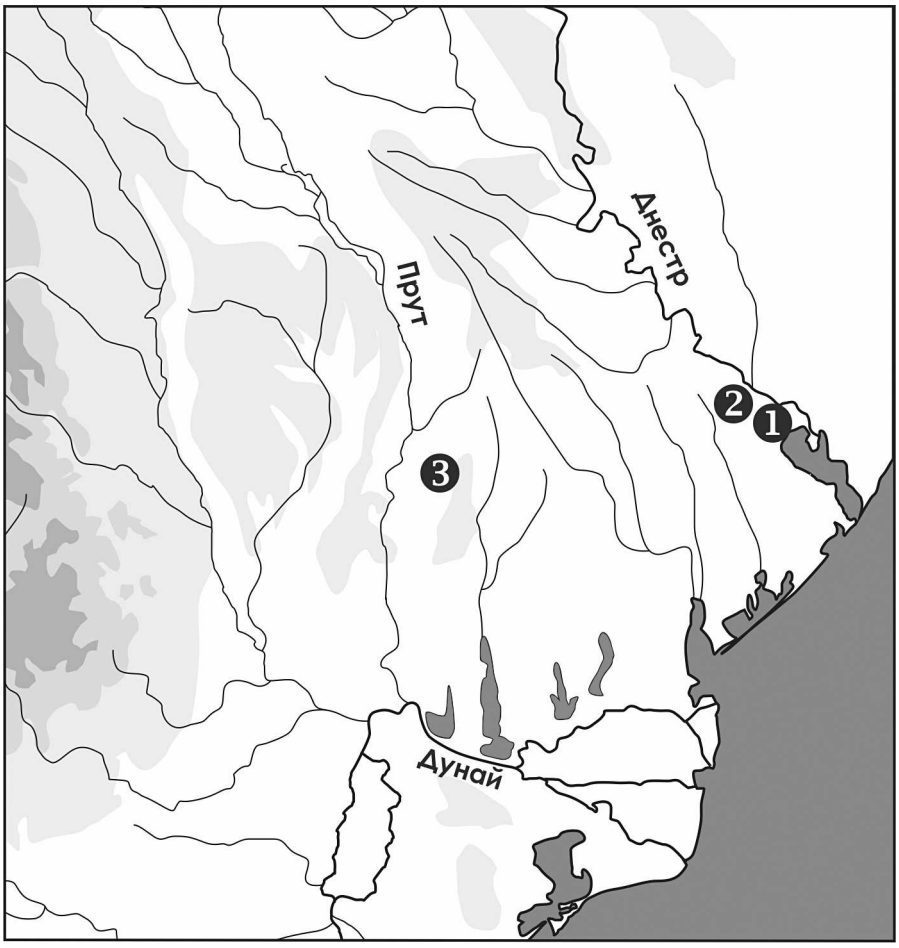

Рис. 1. Карта нахождения описываемых сосудов.

тальными полосами. На верхних полосах расположена третья волнистая полоса. Размеры: высота 10,7 см, диаметр венчика 7,2 см, диаметр дна 5,5 см (Рис. 2, 3–4). Была найдена вместе с сосудом-крышкой (см. ниже).

Место хранения: Музей села Паланка, р-н Штефан Водэ, Республика Молдова.

3. Коническая крышка с двумя параллельными просверленными ушками. Сосуд изготовлен из отмученной мелкоструктурной глины без видимых добавок. Поверхность желтоватого цвета, на нее черной и красной красками нанесен плохо сохранившейся рисунок, состоящий из сетчатого орнамента. Размеры: высота 5 см, диаметр венчика 9,3 см (Рис. 2, 2).

Место хранения: Музей села Паланка, р-н Штефан Водэ, Республика Молдова.

Тудора (р-н Штефан Водэ, Республика Молдова). Село расположено на пологом склоне коренного берега Днестра. Наиболее ранние сведения об усатовских находках с территории села относятся к 1940 г, когда учителем-краеведом А.А. Ширяевым был раскопан один курган. Три позднетрипольских сосуда из этого кургана (№ 5, 6, 7) автор раскопок передал на хранение в Измаильский исторический музей А.В. Су-

ворова. Однако в музейную книгу поступлений они были включены В.К. Чигириным лишь в 1976 г. Информация об этих сосудах упоминается в монографии В.Г. Збеновича (Збенович 1974: 5), а также в сводах погребальных комплексов позднего Триполья (Dergačev 1991: 57; Дергачев, Манзура 1991: 75–76). В 1958 г. А.И. Мелюкова исследует одно грунтовое погребение, выявленное за городищем Тудора II по дороге в с. Крокмаз на расстоянии около 0,5 км от дороги на северо-запад. Выяснилось, что погребенный лежал вытянуто на спине головой на ЗСЗ. В погребении были найдены расписной трипольский сосуд, фрагменты одного или двух кухонных трипольских горшков с примесью толченых раковин в тесте и костяная пряжка. Из этого же погребения происходит большой горшок с довольно узкой шейкой и хорошо выраженными плечиками (Мелюкова 1958, 17). Годом позже А.И. Мелюкова раскапывает здесь курган, в первую насыпь которого были впущены усатовские погребения. Спустя некоторое время на многослойном поселении Тудора XIII «Четате» во время разведок была собрана немногочисленная коллекция фрагментов позднетрипольской керамики (Tentiuc 2008: 7–8). Описываемый ниже сосуд (№ 4), хранился в школьном музее села вместе с сосудом баночной формы позднеямного типа. Обстоятельства и конкретное место находки не известны. Не исключено, что сосуд происходит из раскопок А.А. Ширяева середины XX в. После закрытия музея сосуд был передан С. Сидоренко в частный музей В.И. Боршевича в с. Бутучень.

4. Невысокий кубок грушевидной формы. Сосуд изготовлен из массы с примесью ракушки и мелкого шамота, поверхность светло-коричневого цвета. Внутренняя поверхность темно-серого цвета слабо залощена. Кубок украшен шнуровым орнаментом. Полоса «личинок», инкрустированных белой пастой, оттиснута под краем венчика, под ней на шейке сохранился горизонтальный ряд из трех «серпиков» с несомкнутыми концами, обращенных вправо. Основание шейки сосуда опоясано двумя оттисками шнура, от которого спускаются на тулово двойные косые оттиски в виде зигзага. Размеры: высота 7,3 см, диаметр венчика 6,5 см, диаметр дна 5 см. (-Рис. 2, 5).

Место хранения: частный музей В.И. Боршевича в с. Бутучень, р-н Оргеев, Республика Молдова.

5. Сосуд горшковидной формы, стройных очертаний с высокой шейкой. Был изготовлен из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета. На внутреннюю сторону венчика, плечики и тулово нанесен расписной орнамент темно-коричневого и коричневого цвета. Роспись состоит из сетчатого орнамента, разделенного на четыре зоны парами двойных вертикальных полос, соединяющихся в нижней части, пространство между которыми частично заполнено темно-коричневой краской. В верхней и нижней части тулова композиция граничит с горизонтальными полосами. Плечики сосуда окаймляют три вертикальные полосы. На днище сосуда заметны следы темно-коричневой краски. Размеры: высота 14,5 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр дна 4,5 см (Рис. 4, 1).

Место хранения: Измаильский исторический музей А.В.Суворова[1], г. Измаил, Одесская обл., Украина.

---

[1] Автор выражает признательность главному хранителю фондов Измаильского исторического музея А.В.Суворова Татьяне Ярославовне Гричиненко за содействие при исследовании материалов.

6. Крупная амфора с округлым туловом, скошенным к середине коротким венчиком и двумя вертикальными налепными ручками. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной мелкоструктурной глины без видимых добавок. Поверхность желтоватого цвета, покрыта росписью темно-коричневого и красного цвета. Расписной орнамент сосуда разделен вертикальными тройными полосами на четыре метопы. В паре центральных метоп присутствует сетчатый орнамент, разделенный на два блока овальным участком и заполненный красной краской. Орнамент боковых метоп состоит из чередующихся, расположенных под углом полос, нанесенных красным и темно-коричневым цветом. Композиция граничит в верхней и нижней части с тремя горизонтальными полосами, центральная из которых красного цвета. Налепные ручки сосуда покрыты красной краской. Размеры: высота 22,5 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр дна 9 см (Рис. 3, 1–3). Данный сосуд выделяется своими крупными размерами среди аналогичных амфор усатовского типа.

Место хранения: Измаильский исторический музей А.В.Суворова, г. Измаил, Одесская обл., Украина.

7. Амфора с округлым, слегка приплюснутым туловом, слабо скошенным к середине венчиком и двумя налепными ручками. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной мелкоструктурной глины без видимых добавок. Поверхность амфоры желтоватого цвета, покрыта росписью темно-коричневого и красного цвета, состоящей из сетчатого орнамента. Рисунок разделен на четыре части четырьмя парами вертикально расположенных полос, центральная из которых красного цвета. Пространство между блоками заполнено тремя тройными полосами, состоящими из двух волнистых и одной центральной прямой линии красного цвета. Композиция в верхней и нижней части окаймлена тремя горизонтальными полосами, причем центральная полоса – красного цвета. Размеры: высота 12 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 8 см (Рис. 4, 2).

Место хранения: Измаильский исторический музей А.В.Суворова, г. Измаил, Одесская обл., Украина.

Тигеч (р-н Леова, Республика Молдова). Село расположено на территории Тигечской возвышенности («Тигечские Кодры»). Позднетрипольские сосуды, хранящиеся в местном музее, были найдены в разные годы в западной части мыса, расположенного юго-восточнее села – на участке современного кладбища, а также при постройке сельской церкви, находящейся вблизи. Согласно Своду археологических памятников Республики Молдова, на территории с. Тигеч, имеется энеолитический могильник Тигеч II (Covalenco 1993: 11). Осмотр описываемого в данном своде местонахождения выявил лишь наличие могильника черняховской культуры IV в. н.э. (Vornic, Ciobanu, Popovici: 2018, 60–62), а какие либо следы, указывающие на более ранний период, к сожалению, не выявлены.

8. Амфора с округлым туловом, узким горлом и коротким отклоненным венчиком. Выше максимального диаметра тулова сосуд снабжен двумя параллельными лепными ручками. Сосуд изготовлен из отмученной глины без видимых примесей. Поверхность амфоры желтовато-красного цвета, на нее темно-коричневой краской нанесен рисунок. Композиция орнамента в своей совокупности относит сосуд к так называемым «лицевым амфорам», которые визуально воспринимаются как заключающие в себе лики неких существ (Бикбаев 1996: 17). Размеры: высота 26 см, диаметр венчика 9,3 см, диаметр дна 9,6 см (Рис. 5, 2–3).

Место хранения: Музей истории и этнографии с. Тигеч, р-н Леова, Республика Молдова.

9. Горшок с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком. Сосуд изготовлен из массы с примесью крупнотолченой ракушки. Поверхность темно-серая, местами светло-коричневого цвета. Венчик, горло и плечики сосуда покрыты шнуровым орнаментом. Композиция состоит из трех горизонтальных отпечатков шнура, охватывающих шейку сосуда, от которых на тулово сосуда спускаются пары вертикальных отрезков шнура. Пространство между ними заполняют в верхней и нижней части горизонтальные ряды «личинок» и «серпиков», несомкнутыми концами обращенные вниз. По краю венчика имеется полоса «личинок». Размеры: высота 14,3 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 7 см (Рис. 5, 1).

Место хранения: Музей истории и этнографии с. Тигеч, р-н Леова, Республика Молдова.

Рассматриваемые в статье нижнеднестровские сосуды находят ближайшие аналогии прежде всего в курганах правобережья Днестра (Яровой 1990: 41–132), составляя вместе с ними единый пласт позднетрипольских древностей. Кубок из Тудоры, по сравнению с выразительной коллекцией кубков эпонимного усатовского памятника, отличается более узкой шейкой при выраженных плечиках и приплюснутым туловом. Однако, в целом, сосуды из Паланки и Тудоры органически вписываются в традиции усатовского гончарства. По-видимому, эти сосуды происходят из серии разрушенных грунтовых или курганных погребений. Нахождение вблизи этих сел не менее 75 курганов[2], а также позднетрипольского подъемного материала позволяет предположить наличие здесь одного либо двух «комплексных» памятников усатовской культуры. Дальнейшие исследования этого региона с большой долей вероятности должны подтвердить данное предположение.

Значительно больший интерес представляет обнаружение позднетрипольских сосудов на западной периферии усатовских древностей у с. Тигеч. Мы склонны предположить происхождение этих сосудов также из разрушенных погребений по той простой причине, что позднетрипольские поселения в бассейне Нижнего Прута до сих пор не известны. Более того, местонахождение тигечских сосудов – край пологого мыса – топографически соответствует расположению и других грунтовых позднетрипольских могильников. Усатовское присутствие в северной части левобережья Нижнего Прута дополняется известными могильниками Данку I и II (Дергачев 1978: 56–65), курганом из Токиле Рэдукань (Яровой, Курчатов 1986: 33–34) и находками из Сарата-Рэзешь (Gangan 1996: 159–164). Неким связующим звеном между прутскими и днестровскими памятниками служат Дэнченский могильник (Дергачев 1981: 35–45), усатовская керамика из позднего горизонта поселения Новые Русешты (Бикбаев 2017: 23–24) и слабо документированные разрушенные погребения из Сарата Мерешень[3], Улму[4] и Яловень[5].

---

[2] Инвентаризация памятников археологии р-на Штефан Водэ выполнена специалистами Национального агентства археологии Республики Молдова.

[3] В начале 90-х годов XX в., в восточной части села при разработке глиняного карьера на правом берегу безымянной речки правого притока реки Сарата было разрушено погребение, из которого происходили несколько позднетрипольских сосудов. Информация от д-ра С.И. Коваленко.

[4] При землеройных работах в 2012 г. на территории лесного массива Улму было разрушено погребение, из которого происходят несколько позднетрипольских сосудов. Информация от д-ра Д.А. Топала и С.В. Церны.

[5] При землеройных работах в окрестностях г. Яловень были найдены несколько позднетрипольских сосудов, вероятно, происходившие из разрушенных погребений. Информация от С.Д. Бодяна.

Итак, подведем некоторые итоги. Несмотря на незначительные археологические исследования в зоне сел Паланка и Тудора, находки усатовских сосудов и подъемной позднетрипольской керамики указывают на возможное наличие здесь могильников и кратковременных усатовских стойбищ. Не исключено, что в будущем при планомерных исследованиях данной местности будет выявлен памятник-«близнец», симметричный комплексу у с. Маяки (Патокова, Петренко 1989: 50–81), который наряду с эпонимным комплексом у с. Усатово (Патокова 1979) представляет наиболее разнообразную выборку усатовских древностей региона. Что касается находок у с. Тигеч, то они существенно дополняют наши представления об усатовском присутствии на Пруте, тем более, что Тигечская возвышенность до сих пор еще крайне неравномерно изучена в археологическом плане.

Литература

Бикбаев В.М. 1996. Лицевые амфоры культуры Кукутень-Триполье – энеолитические модели мира // Международные отношения в бассейне Черного Моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

Бикбаев В.М. 2017. Находки позднетрипольского времени из многослойного поселения Новые Русешты I // Conferința științifică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei: (ediția a 27a), 19–20 octombrie 2017: Program. Rezumatele comunicărilor. Кишинев.

Борзияк И.А., Волох И.Н. 1995. Паланка – новый микрорайон археологических памятников на Нижнем Днестре // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород-Днестровский.

Дергачев В.А. 1978. Выхватинский могильник. Кишинев.

Дергачев В.А. 1981. Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры // АИМ в 1974–1976 гг. Кишинев.

Дергачев В.А., Манзура И.В. 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев.

Збенович В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.

Мелюкова А.И. 1958. Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1958 г. // Arhiva MNIM, nr, inv. 386. Кишинев.

Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г. 1989. Усатовский могильник Маяки // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Яровой Е.В. 1990. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев.

Яровой Е.В., Курчатов С.И. 1986. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1985 году // Arhiva MNIM, nr, inv. 222. Кишинев.

Dergačev V. 1991. Bestattungskomplexe der späten Tripolje-Kultur // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 45. Mainz.

Tentiuc I. 2008. Raport privind cercetările de prospectare arheologică perieghetică în zona unor localități de pe Nistrul de Jos şi Botna on anul 2007 // Arhiva MNIM, nr. inv. 487. Chiținău.

Vornic V., Ciobanu I., Popovici S. 2018. Cercetări de salvare în necropola de tip Sântana de Mureş-Cerneahov de la Tigheci // Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2017. Chişinău.

Summary

This paper deals with a ceramic collection of the less known and unknown vessels, coming from destroyed burials of Usatovo culture. The vessels were discovered near Palanca and Tudora villages on the Lower Dniester and Tigheci village ("Codrii Tigheci" area) in the basin of Prut river. Lower Dniester findings could be identified with the late Usatovo antiquities specific to this territory. The presence of the late Tripolie elements on the Lower Prut still remains poorly documented in the archaeological point of view, so the discoveries from Tigheci open up new research perspectives.

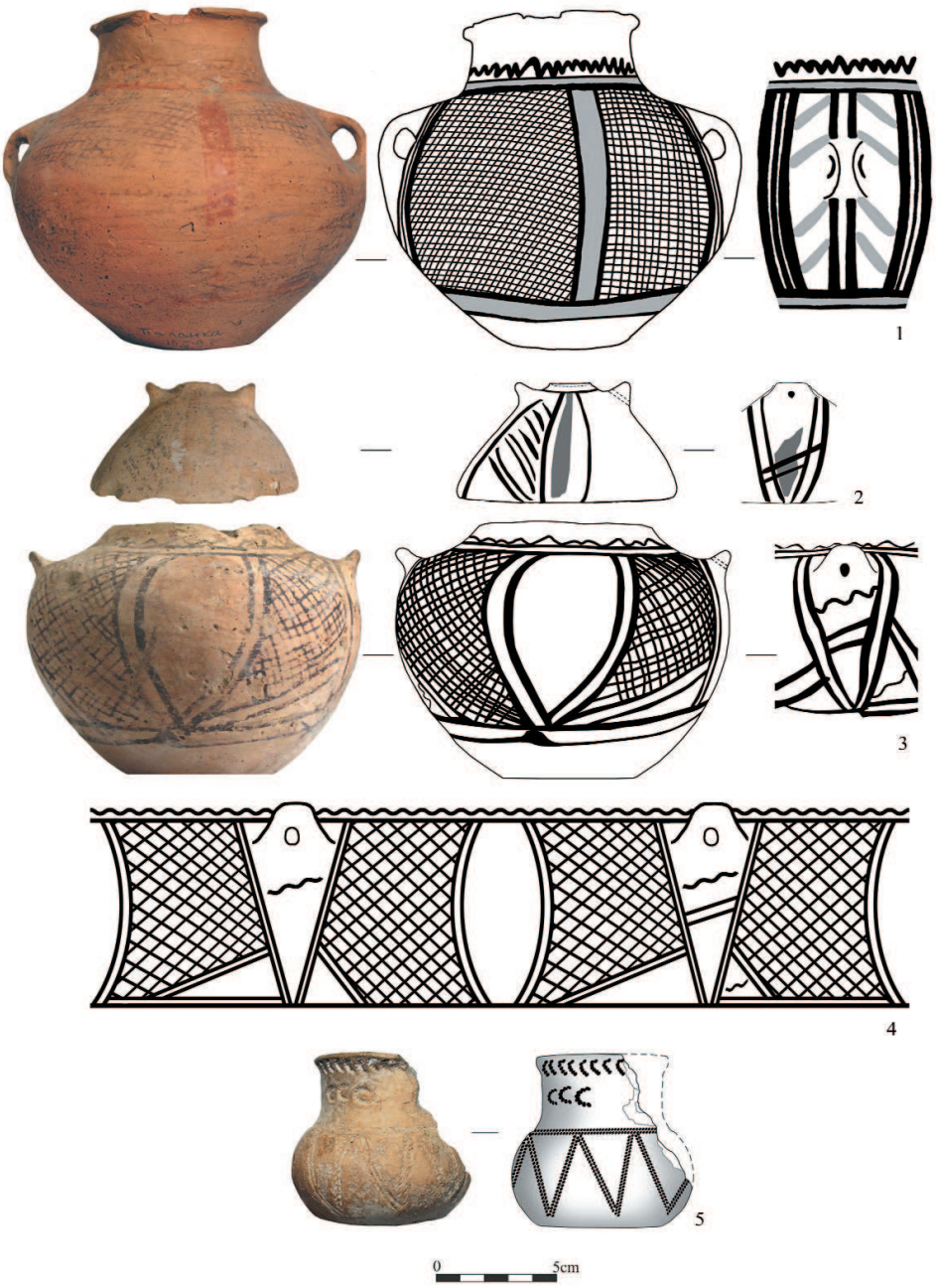

Рис. 2. 1–4 – Паланка; 4 – Тудора.

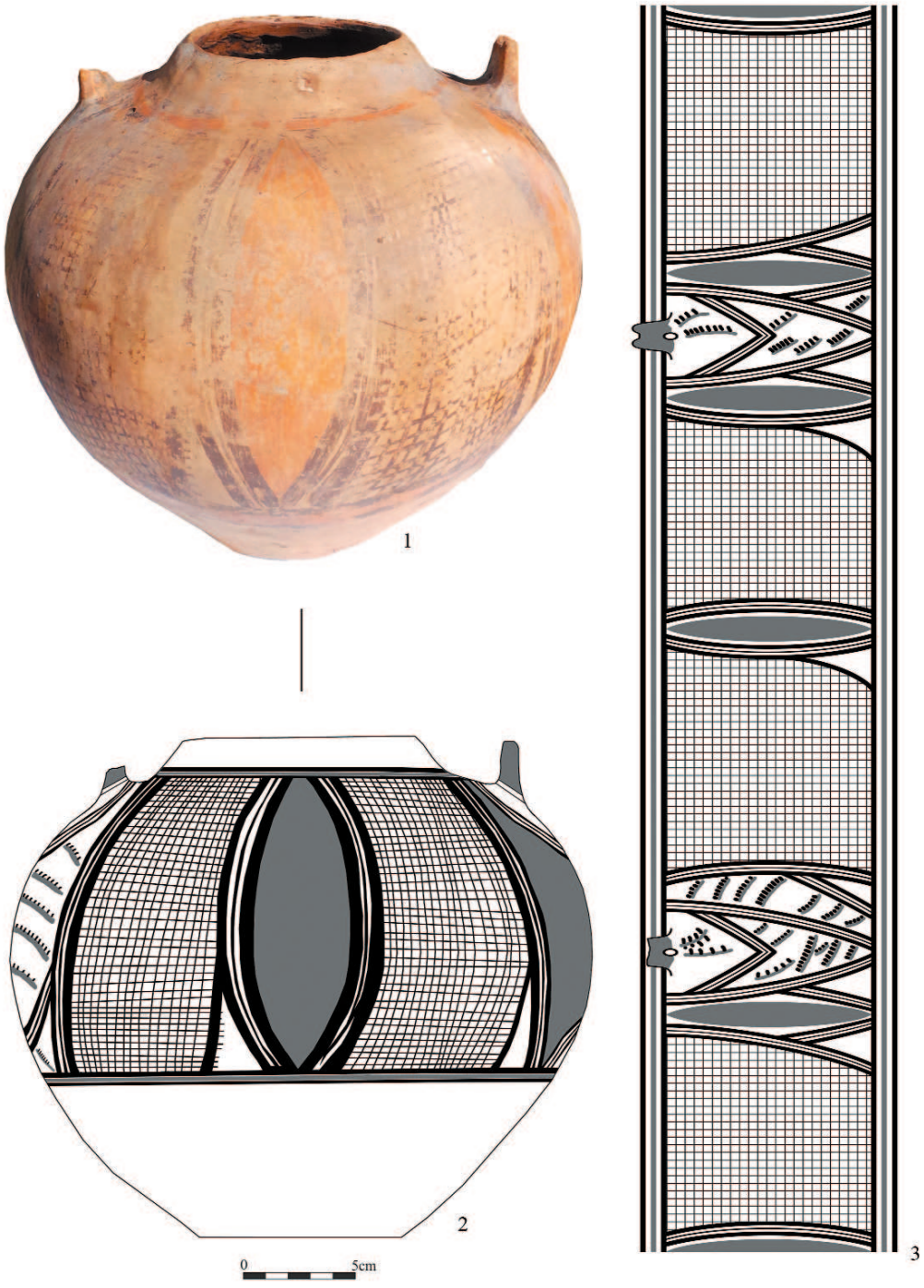

Рис. 3. 1–3 – Тудора.

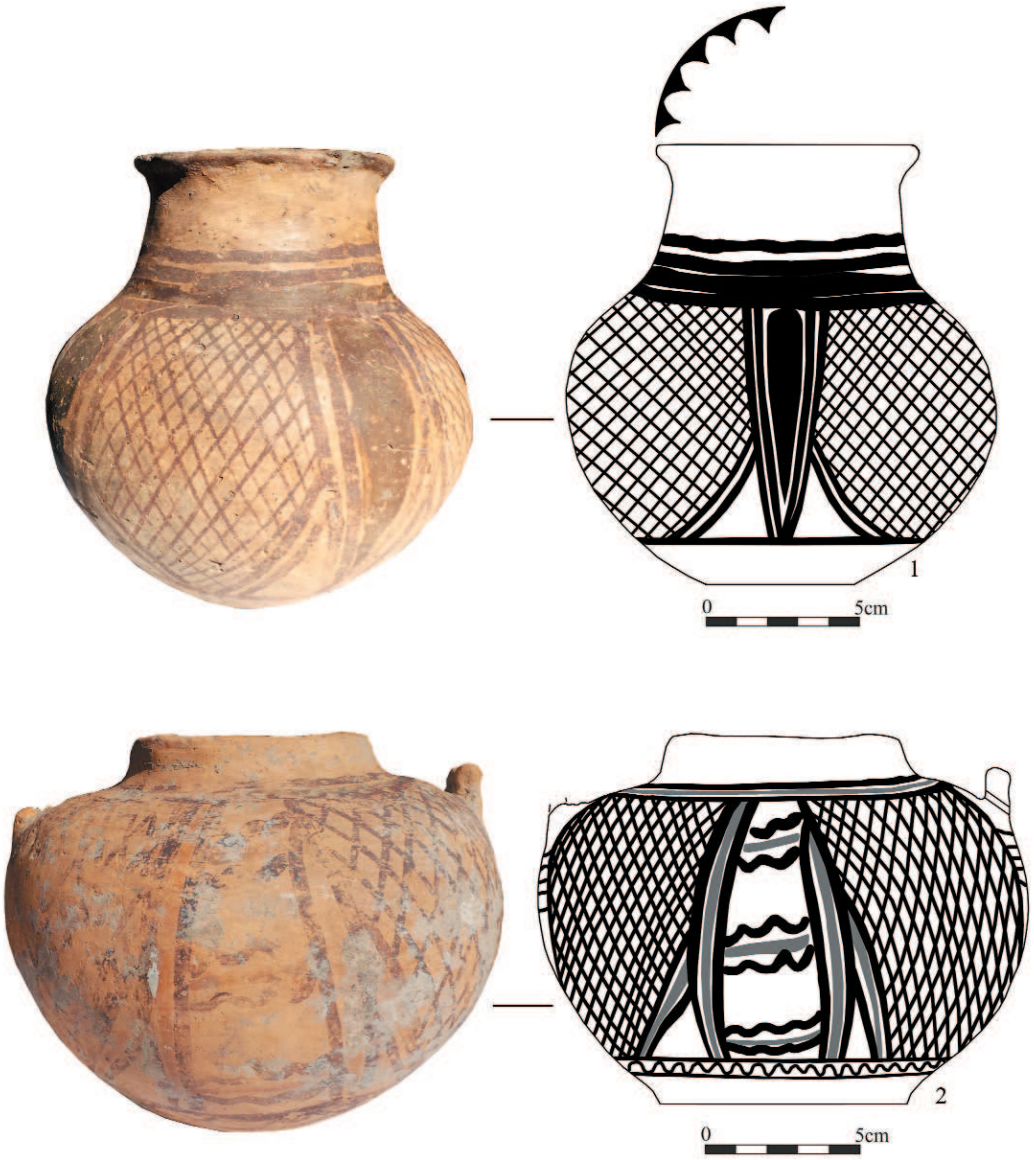

Рис. 4. 1–2 – Тудора.

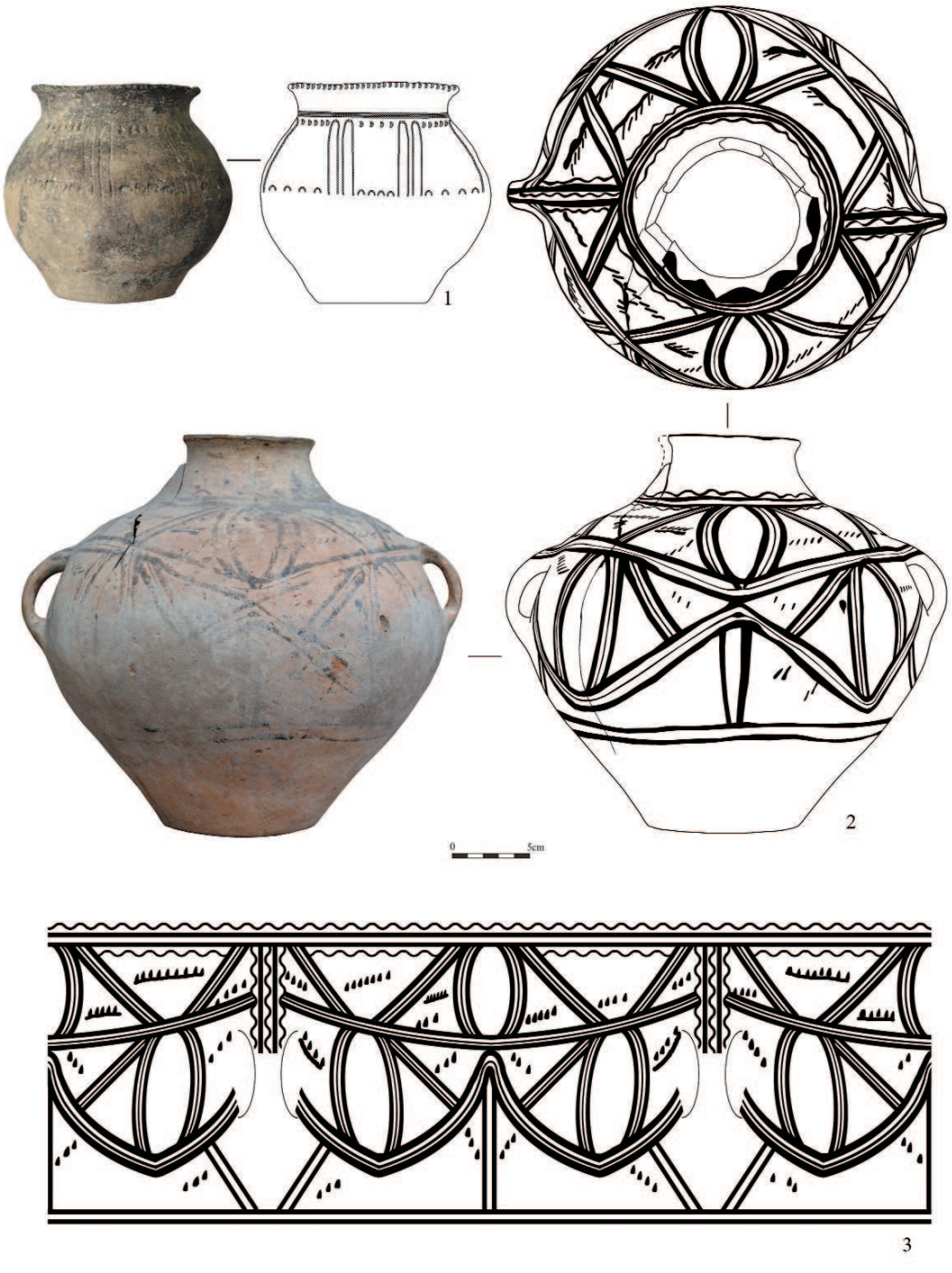

Рис. 5. 1–3 – Тигеч.

М. Товкайло

Нові дослідження усатівського могильника Ґард

Владислав Петренко вніс вагомий внесок у дослідження усатівських пам'яток. Він провів розкопки могильника Маяки, досліджував кургани в Усатовому, інші пам'ятки. Чимало його статей і публікацій присвячено саме усатівській культурі, тому не буде перебільшенням стверджувати про те, що вивчення усатівської культури було справою його життя. Вшановуючи пам'ять В. Петренка, пропонуємо для публікації результати нових досліджень могильника усатівського типу, розташованого на території поселення Ґард, що знаходиться за 2,5 км на південний схід від села Богданівки Доманівського району Миколаївської області. Ця пам'ятка розташована на правому березі р. Південний Буг (Бог) в нижній частині клинуватого схилу, обмеженого двома байрачними балками зі струмками – на так званому «гардовому клині», навпроти Клепаного (Ґардового) острова і скелі Пугач, утворюючи ніби ворота до Ґарду (рис. 1).

Одинадцять поховань цього могильника, станом на 2011 р., уже були предметом нашого розгляду (Товкайло, Фоменко, 2013). У тій статті ми подавали й історію досліджень могильника, тому не будемо повторюватися. Нагадаємо лише, що Ґард – це багатошарове поселення з матеріалами доби раннього та пізнього періодів буго-дністровської культури, раннього та пізнього періодів культури Трипілля, середньостогівської, усатівської, ранньоямної, катакомбної, бабинської та сабатинівської культур, римського та ранньомодерного часу, XIX – початку XX ст. Загальна товщина культурних нашарувань сягає 2 м. Крім того на території поселення знаходяться 3 різночасових могильники: кінця XVIII – першої половини XIX ст., усатівського та маріупольського типів.

Протягом 2013, 2015–2017 рр. Миколаївська експедиція ІА НАН України продовжила дослідження поселення та могильників. За цей час досліджена площа пам'ятки збільшилась на 114 м^2, при цьому відкрито 7 нових усатівських поховань (№ 31, 32, 34–36, 43–44). Ще одне поховання (№ 33) зруйнували грабіжники. Крім того завершено розкопки закладів та кромлехів поховань № 5, 11, 12, 13, 15, більші частини яких і самі поховання було досліджено у 2010–2011 рр. (рис. 3: 1) Таким чином, майже повністю досліджена прибережна частина могильника шириною 16 м, а загальна кількість відкритих поховань усатівського могильника сягає 19 (рис. 2). І хоча дослідження на Ґарді тривають, вважаємо за доцільне поділитися новими знаннями, не чекаючи остаточного завершення робіт. Далі подаємо опис поховань.

Поховальні споруди могильника усатівського типу (кам'яні заклади і кромлехи) залягають у відкладах другого голоценового ґрунту – горизонті Нр, що перекриває культурні шари поселення доби енеоліту. Він характеризується як коричнювато-сірий, пухкий грудкувато-зернистий супісок з включеннями уламків гранітів та їх жорствою. Перехід дуже поступовий (Матвіїшина та ін., 2015). У цьому ж горизонті залягають артефакти доби бронзи. Самі ж поховання залягають у ямах нижче – в товщі нашарувань пізнього і раннього неоліту.

Поховання № 31. На глибині близько 0,6 м від поверхні виявлено скупчення різновеликого каміння, що походить від закладу і кромлеху поховання, які залягають по схилу тераси без її нівелювання. Кромлех діаметром 3,0–3,1 м, споруджений з каміння середніх розмірів, поставлених на ребро. В середині кромлеху знаходився

кам'яний заклад, що складався з чотирьох великих плит, які перекривали поховальну яму. З них дві плити залишилися на місці, інші дві провалилися в яму. Поверх цих плит було навалено дрібніше каміння, яке в межах кромлеху утворювало купол (рис. 3: 1, 2, 4, 5).

Поховальна яма (рис. 3: 3, 5) овальної форми і розміром 1,2х0,95 м знаходилася в центрі кромлеху. Вона викопана з рівня денної поверхні на глибину 0,2–0,25 м і залягає в товщі неолітичних культурних нашарувань. Серед каміння закладу та в

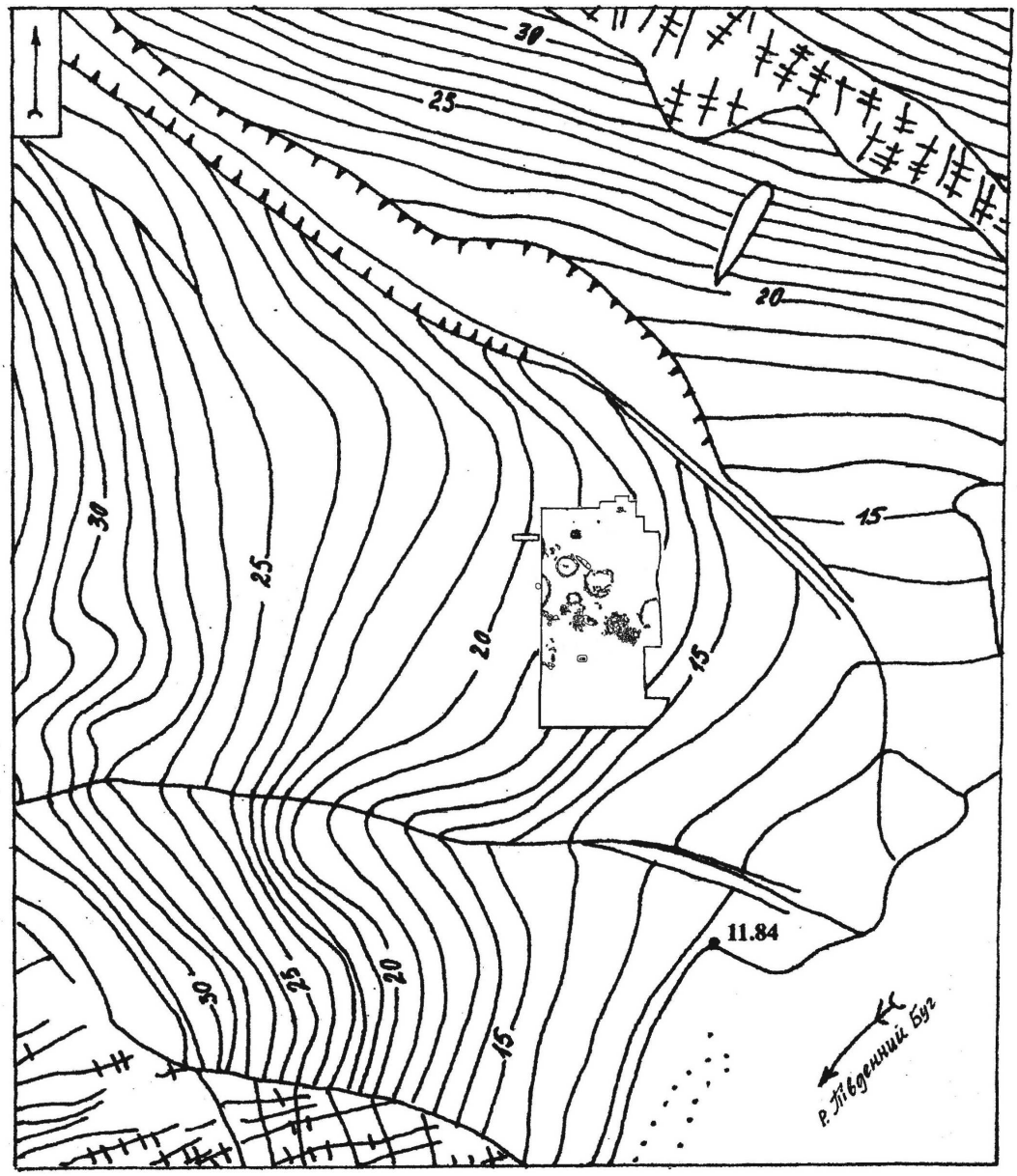

Рис. 1. Топографічний план могильника.

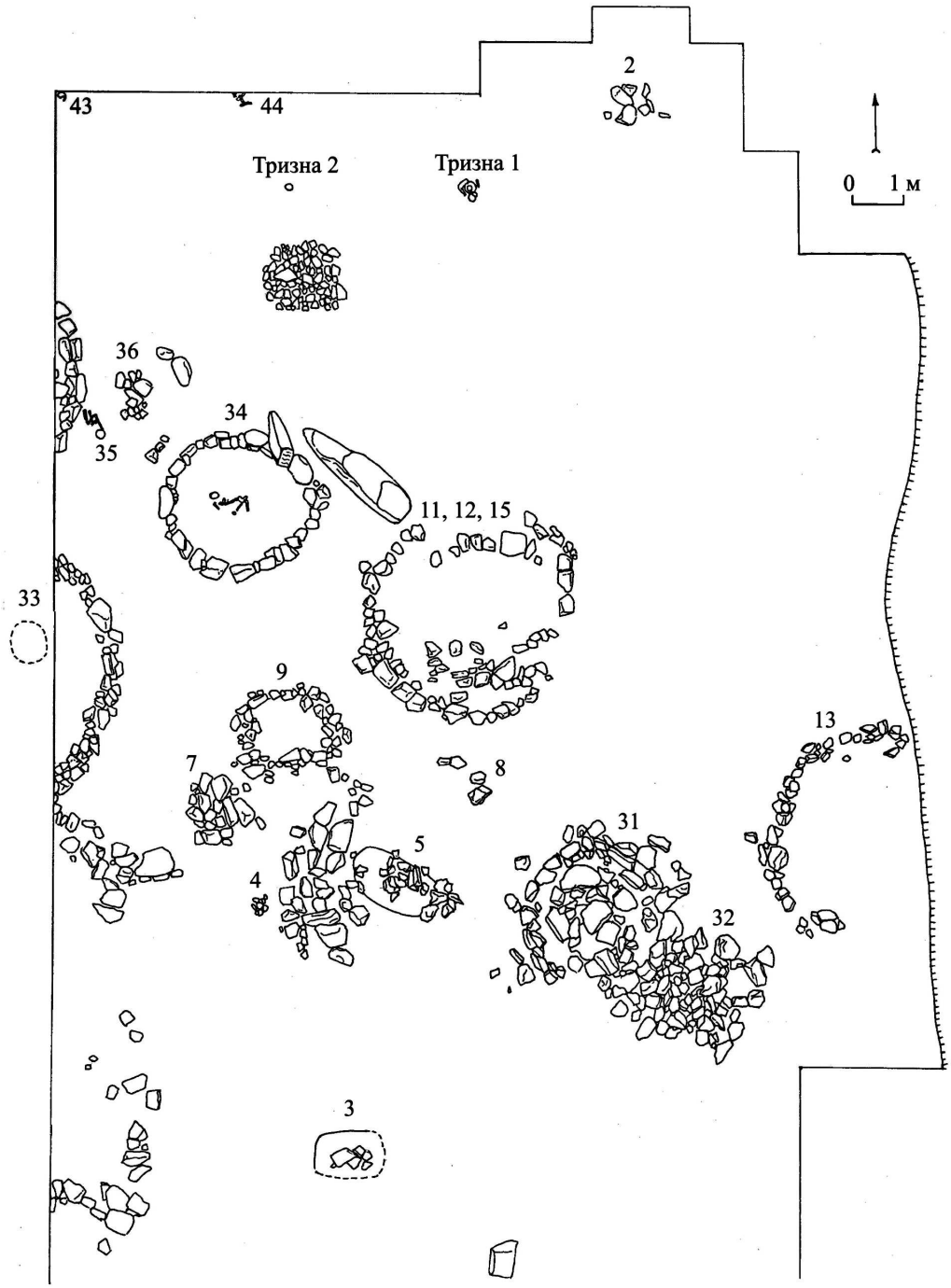

Рис. 2. План могильника.

заповненні ями виявлено значну кількість різноманітних матеріалів, що походять з різних культурних шарів поселення. Від кістяка дорослого збереглися лише частина черепа та уламки стегнових кісток ніг. Ймовірне положення кістяка – на правому боці скорчено, головою на північний захід. Інвентар відсутній.

Поховання № 32. Кам'яний заклад (рис. 3: 1, 7) поховання № 32, розміром 2,5–2,6 м, залягав нижче по схилу і впритул до кромлеху попереднього поховання, тому складається враження, що між обома похованнями немає значного часового проміжку. Заклад збудований з каміння середніх розмірів у два яруси. Каміння нижнього ярусу провалилося на дно поховальної ями. Сама яма викопана на глибину 0,2–0,25 м від денної поверхні. Вона овальної форми, розміром 1,15х0,85 м, довгою віссю направлена по лінії північ-південь (рис. 3: 6, 8).

Скелет дорослого зберігся лише частково. Крім черепа збереглися плечова кістка, залишки тазу та залишки стегнових кісток ніг. За ними положення скелету відзначається як скорчене на правому боці, головою на північ (рис. 3: 6). Поховальний інвентар відсутній.

Поховання № 33. На превеликий жаль, продовжують свою діяльність грабіжники. Влітку 2015 р., ще до початку роботи Миколаївської експедиції вони пограбували поховання № 33, що знаходилося за межами розкопу (рис. 2). Яма овальної форми з розмірами сторін приблизно 0,8х0,6 м, довгою віссю орієнтована по лінії північ-південь. Дно ями зафіксоване на глибині 0,7 м від поверхні. Кісткі скелета порушені й потрощені, череп – відсутній, через те положення скелету не встановлено. Про інвентар жодних даних немає. За формою поховальної ями, її розмірами та глибиною залягання, це поховання ймовірно відноситься до могильника усатівської культури. Це підтверджує й розташування поховання всередині кромлеху, східний сегмент якого було досліджено у 2011 р.

Поховання № 34. Поховання дорослої людини (рис. 2; 4: 1) виявлене в центрі кромлеху на глибині 1,0 м від сучасної поверхні. Сам кромлех викладений по давньому схилу тераси з каміння середніх розмірів, що фіксується на глибині 0,8 м від сучасної поверхні. Зовнішній діаметр кромлеху 3,0 м; внутрішній – 2,35 м. Поховальна яма, контури якої не вдалося простежити, була викопана в товщі пізньонеолітичного культурного шару, а її дно зафіксоване на глибині 0,2 м нижче від рівня залягання каміння кромлеху. Між тим встановлено, що дно ями вирівняне по горизонталі. Від скелету (рис. 4: 4, 6) збереглися: фрагмент тазової кістки та два фрагменти стегнових кісток, хребці, кілька ребер, частина правої плечової кістки і лопатка, ліва ключиця та кістки черепа. Схоже, череп трохи зміщений на північ. Кістяк лежить на правому боці скорчений головою на захід. Перед кістяком з південного боку покладено невеликий кубок, виготовлений з формової маси з додаванням перетертої черепашки. Місцями по заокругленому зрізу вінець нанесені поперечні насічки, зроблені округлим у перетині предметом. Трохи увігнуте денце орнаментоване трьома діаметральними лінями, нанасеними по сирій глині через його центр (рис. 4: 7, 8).

Поховання № 35 (рис. 2; 4: 2). Це поховання опущене з рівня давнього горизонту на глибину 0,25 м. Оскільки товщина грунтового покриву у цій частині розкопу є дещо більшою, то це поховання залягало на глибині близько 1,15 м від сучасної поверхні. Над похованням відсутній кам'яний заклад. Контури поховальної ями не простежені.

Окремі кістки від скелету рознесені гризунами по розкопу, тому спостерігається деяке порушення їх анатомічного порядку. Від кістяка зберігся череп, плечова

кістка, ліктьові кістки рук та частини стегнової, великогомілкової та малогомілкової кісток. Судячи зі збережених кісток та черепа (рис. 4: 3), поховання є сильно скорченим на лівому боці, головою спрямоване на південь-південний схід. Руки зігнуті в ліктях, кистями покладені між ногами. Поховальний інвентар відсутній.

Поховання № 36. Виявлене поруч з похованням № 35, але на 0,07–0,1 м нижче від нього. Під кам'яним закладом (рис. 2), що складався з півтора десятка невеликих каменів, лежав на правому боці сильно скорчений скелет дорослої людини, головою спрямований на південний схід. Ліва рука зігнута під прямим кутом, а її кисть знаходиться під колінами. Права рука сильно зігнута в лікті, фаланги пальців знаходяться в області правої лопатки (рис. 4: 5). Поховальний інвентар відсутній.

Поховання № 43 (рис. 2; 5: 1, 2, 5) досліджене не повністю, бо в розкоп потрапив лише частково збережений череп, що залягав на глибині 1,6 м від поверхні у товщі відкладів ранньонеолітичного культурного шару. Раніше у цьому ж квадраті на глибині 1,4–1,5 м було знайдено уламок нижньої щелепи, який, імовірно, походить від того ж скелету, що й череп. Решта кісток від скелета залягають за межами розкопу. Контурів поховальної ями не простежено.

Поховання № 44 (рис. 2; 5: 3–6) також досліджене частково. Воно залягало на гл. 1,1 м від поверхні. У розкоп потрапила лише частина скелету – променева кістка і частини, схоже, стегнової та гомілкової кісток. Більша частина людського скелету входить у північний борт розкопу. Кістки дуже погано збереглися; не виключено, що їхній анатомічний порядок порушено. Це поховання, як і попереднє, вписується в загальний план могильника й, поза сумнівом, відноситься до усатівських поховань. Повне дослідження обох поховань відкладено до наступного сезону.

Важливим відкриттям останніх років було дослідження на могильнику окремого майданчика, вільного від поховань. З трьох боків він оточений похованнями і лише з боку річки поховань не було (рис. 2). Його приблизні розміри 17х6–9 м. На відстані близько 10–14 м від берегового краю тераси на майданчику були відкриті наступні об'єкти: менгіри, кам'яна вимостка, яку можна розглядати як вівтар-жертовник, та залишки тризн.

Менгіри. Два менгіри були встановлені у південній частині майданчика за межами кромлеху поховання № 34 й прилягали до його північно-східного сектору (рис. 2; 6: 1). Перший із них завалився у напрямку ріки й лежав майже горизонтально, він був увесь накритий грунтом, тому зберігся повністю. Він має вигляд антропоморфної стели заввишки 2,5 м; завширшки у верхній частині до 0,75 м, по середині – 0,65 м, внизу – 0,48 м; завтовшки: угорі та внизу – 0,3 м, у середній частині – 0,2 м. До низу камінь потоншується (загострюється). Простежено сліди навмисного розколювання каменю. Другий менгір зберігся частково. Він стовпоподібний, стоїть нахилившись під кутом близько 30° до лінії горизонту. Його розміри: висота збереженої частини – 1,0 м, ширина – 0,38 м, товщина – 0,3 м, у нижній частині – загострений. Вочевидь, другий похилений менгір виступав над поверхнею тераси і заважав господарчій діяльності людей, що оселився тут пізніше. Через це його верхня наземна частина була відколота, про що свідчать сліди пізніших поперечних сколів. Біля нижніх частин менгірів зафіксовано кілька невеликих каменів, що могли використовуватися для підклинювання при їхньому встановленні вертикально. Отже, обидва менгіри були встановленні один біля одного з зовнішнього боку кромлеху, на тій же глибині, що й каміння кромлеху, або трохи нижче; плоскими поверхнями вони були обернені на північ. Певна річ, вертикальне положення менгірів передбачало

спорудження якогось земляного насипу (в тому числі й над кромлехом) чи/та додаткової опори, можливо, з каменю, дерева тощо.

В усатівській культурі кам'яні статуї пов'язуються як з курганними насипами, так і з безкурганними похованнями. Це переважно антропоморфні стели, схожі на кам'яні статуї нижньомихайлівської та ямної культур. За підрахунками В.Г. Петренка, досі було знайдено 20 таких скульптур, висотою від 0,9 до 2,7 м: 3 – у безкурганних похованнях, решта - в курганах. Причому вони використовувалися по-різному: перекривали поховання, стояли вертикально в могилах і в насипах (Петренко 1989: 93). Виділено кілька типів стел, серед них: підпрямокутні, ретельно обтесані плити з зображеннями; такі ж плити без зображень; антропоморфні статуї (Субботин, Петренко 1986: 41). Лише одна з антропоморфних скульптур з кургану І-13 Усатового мала стовпоподібну форму (Субботин, Петренко 1986: 33, рис. 2: 1).

Ситуацію зі стелами на Гарді певною мірою нагадують плити-стели, від яких уціліли лише їхні цоколі, з кургану І-9 Усатового, вкопані у південно-західному секторі кромлеху з інтервалом 1,5 м, простір між ними заповнений дрібнішим камінням (Патокова 1979: 69; Субботин, Петренко 1986: 32). Звертаємо увагу також на вертикально вкопані в південно-західному секторі кромлехів плити з зображенням людини з кургану І–3 та з зображенням собаки з кургану І–11 Усатового, які, на думку О.Ф. Лагодовської, лицьовими сторонами були обернені на зовні (Патокова 1979: 47–48, рис. 19: 7; 63, рис. 25). Також у кургані І-11 одна з зовнішніх плит куполоподібного облицювання має форму підтрикутної антропоморфної стели з виділеною голівкою (Субботин, Петренко 1986: 34, рис. 2: 3, 3; 2). Не виключено, що ці стели могли бути пов'язані не лише з архітектурою курганів, до яких належали, а й виконували іншу специфічну роль, що стосувалося цілого могильника.

Кам'яна вимостка (вівтар-жертовник). Перед менгірами, за 2 м на північ від них, була споруджена кам'яна вимостка (рис. 2; 5: 6; 6: 2). Глибина залягання каміння – 1,2 м від поверхні. Перед її будівництвом поверхню тераси в цьому місці було знівельовано. Вимостка складається переважно з дрібного каміння. Вона підпрямокутної форми з розміром сторін 1,45х1, 3 м. Ні слідів поховальної ями, ні самого поховання під камінням не виявлено. Розташування цієї вимостки перед двома менгірами-статуями, наводить на думку, що з ними вона й пов'язується. Якщо це так, то в такому випадку вона могла слугувати вівтарем-жертовником, місцем для приношення жертв.

Тризна 1. На тій же глибині від поверхні, що й вимостка, за 3 м на північний схід від неї купно залягали горщик, перевернута догори дном миска, половина щелепи якоїсь великої тварини, уламки ребер та копито (видовий склад кісток не визначений) (рис. 5: 6; 6: 2, 3). Знаходження посудин окремо від скелетів в усатівській традиції розглядають як символічні могили з пожертвами (кенотафи) чи культові ями (Петренко 1989: 94; Патокова 1979). Вони виявлені як у безкурганних могильниках, так і в курганах і споруджувалися в той самий спосіб, що й звичайні поховання зі скелетами – в ямах під кам'яними закладками чи під камінням кромлехів. В нашому випадку посуд та кістки тварин, схоже, були залишені на денній поверхні чи поміщені у неглибокій (до 0,1 м) ямі і без використання каміння. Таким чином, враховуючи особливий порядок розміщення цих залишків, їхній склад і розташування на спеціальному майданчику біля священих каменів-менгірів та кам'яної вимостки-жертовника, логічно буде розглядати їх як залишки тризни.

Конічна миска (рис. 6: 4, 5) з ледь відігнутими вінцями виготовлена з тонкоструктурної глини з домішкою піску; в глину вмазані окремі шматки раніше розбитого посуду ромірами від 0,5 до 2,5 см, що відрізняються за кольором глиняної маси й обробкою поверхні. Зовнішня і внутрішня поверхні миски покриті світло-червоною фарбою, по якій з внутрішнього боку темно-коричневою фарбою нанесений орнамент. Основними мотивами орнаменту є трикутні зубчики та концентричні лінії по краю вінець, хвилясті лінії та заштриховані поля. В процесі експлуатації миска ремонтувалася, свідченням чого є просвердлені з зовнішнього боку два конусоподібні отвори. Ще до випалу вона була деформована. За складом формових мас такий посуд в усатівських могильниках віднесений до другої категорії. Але серед усатівського посуду подібні миски не зустрічаються. Не збігаються орнаментальні мотиви мальованого посуду. В той же час маємо близькі аналоги на памятках косенівської локальної групи – за формою, оздобленням рожевою фарбою та близькими мотивами орнаментації (Відейко 2004: рис. на стор. 254).

Горщик (рис. 6: 6, 7) середнього розміру, виготовлений з домішками піску та жорстви, черепок крихкий. Він має ледве відігнуті вінця з заокругленим краєм, округле тулово та невелике плоске дно. Поверхня зовні і з середини загладжена, плямиста, темно- і світлосірого кольору, не орнаментована. Такий посуд у значній кількості зустрічається в енеолітичному культурному шарі нашого поселення (група пізньотрипільського кухонного посуду з піском). Близькі форми і обробка поверхні широко зустрічаються в грунтових і курганних могильниках Усатового, але там до складу формових мас окрім піску додавали й товчену черепашку. Водночас, за складом формових мас, випалом та обробкою поверхонь, формою цей горщик має аналогії серед кухонного посуду косенівської локальної групи.

За визначенням Т.Г. Мовши, косенівська локальна група – це східна гілка середньодністровських пам'яток жванецької археологічної культури першої половини пізнього етапу Трипілля. Її ареал у середній частині Буго-Дністровського межиріччя обмежений верхів'ями і протоками Синюхи – Гнилим Тикичем, Ятраню і Уманкою, а пам'ятки – синхронні пізнім пам'яткам томашівської археологічної культури (Мовша 1990: 57–59).

Залишки **другої тризни** виявлені на гл. 1,1 м від поверхні ближче до кам'яної вимостки (рис. 2). Це перевернута догори дном амфора, яку також можна розглядати як залишки тризни, бо поруч з нею ніяких ознак поховання не зафіксовано, а найближче поховання знаходиться за 2 м від неї. Скоріше за все, вона була залишена на денній поверхні. Погано випалена амфора виготовлена з тонкоструктурної глини з домішками піску; трапляються крупинки мергелю та черепашки. Черепок рожевого кольору зовні покритий ангобом з рідкої глини того ж складу, який місцями відлущений. Це присадкувата посудина середніх розмірів з ледве виділеною шийкою та двома проколотими виступами-вушками на плечах, неорнаментована (рис. 6: 8, 9). Дуже близькі за формою, випалом і способами обробки поверхні амфори були виявлені в Усатовому (Патокова 1979: 120, рис. 4) та Маяках (Патокова, Петренко 1989: 69, рис. 22: 6).

Таким чином, посуд, залишений на могильнику після обряду тризни, різний за походженням. Амфора відноситься до усатівської культури. Горщик і миска мають інше походження; за всіма ознаками вони належать до кераміки пізньотрипільських пам'яток косенівської локальної групи.

Пізньотрипільський етап існування поселення Гард представлений матеріалами, що відносяться до томашівської, усатівської та косенівської локальних груп. Їхнє співвідношення між собою та з усатівським могильником ще потребує вивчення. Між тим, уже зараз можна стверджувати, що використання в поховальному обряді усатівської культури посуду косенівської локальної групи, вказує принаймні на два моменти: на синхронність обох груп памяток та існування контактів поміж косенівцями та людьми, що мешкали на Ґардовому поселенні чи/та в його околицях, і які залишили по собі могильник усатівського типу.

Література

Відейко М.Ю. 2004. Косенівська група // Енциклопедія трипільської культури. Т. 2. – Київ

Матвіїшина Ж.М., Фоменко В.М., Товкайло М.Т., Дорошкевич С.П. 2015. Педологічі дослідження багатошарових пам'яток Ґард і Лідина Балка у Степовому Побужжі // Кам'яна доба. – Вип. 16. – Київ

Мовша Т.Г. 1990. Косеновская локальная группа трипольско-кукутенской общности // Проблемы истории и археологии Нижнего Подувья. Ч. II. Археология. – Білгород-Дністровський

Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. – Киев

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г. 1989. Усатовский могильник Маяки // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. – Киев

Петренко В.Г. 1989. Усатовская локальная група // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. – Киев

Субботин Л.В., Петренко В.Г. 1986. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. – Киев

Товкайло М.Т., Фоменко В.М. 2013. Ґрунтовий могильник усатівського типу на Ґарді // Збірник наукових праць Міжнародної наукової конференції «Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту». – Мелітопіль

Summary

The subject of publishing are results of new research of the Usativ type burial ground located on Southern Buh, on the territory of a famous Gard settlement. An important achievement of recent years was research of a separate site on the burial ground, which is free from graves, where the following objects were discovered: menhirs, stone paving that can be regarded as an altar, and the remains of offerings.

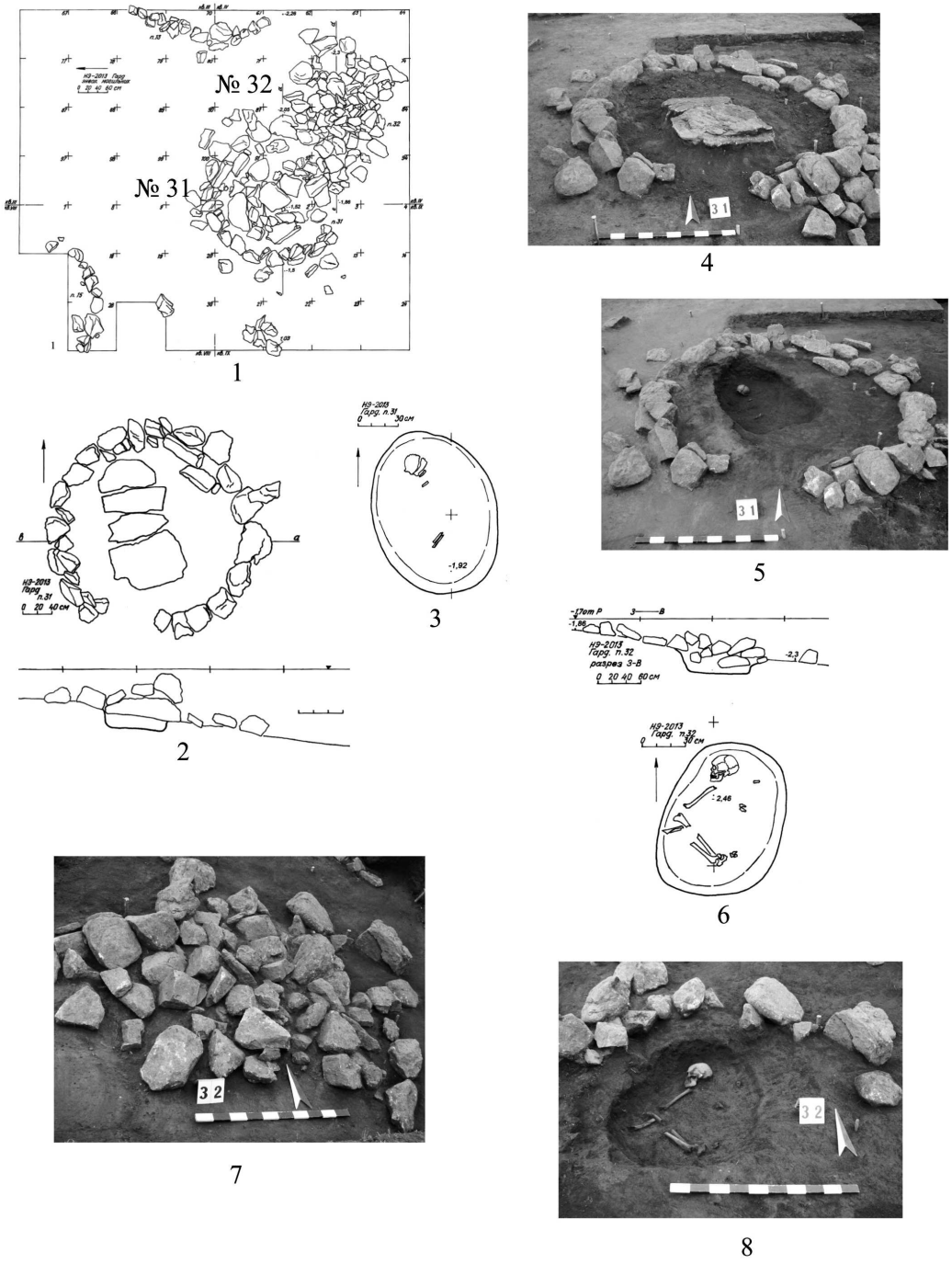
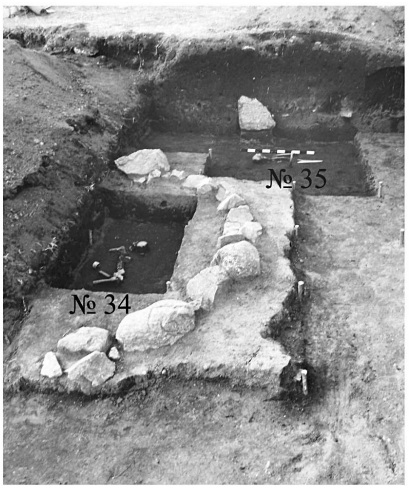
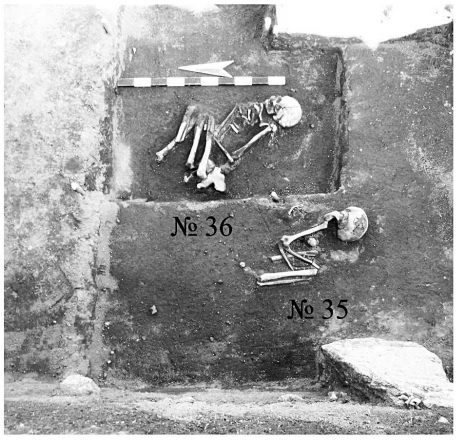

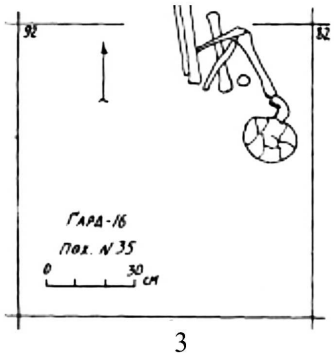
Рис. 3.1. План поховальних споруд поховань 31 та 32;
2–5 – поховання № 31; 6–8 – поховання № 32.

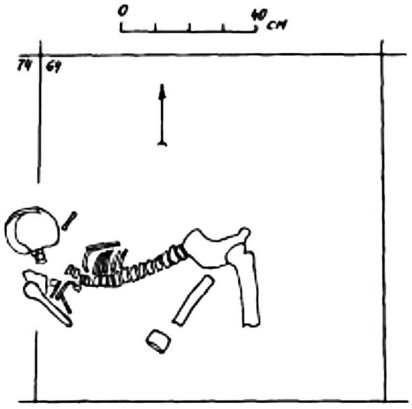
1

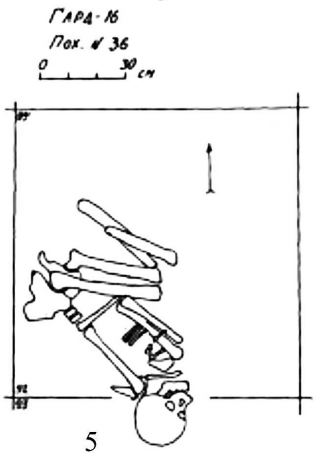
2

3

4

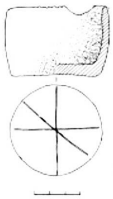
5

6

7

8

Рис. 4. 1 – поховання № 34 та 35; 2 – поховання № 35 та 36; 3 – поховання № 35; 4, 6–8 – поховання № 34; 5 – поховання № 36.

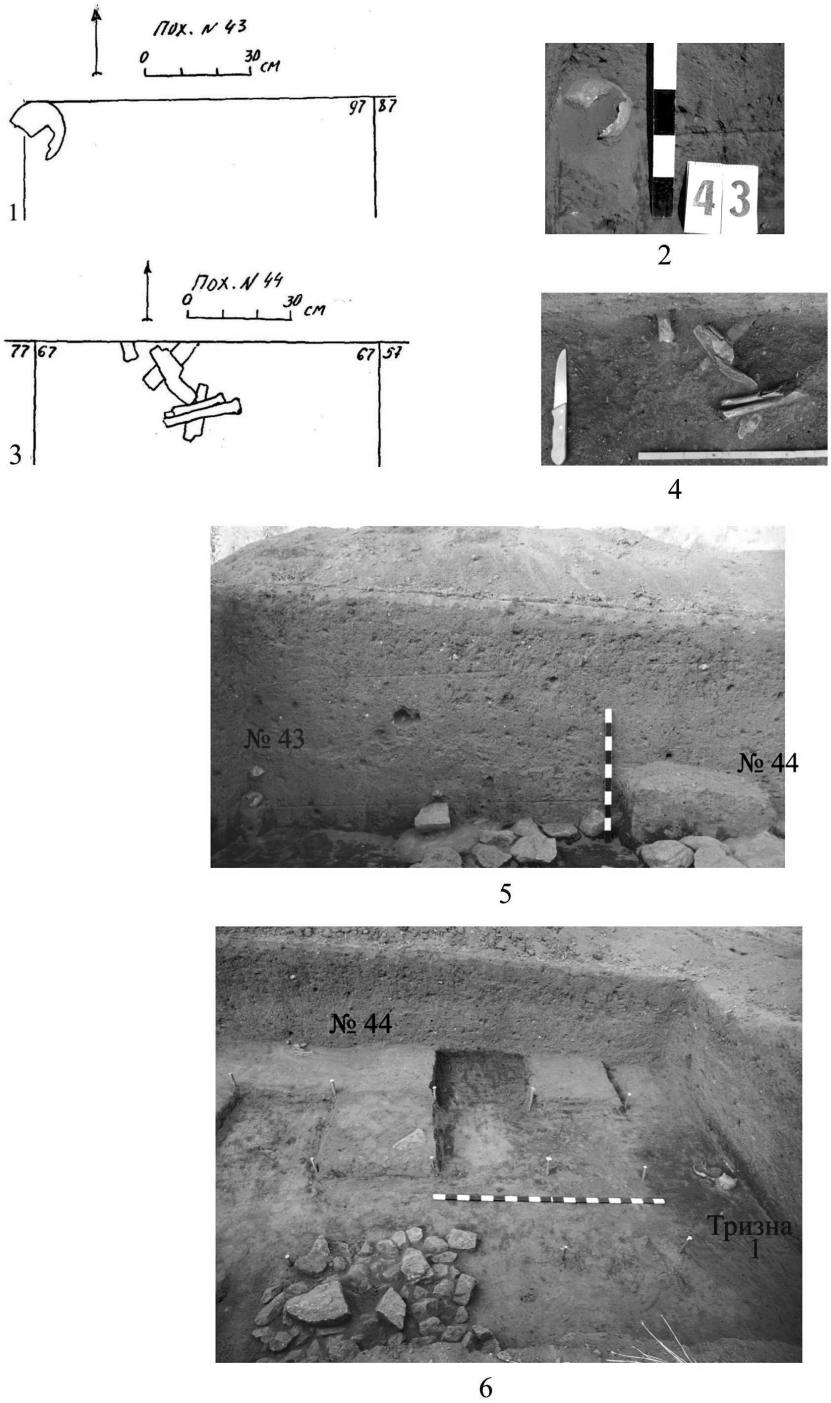

Рис. 5. 1, 2 – поховання № 43; 3, 4 – поховання № 44; 5 – поховання № 43 та 44 вигляд з півдня; 6 – кам’яна вимостка-жертовник, тризна 1 та поховання № 44, вигляд з півдня.

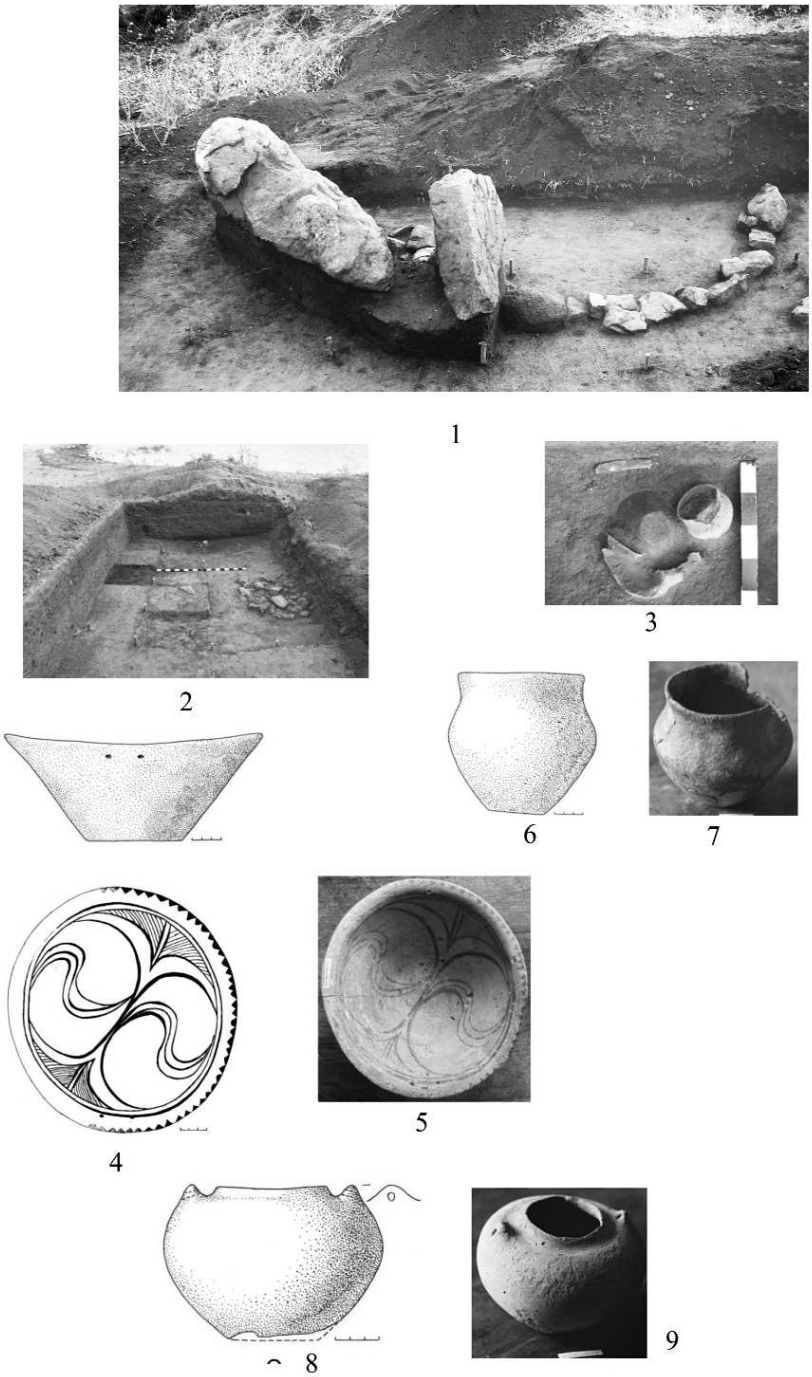

Рис. 6. 1 – вигляд з півночі на менгіри і кромлех поховання № 34; 2 – вигляд з заходу на кам’яну вимостку-жертовник та тризну 1; 3 – тризна 1; 4, 5 – миска; 6, 7 – горщик; 8, 9 – амфора.

Е.П. Секерская

Эволюция животноводства и охоты в экономике племен Триполье-Кукутень (на примере памятников Молдовы)

Вопросы животноводства и охоты являются одними из ключевых в реконструкциях палеоэкономики древних обществ. Изучение животноводства древнего населения по археозоологическим данным сопряжено с определенными трудностями методического характера, которые до сих пор обсуждаются специалистами и не разрешены окончательно. Тем не менее исследование таких показателей как видовой состав, количество домашних и диких животных и соотношение различных видов, возраст убоя и морфологическая характеристика животных позволяет реконструировать особенности стада и хозяйственного использования животных, анализировать изменения состава стада отдельных культур и регионов во времени, а также характеризовать палеоландшафты.

Целью данной работы является анализ моделей животноводства и соотношения животноводства и охоты в палеоэкономике населения культуры Кукутень-Триполье на территории современной Молдовы по археозоологическим данным. В общей сложности были проанализированы опубликованные материалы, происходящие из 7 памятников этапа Прекукутень-Триполье А, 8 памятников этапа Кукутень А, АВ, В – Триполье В1, В1В2, и 2С1, С1 и 3 памятников этапа Триполье С2. Коллекции обрабатывались В.Й. Цалкиным (Цалкин 1970), А.И. Давидом (Давид 1986), В.Г. Чемыртаном (Чемыртан 1978; 1986) и Р.В. Кройтором (Кройтор, Бодян 2008; Кройтор, Левицкий, Сырбу 2012). Сопоставление животноводства и охоты на отдельных памятниках проводилось по показателю количества особей. При оценке выхода мясной продукции не учитывалось мясо собак, так как данный вид животных, очевидно, в пищу не употреблялся (Чемыртан 1986: 14).

Для этапа Прекукутень-Триполье А были рассмотрены археозоологические комплексы поселений Флорешты III (Давид 1986: 11–12), Рогожаны, Голерканы, Кэрбуна, Солончены I (Цалкин, 1970: 268), Новые Русешты I (Давид, Маркевич 1967: 3) и Кошерница I (Маркевич 1986: 42).

Изученные памятники раннего этапа в целом демонстрируют преобладание животноводства над охотой. Охотничья добыча превышает число домашних животных только на поселении Голерканы, где диким животным принадлежит 88 костей минимально от 18 особей (58,1%), а домашним – 44 кости минимально от 13 особей (41,9%). Однако это может быть результатом крайней малочисленности археозоологической выборки на данном памятнике – было определено всего 132 кости (Цалкин 1970, с. 268). Считается доказанным, что минимальный объем определимых костей, который будет все еще случайной выборкой, но обеспечит большую точность результатов палеоэкономических реконструкций, должен составлять как минимум 400 экземпляров (Антипина 1997: 22).

Наиболее близкие к Голерканам показатели числа костей и особей диких животных зафиксированы в Солончена I, где количество костей диких видов несколько превышает количество домашних. На поселении Кошерница I число костей диких животных намного меньше, чем домашних (Маркевич 1992: 42), а во Флорештах III кости диких видов составляют примерно пятую часть всего археозоологического комплекса (Давид 1986: 8–9). Изучение числа особей диких видов животных пока-

зывает следующую картину: в Кошернице I их 15% (17,6% – включая лошадь в число диких видов), во Флорештах III – 35,7% (38,6% с лошадью) и в Солончена I – 49,5% (Збенович 1989: 152). Наименьшее количество охотничьей добычи отмечено, таким образом, в Кошернице (17,6%) и Кэрбуне (28,6%). Но в Кошернице I выборка составляет 979 костей, тогда как для Кэрбуны выборка невелика – определено всего 343 кости (Цалкин 1970, с. 268). Таким образом, в Кошернице I и Кэрбуне охота как источник мясной пищи могла значительно уступать животноводству. Большинство изученных поселений показывают достаточно ощутимый вклад охоты в палеоэкономику и систему (от 42,3% в Новых Русештах I, до 46% в Рогожанах, 47,9% во Флорештах III и 49,5% в Солончена I).

Спектр основной охотничьей добычи раннетрипольского населения (благородный олень, дикий кабан, косуля, тур, дикая лошадь) хорошо согласуется с данными споро-пыльцевых анализов, которые показали общий лесостепной характер растительности. В Среднем Поднестровье в период Прекукутень-Триполье А значительную роль играли широколиственные леса из липы, клена, граба и вяза. Существовали и значительные участки луговой и степной растительности. Подобные ландшафты зафиксированы и в районе поселения Тырпешти в бассейне р. Сирет (Збенович 1989: 145). Таким образом, в стратегии жизнеобеспечения населения периода Прекукутень-Триполье А охотничий промысел играл немаловажную роль.

Наиболее массовым видом домашних животных на раннем этапе существования культуры был крупный рогатый скот, преобладавший практически на всех поселениях, исключая Солончены I. На памятниках этого времени Румынии (Траян-Дялул Вией) и Украины (Бернашовка) крупный рогатый скот также представлен наибольшим количеством особей среди поголовья сельскохозяйственных животных. Мелкий рогатый скот заметно уступает крупному по числу особей. Однако на некоторых памятниках (Кэрбуна, Новые Русешты I, Солончены I), расположенных южнее остальных, количество овец и коз немного увеличивается.

Свиньи обычно занимают либо второе (Флорешты, Кошерница I), либо третье (Кэрбуна, Новые Русешты I) место. Исключение составляют Солончены I, где этот вид преобладает, и Голерканы, где свиньи находятся на последнем месте. Преобладание свиней среди поголовья домашних животных отмечалось как на других памятниках культуры Кукутень-Триполье (Лука-Врублевецкая), так и на поселениях неолитического времени Молдовы (Сакаровка I, культура Криш). В Сакаровке I, по данным В.А. Дергачева (Дергачев, Ларина 2015: 186–189), свинье принадлежит 219 (43,1%), крупному рогатому скоту – 172 (33,9%), мелкому рогатому скоту – 117 (23%) особей. В данном случае, очевидно, основными факторами, определяющими особенности характера животноводства, выступают культурные традиции и экологический потенциал окружающей среды.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о причислении к домашним животным лошади, представленной на всех памятниках наименьшим количеством костей и, соответственно, особей. Хотя ряд исследователей (В.И. Бибикова, В.И. Цалкин, А.И. Давид) считают ее домашней, на раннем этапе существования культуры Кукутень-Триполье лошадь, очевидно, еще не была доместицированым видом. В.Г. Збенович, отмечая незначительное количество костей лошади на памятниках с достаточной большой выборкой костей животных, включил ее в состав дикой фауны (Збенович 1989: 153). Можно упомянуть и мнение О. Некрасовой и С. Хаймовича о начале доместикации лошадей в конце энеолита (Nekrasov, Haimovici 1959: 566). В то же

время О.П. Журавлев относит лошадей эпохи раннего Триполья к домашней форме (Журавлев 2008: 17–18).

П.А. Косинцев предложил в качестве критерия дикой или домашней формы лошадей определять и сравнивать доли костей лошади и костей диких видов животных (Косинцев 2014: 618–519). Действительно, пользуясь данным критерием, можно было бы отнести Кэрбуне к домашней форме. Доля костей диких видов составляет здесь 3,2%, а доля костей лошади – 9,6%. Однако все же следует принимать во внимание незначительный объем выборки костей.

Во Флорештах III доля костей лошади составляет 0,2%, доля костей диких видов – 19,07%, в Солончена I доля костей лошади – 1,1%, доля костей диких видов – 57,4%, в Кошернице I доля костей лошади – 0,15%, доля костей других диких видов – 50,46%. Население указанных памятников активно занималось охотничьим промыслом, а доля костей лошади в них гораздо меньше доли костей диких животных. Таким образом, косвенный показатель, предложенный П.А. Косинцевым, указывает на дикую форму лошади.

В связи с обсуждением существования доместицированной формы лошади на этапе Прекукутень-Триполье А следует также акцентировать внимание на основных проблемах содержания данного вида. Лошадь – животное, рацион которого специфичен, в него входит большое количество злаков. В год взрослый конь съедает до 2 т овса, не менее 5 т сена и 1 т сочных кормов. В дикой природе на кормление кони тратят до 20 часов в сутки. Кроме того, они нуждаются чистой питьевой воде. Содержание лошадей – достаточно трудоемкое занятие. Если теоретически предположить возможность наличия домашней лошади у раннетрипольского населения, то прежде всего следует хотя бы ориентировочно предположить возможности ее применения в хозяйстве. Так, если речь идет о выпасе небольших стад мелкого рогатого скота, свойственных оседло-земледельческому населению (на раннем этапе культуры Кукутень-Триполье овцы и козы занимают 2–3 место в стаде домашних животных), то достаточно наличия пешего пастуха и нескольких собак, выполняющих функции охранников и загонщиков. Численность поголовья овец в данном случае не достигает таких значений, как у скотоводов. Соответственно, и выпас стад был возможен без верховых пастухов. И если овцы, разводимые кочевым населением, ориентированы на регулярные длительные сезонные переходы по пастбищам, то система хозяйства населения раннего этапа культуры Кукутень-Триполье совершенно не предполагает подобного. Среди поголовья домашних животных лидирующие позиции занимали крупный рогатый скот и свинья – виды, не приспособленные к длительным переходам и круглогодичной пастьбе.

Если лошадей использовать на тяжелых работах, в их рацион необходимо вводить более энергоемкие корма (зерно овса или ячменя), чем сено и солома. Археоботанические исследования материалов Кукутень–Триполье позволяют оценивать земледельческий потенциал населения раннего этапа культуры Кукутень – Триполье скорее в сдержанных тонах: использовались достаточно примитивные орудия и выращивались малопродуктивные культуры (Пашкевич, Відейко 2006: 118). Ассортимент выращиваемых на данном этапе культур состоял преимущественно из злаков, среди которых преобладали пленчатые пшеницы – двузернянка, однозернянка и спельта, голозерный и пленчатый ячмень. В незначительном количестве и не на всех поселениях найдены отпечатки проса. Овес представлен отдельными отпечатками, причем исследователи считают его дикорастущим (Пашкевич, Відейко 2006: 45–46).

Для обработки земли и перевозки грузов носители трипольской культуры использовали крупный рогатый скот (волов). Известны модели парных упряжек быков – например, статуэтка быка из Флорешт, по которой реконструируется парная упряжка, и другие аналогичные находки (Маркевич 1981: 141).

Если предположить наличие домашних лошадей при условии отсутствия забоя и «совместном выпасе в ночном», то поголовье лошадей неминуемо должно было увеличиваться, даже если их «берегли и пускали на мясо только в самых крайних случаях» (Журавлев 2008: 18). Старые и больные животные в таком случае все равно не избегали выбраковки – их должны были забивать на мясо. Наконец, нехватка кормов также могла послужить причиной убоя некоторой части особей. Однако, как показывает анализ археозоологических комплексов из рассмотренных памятников, количество костей лошадей на них крайне невелико. Исключение составляет только поселение Кэрбуна. Можно констатировать, что на остальных изученных поселениях раннего этапа культуры Кукутень-Триполье необходимый минимум мяса получали от крупного и мелкого рогатого скота и свиней при достаточно значительной доле охотничьего промысла.

Таким образом, в данном случае речь идет о рациональности содержания лошадей – трудоемком занятии, как отмечает П. А. Косинцев (Косинцев 2014: 518), практически при отсутствии сферы применения их в хозяйстве и забое в исключительных случаях.

Карта памятников Прекукутень-Триполье А на территории Молдовы, приведенная В.А. Дергачевым (Дергачев 2007: 33), наглядно демонстрирует импульс распространения культуры с запада на восток – северо-восток. Но именно в западной части своего ареала, как отмечала В.И. Бибикова, лошадь была наиболее малочисленной (Цалкин 1970: 203–204). Данный факт вместе с трудностями охоты на этот вид как раз и может быть причиной наличия небольшого числа костей лошади на памятниках раннего этапа трипольской культуры. Население ареала памятников Прекукутень-Триполье А лошадей не разводило, их добывали охотой, причем добывали достаточно редко.

Как абсолютно справедливо указывает В.А. Дергачев, резюмируя результат дискуссии о ранней доместикации лошади, «итоговые выводы строились не столько на собственных морфологических показателях, сколько из суммы знаний природного, биологического и общекультурноисторического свойства…» (Дергачев 2007: 217). Действительно, морфологические критерии, по которым можно различить дикую и домашнюю форму лошадей, до сих пор не выделены, а именно эта сумма знаний и не позволяет говорить о доместицированной лошади на этапе Прекукутень-Триполье А. Очевидно, все же следует признать правомочность мнения В. Г. Збеновича о причислении лошади к дикой фауне, по крайней мере, на данном этапе культуры.

Из памятников этапов Кукутень А, АВ, В – Триполье В1, В1В2, и 2С1, С1 были рассмотрены археозоологические комплексы поселений Петрены (раскопки Э.Р. Штерна, определения костей животных были сделаны В.Д.Ласкаревым в 1902–1903 гг.), Солончены II (Цалкин, 1970: 269), Верхняя Жора I (Давид 1986: 13), Брынзены VIII, Брынзены IX (Давид 1986: 8–9), Тринка – Ла Шанц (Кройтор, Левицкий, Сырбу 2012: 291–302), Хородка X (David 2004: 22–26; Кройтор, Бодян 2008: 216–224), Мерешовка-Четэцуе (Давид 1986: 6–9).

Памятники среднего – начала позднего Триполья на территории Молдовы в целом демонстрируют преобладание животноводства над охотой при сохранении

роли последней как подсобного промысла. Кости домашних видов животных составляют от 52,6% в Солончена II до 97,5% в Брынзенах VIII. Охота развивалась в мясном, мясо-пушном и пушном направлениях. Особенно значимой была добыча оленя, кабана, тура и косули. Подобная ситуация имеет место на поселениях Брынзены VIII, Мерешовка-Четэцуе и Тринка-Ла Шанц. Несколько больше диких животных, по сравнению с домашними, в Брынзенах IX (728 костей от 25 особей домашних и 126 костей от 11 особей диких животных) и Солончена II (569 костей от 82 особей домашних и 512 костей от 66 особей диких животных). В целом, особенностью данных памятников является преобладание разводимых животных над дикими. Исключением может быть только археозоологический комплекс поселения Верхняя Жора I, где, по данным А.И. Давида (Давид 1986: 13), количество костей домашних животных составляет 361 экземпляр (34,6%), а количество костей диких видов – 695 (65,8%).

На всех без исключения поселениях в стаде домашних животных лидировал крупный рогатый скот, на втором месте чаще находились овцы и козы. Только в Солончена II второе место принадлежало свинье, а в Брынзенах IX свинья делит его с мелким рогатым скотом. Интересно, что в Тринке – Ла Шанц по численности костей и особей домашняя коза доминирует над овцой (Кройтор, Левицкий, Сырбу 2012: 300). Аналогичная картина зафиксирована на раннетрипольских поселениях Среднего Поднестровья Лука-Врублевецкая и Бернашевка (Збенович 1989: 152).

Лошадь всегда немногочисленна и занимает последнее место. Возможно, что в этот период лошадь уже была домашней. По крайней мере, Р.В. Кройтор, изучив череп лошади из поселения среднего этапа Трипольской культуры Яблоана I, дал заключение о его принадлежности домашнему жеребцу (Croitor 2015: 51). В то же время для поселения Тринка– Ла Шанц П.В. Кройтор отмечает, что лошадь отнесена к домашнему стаду условно, для удобства сравнения с литературными данными, так как нет неоспоримых доказательств того, что найденные остатки лошади принадлежат одомашненной форме (Кройтор, Левицкий, Сырбу: 301). Животноводство и охота были не только важнейшими источниками получения мясной пищи, но и источниками сырья для производства текстиля и косторезного ремесла.

Для этапа Триполье С2 рассматривались археозоологические комплексы поселений Брынзены III, Брынзены IV и Костешты IV (Маркевич 1981: 143, табл. 3).

На рассмотренных позднетрипольских поселениях севера Молдовы животноводство преобладало над охотой. В Брынзенах III домашним видам принадлежит 73,1% всех особей, диким – 26,9%, в Брынзенах IV число особей домашних видов – 70%, диких – 30%. В Костештах IV 53,3% всех особей отнесены к домашним, 46,7% – к диким видам. Основную часть поголовья домашних животных составлял крупный рогатый скот. Мелкий рогатый скот, учитывая небольшой выход мясной продукции, вряд ли играл значительную роль в животноводстве, хотя по количеству особей овцы и козы преобладали над свиньями. Значительный процент лошади отмечен только в Костештах IV. Учитывая данное обстоятельство, а также большее, чем на других памятниках, количество мелкого рогатого скота, можно говорить о тенденции изменения хозяйственного типа. В материалах позднего этапа культуры Кукутень-Триполье по сравнению со средним этапом количество лошадей также немного возрастает. В период Среднего Триполья лошади составляют от 1,5 до 6,7%, а в период позднего их численность варьируется в диапазоне от 9,1 до 16,1%.

Охота играла немаловажную роль прежде всего в обеспечении населения мясной пищей, выход которой оставлял от пятой части до трети всего потребляемого объема. Практически повсеместно зафиксированы заяц и бобр, маркирующие мясопушной промысел. Из крупных хищников добывали медведя, изредка – рысь. Состав охотничьей добычи позволяет говорить о смешанных ландшафтах: наряду со значительными массивами широколиственных лесов и пойменных лугов, существовали также степные участки. Находка костей кулана – животного, связанного со степными биотопами, также представляет большой интерес. Вместе с отмеченными выше тенденциями (увеличение поголовья мелкого рогатого скота, возрастание числа лошадей) присутствие кулана может свидетельствовать об увеличении площади открытых степных пространств.

Рассматривая памятники культуры Кукутень-Триполье на территории современной Молдовы в целом, можно указать на некоторые особенности палеоэкономики. Во-первых, трипольские племена, пришедшие в данный регион, имели собственные навыки животноводства. Это не исключает вовлечения в процесс местной доместикации таких представителей фауны как дикий кабан и возможности скрещивания домашней свиньи с диким кабаном, а крупного рогатого скота – с туром. Практически все исследователи (В.И. Бибикова, В.И. Цалкин, С. Хаймович, Р.В. Кройтор и другие) отмечают значительные размеры костей крупного рогатого скота, особенно на ранних этапах Кукутень-Триполья. По размерам крупный рогатый скот, разводимый раннетрипольским населением, приближался к такой современной породе, как серый степной скот. Лошадь вряд ли была домашней на ранних этапах существования культуры, хотя уже на среднем этапе культуры возможно предположить наличие домашней формы данного вида.

Хозяйство населения культуры Кукутень-Триполье было многоотраслевым, использовались разнообразные ресурсы окружающей среды. Население занималось земледелием, животноводством, охотой, рыболовством и собирательством. Животноводство на разных этапах существования культуры на территории Молдовы не было неизменным. На ранних этапах оно было ориентировано на разведение четырех основных видов сельскохозяйственных животных (крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи), причем иногда главным направлением животноводства было свиноводство (Солончены I). Возможно, содержание большого количества свиней – неприхотливых и всеядных животных – было обусловлено экологическими возможностями окружающих поселение ландшафтов.

Овцы и козы не всегда определялись исследователями до вида. Количество их в стаде на различных поселениях варьируется. В материалах памятников Кукутень-Триполье на территории Молдовы обычно больше овец. Исключение составляет поселение Тринка – Ла Шанц, где найдено 76 костей минимально от 9 особей овец и 280 костей минимально от 21 особи козы (Кройтор, Левицкий, Сырбу 2012: 303). Таким образом, соотношение овцы – козы равно примерно 1: 3. Мелкий рогатый скот разводился не только ради мяса, но и для получения вторичной продукции – молочных продуктов, шерсти и шкур.

Население вряд ли употребляло в пищу мясо собак – по крайней мере, аргументированные доказательства подобного их использования отсутствуют. Кости собак отмечены почти на всех памятниках на территории Молдовы, но наибольшее их количество найдено на поселениях этапа С2 Костешты IV (102 кости от 34 особей) и Брынзены III (159 костей от 15 особей). Собак использовали для защиты от хищ-

ников поголовья домашних животных, как охранников стад и поселка и помощников на охоте. Г.Д. Чемыртан, исследовавший кости собак, пришел к заключению, что в энеолите Молдовы могли существовать как минимум две породы собак – более мелкая для охраны домов и более крупная, использовавшаяся для охоты (Чемыртан 1986: 20). Заметим однако, что более крупные породы собак как раз служат пастухами и охранниками стада домашних животных и жилья, тогда как собаки средних размеров (лаек и др.) обычно используются на охоте для поиска, обнаружения и преследования как мелкого зверя (белка, куница), так и по крупной дичи (лось, кабан, медведь, рысь).

Таким образом, если исключить лошадь и собаку из числа домашних животных и рассматривать процентное соотношение выхода мясной продукции, то очевидно, что в Солончена I от численно преобладающих свиней получали только 4,5% мяса, тогда как от крупного рогатого скота – 92,8%. Во Флорештах III выход мясной продукции составлял, соответственно, от крупного рогатого скота 95,5%, от свиней – около 3%, от мелкого рогатого скота – 1,7%.

Охотничий промысел в палеоэкономике раннетрипольского населения варьировался от 17,1 до 46,6%. По показателю соотношения животноводства и охоты памятники Прекукутень-Триполья А сближаются с поселением культуры Криш Сакаровка I, где охота составляла 28,3%, а главным разводимым животным была свинья. Тем не менее основное количество мяса получали от крупного рогатого скота. В отдельных случаях охота имела достаточно большое значение (Солончены I, Рогожаны) или даже преобладала (Голерканы). Состав охотничьей добычи практически на всех изученных поселениях свидетельствует о приоритете мясного направления охотничьего промысла, наряду с которым существовали мясо-пушной (бобр, заяц) и пушной. Учитывая, что основными объектами охоты были благородный олень, косуля, дикий кабан и тур, можно прийти к выводу о существенной роли охотничьего промысла в обеспечении населения мясной пищей.

Для примера сопоставим данные пересчета выхода мясной продукции домашних и диких животных на поселениях этапа Прекукутень-Триполье А Флорешты III и Солончены I. При подсчетах выхода мяса учитывались мясные и мясо-пушные виды диких животных. Если включать в число домашних животных собаку и лошадь, то получим следующие данные. Во Флорештах III (всего диких животных 35,7%) охотой получали 27,9% всей мясной пищи, а в Солончена I (всего диких видов 46,6%) – 24,7% всей мясной пищи. Если изъять собаку из расчетов (так как нет доказательств ее употребления в пищу) и переместить лошадь в список диких видов, получим следующие данные: во Флорештах III охота давала приблизительно 34%, а в Солончена I – 34,1% мяса. Очевидно, что полученные данные близки.

В целом можно констатировать, что охотничий промысел мог давать приблизительно треть от общего количества потребляемого мяса. Для сравнения – в неолитической Сакаровке I охотой получали 28,6% мяса, а разведение крупного и мелкого рогатого скота и свиней давало 71,4%.

Население, оставившее в Нижнем Подунавье памятники типа Болград-Алдень, практиковало животноводство, базирующееся на разведении овец, составлявших в среднем около 40% всех сельскохозяйственных животных (Цалкин 1970: 241, 272). Доля охотничьего промысла в обеспечении мясной пищей на памятниках данной группы составляла в среднем менее 20%.

На этапе Кукутень А, АВ, В – Триполье В1, В1В2, и 2С1, С1 преобладает животноводство, варьирующееся в диапазоне от 58 до 85%. Охота сохраняет роль подсобного промысла. Основными видами добычи продолжают оставаться олень, кабан, тур и косуля (Брынзены VIII, Мерешовка-Четэцуе, Тринка-Ла Шанц). Несколько больше диких животных, по сравнению с домашними, в Брынзенах IX и Солончена II и только в Верхней Жоре I животноводство могло уступать охоте.

Среди поголовья домашних животных лидировал крупный рогатый скот, второе место чаще занимал мелкий рогатый скот. В Брынзенах IX мелкий рогатый скот и свинья делят второе место и только в Солончена II свиньи количественно преобладали над мелким рогатым скотом. Лошадь всегда немногочисленна и обычно уступает по количеству любому другому виду разводимых животных. Кости домашних и диких животных использовались, как и в предыдущее время, для изготовления разнообразных орудий труда.

На этапе Триполье С2 среди домашних животных преобладает крупный рогатый скот, от которого получали основное количество мяса. Второе место занимает мелкий рогатый скот, третье принадлежит свиньям. Прослеживается тенденция к увеличению поголовья мелкого рогатого скота, возрастает и число лошадей. Охота давала от пятой части до трети всего объема мясной пищи, шкуры, сырье для производства костяных орудий.

Таким образом, адаптивный механизм носителей культуры Кукутень-Триполье изначально требовал приспособления к лесостепным ландшафтам (отсюда – большое количество коз на ранних этапах культуры, зафиксированное на ряде памятников), обработке земли и перевозке грузов (использование быков – волов). По мере развития культуры хозяйство претерпевало определенные изменения, связанные с переменами климата и ландшафтов, однако земледелие, животноводство и охота оставались основными направлениями экономики. При комплексном характере хозяйства главной его отраслью, по крайне мере, до этапа Триполье С2 очевидно, было земледелие, тогда как животноводство играло меньшую роль, а охота – подсобную, причем иногда довольно значительную.

Литература

Антипина Е.Е. 1997. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы. Российская археология. № 3.

Давид А.И. 1986. Новые материалы по среднеголоценовой фауне Молдавии //Плиоцен-антропогеновая фауна Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Давид А.И., Маркевич В.И. 1967. Фауна млекопитающих поселения Новые Русешты I //Известия Академии наук Молдавской ССР, сер. Биологических и химических наук. № 4.

Дергачев В.А. 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М.Гимбутас. Санкт-Петербург

Дергачев В.А., Ларина О.В. 2015. Памятники культуры Криш Молдовы (с каталогом). Кишинэу.

Журавльов О.П. 2008. Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України. Київ

Збенович В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев

Косинцев П.А. 2014. Лошадь в хозяйстве населения лесостепи и степи востока Восточной Европы (средняя бронза – средневековье) //Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул.

Кройтор Р., Бодян С. 2008. Костные остатки диких и домашних животных из трипольского поселения Ходорка X // Revista Arheologica. Serie noua. Vol. IV. Nr.1. Chişinău.

Кройтор Р., Левицкий О., Сырбу Г. 2012. Археозоологический комплекс из трипольского поселения Тринка-Ла-Шанц //Revista Arheologica. Serie noua. Vol.VIII. Nr.1. Chişinău.

Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.

Маркевич В.И. 1992. Раннетрипольское поселение Кошерница I //Археологические исследования в Молдове в 1986 г. Кишинев.

Пашкевич Г.О. Відейко М.Ю. 2006. Рільництво племен трипільської культури. Київ

Цалкин В.И.1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР. 161. М.

Чемыртан Г.Д. 1978. Остатки млекопитающих из позднетрипольского поселения Брынзены-Цыганка // Фауна позднего кайнозоя междуречья Днестр – Прут. Кишинёв.

Чемыртан Г.Д. 1986. Собаки энеолита Молдавии // Плиоцен-антропогеновая фауна Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Croitor R. 2015. Horse skull from Eneolithic settlement of Iabloana I // Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor. Conferinţa ştiinţifică internaţională, 26–28 mai 2015.

David A. 2004. Caracteristia resturilor schetetice de animale de la staюiunea eneoliticг Horodca X// Cercetгri arheologice in Republica Moldova (2000–2003). Chişinău.

Nekrasov O., Haimovici S. 1959. Etude de la fune de la station neolithique de Tangîru // Dacia. T. III.

Summary

The article analyzes the archaeological complexes of the Cucuteni-Trypillian culture in the territory of modern Moldova. Established the role of hunting and its importance in the system of life support at all stages of development of culture. Also certain trends in the change of species composition of livestock of domestic animals are traced. The problem of horse domestication at the early stages of culture existence is considered.

With the multipurpose nature of the economy, its main industry, at least until the Trypillia C2 stage, was obviously agriculture, while livestock played a smaller role, and hunting – subsidiary, however sometimes quite significant.

Бронзовый век

С.С. Лысенко, С.Д. Лысенко

Булавки с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы

Булавки с петельчатой головкой являются одним из самых распространённых в эпоху поздней бронзы типом булавок на территориях, объединённых в составе нынешней Украины, что легко объясняется простотой в их изготовлении. К этому типу украшений относятся булавки, верхняя часть стержня которых свёрнута в петельку менее, чем в два оборота. Проволока в петельке может быть округлой, четырёхугольной или расклёпанной в пластину.

В литературе такие украшения называют булавками «с петельчатой головкой» (Крушельницька 1985: 79), «со свёрнутой в петлю головкой» (Смирнова 1976: 120), «с загнутой в петлю головкой» (Петренко 1978: 18), «со скрученной в трубочку головкой» (Шарафутдинова 1987: 72); «с односпиральной головкой» (Кубышев, Черняков 1986: 153); в польской и западно-украинской литературе встречается обозначение «булавки со свёрнутыми в ушко головками» (Sulimirski 1931: 56–57; Канивец 1951/15в). В германоязычной литературе такие булавки обозначены как «Rollennadeln» (Laux 1976: taf. 25). Е.Н. Черных объединяет такие булавки в КТР У-6/8 – «с посоховидной головкой» (У-6 – со спиральной головкой; У-8 – «с крючковидным концом») (Черных 1976: 126). Иногда в литературе булавки с петельчатой головкой путают с булавками с кольцевидной головкой, и технологически и внешне представляющие совершенно иной тип украшений, с цельнолитым кольцом на конце стержня (Лысенко Св. 2004).

Л.И. Крушельницкая считает, что булавки с петельчатой головкой, закрученной из расплющенной проволоки, представляют собой тип, отличный от таких же булавок, но из нерасплющенной проволоки (Крушельницька 1985: 79). Возможно, мы бы согласились с этим мнением, но, во-первых, внешний вид и способ изготовления этих булавок очень похож, а во-вторых, к сожалению, далеко не всегда по прорисовке или описанию таких изделий можно понять, расклёпана проволока в головке или нет. Поэтому этот признак мы используем как вариантный и не приводим отдельную статистику по вариантам.

Вариант 1. Булавки с петлевидной головкой из нерасклёпанной проволоки. Это изделия из округлой (реже – четырёхгранной) в сечении проволоки, утончающейся к концам, один из которых закручен сбоку от стержня в небольшое *колечко*, образующее головку булавки.

Вариант 2. Булавки с петлевидной головкой из расклёпанной проволоки. Это булавки из округлой (реже – четырёхгранной) в сечении проволоки, которая к верхней части расклёпана в узкую пластину, свёрнутую в трубочку. Иногда между округлым стержнем и расклёпанной головкой наблюдается участок стержня, четырёхгранный в сечении.

На сегодняшний день на территории современной Украины известно более 50 булавок с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы. В настоящей работе приводятся прорисовки 42 изделий, более-менее достоверные изображения которых нам удалось обнаружить, а также краткая информация ещё о восьми булавках, достоверные изображения которых нами не найдены. Булавки с петлевидной головкой встречены в юго-восточной части ареала тшинецкого культурного круга (ТКК; на памятниках классического и позднего горизонтов), культурного круга Ноа-Сабатиновка, в

западном ареале белозёрской культуры. Картографирование этих булавок показывает их распространение в Среднем и Нижнем Поднепровье, в бассейнах Среднего Днестра и Прута, на Волыни, в Подолии, в Северо-Западном Причерноморье (рис. 1). Дальнейшее распространение этого типа на восток Украины в эпоху поздней бронзы не прослеживается.

Учитывая невыразительность данного типа украшений, широкий хронологический диапазон их датировки и длительный, около 1000 лет, период существования на территории современной Украины, степень достоверности их культурно-хронологической принадлежности различна и зависит от условий находки. Наиболее достоверными являются культурно-хронологические определения находок из закрытых и замкнутых комплексов. Из закрытых комплексов (погребения, клады) происходит 17 булавок. Ещё 7 украшений связаны с замкнутыми комплексами на поселениях (жилища, постройки, зольники, ямы). Остальные булавки найдены либо в слое на многослойных поселениях, либо являются случайными находками. Привязку к опре-

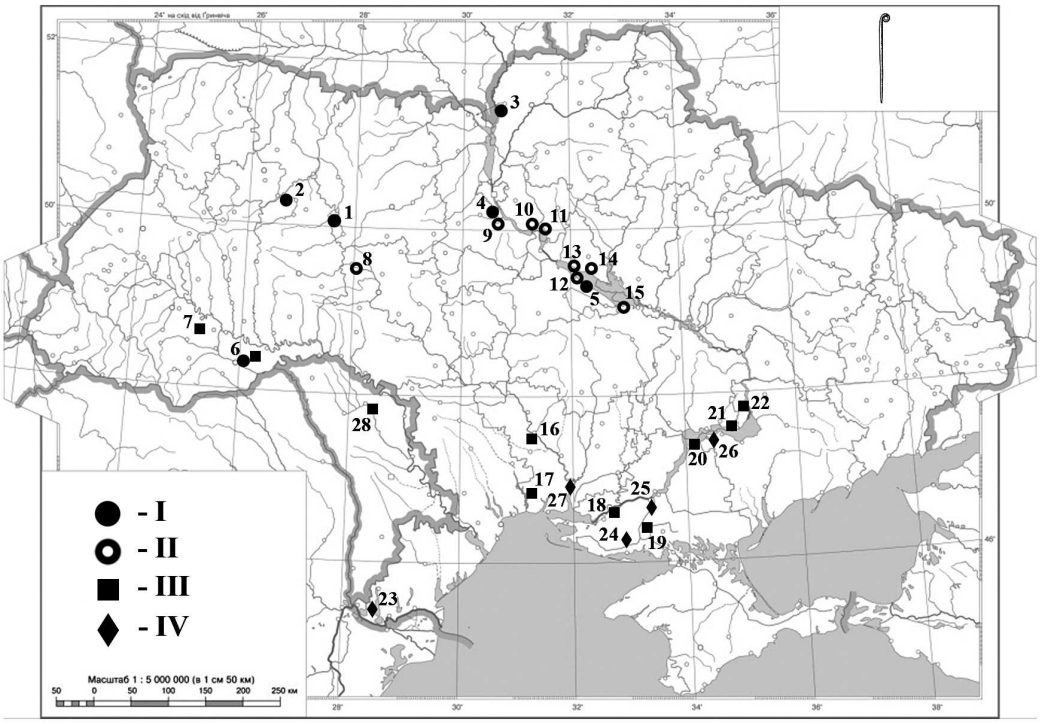

Рис. 1. Распространение булавок с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье: I – тшинецкий культурный круг, классический горизонт; II – тшинецкий культурный круг, белогрудовский горизонт; III – культурный круг Нова-Сабатиновка; IV – белозёрская культура. 1 – Войцеховка; 2 – Дорогоща; 3 – Пустынка; 4 – Ходосовка; 5 – Худяки; 6 – Магала; 7 – Островец; 8 – Сандраки; 9 – Обухов; 10 – Козинцы; 11 – Цибли; 12 – Леськи; 13 – Самовица; 14 – Приднепровское; 15 – Великая Андрусовка; 16 – Виноградный Сад; 17 – Анатольевка; 18 – Солонцы; 19 – Новокиевка; 20 – Ушкалка; 21 – Высшетарасовка; 22 – Хортица; 23 – Плавни; 24 – Широкое; 25 – Чернянка; 26 – Степной; 27 – Дикий Сад; 28 – Гиндешты (Молдова).

делённому слою поселений имеет 17 булавок. Ещё 10 являются случайными находками и не могут быть продатированы однозначно; отнесение их к позднебронзовому времени связано с общим контекстом находки.

Статистика культурно-хронологичекого распределения булавок с петельчатыми головками с учётом условий их находки следующая:

Тшинецкий культурный круг, классический горизонт (XV–XIII вв. до н.э.) – 7 булавок:

- погребения – 4 (Войцеховка 2/3, 6/2; Дорогоща 1/3; Худяки 4/4);
- объекты на поселениях – 1 (Ходосовка-Диброва, раскоп 1, яма 19);
- слой поселений – 2 (Магала I; Пустынка, рядом с жилищем 3).

Культурный круг Ноа-Сабатиновка (XV–XIII вв. до н.э.) – 21 булавка:

- погребения – 5 (Островец, погребения 2, 23, 120, 133, 179);
- условные клады – 1 (Солонцы);
- объекты на поселениях – 5 (Анатольевка, вымостка у постройки 1 (2 экз.); Новокиевка, жилище 2; Магала II, зольник 3 (более 2 экз.));
- слой поселений и могильников – 10 (Виноградный Сад; Островец-могильник (квадраты Г/17, Ж/7, О/40, С/23, Ф/50, раскоп II); Островец-поселение; Ушкалка; Хортица, балка Липовая);
- случайные находки – 1 (Высшетарасовка-4).

Тшинецкий культурный круг, поздний (белогрудовский) горизонт (XII–XI вв. до н.э.) – 12 булавок:

- слой поселений – 3 (Обухов; Приднепровское; Сандраки);
- случайные находки – 9 (Великая Андрусовка; Козинцы-Загай (3 экз.); Леськи-3б (2 экз.); Самовица, остров-1 (2 экз.); Цибли, Белое Озеро-1).

Белозёрская культура (XII–XI вв. до н.э.) – 10 булавок:

- погребения – 7 (Плавни-Будуржель, северное пятно, погребения 10, 13, 23; Степной, курганная группа 1, 5/2; Чернянка, погребение 5; Широкое, 2/3, погребение 107);
- объекты на поселениях – 1 (Дикий Сад, помещение 12);
- слой поселений – 2 (Дикий Сад (Р-13, Р-18)).

Таким образом, с разными этапами ТКК (включая белогрудовский горизонт) может быть связано 19 булавок; с культурным кругом Ноа-Сабатиновка (включая поздний, белозёрско-тудоровский этап сабатиновской культуры (Гудкова и др. 1991: 13)) – 31. Все упомянутые культуры относятся к Западному массиву распространения бронзовых украшений в Северном Причерноморье (Лысенко Св. 2012: 26). При этом, если отбросить многочисленные находки таких булавок всего на двух памятниках культуры Ноа (Островец и Магала), то количество находок как в северном ареале Западного массива, так и в южном будет вполне сопоставимо. Распространение однотипных булавок с петельчатой головкой между Карпатами и Днепром, как в степной так и в лесостепной зонах Северного Причерноморья, представляет ещё одно свидетельство устойчивых контактов между культурными кругами тшинецким и Ноа-Сабатиновка (Лысенко 2017; 2017а).

Отметим, что булавок с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы явно больше, чем мы смогли учесть. Так, Е.Н. Черных упоминает 9 булавок из Островца, которые были им спектрально проанализированы. На прорисовке у него их 8, а из отчётов Э.А. Балагури по этому памятнику мы насчитали 7 булавок. При этом прорисовки булавок с петельчатой головкой в монографии Е.Н. Черных настолько неудовлетворительные, что использовать их нет никакой возможности; это скорее схемы

изделий, выполненные без соблюдения масштаба и пропорций. Г.И. Смирнова в отчётах о раскопках на поселении Магала упоминает о большом количестве найденных булавок с петельчатой головкой, не указывая, однако, точного количества и давая прорисовки только трёх из них.

Как уже было отмечено, этот тип булавок имеет довольно широкие хронологические рамки. На территории Украины булавки с петельчатой головкой появляются не позднее середины 2 тыс. до н.э. Наиболее ранняя из них зафиксирована в волынской группе ТКК в комплексе с шейной гривной со спиральными щитками (Войцеховка, 2/3); последняя позволяет датировать это погребение не позднее XV в. до н.э. Тем же периодом, видимо, следует датировать и погребение в Дорогоще. К XV–XIV вв. до н.э., вероятно, относится и погребение киево-черкасской группы в Худяках. На поселении комаровской культуры Магала булавки с петельчатой головкой найдены как в комаровском слое (Магала I), так и в зольнике культуры Ноа (Магала II), что ещё раз подчёркивает более раннюю хронологическую позицию таких изделий в комаровской культуре. В белогрудовско-белозёрский период основное количество находок связано со Средним Поднепровьем (случайные находки), Нижним Поднепровьем и Северо-Западным Причерноморьем (погребения).

На территории Польши появление данного типа украшений наблюдаем ещё в унетицкой культуре (Janówek) (Machnik 1978: tabl. XXX: B: 5). К позднеклассическому периоду тшинецкой культуры (лубенская группа ТКК) относится погребение в кургане 7 в Лубне (Польша), содержавшее две булавки с петельчатой головкой и две подвески лубенского типа в виде спирального щитка, свитого из проволоки, внешний конец которой заканчивается спиральным колечком в плоскости, перпендикулярной щитку (Dąbrowski 1972: tabl. III: 4-5; Miśkiewicz 1978: tabl. LVI). На территории Украины аналогичные подвески обнаружены в Черногородке (клад) (Лысенко Св., Лысенко 2015: рис. 2: 1–2) и Кордышеве (курган 3, погребение 9) (Ільчишин 2016: рис. 11: 2), которые датируются по совокупности находок в пределах XIII вв. до н.э. и позволяют уточнить датировку погребения из Лубны.

В Румынии булавки с петельчатой головкой встречаются в кладах периодов BrD (Erste Jungbronzezeit) (Băleni) (Petrescu-Dimbovita 1978: taf. 53: 94–102), HaA$_1$ (Gad; Guşteriţa II; Sacoţi) (Petrescu-Dimbovita 1977: pl. 144: 7; 160: 9). На территории Молдавии такие булавки зафиксированы на памятниках культуры Ноа (поселение Гиндешты) (Дергачёв 1986: рис. 45: 7–8) (рис. 1: 28). Известны они в ранней лужицкой культуре в Польше (Gardawski 1979: tabl. VII: 3). В Нижней Саксонии булавки с петельчатой головкой встречаются почти на всём протяжении эпохи поздней бронзы (от Mittlere Hügelgräberzeit до Jüngere Urnenfelderzeit; BrC–HaA) (Laux 1976: taf. 24: 247–258; 25: 259–289; 35: 530–537; 63: 250, 259, 269, 270, 532). При этом на территории Венгрии, Словакии, украинского Закарпатья нам такие булавки не известны (Mozsolics 1967; 1973; Балагури 2001). Получается, что ареал распространения булавок с петельчатой головкой в эпоху поздней бронзы как бы огибает Карпаты по широкой внешней дуге – от Восточной Германии до Юго-Восточной Румынии, через территории Польши, Украины и Молдавии (однако этот вывод пока предварителен и требует дальнейших поисков).

Стоит обратить внимание, что данный тип украшений совершенно не характерен для Восточного массива распространения украшений в Северном Причерноморье, представленном культурными кругами Бабино и срубным (включая и памятники постсрубного горизонта) (Лысенко Св. 2012: с. 26). Ареал распространения

булавок с петельчатой головкой в Северном Причерноморье совпадает с восточной границей Европейской металлургической провинции (по Е.Н. Черных) (Рындина, Дегтярёва: рис. 69). При этом такие булавки известны по другую сторону Великой Степи – в ранней кобанской культуре Северного Кавказа (середина XII – середина VII вв. до н.э.) (Козенкова 1989: табл. 102: 3–4), относящейся к Кавказской металлургической провинции (по Е.Н. Черных).

В период финальной бронзы / позднейший предскифский период на территории Украины булавки с петельчатой головкой известны на памятниках развитого этапа чернолесской культуры [Субботовское, Калантаевское городища – бронзовые; Тясминское городище – железная (Тереножкин 1961: рис. 101: 1; 102: 10; 1976, рис. 55: 8)]; в высоцкой культуре [могильники Высоцкое (Sulimirski 1931: tabl. XXV: 3–7), Луговое (Крушельницька 1985: рис. 23: 4), Конюшков (Крушельницька 1970/78: рис. 12: 1), Петриков (Бандрівський 2002: рис. 6: 2; 9: 4), Мыльное-1 (Ільчишин, Гошко 2008: 132–133, рис. 2: 1); поселение Гончаровка IV (Ільчишин 2015: рис. 1: 16–17)], лужицкой культуре [Сокольники (Крушельницька 1985: рис. 21: 16)]. Зарождаясь в эпоху поздней бронзы, этот тип украшений доживает до скифского времени (тип 21 по В.Г. Петренко) (Петренко 1978: 18; Светличная 1996: рис. 3: 23–26; Лысенко 2010: рис. 11: 10; 17: 5–6), сохраняя на новом историческом этапе пережитки местных культурных традиций.

Большинство погребений, с которыми связаны булавки с петельчатой головкой, представляют собой трупоположение (15), и лишь в одном случае булавка связана с кремацией (Дорогоща). В семи ингумациях скелеты скорчены на левом боку, ещё в семи – на правом. Половозрастные определения имеются только для одного из последних погребений – женщина, 25 лет (Островец, погребение 179). Булавки с петлевидной головкой фиксировались в погребениях в области черепа и шеи (Войцеховка 2/3, 6/2; Островец, погребение 23), на костях рук перед лицом (Островец, погребения 120, 179; Худяки), в области грудной клетки (Будуржель; Островец, погребение 133); одна булавка была вбита в землю у левого плеча скорченного на левом боку скелета (Островец, погребение 2). В любом случае, можно сказать, что эти булавки располагались так, что могли закалывать одежду (плащ, накидку) в области шеи-груди.

Булавки с петельчатой головкой изготавливались, по-видимому, из литого стержня, с последующей доработкой путём сворачивания конца (часто предварительно расклёпанного) в петельку (колечко или трубочку). Три булавки из Островца, Сандраки, Широкое Е.Н. Черных отнёс к химической группе КТ (карпато-трансильванская), остальные исследованные им 6 булавок из Островца – к группе Пб (правобережная) (Черных 1976: 126).

Длина большей части булавок с петельчатой головкой колеблется в интервале 8,5–12 см (Рис. 2). Отдельно можно выделить группы коротких и длинных булавок с петельчатой головкой. Длина первых колебется в интервале 5,5–7 см (Рис. 3: 1–5, 7); вторых – 13–17 и более см (Рис. 3: 6, 8–11). Стоит отметить, что длина сохранившейся части одной из булавок из Войцеховки (6/2), конец которой обломан, достигает 16,5 см, что позволяет реконструировать её первоначальную длину не менее 18 см. Проволока в стержне у булавок этого типа тоньше, чем у большинства типов булавок – в среднем 0,2-0,4 см; иногда достигает 0,5 см (Войцеховка, 6/2).

Исходя из различного характера изгиба стержня, можем предположить разные способы крепления булавок с петельчатой головкой. Предварительно выделяются следующие группы.

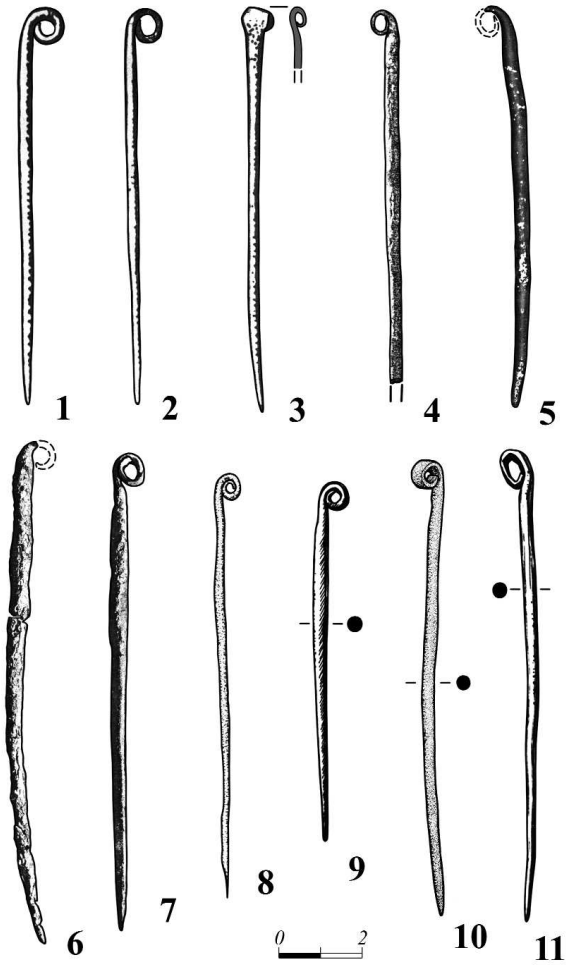

Рис. 2. Булавки с петельчатой головкой:
1 – Островец, могильник, кв. Ф/50 [по: Балагурі 1959/27, табл. II: 6]; 2 – Островец, погребение 120 [по: Балагурі 1959/27, табл. II: 5]; 3 – Островец, погребение 133 [по: Балагурі 1959/27, табл.II: 3]; 4 – Войцеховка, курган 2, погребение 3 [по: Гамченко 1924, фото 92]; 5 – Дорогоща, курган 1, погребение 3 [по: Винокур, Гуцал, Мегей 1995, рис. 6: 4]; 6 – Широкое, курган 2, погребение 3 [по: Лесков 1961-63/4б, с.5]; 7 – Широкое, погребение 107 [по: Лесков 1961-63/4б, с. 56]; 8 – Степной, курган 5, погребение 2 [по: Я. Отрощенко, 1972/36б, с.13-15, табл. VII: 3]; 9 – Магала [по: Смирнова 1968/33, табл. XXIII: 9]; 10 – Леськи-3б [по: Куштан 2003, рис. 4: 4]; 11 – Магала [по: Смирнова 1968/33, табл. XXIII: 10].

1) Булавки с неизогнутым, или очень незначительно изогнутым стержнем (Рис. 2; 3; 4: 8–9). При этом булавки различной длины могли быть использованы с разными целями и крепиться поразному.

2) Булавки со слабым изгибом стержня – дуговидные или изогнутые под углом 170–150° (Рис. 4: 1, 2, 5, 10, 11; 5: 7). Излом стержня бывает расположен в разных местах: в верхней трети, в нижней трети, посредине. Изгиб булавки бывает как в плоскости изгиба ушка, так и под углом к нему. Нельзя исключать, что все эти незначительные на первый взгляд особенности также отражают несколько различные способы крепления булавок.

3) Булавки с сильно изогнутым стержнем – дуговидные или изогнутые под углом 140–90° (Рис. 5: 6, 8, 9).

Дуговидный изгиб стержня на литых булавках разных типов наблюдаем и в Центральной Европе: в предлужицкой культуре в Западной Польше (Gediga 1978: rys. 53; 54; tabl. XLVI: 7), культуре Отомань в Восточной Словакии (Балагури 2001: рис. 29: 4а, 4б;); сильный изгиб стержня известен на булавках из Венгрии (Mozsolics 1967: taf. 36: 6–7; 1973, taf. 5: 6) и т.д.

4) Булавки с Г-образно изогнутой верхней частью стержня (Рис. 5: 1–3).

5) Булавки со стержнем, свёрнутым в крючок более чем в 0,5 оборота (Рис. 5: 4–5). Подобную изогнутость имеет также стержень булавки с шаровидной головкой с отверстием из Терновки (Слободзейский район ПМР) (Лысенко и

др. 2016: рис. 2: 1). Нельзя исключать, что подобный сильный изгиб стержня связан не с функциональным использованием булавок для крепления каких-то элементов одежды, а возможным вторичным их применением, например в качестве рыболовного крюка (?) (Лысенко, Лысенко Св. 2018).

Для крепления булавок с петельчатой головкой, как и для других типов булавок, имевших в своей конструкции разнообразные петельки, ушки или отверстия, дополнительно могли использовать кожаный шнурок или верёвочку (Лысенко 1999: 94, рис. 6; Лысенко и др. 2005: 153; Лысенко Св. 2018: 130). Однако необходимость дополнительного крепления создавала определённые неудобства. Ещё на завершающем этапе эпохи поздней бронзы (HaA) на территории степного Северо-Западного и Северного Причерноморья получает распространение совершенно иной тип украшений – пружинные фибулы (Ванчугов 2008). Видимо, универсальность нового типа заколок для одежды стала одной из причин постепенного вытеснения ими булавок на следующем этапе исторического развития – в раннем железном веке.

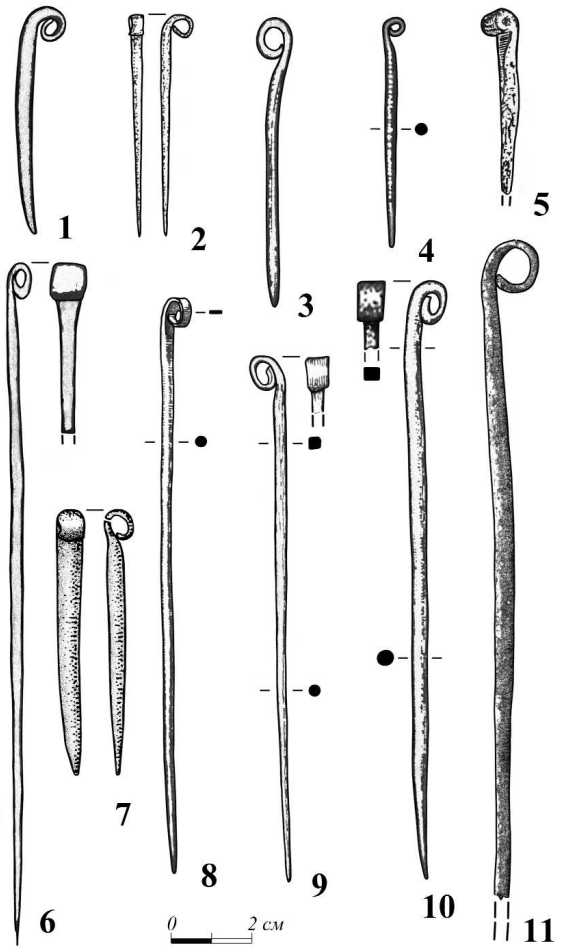

Рис. 3. Булавки с петельчатой головкой:
1 – Козинцы [по: Сікорський, Савчук 1971, рис. 2: 8]; 2 – Обухов [сообщение М.В. Квитницкого]; 3 – Солонцы [по: Тереножкин, 1964, рис. 1: 13]; 4 – Дикий Сад, Р-13, кв.14, средний слой [по: Горбенко, Гребенников, Смирнов 2011, рис. V: 5]; 5 – Ушкалка [по: Телегін, 1961, рис. 3: 15]; 6 – Цибли, Белое Озеро-1 [по: Роздобудько 2003, рис. 2: 20]; 7 – Чернянка, погребение 5 [по: Кубышев, Черняков 1986, рис. 4: 11]; 8 – Магала [по: Смирнова 1957/22, фото 10: 4]; 9 – Анатольевка [по: Погребова, Елагина 1962, рис. 4: 8]; 10 – Высшетарасовка-4 [по: Березанская, Шарафутдинова 1985, рис. 135: 10; Шарафутдинова 1987, рис. 2: 13]; 11 – Войцеховка, курган 6, погребение 2 [по: Гамченко 1924, фото 95].

Булавки с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы (Каталог)

АНАТОЛЬЕВКА (Николаевская область, Березанский район), поселение [сабатиновская культура] (рис. 1: 17). В 1959 г. Западноскифская экспедиция Института археологии АН СССР в раскопе I при расчистке остатков вымостки

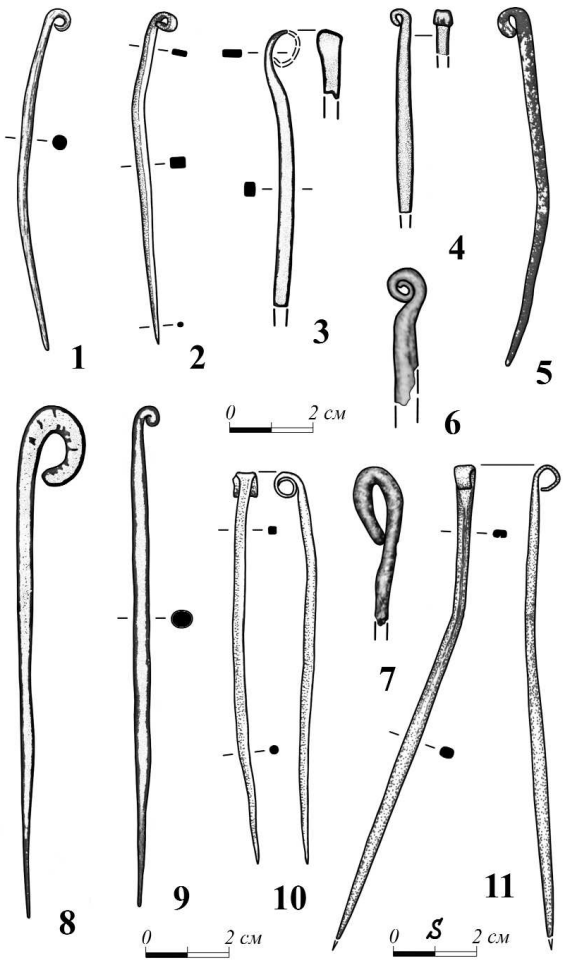

Рис. 4. Булавки с петельчатой головкой:
1 – Великая Андрусовка [по: Бокий, 1967/81, табл. XIII: 4]; 2 – Самовица-остров [по: Куштан 2013, рис.38: 22]; 3 – Новокиевка, жилище 2 [по: Geršković, 1999, s. 63, taf. 44: 1]; 4 – Козинцы [по: Сікорський, Савчук 1971, рис. 2: 10]; 5 – Островец, погребение 179 [по: Балагурі 1960/34а, табл. IX: 3]; 6 – Плавни-Будуржель, северное пятно, погребение 10 [по: Гудкова и др. 1980/7, с. 47, табл. XL: 1в]; 7 – Плавни-Будуржель, северное пятно, погребение 23 [по: Гудкова и др. 1981/1, табл. XI: 4]; 8 – Пустынка [по: Березанская 1974, рис. 42: 2]; 9 – Хортица, балка Липовая [по: Козачок 1991, рис. 7: 13]; 10 – Худяки, курган 1, погребение 4 [по: Куштан 2013, рис. 82: 15]; 11 – Ходосовка-Диброва [по: Лысенко 2010, рис. 7: 2].

к северу от помещения № 1 обнаружила булавку с кольцевидной головкой и *две булавки с петельчатыми головками.* Одна из последних (рис. 3: 9) сделана из круглой в сечении проволоки, квадратной в верхней части и расклёпанной в головке в узкую пластину (Погребова, Елагина 1962: 13–14, рис. 4: 8).

ВЕЛИКАЯ АНДРУСОВКА (Кировоградской область, Светловодский район), случайная находка [ТКК, белогрудовский горизонт?] (рис. 1: 15). Осенью 1967 г. в Кировоградский краеведческий музей поступили вещи, переданные школой села Великая (Большая) Андрусовка. Большинство их было вымыто прибоем Кременчугского моря и найдено учениками местной школы на побережье. Среди прочего была найдена *бронзовая булавка* в виде гвоздевидного стержня с расплющенной головкой и закрученной в трубочку, противоположный конец заострён; длина – 8,1 см (рис. 4: 1) (Бокий 1967/81: табл. XIII: 4).

ВИНОГРАДНЫЙ САД (Николаевская область, Доманёвский район), поселение [сабатиновская культура] (рис. 1: 16). И.Н. Шарафутдинова без каких-либо подробностей приводит изображение *булавки* с петельчатой головкой (Шарафутдинова 1987: 72, рис. 2: 11) (рис. 5: 9).

ВОЙЦЕХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК (Колодяжное-2) (Житомирская область, Романовский район, с. Колодяжное) (рис. 1: 1). Памятник расположен на левом берегу р. Случь между пгт Миро-

поль, с. Колодяжное Романовского района Житомирской области и с. Колосовка (бывшая Войцеховка) Полонского района Хмельницкой области. Раскопки могильника были начаты в 1924 г. С.С. Гамченко и продолжены в 1949 г. Е.Ф. Лагодовской. Всего было раскопано 16 курганов в группе 1 и один – в группе 2 (Гамченко 1924; Лагодовська 1948; Лагодовська, Захарук 1956).

Курган 2 (1924 г.), ***погребение 3*** [ТКК, комаровская культура]. Сохранность костяка плохая. Скелет лежал скорчено на правом боку, головой на восток. В перегное костей черепа-шеи найдена бронзовая булавка с петельчатой головкой, а неподалёку от неё – гривна со спиральными щитками; на фотографии в рукописи С.С. Гамченко (и в статье Е.Ф. Лагодовской) среди бронзовых украшений изображены ещё два многоспиральных браслета, не упомянутые в тексте автором раскопок. Длина булавки – 7,8 см, толщина проволоки – 2,5 мм (рис. 2: 4) (Гамченко 1924: 74, фото 92; Лагодовська 1948: 64, 70, рис. 2: 5).

Курган 6 (1924 г.), ***погребение 2*** [ТКК, комаровская культура]. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на СВВ, руки согнуты в локтях. Около черепа найдена бронзовая *булавка с петельчатой головкой*; к этому же скелету, видимо, относится и медная, двойной спирали, брошка, найденная выше и западнее на 2,14 м, которую оттянули корни. Длина булавки – 16,5 см, диаметр головки – 1,1 см (рис. 3: 11) (Гамченко 1924: 74, фото 95; Лагодовская, 1948: 68, 70, рис. 2: 4).

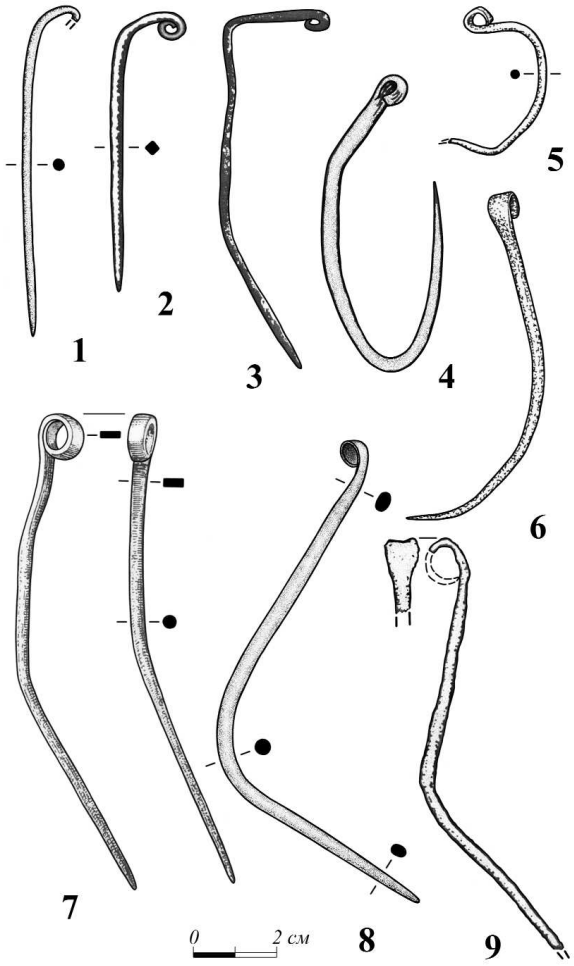

Рис. 5. Булавки с петельчатой головкой:
1 – Леськи-3б [по: Куштан 1999, рис. 12: 22];
2 – Дикий Сад, помещение 12 [по: Горбенко, Гребенников, Смирнов 2011, рис. IV: 6];
3 – Островец, поселение, раскоп II [по: Балагурі 1960/34а, табл. IX: 1]; 4 – Козинцы [по: Сікорський, Савчук 1971, рис. 2: 9]; 5 – Самовица-остров [по: Куштан 2013, рис. 38: 22]; 6 – Приднепровское (Мойсинцы) [по: Телегин и др., 1957/1е, табл. XX: 1]; 7 – Сандраки [по: Лагодовская 1954, рис. 3]; 8 – Дикий Сад, Р-18, кв.11, нижний слой [по: Горбенко, Гребенников 2007, с. 11];
9 – Виноградный Сад [по: Шарафутдинова 1987, рис. 2: 11].

ВЫСШЕТАРАСОВКА-4 (Верхнетарасовка) (Днепропетровская область, Никопольский район), случайная находка [сабатиновская культура?] (рис. 1: 21). Из сборов (А.В. Бодянского ?) происходит булавка с петельчатой головкой (рис. 3: 10) (Березанская, Шарафутдинова 1985: рис. 135: 10; Шарафутдинова 1987: рис. 2: 13) [прорисовка изделия в профиль взята из второго источника; разворот головки в фас и сечения стержня – из первого].

ДИКИЙ САД (Николаевская область, г. Николаев, ур. Дикий Сад), городище [белозёрская культура] (рис. 1: 27). Первые следы существования городища были зафиксированы в конце 1920-х годов Ф.Т. Каминским. В 1956 г. здесь проводит раскопки экспедиция кафедры археологии Киевского университета им. Т.Г. Шевченко. Регулярные исследования памятника начались в начале 1990-х годов под руководством Ю.С. Гребенникова и К.В. Горбенко и проводятся по настоящее время (Горбенко, Гребенников 2007: 3).

На территории городища найдены *три булавки с петельчатой головкой*:

1) в ***помещении 12*** (рис. 5: 2) (Горбенко, Гребенников, Смирнов 2011: рис. IV: 6);

2) на площадке вдоль рва цитадели (Р-18, квадрат 11, нижний слой) (Горбенко, Гребенников, Смирнов 2011: рис. IV: 7; Горбенко, Гребенников 2007: 11, фото «фибула») (рис. 5: 8);

3) Р-13, квадрат 14, средний слой (рис. 3: 4) (Горбенко, Гребенников, Смирнов 2011: рис. V: 5).

ДОРОГОЩА (Хмельницкая область, Изяславский район; бывшее село, затоплено водами пруда ХАЭС в 1986 г.), могильник (рис. 1: 2). В 1985 г. экспедиция Каменец-Подольского пединститута исследовала 6 курганов в зоне строительства водохранилища у с.Дорогоща.

Курган 1, погребение 3 (кремация) [ТКК, комаровская культура]. Зафиксировано в северо-западном секторе кургана (квадрат 5Д). Яма овальная в плане, 3 х 2,8 м, глубиной 0,9 м. В заполнении находились зола, уголь, песок, кости животных и кальцинированные кости человека. За пределами ямы, у ее юго-западной и юго-восточной сторон найдены по одному бронзовому, свернутому в 2,5 оборота браслету из тонкой пластины шириной до 3 мм, у северо-восточного края ямы найдены каменные орудия и бронзовая булавка с петлевидной головкой (рис. 2: 5) (Винокур, Гуцал, Мегей 1985/40: 8, рис. 20: 1–2; 1998: 434, рис. 6: 4).

КОЗИНЦЫ, ур. Загай (Киевская область, Переяслав-Хмельницкий район; затоплено), случайные находки [ТКК, поздняя сосницкая культура] (рис. 1: 10). В разное время в ур.Загай было найдено много изделий из бронзы эпохи поздней бронзы – раннего железного века. Среди них имеются три булавки с петельчатыми головками (рис. 3: 1; 4: 4; 5: 4) (Сікорський, Савчук 1971: рис.2: 8-10; Лисенко 1999: 121, рис. 3: 9–10), отнесенные С.С. Березанской к лебедовской культуре (Березанская 1976: рис. 2: 25–27).

ЛЕСЬКИ-3б (Черкасская область, Черкасский район), поселение [ТКК, белогрудовский горизонт?] (рис. 1: 12). Памятник расположен на низком песчаном мысу левого берега Днепра. Открыт в 1981 г. экспедицией «Славутич». Впоследствии был

повторно открыт М.П. Сиволапом и назван «Кучугуры-9». В 1990-е годы неоднократно обследовался А.В. Деткиным и Д.П. Куштаном. На памятнике собрано значительное количество обломков керамики белогрудовского, белозерского и бондарихинского типов. Найдено большое количество изделий из бронзы, в том числе две булавки с петельчатой головкой (у одной конец петли отломан) (рис. 2: 10; 5: 1) (Куштан 1999: рис. 12: 22; 2003: 155, рис. 4: 4; 2013: рис. 37: 30).

МАГАЛА (Черновицкая область, Новоселицкий район), поселение (рис. 1: 6). Памятник был открыт в 1953 г. сотрудником Черновицкого музея Б.А. Тимощуком. В 1955–1957, 1959, 1962, 1968 гг. на поселении были проведены раскопки Западно-Украинской экспедицией Государственного Эрмитажа (Г.И. Смирнова). Первоначально на памятнике было выделено три горизонта – нижний, средний и верхний (Смирнова 1969). Однако после того, как в 1968 г. здесь был выявлен ещё один горизонт, самый древний, относящийся к комаровской культуре, Г.И. Смирновой были введены новые понятия – Магала I, II, III, IV, где Магала I соответствует комаровской стоянке, Магала II – поселению культуры Ноа, Магала III и IV – раннему и развитому этапам развития культуры Гава-Голиграды (Смирнова 1976: 120).

В слое горизонта **Магала I** (ТКК, комаровская культура) в 1968 г. была найдена одна *булавка с петлевидной головкой* (рис. 2: 11) (Смирнова 1968/33: 13, табл. XXIII: 10; Смирнова, 1976: 120, рис. 2: 5) [изображение приводится по прорисовке в отчёте].

Из зольника 3 горизонта **Магала II** (культура Ноа) происходят по крайней мере две *булавки с петельчатой головкой*, изображения которых приведены на иллюстрациях в отчётах о раскопках. Одна из них была обнаружена в 1957 г. (рис. 3: 8) (Смирнова 1957/22: фото 10: 4), другая – в 1968 г. (Смирнова 1968/33: 13, табл. XXIII: 1: 9; Балагури 1985: рис. 131: 16) (рис. 2: 9). Точное количество найденных на памятнике булавок этого типа нам установить не удалось, однако в отчётах присутствуют следующие описания: «множество булавок с расплющенным концом, свёрнутым в трубочку» (Смирнова 1957/22: 4), «много <…> бронзовых булавок со свёрнутой в петлю головкой» (Смирнова 1968/33: 13).

НОВОКИЕВКА (Херсонская область, Каланчакский район), поселение [сабатиновская культура] (рис. 1: 19). Раскопки на памятнике были проведены в 1981 г. Новокиевским отрядом Краснознаменской новостроечной экспедиции (Евдокимов, Поруцкий, Гершкович 1981/21; Гершкович, Клочко, Евдокимов 1987).

Жилище 2. В скоплении у очага № 2 была найдена бронзовая *булавка с петлевидной головкой* (рис. 4: 3). Стержень булавки подпрямоугольный в сечении; конец отломан. Головка (фрагментированная) была расклёпана и свёрнута в трубочку (Евдокимов, Поруцкий, Гершкович 1981/21: 134, табл. 158: 9; Gerškovič 1999: 63, taf. 44: 1).

ОБУХОВ (Киевская область, Обуховский район), поселение [ТКК, белогрудовский горизонт?] (рис. 1: 9). Во время охранных исследований в шурфе вместе с фрагментами керамики белогрудовского типа была найдена *булавка* с расклёпанной петлевидной головкой (сообщение М.В.Квитницкого) (рис. 3: 2).

ОСТРОВЕЦ (Ивано-Франковская область, Городенковский район), грунтовый могильник [культура Ноа] (рис. 1: 7). В 1958–1960 гг. Э.А. Балагури исследовал 183 погребения.

Погребение 2. В овальной яме на левом боку лежал скорченный костяк, головой на северо-запад. Руки подогнуты в локтях, ладонями кверху; ноги сильно согнуты в коленях. Череп сильно потрескавшийся, кости рук (кистей?) и стоп не сохранились. Сохранность костяка плохая. У левого плеча находилась вбитая в землю *бронзовая булавка* со сломанным концом, изготовленная из круглой проволоки, расклепанной и согнутой в трубочку головкой. Длина обломка – 5,4 см, максимальная ширина головки – 1 см (Балагурі 1958/32: 4).

Погребение 23. На глубине 0,7 м от СП на правом боку лежал костяк, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, ладонями перед лицом. Ноги сильно подогнуты в коленях. Кости ладоней и стоп не сохранились. На шее костяка лежала бронзовая *булавка* с головкой, завитой в трубку, заходящая острым концом под подбородок. Длина булавки – 10 см, толщина – 3 мм, ширина головки – 3 мм (Балагурі 1958/32: 16–17).

Погребение 120. На глубине 0,35 м от СП найдено погребение, скорченное на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Руки согнуты в локтях, ладонями перед лицом. Ноги подогнуты коленями вверх; стопы не сохранились. Возле пальцев правой руки лежала бронзовая *булавка* с закрученной в трубочку головкой (рис. 2: 2). Длина булавки – 8,5 см, диаметр трубки – 5 мм (Балагурі 1959/27: 34–35, табл. II: 5; Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2027; табл. XL: 5).

Погребение 133. Найдены останки скорченного на правом боку костяка (женщина?), ориентированного головой на северо-запад. Скелет был без головы. Руки и кости ребер лежали не в анатомическом порядке. Ноги скорчены в коленях и подняты вверх до уровня таза, стопами направлены вниз. Возле пальцев левой руки найден перстень, сделанный из бронзовой пластинки. На груди скелета лежала бронзовая иголка со следами отломанной головки. Немного ниже этой головки находилась бронзовая *булавка* со свёрнутой в трубочку головкой (рис. 2: 3). Длина – 9,8 см, диаметр трубки – 4 мм (Балагурі 1959/27: табл. II: 3; Черных 1976: 126, 274-275, ан. 2031; табл. XL: 8).

Погребение 179. Скорченное на правом боку погребение женщины (возраст до 25 лет), ориентированное головой на север. Руки согнуты в локтях и подняты ладонями вверх перед лицом. Ноги подогнуты коленями вверх, стопами направлены вниз. В конце локтевой кости правой руки находилась бронзовая *булавка*, направленная перпендикулярно лбу, головкой к черепу. *Булавка* изготовлена из круглой проволоки, головка расклёпана и свита в трубочку, длина – 8,5 см (рис. 4: 5) (Балагурі 1960/34а: 13, табл. IX: 3; Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2029; табл. XL: 9).

Ещё несколько булавок с петельчатой головкой происходят из культурного слоя могильника:

1) квадрат **Г/17** (Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2025; табл. XL: 15);

2) квадрат **Ж/7** (Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2181);

3) квадрат **О/40** (Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2024; табл. XL: 13);

4) квадрат **С/23** (Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2030; табл. XL: 6);

5) квадрат **Ф/50** на гл.0,5 м от СП найдена бронзовая булавка с завернутой в трубочку головкой (рис. 2: 1). Длина – 8,5 см, диаметр – 3,6 мм (Балагурі, 1959/27, с. 62, 69, табл. II: 6; Крушельницкая 1990, рис. 31: 6; Черных 1976, с. 126, 274–275, ан. 2026; табл. XL: 11);

6) раскоп II (Черных 1976: 126, 274–275, ан. 2028; табл. XL: 14).

ОСТРОВЕЦ, ур. Олеччина (Ивано-Франковская область, Городенковский район), поселение [культура Ноа] (рис. 1: 7). В 1960 г. Днестрянская археологическая экспедиция Института общественных наук АН УССР проводила раскопки зольника позднебронзового времени в ур. Олеччина (Балагурі 1960/34а).

Раскоп II. Кроме керамики на раскопе были обнаружены: обломок бронзового браслета открытого типа с зауженными концами, бронзовые булавка с петельчатым (боковым) ушком, булавка с расклёпанной головкой, бронзовая *булавка с завёрнутой в трубку головкой* (рис. 5: 3) (Балагурі 1960/34а, т. 2: 13, табл. IX: 1).

ПЛАВНИ, Будуржель (Одесская обл, Ренийский район, с.Плавни, оз.Будуржель), могильник [белозёрская культура] (рис. 1: 23). В 1979–1982 годах Измаильской новостроечной экспедицией ИА АН УССР между озёрами Ялпуг и Кагул у сёл Плавни, Новосельское и Нагорное было раскопано 27 курганов, содержавших погребения разных эпох (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985). В южной части курганного могильника был исследован грунтовый могильник белозёрской культуры (в полевой документации – «курганы 14, 19, 22») (Гудкова и др. 1980/7; 1981/1; Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 71–83). Булавки с петельчатой головкой были обнаружены в погребениях «северного пятна» могильника (в полевой документации – «курган 22»).

Северное пятно, погребение 10 (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 79–80, рис. 32: 11). Прямоугольная в плане яма размерами 1,6 х 0,9 м имела глубину 1,2 м. В суглинистом заполнении периодически и повсеместно встречались кусочки древесного угля. Костяк лежал на «животе» с поворотом вправо, головой на юго-восток. Правая рука согнута в локте и кистью поднесена к лицевой части. Перед лицевой частью находился сосуд рюмковидной формы. Среди костей грудной клетки найдены пронизи, 57 округлых плоских бусин бирюзового цвета, обломок *булавки с петельчатой головкой* (рис. 4: 6) (Гудкова и др. 1980/7: 47, табл. XL: 1в). Изделие сильно корродировано; прорисовка выполнена по фотографии из отчёта. Ранее были опубликованы схематические изображения булавки, искажающие её пропорции (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 79–80 рис. 36: 2; Ванчугов 1990: рис. 37: 16)].

Северное пятно, погребение 13. Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на ЮЮЗ. Кисти рук – у лица. В придонной части ямы обнаружена бронзовая пронизка. Среди костей грудной клетки найдены 14 круглых плоских бусин из бирюзового стекла (часть в обломках), подвеска из зуба животного, *заколка из бронзы с загнутым ушком* длиной 6,2 см (видимо, булавка с петельчатой головкой). В заполнении черепа обнаружено бронзовое кольцо с несомкнутыми концами (Гудкова и др. 1980/7: табл. XLI: 2в).

Северное пятно, погребение 23 (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 83, рис. 34: 4). Яма в плане прямоугольной формы размерами 1,7 х 1,4 имела глубину 2 м. Засыпка состояла из смеси чернозема и суглинка. Костяк лежал на спине (?) (обе половинки таза повернуты плашмя) головой на юг. Ноги уложены влево. Руки согнуты в локтях и соединяются кистями. Кости погребенного покрыты мелом. Слева от черепа стоял кубок с высокой горловиной. Среди шейных позвонков найдена 31 бусина из стекла и обломок *посоховидной булавки* (рис. 4: 7) (Гудкова и др. 1981/1: табл. XI: 4; Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: рис. 36: 4; Ванчугов 1990: рис. 37: 17).

ПРИДНЕПРОВСКОЕ, ур. Рудьки (Черкасская область, Чернобаевский район, б. Мойсинцы), развеянный могильник с кремациями [ТКК, поздняя сосницкая культура] (рис. 1: 14). Расположен к востоку от села в 200 м от коренного берега Днепра, на развеянной дюне площадью 800 х 600 м. Во многих местах встречаются кальцинированные кости, зольные пятна, керамика заключительного этапа периода поздней бронзы. Вблизи некоторых скоплений найдены бронзовые изделия, в том числе *булавка с петельчатой головкой* (рис. 5: 6) (Телегин, Махно, Шарафутдинова 1957/1-е: 34–36, рис. XX: 1).

ПУСТЫНКА (Черниговская область, Черниговский район), поселение [ТКК, сосницкая культура] (рис. 1: 3). Поселение было открыто в 1963 г. В.И. Митрофановой (во время работ Киевской новостроечной экспедиции) благодаря военной траншее, перерезавшей одно из жилищ. Раскопки, начатые в тот же год, велись на протяжении пяти сезонов (Березанская 1974: 9–12).

В культурном слое за пределами жилища 3 обнаружена *булавка*, изготовленная из круглой в сечении проволоки, толщиной 0,7 см, конец заострён, головка имеет вид петельки диаметром 1,2 см. Проволока на головке слегка расплющена. Общая длина булавки – 11,2 см (рис. 4: 8) (Березанская 1974: рис. 42: 2)

САМОВИЦА, Остров-1 (Черкасская область, Чернобаевский район; затоплено), поселение [ТКК, белогрудовский горизонт?] (рис. 1: 13). На размывах Кременчугского водохранилища найдены: калачиковидная подвеска, проволочное кольцо с заходящими концами, *две булавки* с петельчатой головкой (рис. 5: 5) (Куштан 1999; Куштан 2013: рис. 38: 22).

САНДРАКИ ур. Пагурок (Винницкая область, Хмельницкий район; ныне – с. Широкая Гребля), поселение [ТКК, белогрудовский горизонт] (рис. 1: 8). В 1949–1950 гг. Верхнебужская археологическая экспедиция проводила раскопки многослойного поселения в с. Сандраки. На поселении зафиксированы позднетрипольский, позднебронзовый (белогрудовский) и позднесредневековый слои. Материалы ранней бронзы, скифского времени и другие были эпизодичны. В 1948 г. при осмотре Пагурка трипольской экспедицией Т.С. Пассек была найдена *булавка с петельчатой головкой*. Длина – около 11,5 см. Стержень круглый в сечении, изогнутый, в верхней части раскован (рис. 5: 7) (Лагодовская 1954: 139, рис. 3; Черных 1976: 126, 280, ан. 2474, табл. XL: 7).

СОЛОНЦЫ (Херсонская область, Цюрупинский район), условный клад [сабатиновская культура] (рис. 1: 18). В 1962 г. в с. Солонцы местными рабочими на песчаном бугре случайно были открыты металлические изделия. Вызванный сотрудник Херсонского музея установил, что находки происходят скорее всего из одного места и предположительно связаны с древним погребением или погребениями. А.И. Тереножкин характеризовал находку как инвентарь двойного погребения (Тереножкин 1964). Е.Н. Черных рассматривает этот материал в качестве условного комплекса (клада) (Черных 1976: 38).

Полная коллекция Солонецкого условного комплекса содержит 19 предметов, в т.ч. булавку с кольцевидной головкой, соединённую кольцами с двумя секировидными подвесками, небольшую бляху-пуговицу, *булавку с петельчатой головкой* (рис. 3:

3). Головка булавки свёрнута в колечко и, видимо, не расплющена. Длина булавки – 7 см (Тереножкин 1964: 204, рис. 1: 13; Черных 1976: 126, 264, ан. 7300; табл. XL: 10).

СТЕПНОЙ (Запорожская область, Каменко-Днепровский район, совхоз), курганный могильник (рис. 1: 26). В 1972 г. на землях совхоза «Степной» производились раскопки трёх курганных групп. Исследовано 19 курганов (Отрощенко 1972/36б).

Курганая группа 1, курган 5, погребение 2 [белозёрская культура]. Умерший лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЮЗ. Правая кисть перед лицом. Левая – под тупым углом выброшена вперёд. Пятки подведены к тазу. На левую руку был надет бронзовый браслет, а под ним лежала *бронзовая булавка*. Здесь же найдена стеклянная глазчатая бусина. Ещё две бусины (цилиндрические костяные) найдены возле черепа. Булавка с петельчатой головкой; толстый конец стержня расклёпан и свёрнут в трубочку, образуя головку булавки (рис. 2: 8). Длина – 11 см, диаметр головки – 0,6 см, диаметр стержня – 0,35 см (Отрощенко 1972/36б: 13–15, табл. VII: 3).

УШКАЛКА (Херсонская область, Верхне-Рогачинский район), поселение [сабатиновская культура] (рис. 1: 20). Памятник исследован в 1953–1954 гг. Д.Я. Телегиным; в 1955 г. раскопки были продолжены А.А. Ильинской. Зафиксировано два слоя: нижний (сабатиновский) и верхний (белозёрский), разделённые слоем намытой глины. Нижний слой представляет собой большой зольник толщиной до 0,6 м и площадью около 0,5 га. Среди находок в золистом слое сабатиновского времени была обнаружена *булавка с петельчатой головкой* (рис. 3: 5) (Телегін 1961: 4, 9, рис. 3: 15).

ХОДОСОВКА, ур. Диброва (Киевская область, Киево-Святошинский район), поселение [ТКК, сосницкая культура] (рис. 1: 4). Памятник в южной части ур. Диброва между селами Ходосовка и Лесники Киево-Святошинского района Киевской области был открыт в 1950 г. В.Н. Даниленко в ходе работ экспедиции «Большой Киев». Эпизодические раскопки тут проводились в 1955, 1960, 1966, 1969 гг. В 1988–1989 гг. раскопки в южной части ур.Диброва проводит отряд Среднеднепровской славянской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Н.С. Абашиной. В 2003-2007 гг. раскопки в урочище были возобновлены Северной экспедицией ИА НАНУ (Абашина, Лысенко 2010: 243; Лысенко 2010а: рис. 7: 2).

Яма 19 (1988 г.) расположена в западной части раскопа А (1988 г.), в квадратах З-И/14-15. Подокруглая в плане, стенки отвесные. Размеры верхнего контура – 1,5 х 1,35 м; опущена с уровня 0,4 м, глубина – 0,3 м. На дне ямы найдена *бронзовая булавка* с петельчатой головкой (Абашина 1988/12: рис. 20: 7; Абашина, Лысенко 2010: рис. 10: 5; Лысенко 2010а: рис. 7: 5). Стержень изогнут в верхней части под углом 162°; кончик острия обломан. Длина сохранившейся части в изогнутом состоянии – 118 мм. Сечение стержня подпрямоугольное со скруглёнными углами, до 3,5 х 3 мм. Верхняя часть стержня расклёпана и свёрнута в трубочку. Диаметр головки – 6 мм; ширина головки – до 5 мм; толщина пластины – 1 мм (рис. 4: 11).

ХОРТИЦА, балка Липовая, западный склон (г. Запорожье, о. Хортица), поселение [сабатиновская культура] (рис. 1: 22). В 1987–1988 гг. археологической экспедицией «Государственного историко-культурного заповедника на о. Хортица» на

памятнике были проведены охранные раскопки (Н.Л. Козачок) (Козачок, 1991, с. 87, 89). Изделия из бронзы представлены *булавкой* со спиралевидной (петельчатой) головкой (рис. 4: 9) и долотом с черешком, обнаруженными в нижнем слое поселения (Козачок 1991: 89, рис. 7: 13).

ХУДЯКИ (Черкасская область, Черкасский район), курган (рис. 1: 5). В 1994 г. М.П. Сиволап исследовал в кургане, возведенном над погребением ямной культуры, несколько погребений эпохи поздней бронзы.

Курган 1, погребение 4 [ТКК, комаровская культура?]. Погребение совершено в яме, над которой прослежен прокал кострища. Скелет лежал скорченно на левом боку. Рядом со скелетом стояла миниатюрная глубокая коническая мисочка, имевшая плохой обжиг и тесто без видимых примесей. На груди обнаружена (судя по чертежу, она лежит на запястье левой руки, головкой к шее) бронзовая *булавка* с расклёпанной петельчатой головкой, закрученной в ушко, и 2 пластинчатых пронизки. Длина булавки – 7,7 см, диаметр ушка – 0,6 см, диаметр сечения – 0,3 см (рис. 4: 10) (Куштан 1999; Куштан 2013: рис. 82: 15).

ЦЫБЛИ, Белое Озеро-1 (Киевская область, Переяслав-Хмельницкий район), поселение [ТКК, белогрудовский горизонт?] (рис. 1: 11). На размывах Каневского водохранилища была найдена «медная ***булавка*** с расклепанной, загнутой в петлю головкой» (рис. 3: 6) (Роздобудько 2003: 36, рис. 2: 20).

ЧЕРНЯНКА (Херсонская область, Каховский район), грунтовый могильник [белозёрская культура] (рис. 1: 25). В 1979 г. Херсонская новостроечная экспедиция ИА АН УССР при исследовании курганного могильника эпохи бронзы и скифского времени у с. Чернянка открыла грунтовый могильник белозёрского времени (Кубышев, Черняков 1986: 139). Обнаружено 24 погребения.

Погребение 5. (Кубышев, Черняков 1986: 152, рис. 2: 5). Костяк сильно разрушен (землероями?). Череп и руки отсутствуют. По сохранившимся in situ тазу и костям ног положение реконструируется как скорченное на левом боку, головой на юг. У южной стенки ямы (в районе несохранившейся головы скелета) найдена бронзовая *булавка* в виде заострённого с одного конца острия, другой конец которого расплющен и загнут в петельку. Длина – 6,2 см, сечение – 0,4 см (рис. 3: 7) (Кубышев и др. 1979/32: 109, табл. 57: 5; Кубышев, Черняков 1986: рис. 4: 11). На наш взгляд, стержень на прорисовке булавки в публикации неправдоподобно утолщён.

ШИРОКОЕ (Херсонская область, Скадовский район), грунтовый могильник [белозёрская культура] (рис. 1: 24). В 1961 г., в связи со строительством Краснознаменской оросительной системы, начались исследования нескольких курганных групп. На северном берегу магистрального канала были зафиксированы два маленьких курганчика, едва возвышающиеся на местности (курган № 1 и № 2). В ходе раскопок выяснилось, что курганы были насыпаны в скифское время поверх грунтового могильника более раннего периода. Всего на Широчанском некрополе открыто в 1961–1965 гг. 128 погребений, 8 из которых были перекрыты насыпями курганов № 1 и № 2 (Лесков 1961-63/4б: 64).

Курган 2, погребение 3. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на ЮЮВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги, согнутые в коленях под-

тянуты к локтевым костям. Возле стенки ямы лежала бронзовая цилиндрическая бусина. На ушных костях лежали бронзовые серьги-кольца. Возле шейных позвонков найдена бронзовая *булавка* со свёрнутой головкой (рис. 2: 6). Возле пяточной кости оказалась сердоликовая бусина (Лесков 1961-63/4б: 5; Черных 1976: 126, 278–279, ан. 7813; табл. XL: 12).

Погребение 107. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на ЮЮВ. Руки направлены к лицу. В насыпи ямы найдено бронзовое кольцо, второе такое же кольцо лежало на левом виске. В области шеи обнаружена бронзовая *булавка* с круглым в сечении стержнем, расплющенной свёрнутой головкой и заострённым краем (рис. 2: 7). Длина булавки – 8,2 см (Лесков, 1961-63/4б: 56; Черных 1976: 126, 278–279, ан. 4538; табл. XL: 3–4).

Литература

Абашина Н.С. 1988. Отчет о раскопках поселения в ур. Диброва у с. Ходосовка в 1988 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1988/12-в.

Абашина Н.С., Лысенко С.Д. 2010. Поселение тштинецкой культуры Ходосовка-Диброва на Киевщине (по результатам исследований 1988–1989 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў. Минск.

Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1985. Курганы у села Плавни в Низовьях Дуная. Одесса.

Балагурі Е.А. 1958. Звіт про розкопки могильника пізньобронзового часу біля с. Островець Станіславської області у 1958 р. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1958/32.

Балагурі Е.А. 1959. Звіт про розкопки могильника пізньобронзового часу біля с. Островець Станіславської області у 1959 р. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1959/27.

Балагурі Е.А. 1960. Звіти про розкопки на поселенні та могильнику в с. Островець Гвоздецького району Станіславської області // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1960/34а.

Балагури Э.А. 1985. Культура Ноа // Археология Украинской ССР. Том 1. Киев.

Балагури Э.А. 2001. Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы. Ужгород.

Бандрівський М. 2002. Могильник в Петрикові біля Тернополя в контексті поховального обряду висоцької культури. Львів.

Березанская С.С. 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.

Березанская С.С. 1974. Пустынка – поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев.

Березанская С.С. 1976. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Березанская С.С., Шарафутдинова И.Н. 1985. Сабатиновская культура // Археология Украинской ССР. Том 1. Киев.

Бокий Н.М. 1967. Отчет об археологических исследованиях в Кировоградской области, проведенных Кировоградским краеведческим музеем в 1967 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1967/81.

Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозерской культуры. Киев.

Ванчугов В.П. 2008. Древнейшие фибулы Северного Причерноморья // Pontika 2006: Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Krakow.

Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1989. Васильевский курганный могильник белозёрской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степного Поднестровья и Подунавья. Киев.

Винокур И.С., Гуцал А.Ф., Мегей В.Ф. 1985. Отчет о раскопках группы курганов у с.Дорогоща (на территории будущего водохранилища-охладителя Хмельницкой атомной электростанции) // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1985/40.

Винокур Й., Гуцал А., Мегей В. 1998. Дослідження курганів доби бронзи в селі Дорогоща на Волині // Записки наукового товариства імені Шевченка. Том CCXXXV. Львів.

Гамченко С.С. 1924. Раскопки 1924 г. на Волыни Сергея Гамченка // Научный архив Института археологии НАН Украины. Фонд Гамченко, № 46–48.

Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья // Советская археология. № 2.

Горбенко К.В., Гребенников Ю.С. 2007. «Дикий Сад», археологический памятник XIII–IX вв. до н.э. – ровесник Трои! Николаев.

Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Смирнов А.И. 2011. Степная Троя Николаевщины. Издание второе, дополненное. Николаев.

Гудкова и др. 1980. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1980 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1980/7.

Гудкова и др. 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1981 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1981/1.

Гудкова и др. 1991. Гудкова А.В. Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. Археологические памятники Одесской области. Одесса.

Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп). Кишинев.

Евдокимов Г.Л., Поруцкий А.Г., Гершкович Я.П. 1981. Отчёт о раскопках курганов и поселения Краснознаменской новостроечной экспедицией в Херсонской обл. в 1981 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1981/21.

Ільчишин В.В. 2015. Дослідження могильника та поселення висоцької культури на Львівщині // Археологічні відкриття в Україні 2014. Київ.

Ільчишин В.В. 2016. Комарівський горизонт багатошарового курганного могильника Кордишів VIII на Шумщині. Матеріали і дослідження с археології Прикарпаття і Волині, 20, с. 259–272.

Ільчишин В., Гошко Т. 2008. Могильник висоцької культури біля с. Мильне на Тернопільщині // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип. 11. Львів.

Канивец В.И. 1952. Отчет о разведочных раскопках у с. Погребы Броварского района Киевской области в 1952 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 952/15а.

Козачок Н.Л. 1991. Памятники эпохи бронзы на о.Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. II. Запорожье.

Козенкова В.И. 1989. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва.

Крушельницька Л.І. 1970. Звіт про роботу західнобузьської археологічної експедиції у 1970 році // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1970/78.

Крушельницька Л.І. 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ

Крушельницкая Л.И. 1990. Культура Ноа // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев.

Кубышев А.И. и др. 1979. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Гошко Т.Ю., Марченко И.Л., Сердюков В.В. Отчёт о раскопках Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства орошаемых участков Каховской оросительной системы в Херсонской области в 1979 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1979/32.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. 1986. Грунтовой могильник белозёрской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.) // Советская археология. № 3.

Куштан Д.П. 1999. Черкаське Подніпров'я в епоху пізньої бронзи. Дипломна робота студента VI курсу історичного факультету Київського університету ім. Т.Г. Шевченко // Кафедра археології та музеєзнавства Київського університету ім. Т. Шевченка.

Куштан Д.П. 2003. Нові знахідки бронзових виробів із Середнього Подніпров'я // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ.

Куштан Д.П. 2013. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. – Археологічний альманах, № 29. Донецьк.

Лагодовська О.Ф. 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. Археологія. Том II. Київ.

Лагодовская О.Ф. 1954. Поселення пізньої бронзи в с. Сандраки // Археологія. Том IX. Київ.

Лагодовська О.Ф., Захарук Ю.М. 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника. Археологічні пам'ятки УРСР. Том VI. Київ.

Лесков А.М. 1963. Отчёт о раскопках грунтового могильника эпохи поздней бронзы у с. Широкое Херсонской области в 1961–63 гг. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1961-63/4б.

Лисенко С.Д. 1999. До реконструкції жіночого вбрання стародавнього населення краю доби бронзи (за матеріалами розкопок могильника Малополовецьке-3) // Фастівський державний краєзнавчий музей. Прес-музей. № 8–9. Фастів.

Лисенко С.Д. 1999а. Комплекс знахідок доби бронзи біля села Козинці на Київщині // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. Вип.3. Київ.

Лысенко С.Д. 2010. Новые памятники милоградской культуры на Киевщине // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Матеріали та дослідження. До 75-річчя від дня народження Надії Михайлівни Кравченко. Прес-музей, № 26–27 (за 2007 р.). Фастів.

Лысенко С.Д. 2010а. Материалы тшинецкого культурного круга с поселения Ходосовка-Диброва (из исследований 1988–1989 гг.) // Археологія і давня історія України. – Вип. 3. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали та дослідження. Київ.

Лысенко С.Д. 2017. Юго-восточные и южные контакты культур тшинецкого культурного круга // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Вып. 3. Одесса.

Лысенко С.Д. 2017а. Тшинецкий культурный круг – связующее звено между Балтийским и Черноморским регионами в эпоху поздней бронзы (2 тыс. до н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. IX. Москва, Тюмень, Нижневартовск.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2018. Случайные находки материалов эпохи поздней бронзы на Левобережье Нижнего Днестра // Емінак. Матеріали Міжнародної наукової конференції «Археологія Східної Європи в первісну добу». Миколаїв.

Лысенко С.Д. и др. 2005. Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Диденко С.В., Якубенко Е.А. Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века из фондов Национального музея истории Украины // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: до 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ – Фастів.

Лысенко С.Д. и др. 2016. Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Лысенко С.С., Синика В.С. Новые находки металлических изделий эпохи бронзы у с. Терновка Слободзейского района // Interactions, changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Kishinev.

Лысенко С.С. 2004. Булавки с кольцевидной головкой с территории Украины. Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вып. 2. Луганськ.

Лысенко С.С. 2012. Реконструкция погребального убранства бронзового века // Археологічні дослідження на Київщині. Матеріали І обласної наукової конференції 24–25 жовтня 2011 року. Трипілля.

Лысенко С.С. 2018. Булавки с пластинчатой головкой эпохи поздней бронзы с территории Украины // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинёв – Тирасполь.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. 2015. Новый клад комаровской культуры на Киевщине // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13. Одесса.

Отрощенко В.В. 1972. Отчёт о работе отряда Запорожской постоянно действующей экспедиции за 1972 год // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1972/36б.

Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э // Свод археологических источников. Вып. Д4-5. Москва.

Погребова Н.Н., Елагина Н.И. 1962. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году. Краткие соощения Института археологии. Вып. 89. 1962.

Роздобудько М.В. 2003. Матеріали передскіфського та раньоскіфського часу з багатошарового поселення Біле Озеро 1 на лівому березі Середнього Дніпра // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002. Київ.

Рындина Н.В., Дегтярёва А.Д. 2002. Энеолит и бронзовый век. Москва.

Светличная Е.В. 1996. О связях населения Бельского городища и Днепровского левобережья с лужицко-высоцкими племенами // Більське городище в контексті вивчення пам'яток ранього залізного віку Європи. Полтава.

Сікорський М.І., Савчук А.П. 1971. Знахідки в с.Козинці Переяслав-Хмельницького району // Археологія, № 4. Київ.

Смирнова Г.И. 1957. Экспедиционный отчёт о раскопках поселения возле с.Магала Черновицкой области // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1957/22.

Смирнова Г.И. 1968. Отчёт о работе Западноукраинской экспедиции за 1968 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1968/33.

Смирнова Г.И. 1969. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.е.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Москва.

Смирнова Г.И. 1976. Магала-I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Телегін Д.Я. 1961. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я // Археологія. Том XII. Київ.

Телегин Д.Я., Махно Е.В., Шарафутдинова И.Н. 1957. Отчет о разведках и раскопках в Золотоношском и Ирклиевском районах Черкасской области // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1957/1-е.

Тереножкин А.И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

Тереножкин А.И. 1964. Погребение бронзового века у с. Солонцы Херсонской области // Археологія. Том XVI. Київ.

Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.

Черных Е.Н. 1976. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. Москва.

Шарафутдинова И.Н. 1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры (к вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Dąbrowski I. 1972. Powiazania Ziem polskich z terenami wschodnimi w epoce brazu. Wroclaw, Warchawa, Kraków, Gdansk.

Gardawski A. 1979. Kultura łużycka na Górnym Śląsku i w Malopolsce zachodniej // Prahistoria ziem polskich. Tom 4. Wroclaw, Warczawa, Kraków, Gdansk.

Gediga B. 1978. Starszy okres epoki brązu na zachodnich zachodnich ziemiach polskich w zasięgu «kultury przedłużyckiej» // Prahistoria ziem polskich. Tom 3: Wczesna epoka brązu. Wroclaw, Warczawa, Gdansk.

Gerškovič Ja. 1999. Studien zur spetbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westkuste des Azovschen Meeres // Archeologie in Eurazien. Band 7. Rachden/Westf.

Laux F. 1976. Die Nadeln in Niedersachsen. Prahistoriche Bronzefunde. Ab. XIII, Band 4. München.

Machnik J. 1978. Wczesny okres epoki bránzu // Prahistoria ziem polskich. – T. 3: Wczesna epoka brązu. Wroclaw, Warczawa, Gdansk.

Miњkiewicz J. 1978. Kultura Trzciniecka // Prahistoria ziem polskich. Tom 3: Wczesna epoka br№zu. Wroclaw, Warczawa, Gdansk.

Mozsolics A. 1967. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest.

Mozsolics A. 1973. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti

Petrescu-Dîmboviţa M. 1978. Die Sicheln in Rumanien mit Corpus der jung- und spatbronzezeitlichen Horte Rumaniens. Prähistorische bronzefunde. Ab. XVIII, Band 1. – München.

Sulimirski T. 1931. Kultura wysocka. Krakow.

Summary

Pins with a looped head are one of the most common type of pins in the Late Bronze Age in the North Black Sea region. This type of adornments includes pins, the upper part of the rod of which is rolled into a loop in less than two turns. The pins have two variants: 1) with a head rolled into a ring (rounded or quadrangular in cross section), and 2) with a riveted head rolled into a tube.

About 50 pins with a looped head of the Late Bronze Age are known in Ukraine. They were found on the sites of the Tshinets cultural community (Galician, Volyn, Kiev-Cherkasy, Kiev-Zhytomyr, Sosnitsa groups), the cultural circle of Noua-Sabatinovka, in the western area of Belozerka culture. Mapping of these pins shows their distribution in the Middle and Lower Dnieper region, in the Dniester and Prut basins, in Volyn, in Podolia, in the North-West Black Sea region. Such pins appear no later than the 15th c. BC in the Komarov culture of the Tshinets cultural circle and in the final period of the Late Bronze Age were widely distributed on the sites of the Belogrudovka horizon and in the Belozerka culture (12th-11th cc. BC). Pins with a looped head in the period of the final bronze / late pre-Scythian period are known on the sites of the advanced stage of the Chernoles culture, in the Wysocko and Lusatian cultures. This type of adornments lives to the Scythian time, preserving at the new historical stage remnants of local cultural traditions.

The different nature of the rod bending of pins with a looped head probably reflects different ways of fastening them.

С.М. Агульников

Погребение позднего бронзового века в кургане № 1 у с. Брынзений-Ной (о культурно-историческом блоке Ноуа-Сабатиновка)

В 2013 году экспедиция в составе сотрудников Национального Агентства Археологии Молдовы и Института Культурного Наследия АН РМ проводила охранные археологические исследования в зоне реконструкции автомобильной магистрали Саратень – Сорока у с. Брынзений–Ной Теленештского р-на р. Молдова (Agulnicov, Mistreanu, Popovici 2014: 203–216). Курган 1 располагался на ЮЗ окраине села с правой стороны от а/д Саратень – Сороки на 72 км трассы и в 50 м от к В от крайних домов села. Природно-географическая зона, в которой располагался курган, представляла возвышенное плато правого берега р. Реут, территориально входившее в Днестровско-Реутскую возвышенность (Рис.1). Данная местность характеризуется расчлененным рельефом с высотами от 250 до 350 м по обоим берегам Реута в среднем течении (Рымбу 1982: 110–111). Следует отметить, что на этих плато расположены курганные группы и отдельные курганы, зачастую достигающие 5–6 м в высоту.

Погребение периода позднего бронзового века № 1 (Рис. 5, 6) находилось в СВ секторе кургана 1, имевшего в высоту 5, 6 при диаметре 55 м, в 21,5 м от репера на глубине 5,45 м на уровне древней дневной поверхности и было перекрыто последней – 4-й насыпью кургана (Рис. 2). Первоначально было выявлено каменное сооружение неправильной овальной формы размерами 4,6 х 2,8 м, выполненное из камней серого известняка (Рис. 3, 1–2), размеры которых варьировались от 0,15 х 0,22 до 0,6 х 0,4 м. Глубина залегания камней составляла от 5,35 до 5,52 м. Часть камней, плитообразной формы находилась в вертикальном либо полувертикальном положении. Камни, необработанные, преимущественно имели плитобразную форму. В центральной части каменного сооружения среди камней найдено 3 фрагмента стенок лепного сосуда со слабообработанной внешней поверхностью серо-желтого цвета с внутренней поверхностью черного цвета. Тесто в изломе черного цвета с примесью шамота и растительности. Там же, в центральной части сооружения, были обнаружены зубы свиньи (премаляры) взрослой особи (определения д-ра биологии Р. Кройтор).

После снятия камней контур погребальной камеры не прослеживался, заполнение, представлявшее собой материковую глину, практически не отличалось от грунта окружающей поверхности. Расчистка погребальной камеры была произведена по однородному глинистому заполнению, легко отделявшемуся от стенок погребальной камеры. В заполнении встречались отдельные мелкие камни серого известняка и следы отложения минеральных солей. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,6 х 2 м, глубиной 0,9 м от уровня залегания камней перекрытия была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Скелет погребенного находился в центральной части погребальной камеры в скорченном положении на левом боку, головой ориентированный на СВ (Рис. 4, 1; 5, 1; Рис. 6). Степень скорченности скелета характеризуется как средняя. Череп погребенного и согнутые колени были частично перекрыты камнями серого известняка размерами от 0,15 х 0,2 до 0,25 х 0,35 м. Сзади пяточных костей имелось еще 2 камня размерами 0,25 х 0,35 м и 0,2 х 0,75м. Камни обожжены и носят следы горения. Череп уложен на левом боку, лицевой частью обращен

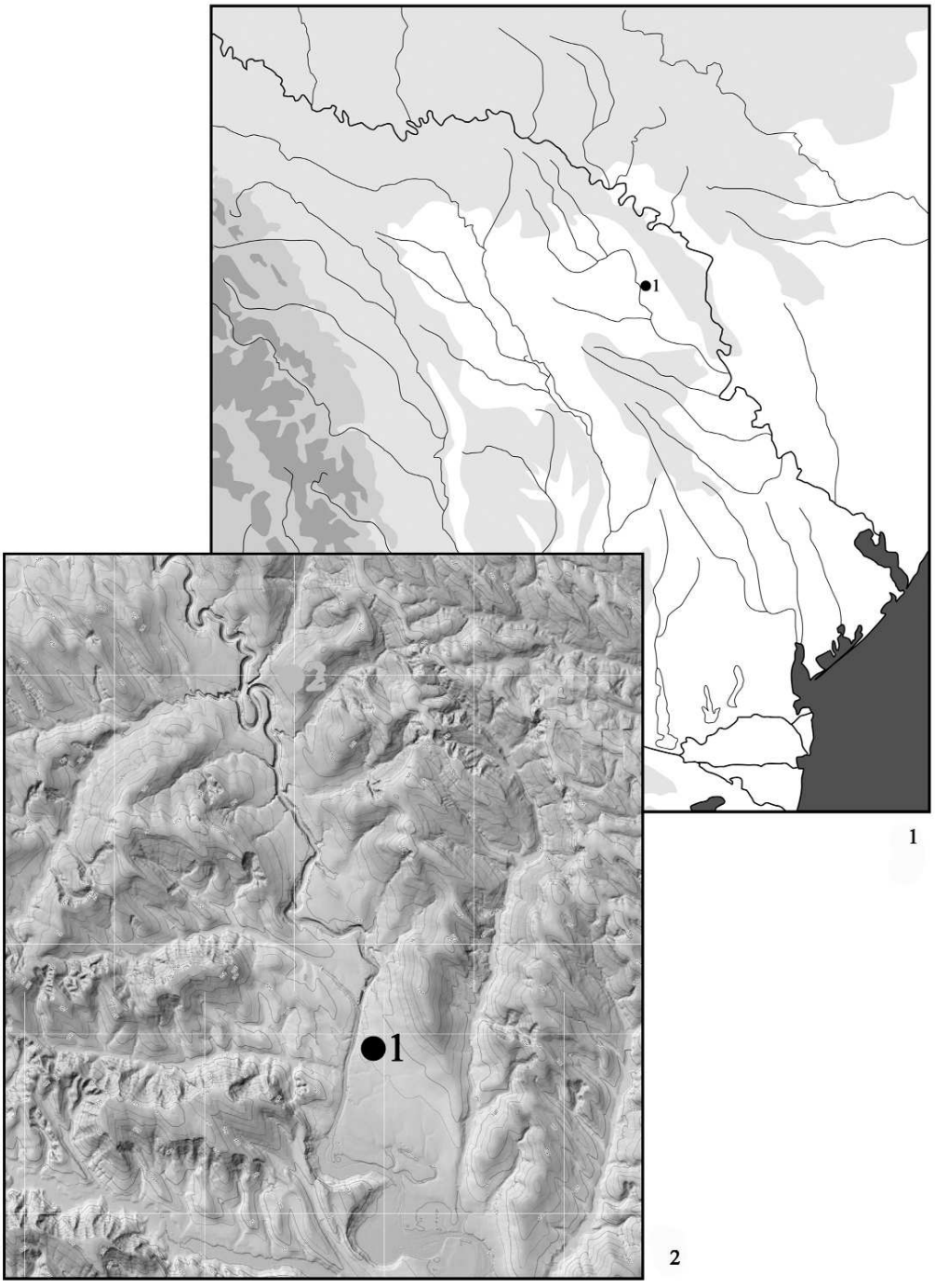

Рис. 1. Географическое расположение кургана 1 у с. Брынзений Ной в Пруто-Днестровском междуречье.

влево на В. Левая рука была согнута перед грудной клеткой, под острым углом, правая смещена вместе с лопаткой и ключицей вперед и также резко согнута в локте. Ноги согнуты влево под углом в 45°. Рядом со скелетом на дне погребальной камеры и под ним отмечены незначительные следы от тлена светло-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. У локтевого сгиба правой руки погребенного на боку лежал сосуд баночной, скорее усеченно-конической формы с прямыми стенками, расширяющимися к устью (рис. 3, 2; 5, 2). Устье сосуда с заглаженным краем, неровное, один край несколько приподнят. Дно плоское, с выделенной закраиной. Внешняя поверхность сосуда – серого цвета с черными пятнами неравномерного обжига со следами вертикального лощения. Внутренняя поверхность – однородного серого цвета со следами горизонтального заглаживания. Тесто в изломе черного цвета с примесью мелкотолченого шамота и крупнотолченой дресвы. Размеры сосуда: высота – 8см, диаметр дна – 7,5 см, диаметр устья – 10,5 см. В заполнении сосуда находились кости животного (части грудины молодой особи крупного рогатого скота) (определения д-ра биологии Р. Кройтор), входившие в состав заупокойной пищи.

Погребение 1 кургана 1 предварительно отнесено к культурно-историческому блоку Ноуа-Сабатиновка. Учитывая тот момент, что к сабатиновской культуре, как правило, относятся поселенческие и погребальные памятники южного степного региона Молдовы, погребение 1 было отнесено к культуре Ноуа, имеющей распространение в лесостепной зоне Днестровско-Прутского междуречья и в Запрутской Молдове. Феномен культуры Ноуа является результатом взаимодействия Срубной культурно-исторической общности Северного Причерноморья с культурами Монтеору, Кослоджень и Белопоток-Костиша в Запрутской Молдове и в Мунтении (Der-

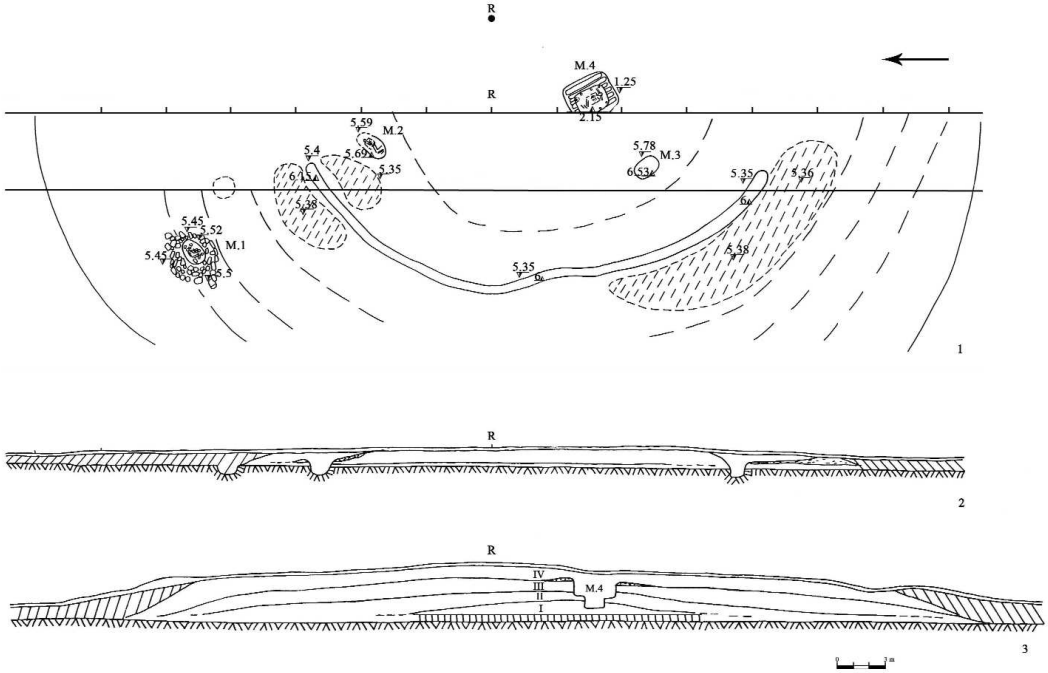
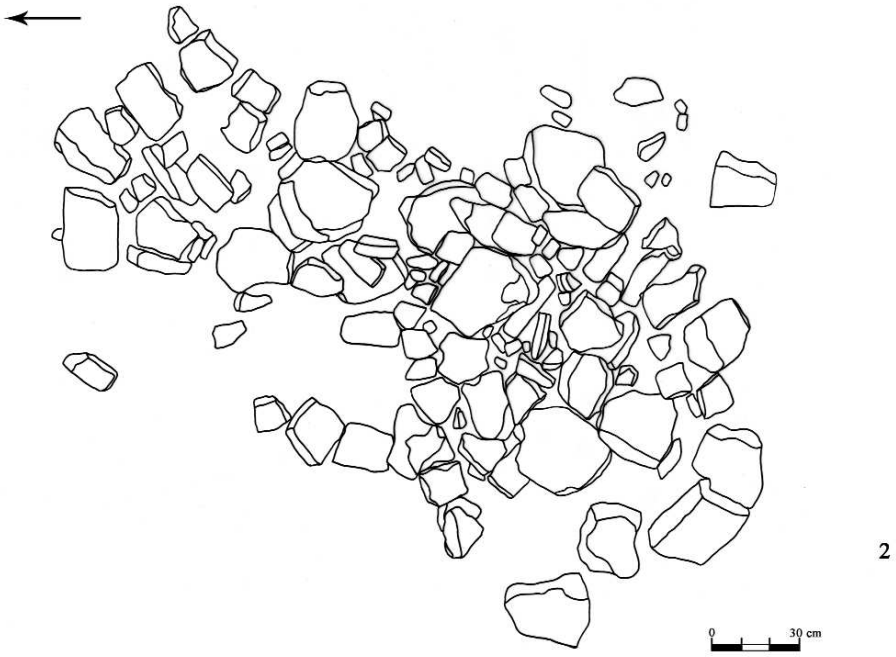

Рис. 2. План и профили кургана 1 у с. Брынзений-Ной.

1

2

Рис. 3. Фото и рисунок погребения 1 в кургане 1 у с. Брынзений-Ной.
1 – погр. 1; 2 – сосуд из погр. 1.

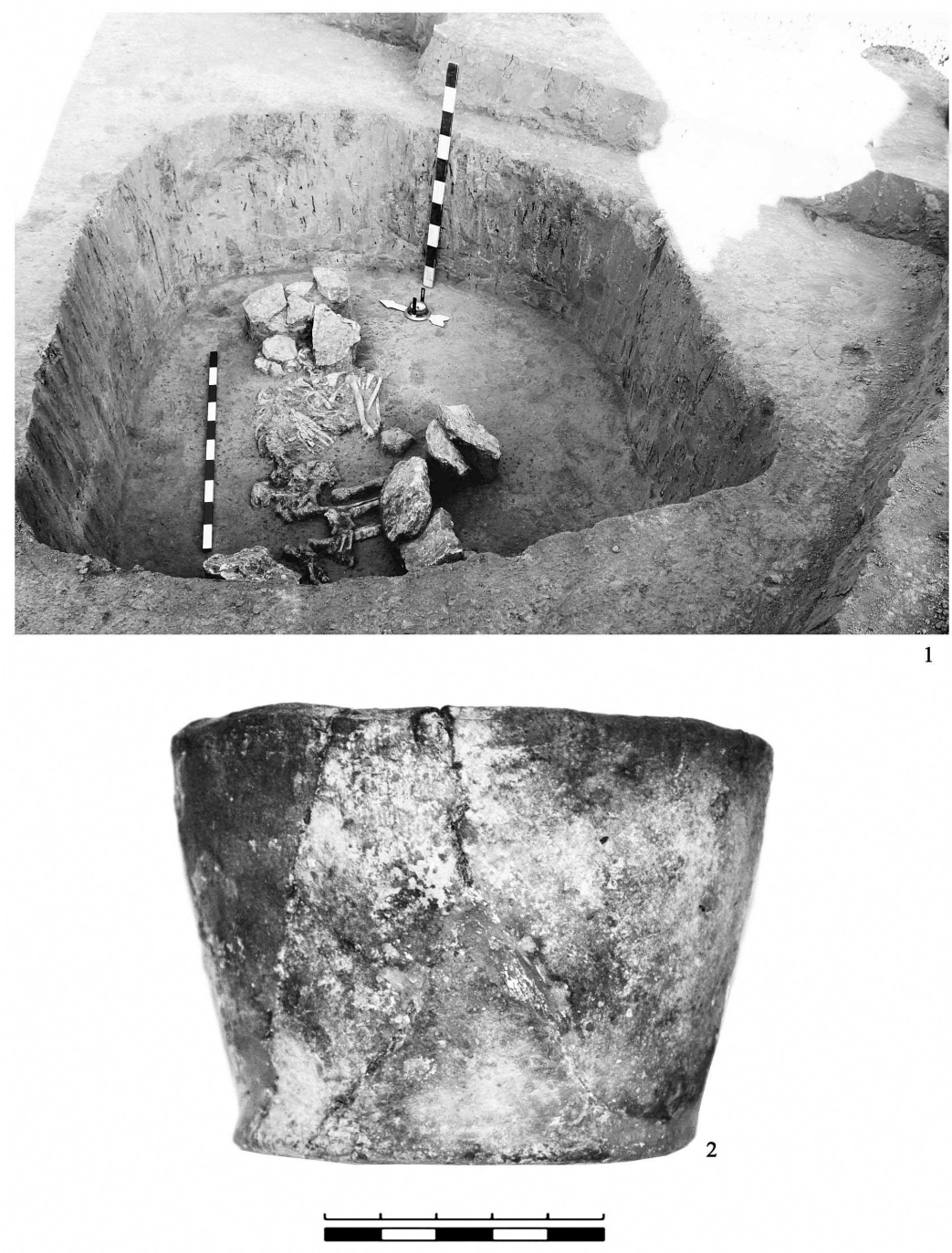

Рис. 4. Фото и чертеж каменной конструкции погребения 1 в кургане 1 у с. Брынзений Ной.

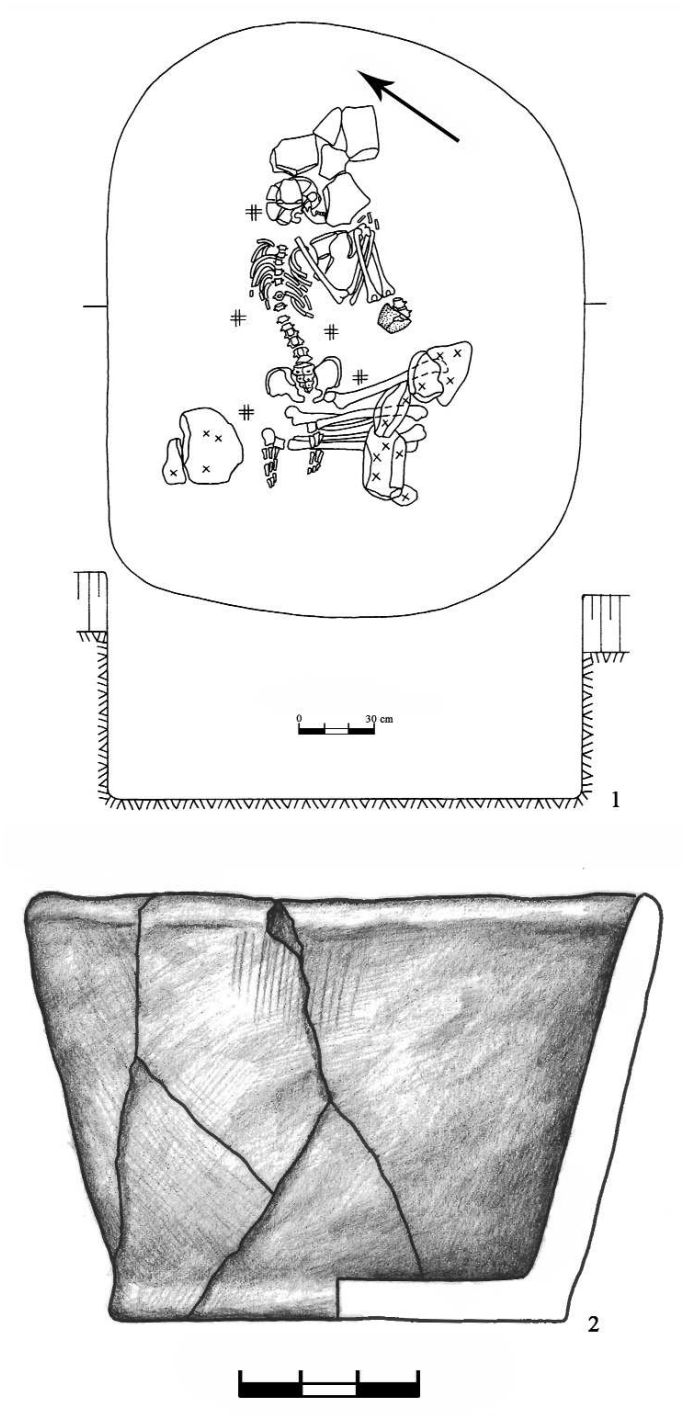

Рис. 5. Погребение 1 (1) и сосуд из погр. 1 (2) в кургане 1 у с. Брынзений Ной.

Рис. 6. Фото погребения 1 в кургане 1 у с. Брынзений Ной.

gaciov 2010: 305). Памятники культуры Ноуа, в ее ареале, характеризуются долговременными поселениями, на которых насчитывается от 10 до 20 жилищ, культовыми сооружениями-зольниками (Сава, Кайзер 2011: 12–15, рис. 1), а также рядом хозяйственных комплексов. Погребальный обряд этой культуры представлен серией крупных грунтовых могильников, таких как Бадражий-Веке, Бурлэнешть, Перерыта, Кирилень, Костешть в Припрутской зоне и изолированными захоронениями, зачастую впускными в насыпи более древних курганов (Levițki, Demcenko 1997: 109–110; Sava 2003: 36–37). Преобладают погребальные камеры овальной формы. Вместе с тем в отличие от предшествующей культуры многоваликовой керамики (Бабинской) отмечается наличие каменных погребальных сооружений в виде цист, каменных кругов, крепид, набросок. Тогда как для культуры многоваликовой керамики характерно преобладание простых земляных погребальных конструкций с камерами прямоугольной, овальной формы, захоронениями в колодах, деревянных, реже в каменных ящиках (Сава 1992: 18 рис. 1). В захоронениях культуры Ноуа доминирует скорченное на боку положение скелетов с преобладанием восточной, с отклонениями, ориентировкой (Sava 2003, 37). Наличие заупокойной пищи в виде костей жертвенных животных отмечается в ряде погребальных комплексов данного культурного образования. Сосуд из погребения 1, кургана 1 у с. Брынзений – Ной представляет собой банку усеченно-конической формы с расширяющимся кверху устьем и плоским, выделенным закраиной дном. Подобная форма сосудов соответствует типу IV, более характерному для инвентаря захоронений Сабатиновской культуры (Sava, Agulnicov 2003: 128, fig. 7, IV). Хотя отдельные экземпляры баночных сосудов подобной формы присутствуют и в предшествующей культуре многоваликовой керамики, где соответствуют типу IX (Сава 199, 114–115, рис. 48). Но по типологии посуды из погребений культуры Ноуа, подобные банки-чаши усеченно-конической формы, соответствуют типам VA I, V B (Sava 2002:30, abb 6).

Что касается погребального сооружения в виде каменной наброски, то подобный тип конструкции более присущ сабатиновской культуре и отмечен в ряде захоронений степной зоны Пруто-Днестровского междуречья, как, например, в кургане 1 у с. Твардица, в курганах у сел Борисовка и Баштановка (Шмаглий, Черняков 1970: 109–108; Черняков 1985: 22; Агульников 2008: 124–139). При рассмотрении погребального комплекса погребения поздней бронзы 1 у с. Брынзений-Ной следует отметить, что для предшествующей Сабатиновке и Ноуа культуре многоваликовой керамики региона совершенно нехарактерны такие надмогильные сооружения, как кромлехи и каменные крепиды. В незначительном количестве имеются лишь каменные «ящики»-цисты (Сава 1992: 18) или же сочетание деревянных конструкций с каменной забутовкой могильной ямы (Агульников, Сава 2004: 82, 119). Если рассматривать культурный комплекс Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень как единое образование, то наиболее близкой аналогией захоронения из Брынзений-Ной могут служить материалы грунтового могильника культуры Ноуа у с. Бурлэнешть, Единецкого р-на в Северной Молдове, исследованного в 1987 г. Интересующее нас парное погребение 22 было открыто на периферии кургана эпохи ранней бронзы и представляло платформу из плоских камней известняка, уложенных непосредственно на скелеты двух погребенных. Погребение было окружено каменной оградкой неправильной овальной формы, размерами 5 х 4 м. Среди камней закладки были обнаружены фрагменты орнаментированной керамики и кости животных (Levițki, Demcenko 1997: 109–110, fig. 5, 1–6; Демченко, Левицкий 2006: 305, рис. 8, 306–314). Каменные наб-

роски над захоронениями, а также сооружения в виде каменных кругов-кромлехов также характерны для типов F и G в культуре Ноуа (Sava 2002: 22, abb 1). Погребальная камера захоронения 1, открытая в процессе раскопок кургана 1 у с. Брынзений-Ной, соответствуют одному из основных типов погребальных конструкций для Прутo-Днестровского междуречья. В погребении 1 отмечаются погребальная камера овальной формы, соответствующая типу 1, который является преобладающим для региона – 134 (ок. 20%) (Sava, Agulnikov 2003: 120). Положение погребенного в состоянии средней скорченности присуще типу B для культуры Ноуа региона (Sava 2002: 24, abb. 3B). Тем не менее подобная степень скорченности встречается и у ряда погребений КМК и сабатиновской культуры. При сопоставлении черт культур позднего бронзового века, таких как Ноуа и Сабатиновка, зафиксированных в одном подкурганном захоронении, существование в XVII–XVIII вв. до н.э. единого культурного блока Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень представляется реальным за исключением некоторых местных особенностей, присущих тому или иному региону Северо-Западного Причерноморья. Не исключено, что в процессе дальнейших исследований погребального обряда и материальной культуры позднего бронзового века Карпато-Днестровского региона будут выявлены определенные черты, присущие индивидуально той или иной микрозоне. При определенных общих чертах в материальной культуре, домостроительстве, погребальном обряде, ритуалах, незначительные индивидуальные проявления регионального порядка вряд ли будут играть существенную роль в культурной атрибуции того или иного памятника. На мой взгляд, большего внимания, скорее всего, заслуживает культура Кослоджень, составляющие которой изучены не в полной мере и в какой-то степени противоречивы. В погребальных комплексах культуры Монтеору, которая на позднем этапе участвует в формировании культуры Кослоджень, имеются и каменные конструкции. Но, как правило, это забутовка камнями заполнения погребальной камеры, как, например, в грунтовом могильнике Кырломэнешть в северо-западной Мунтении (Motzoi-Chicideanu şi al., 2004: 15–38, fig. 7, 11–12). Каменные круги-кромлехи, а также «ящики»-циста отсутствуют в погребальном обряде культуры Монтеору, а наличие их в могильниках культуры Ноуа, и некоторых погребениях культуры Сабатиновка объясняется срубными влияниями (Sava 2002: 239). А погребение 1 в кургане 1 у с. Брынзений-Ной в равной степени имеет черты как культуры Ноуа, так и культуры Сабатиновка, чему не противоречит его географические положение на условной границе степи и лесостепи, которая также условно разделяет оба компонента культурного блока Ноуа-Сабатиновка в Прутo-Днестровском междуречье.

Литература

Агульников С.М. 2008. С.М. Агульников, Могильник Сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица // Revista Arheologica. Vol IV. 2. Chisinau.

Агульников С.М., Сава Е.Н 2004. Исследования курганов на Левобережье Днестра. Кишинэу.

Демченко Т., Левицкий О. 2006. Курганы у села Бурлэнешть // Revista Arheologică, Serie nouă, vol. II. Nr. 1–2. Chisinau

Рымбу Н.Л. 1982. Природно-географическое районирование Молдавской ССР. Кишинев

Сава Е.Н. 1992. Культура Многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «зольниками» у с. Одайя-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественно-научные исследования). Chisinau.

Черняков И.Т 1985. Северо-Западное Причерноморье во II половине II-тыс. до н.э. Киев.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. // МАСП, вып. 6. Одесса.

Agulnikov S, Mistreanu E, Popovici S. 2014: S. Tumulii de la Brănzenii – Noi şi Rogojeni (cercetări arheologice de salvare 2013) // Tyrageția (Arheologie, Istorie Antică) SN, Vol. VIII (XXIII) nr. 1. Chisinau

Dergaciov V. 2010. Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului, cultura Noua // Istoria Moldovei. Chişinău.

Sava E. 2002. Die Bestatungen der Noua – Cultur. // Ein Beitrag zur Erforschung spatbronzezeilicher Bestattungsrien zwischen Dnestr und Westkarpaten. PAS Bd. 19. Kiel.

Sava E. 2003. Interferențe cultural-cronologice in epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (Complexul cultural Noua-Sabatinovka). // Autoreferatul al tezei de doctor habilitat în ştiințe istorice. Chişinău.

Sava E, Agulnikov S. 2003. Contribuții noi la definirea ritului funerar în Cultura Sabatinovka. // Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-pontic.Chişinău.

Leviţki O., Demcenco T. 1997. Necropolă tumulară-plană de la Burlăneşti. // Anqustia 2. Sfăntu Gheorge.

Motzoi-Chicideanu I., Sîrbu D., Constantinescu M., N. Sultana N. 2004 Cimitirul din epoca bronzului de la Cîrlomănesti-La Arman // Mussaios-IX, Buzău.

Summary

In this article is published a funeral complex of the Late bronze period one tomb number 1 near the village Brinzenii- noi in Moldavia, he is located in border zone of the the silvosteppe and steep. The funeral rite of passage and inventory is corresponding to culture historical block of ne Sabatinovka, and in the first grave has correspondence in Noua culture, and also the Sabatinovka culture a few features of funeral rite of passage is borrowed from Srubnayia culture of the North-pontic territory. The funeral complex is dated XVI–XIII century's b.Cr.

Аилинкэй Сорин

К вопросу о раннегальштатском горизонте со штампованной керамикой Юго-Восточной Европы

Введение

В процессе исследования относительно понимания культурных проявлений раннего железного века Юго-Восточной Европы часто привлекались типологические и стилистические характеристики керамики этого периода для обозначения некоторых археологических культур. Таким образом С. Моринц в результате исследования на раннегальштатских памятниках Бабадаг и Инсула Банулуй усмотрел присутствие некоторого крупного культурного комплекса, состоявшего из множества групп, характеризующихся керамикой, украшенной схожим штампованным орнаментом (Topoleanu, Jugănaru 1995; Ailincăi, Topoleanu 2003; Ailincrі 2008a; Ailincăi et al. 2016; Ailincăi et al. 2017), к которым позже были причислены такие группы как культуры Козия (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015), Сахарна-Солончень (между Карпатами и Днестром) (Ailincăi 2013a) и Пшеничево (Болгария) (Niculiță, Nicic 2014; Niculiță et al. 2008; Niculiță et al. 2017), оконтурившие, таким образом, огромное пространство от Родопских гор до Среднего Днестра и вдоль течения Дуная от Железных Ворот до устья реки (Рис. 1). Важные дополнения в понимание этих «керамических групп» были внесены Б. Хенселем в его работе «Beiträge zur Reginalen und Chronologischen Gliederung der Älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau», представившего последовательность формирования культурных групп Юго-Восточной Европы от финала эпохи бронзы до феномена Басарабь. Германский исследователь усмотрел последовательность некоторых керамических горизонтов, которые он выделяет и трактует отдельно по зонам (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015). Очень важными для этого периода являются стабильные аналогии с анатолийском пространством, особенно со слоем VIIb2 Трои, – факт, на который впервые обратил внимание С. Моринц (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015), сопоставивший этот горизонт с первой фазой культуры Бабадаг. Сходство орнамента на такой обширной территории обусловливало не один раз появление теорий типа «фракийское проникновение в Трои» или «волны населения», которые «проникают» в зоны, населенными другими цивилизациями. И все это утверждалось, как результат сходства некоторых элементов декора керамики.

Исследования последних десятилетий способствовали лучшему пониманию этих групп как с точки зрения материальной культуры, духовного мира, так и хронологии. Здесь же следует уточнить, что в настоящее время констатируется большая разница в степени исследования этих культурных групп. Таким образом, если в случае с группами Бабадаг, Сахарна или Пшеничево имеются значительные данные, полученные в результате обширных исследований памятников – Бабадаг (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015), Жижия (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015), Никулицел (Topoleanu, Jugănaru 1995;

Ailincăi, Topoleanu 2003; Ailincăi 2008a; Ailincăi et al. 2016; Ailincăi et al. 2017), Енисала (Lăzurcă, Mănucu-Adameşteanu 1979; Ailincăi et. al. 2011; Ailincăi et al. 2013; Ailincăi, Constantinescu 2015), Ревэрсаря (Ailincăi 2013a), зона Сахарна (Niculiță, Nicic 2014; Niculiță et al. 2008; Niculiță et al. 2017), Свиленград (Николов, Нехризов, Цветкова 2006; Николов, Нехризов, Цветкова 2008), Малкото Кале (Domaradski et al. 1986; Домарадски, Караётов, Гоцев 1992) или Рогозиново (Stoyanov, Nikov 1997), то группы Инсула Банулуй и Козия остаются менее изученными.

Горизонт со штампованной керамикой. По ту сторону стилистических сходств

Данное распространение, даже если практически и представляет собой культурный горизонт, обозначенный штампованным орнаментом керамики, то сами керамические формы несколько разные и представляют особенности в зависимости от зоны происхождения и взаимоотношения с соседними культурными средами. Как сходства, так и значительные различия регистрируются и в отношении способа изготовления, частоты и места аппликации декора, который во многих случаях разнообразен. Отмечается, что стиль культуры Бабадаг предпочитает нанесение горизонтальных полос в зоне максимального диаметра корпуса сосудов (Ailincăi 2011; Ailincăi 2016a), в то время когда в группах Пшеничево (Gotzev 1994a; Stojanov, Nikov 1997; Николов, Нехризов, Цветкова 2006; Николов, Нехризов, Цветкова 2008) и Сахарна (Кашуба 2000; Niculiță et al. 2008; Niculiță at al. 2017; Niculiță, Nicic 2014) (расположенных в северной и южной части исследуемой зоны), с высокой частотой появляются полосы, более разработанные как с геометрическими мотивами, так и с антропоморфными и зооморфными изображениями.

Несмотря на отмеченные сходства и отличия, все же можно отметить, что в хронологическом отрезке, включаемом, в общем, в пределах между X–IX вв. до Р.Х. на обширном географическом пространстве, человеческие общности предпочитали орнаментировать посуду той же техникой и почти теми же декоративными элементами. Этот феномен не одинок, а наоборот, очень часто встречается в археологии Юго-Восточной Европы и не только. К примеру, горизонт со штампованной и прочерченной керамикой, о котором идет речь, частично синхронен с горизонтом с каннелированной керамикой (с традициями Белегиш-Гава), более распространенном во внутрикарпатском ареале и западнее. В таком случае ставится вопрос: идет речь только о различии относительно стилистики керамики или же эти общества различались и другими аспектами?

Поселения и жизнедеятельность

Большая часть поселений, в которых превалирует керамика со штампованным орнаментом, расположена вдоль течении значительных рек, обычно на террасах. В отличие от Трансильвании, где для этого периода документировано множество укрепленных поселений (Vasilev 1995; Bălan 2013), во внешнекарпатских землях для периода X–VIII вв. до Р.Х. таковые достаточно редки. Единственными фортификациями со штампованной керамикой начала эпохи раннего железа являются Бабадаг, Жижия, Покряка, Сахарна и Глинжень (Гольцева, Кашуба 1995; Iconomu 1996; Zanoci 1999; Jugănaru, Ailincăi 2003; Zanoci 2013.). Относительно структуризации и систематизации обитаемого пространства информация о них на данный период

крайне незначительная. Самые многочисленные исследованные комплексы представлены ямами (различного назначения) и жилыми комплексами, более или менее изученными исследователями (Ailincăi 2013b; Ailincăi 2016b; Kašuba, Zanoci 2010).

Погребальные комплексы

Несмотря на значительное количество поселений, некрополи данного периода достаточно редки и сконцентрированы в южной и северной части ареала штампованной керамики. Следует отметить, что особая концентрация мегалитических погребальных памятников и других захоронений с каменной структурой отмечается в северо-восточной части Болгарии и турецкой Фракии (зона гор Сакар, Странджа и в Восточных Родопах). (Венедиков, Фол 1976; Фол 1982; Gotzev 1994b; Gotzev 1998; Iliev 2008; Nekhrizov 2000). Отмечается определенное скопление погребальных комплексов на Среднем Днестре, в ареале культуры Козия-Сахарна (Смирнов 1955; Кашуба, Гольцева 1991; Кашуба 2000), представленное курганными и грунтовыми могильниками. Хотя некрополь в Сборяново (Stojanov 1997) и являлся несколько изолированным от основной группы памятников, новые открытия в регионе Родоп, в частности, в Стамболово (Нехризов 2009), указывают на наличие своеобразного погребального стандарта, возможно распространенного для всей территории южнее и восточнее Карпат. Общие характеристики для ряда групп можно выделить следующие: распространение обоих обрядов захоронений, включая кремацию с преобладанием ингумации, использование камня в оформлении захоронения; незначительные размеры некрополей (5–10 курганов небольших размеров). Большинство исследованных погребений совершены в небольших курганах, реже распространены грунтовые могильники. Погребальный инвентарь относительно богатый и состоит из керамики и металлических предметов (бронза или железо), украшений и оружия; во многих случаях отмечены более поздние вторжения в могилы (перезахоронения, демембрации, реингумация).

Из категории находок погребальных следует отметить захоронения в пределах поселений. Они отмечены практически во всем исследованном ареале, но больше всего сконцентрированы в области распространения культуры Басарабь, где пока не документированы некрополи как таковые. Эти находки, достаточно разнообразные, доказывают практику определенных обрядов относительно типов оформления-разложения-манипуляции человеческими останками и их захоронениями в жилищах (Ailincăi 2015), включая демембрации и реингумации.

Металлургия

Для всего анализируемого пространства наблюдается довольно низкий уровень металлургической деятельности. Что касается бронзолитейного производства, то на сегодняшний день известно лишь несколько фрагментов матриц, найденных при раскопках в Бабадаге (Ailincăi 2013b; Ailincăi 2016b), Инсула Банулуй (Morintz, Roman 1969) или в Есеника (Hänsel 1976). Предметы из железа на поселениях и в некрополях представлены, в основном украшениями (фибулы, браслеты, фалары, подвески) и, в небольшом количестве, орудиями труда и оружием (кельты, серпы, рыболовные крючки, иголки, ножи, наконечники стрел).

Даже если первые железные изделия во внутрикарпатском регионе появляются достаточно рано (возможно, еще начиная с XII в. до Р.Х.), то внешнекарпатские земли более бедны в свидетельствах наличия практики металлургии железа (László

1975; Stoia 1989; Boroffka 1987). В большей части исследуемой зоны первые железные вещи появляются одновременно с модой на украшение керамики при помощи штампа. На некоторых памятниках, таких как Бабадаг (Morintz 1987) или Рогозиново (Mačev 1997), наличие отходов с высоким уровнем содержания железа (более 70%) доказывают, что техника восстановления железной руды, возможно, была известна еще с X в. до Р.Х. Большая часть предметов из железа представлена орудиями труда (топоры, ножи), оружием (наконечники дротиков), украшениями (фибулы) и даже предметами конского снаряжения (псалии) (Morintz, Roman 1969; Кашуба 2000; Ailincăi 2013b; Ailincăi 2016b).

Обычай прятать клады металлических предметов регистрирует низкий уровень распространения во внешнекарпатских регионах. Только несколько из них могут быть отнесены к группам со штампованной керамикой. В этом отношении следует упомянуть клад I из Сымбэта Ноуэ, найденный в сосуде, характерном для культуры Бабадаг (Petrescu-Dîmboviţa 1977), как и клад из Бырлад (Petrescu-Dîmboviţa 1977), находящийся в ареале группы Козия. Оба содержат в основном орудия труда (кельты, серпы и топора), реже оружие (дротики) и украшения (фибула).

С точки зрения происхождения предметов, за исключением нескольких кельтов, считающихся местными, все остальные вещи имеют в изобилии аналоги в кладах Венгрии и Трансильвании. Положение несколько отличается относительно периода Br D, когда эти клады имеют в составе типы предметов, происходящих из дунайских производственных центров (кельты типа Ойнак, серпы с не удаленным литейным браком или северопонтийские (серпы типа клада из Констанцы – Курчанский тип, по Бочкареву и Дергачеву). Трансильванские импорты практически не существуют (возможно, к ним относятся лишь несколько серпов с кнопкой на рукояти) (Ailincăi 2013; Ailincăi 2016b). Металлические предметы, обнаруженные на памятниках со штампованной керамикой начала раннего железного века, указывают и на различные пути продвижения товаров или идей их производства. Они достаточно разнообразны и доказывают существование контактов на больших расстояниях. Если определенная серия предметов, как упомянуто выше, имеет трансильванское происхождение, то другие указывают на возможные контакты с эгейской Грецией и даже с западной частью Анатолии.

Антропоморфная и зооморфная пластика

Значительное сходство наблюдается и относительно моделирования антропоморфной и зооморфной пластики, особенно в ареале групп Пшеничево и Бабадаг, где выделяются находки, изготовленные достаточно упрощенно, с выделением главных анатомических частей тела (Sîrbu 1987; Sîrbu 1999). Элементы пластики, обнаруженной в микрозоне Сахарна, отличаются, обнаруживая сходство с аналогичными находками из ареала культуры Гава (Nicic, Băţ 2009). Другое наблюдение относится к стремлению располагать подобные антропоморфные экземпляры как в погребениях (Сборяново), так и в жилых структурах, где найдены настоящие коллекции подобных изделий, как в случаях из Бабадаг (Sîrbu, Jugănaru 1999) или Коньово (Sîrbu 1999).

Хронология

Хронология конца эпохи бронзы и начала эпохи железа в Юго-Восточной Европе была организована в результате анализа корреляций находок из эгейского про-

странства. Наиболее важными считались такие памятники как Троя, Ассирос и Кастанас, где керамика и предметы балканского происхождения найдены вместе с греческими. Условно, эпоха железа в Балканах начинается вместе с появлением первых железных изделий и соответствует, в общих чертах, появлению керамики типа Гава.

Если изначально считалось, что горизонт с прочерченной и штампованной керамикой следует непосредственно после культур эпохи поздней бронзы, исследования последних десятилетий выявили наличие горизонта с каннелированной керамикой традиции Гава, которая предшествует, а позже сосуществует, в разных ареалах, со структурами со штампованной керамикой. Эту последовательность можно наблюдать как картографическим, так и стратиграфическим методом, на таких памятниках как Пештера (Shalganova, Gotzev 1995), некрополей Сборяново (Stojanov 1997), Раднево (Shalganova, Gotzev 1995) и даже в Трое, где *knobed ware* не появляется вместе протогеометрической керамикой. И значит, ее можно считать более ранней, чем прочерченная и штампованная керамика. Этот параллелизм непосредственно связан с протогеометрическим периодом на Балканах и подтверждается появлением декора греческого влияния на керамике некоторых памятников Болгарии и в культуре Бабадаг (Hänsel 1976; Morintz 1987; Kašuba 2008; Stojanov, Nikov 1997).

В общих чертах, раннегальштатские группы с прочерченной и штампованной керамикой типа Пшеничево – Бабадаг – Инсула Банулуй – Козия – Сахарна, как и горизонт с каннелированной керамикой типа Гава, эволюционируют до появления и распространения феномена Басарабь-Шолданешть (Vulpe 1965; Vulpe 1986; Vulpe 2001; Ailincăi 2010; Kašuba 2007) (возможно, между началом IX – серединой VII в. до Р.Х.), временем, совпадающим с распространением металлургии железа в балканском пространстве.

Наблюдения, вопросы и выводы

На обширной территории между горами Родопы и Средним Днестром, от Железных Ворот до устья Дуная, в начале I тыс. до Р.Х. многочисленные человеческие сообщества предпочитали украшать керамику прочерченными и штампованными мотивами. Если техника нанесения декора и некоторые составные элементы были общими, то имеются группы, которые индивидуализировались собственными манерами нанесения орнаментированных полос. В то же время можно наблюдать и региональные характеристики относительно типов сосудов.

С точки зрения хронологии эта мода орнаментации керамики развивается с начала X в. до Р.Х. до первой половины VIII в. до Р.Х. Вопрос, на который мы пока не нашли ответа, относится к региону, в котором первоначально появилась эта мода. Возможно, она появилась одновременно, приблизительно на всей известном пространстве в начале X века до Р.Х. В настоящее время кажется достаточно неправомерной решающая роль в этом процессе Протогеометрической цивилизации. Данные, которыми мы обладаем, указывают на возможность более раннего появления штампованной керамики на Нижнем Дунае. Но очень сложно аргументировать какую-то модель ее развития и распространения. Традиция украшения керамики штампом документирована лишь для финальной стадии эпохи бронзы в зоне, где впоследствии появится группа Инсула Банулуй. Эта группа, к сожалению, на сегодняшний день является одной из самых неисследованных. С точки зрения относительной хронологии, для большей части исследованной территории, появлению

штампованного орнамента предшествует горизонт с каннелированной керамикой с влиянием культуры Гава, в то время как верхняя хронологическая рамка обозначена появлением стиля Басарабь в оформлении, возможно, начиная с конца IX века до Р.Х.

Существование горизонта с прочерченной и штампованной керамикой в определенной мере контрастирует с горизонтом с каннелированной керамикой, с которым в отдельных регионах он сосуществует, и определенные взаимоотношения с которым имеются на протяжении X–IX веков до Р.Х. Интересно, что этот контраст сохраняется и в других проявлениях материальной и духовной сферы – в погребальном обряде и обрядности, типах поселений, металлургии, изготовлении определенных видов керамики, кладах металлических изделий и др. Приведенные выше наблюдения позволяют нам предположить, что эти выборы человеческих обществ не являлись случайными, а были обусловлены рядом общих ценностей и верований. Выделенная тенденция восприятия определенного стиля оформления керамики на обширной территории сохраняется и усиливается в дальнейшем с появлением феномена Басарабь-Шолданешть. С другой стороны, наличие этих керамических горизонтов доказывает существование определенных путей движения идей, техник и изделий на всем карпато-балканском пространстве, регистрируя множество контактов с эгейским миром и западной частью Анатолии.

Литература

Венедиков И., Фол А. 1976. Мегалите в Тракия // Тракийски паматници, I, София.

Гольцева Н., Кашуба М. 1995. Глинжены II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья, Тирасполь.

Домарадски М., Караиотов И., Гоцев А. 1992. Крамика от раннежелиазната епоха от крепоста Малкото кале при с. Равадиново, об. Сазопол // Археология 4.

Кашуба М. 2000. Раннее Железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (Культура Козия-Сахарна) // Stratum plus 3.

Кашуба М., Гольцева Н. 1991. Сахарнянский могильник I (Циглэу), // СА 1.

Мелюкова А. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА 64.

Мелюкова А. 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА 96.

Мелюкова А. 1979. Скифия и фракийский мир, Москва.

Мелюкова А. 1982. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии // КСИА 170.

Нехризов В. 2009. Некропол от ранната желязна епоха при с. Стамболово, Хасковско // Археологически открытья и разкопи през 2008 г., София.

Николов В., Нехризов Г., Цветкова Ю. 2006. Спасителни археологически разкопки по трасето на железопатната линия Пловдив-Свиленград през 2004 г., Велико Тырново.

Николов В., Нехризов Г., Цветкова Ю. 2006. Спасителни археологически разкопки по трасето на железопатната линия Пловдив-Свиленград през 2005 г., Велико Тырново.

Смирнов Г. 1955. Сахарнянский могильник II // ИМФ 25, 5.

Фол А. 1982. Мегалите в Тракия. Тракия Понтика // Тракийски паметницы, III, София.

Чичикова М. 1968. Керамика от старата желязна епоха в Тракия // Археология 4.

Ailincăi S.C. 2008a. The Dead Among the Living in the Babadag Settlement from Niculiţel–Cornet (Tulcea county, Romania) // Funerary Practices in Central and eastern Europe (10th c. BC

– 3rd c. AD). Proceedings of the 10th International Colloquium of Funerary Archaeology, Brăila-Braşov.

Ailincăi S.C. 2010. New observations on the First Iron Age Discoveries at Revărsarea–Cotul Tichileţti, Isaccea, Tulcea County // Signa Prahistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuagento anno, Iaşi.

Ailincăi S.C. 2011. Ceramica culturii Babadag. Cu privire specială asupra descoperirilor din Dobrogea // Peuce, S.N. 9.

Ailincăi S.C. 2013a. Începuturile epocii fierului în Dobrogea. Cercetările arheologice de la Revărsarea, Isaccea, judeţul Tulcea. Brăila.

Ailincăi S.C. 2013b. Începuturile epocii fierului în Dobrogea // SCIVA 64, 3–4.

Ailincăi S.C. 2015. Trăind cu morţii. Îmnormântări în aşezări de la începutul epocii fierului între Carpaţi, Tisa şi Nistru. Cluj-Napoca.

Ailincăi S.C. 2016a. Analysis and interpretation of Babadag pottery decorating style // Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur Frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Tyragetia International I, Chişinău.

Ailincăi S.C. 2016. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dibrudja // Prehistoric Settlements: Social, Economic and Cultural Aspects. Seven Studies in the Carpathian area, Cluj-Napoca.

Ailincăi S.C., Constantinescu, M., 2015. Living with the dead. Burials in Early Iron Age settlement at Enisala–Palanca, Tulcea county (South-Eastern Romania) // Sprawozdania Archeologiczne 67, 221–244.

Ailincăi S.C., Jugănaru, Ţârlea G., A., Mihail, F., Vernescu, M., Ailincăi, A. 2011. Noi date referitoare la aţezarea culturii Babadag de la Enisala–Palanca, com. Sarichioi, jud. Tulcea. Cercetările arheologice din perioada 2003–2006 // Revista Arheologică 7, 1–2.

Ailincăi S.C., Mihail, F., Constantinescu, M. 2013. Aşezarea din prima epocă a fierului de la Enisala–Palanca. Cercetările arheologice din 2010 // Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor de la Babadag (1962–2012). Actele conferinţei «Lower Danube Prehistory. 50 Years of Excavations at Babadag, Tulcea, September 20th – 22th, Brăila.

Bălan G. 2013. Aşezările fortificate din aria culturii Gáva din România // Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012), Brăila.

Boroffka N. 1987. Folosirea fierului în România de la începuturi până în sec. VIII î.e.n. // Apulum 24.

Čičikova M. 1971. Sur la chronologie du Hallstatt en Thrace // Studia Balcanica 5, Sofia.

Čičikova M. 1972, Nouvelles données sur la culture thrace de l'époque du Hallstatt en Bulgarie du sud // Thracia 1.

Domaradzki M., Karaiotov I., Gotzev A. 1986, L'habitat du Premier Age du Fer de Malkoto Kale // Thracia Pontica 4.

Gotzev A. 1994a. Decoration of the Early Iron Age pottery from South-Eastern Bulgaria // The Early hallstattian period (1200–700 BC) in South - Eastern Europe, Alba Iulia.

Gotzev A. 1994b. New data about the Thracian cult practices at the west to Rhodopa Mountain in the I Millennium B.C. // Relation Thraco–Illyro-Hellénique, Bucureşti.

Gotzev A. 1998. New data on the Dolmens in the Sakar Mountain Region // The steps of James Harvey Gaul, I, Sofia.

Hänsel B. 1976. Beiträge zur regionalen und Chronologischen Gliederung der Älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau, vol. I–II, Bonn.

Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca – Iaşi // ArhMold 19.

Iliev S. 2008. Observations upon the constructional connections of the dolmens in Bulgaria // Geoarchaeology and Archaeomineralogy. Proceedings of the International Conference, 29–30 October 2008, Sofia.

Jugănaru G. 2005. Cultura Babadag, I, Constanţa.

Jugănaru G., Ailincăi S. 2003. Noi date referitoare la fortificația așezării hallstattiene de la Babadag (jud. Tulcea) // Peuce 14.

Kašuba M. T. 2006. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluß im 10.-9. Jahrhundert v.Chr. // PZ 81.

Kašuba M.T. 2007. Das Siedlungswesen zu Beginn der Früheisenzeitim Mitteldnestrgebiet (Nordwestpontikum) // Die unteren Zehntausend – auf der Suche nach den Unterschichten der Eisenzeit. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der Jahrestagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung, BUFM 47.

Kašuba M.T. 2008. Die ältesten Fibeln im Nordpontus // Eurasia Antiqua 14.

Kašuba M.T., Zanoci, A. 2010. Locuințele comunităților hallstattiene din spațiul est-carpatic în secoelele XII–VIII a.Chr. (Tradiții, deosebiri culturale şi perspectivele cercetării comparative) // Tyragetia, S.N. 4, 1.

László A. 1972. O așezare hallstattiană la Cozia // ArhMold 7.

László A. 1975. Începuturile metalurgiei fierului pe teritoriul României // SCIVA 26, 1.

László A. 1989. Les groupes régionaux anciennes du Hallstatt a l Est de Carpates // La civilisation du Hallstatt. Bilan d une rencontre, Liège.

László A. 2013. Troia VII – reper cronologic? Din nou despre relațiile dintre regiunile istropontice şi spațiul egeo-anatolian la sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în lumina nilor cercetări // Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012), Brăila.

Mačev F. 1997. Chemical composition of metal slags from the Area of the Village of Rogozinovo // Maritsa Project I. Rescue archaeological excavations along Maritsa Motorway in South Bulgaria, Sofia.

Morintz S. 1964. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas Danube a la lumière des fouilles de Babadag // Dacia, N.S., 8.

Morintz S. 1986. Săpăturile de la Babadag, 1973–1974, 1977–1981 // Materiale, 58–64.

Morintz S. 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie ți mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica 8.

Morintz S., Jugănaru G. 1995. Raport privind săpăturile arheologice efectuate în Sectorul V al aşezării hallstattiene de la Babadag (1991–1992) // Peuce 11.

Morintz S., Jugănaru G., Munteanu M. 1995. Așezarea din prima epocă a fierului de la Babadag // Cercetări arheologice în aria nord-tracă 1.

Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României – Insula Banului // SCIV 20, 3.

Nekhrizov G. 2000. A Cromlech near Dolni Glavanak in the Eastern Rhodopes (preliminary communication) // Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory, BAR International Series 854.

Nicic A., Băț M. 2009. Date noi şi considerații privind plastica antropomorfă din arealul culturii Cozia-Saharna // Studia Archeologiae et Historiae Antiquae. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiase I. Niculiță, anno septuagesimo aestatis suae dedicatur, Chişinău.

Niculiță I., Nicic A. 2014. Aşezarea ți necropola din prima epocă a fierului Saharna–Țiglău, Biblioteca Tyragetia 25, Chişinău.

Niculiță I., Zanoci A., Arnăut T. 2008. Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna, Biblioteca Tyragetia 18, Chişinău.

Petrescu-Dîmbovița M. 1977. Depozitele de bronzuri din România, Bucureşti.

Shalganova T., Gotzev A. 1995. Problems of Research on the Early Iron Age // Prehistoric Bulgaria, Monographs in World Archaeology 22, Madison Wisconsin.

Sîrbu V. 1987. Figurinele antropomorfe şi zoomorfe traco-geto-dacice din prima şi a doua epocă a fierului // Istros 5.

Sîrbu V. 1999. Figurinele antropomorfe din prima epocă a fierului descoperite în lumea tracică // Istros 9.

Sîrbu V., Ailincăi S., Simion G. 2008. Jijila–Cetățuie. O așezarea fortificată a culturii Babadag în nord-vestul Dobrogei, Brăila.

Sîrbu V., Jugănaru G. 1999. Practici magice la tracii culturii Babadag // Studia in honorem Ion Niculiță, Chișinău.

Stoia A. 1989. The beginning of Iron Technology in Romania // Sørensen M.L.S., Thomas R. (eds.), The Bronze Age-Iron Age Transition in Europe. Aspects of continuity and change in European societies c. 1200 to 500 B.C. // BAR Intern. Ser. 483, I.

Stoyanov T., Nikov K. 1997. Rescue Trench Excavations of the Early Iron Age Settlement and sanctuary Near the Village of Rogozinovo, Harmanli District (Preliminary Report) // Maritsa Project. I. Rescue Archaeological Excavations along Marotsa Mototrwaz in South Bulgaria, Sofia.

Vasiliev V. 1995. Fortifications de refuge et établissements fortifiés du Premier Âge du Fer en Transylvanie, B.Thr. 12, Bucureşti.

Vulpe A. 1965. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien (die Basarabi-Kultur) // Dacia N.S., 9.

Vulpe A. 1986. Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilization. Die Basarabikultur // Dacia N.S. 30.

Vulpe A. 2001. Prima epocă a fierului. Perioada mijlocie (cca. 850–650 a.Chr.) // Istoria Românilor. Moştenirea timpurilor îndepărtate, I, Bucureşti.

Zanoci A. 1999. Fortificațiile hallstattiene timpurii din spațiul est carpatic // Studia in honorem Ion Niculiță, Chișinău.

Zanoci A. 2013. Fortificațiile din arealul culturilor Babadag şi Cozia-Saharna // Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012), Brăila.

Summary

On the wide territory between the Rhodope mountains and Middle Dniester area, and from the Iron Gate till the Danube Mouths in the beginning of I mill. BC numerous human societies used the ceramic with incised and stamped ornamentation.

From the point of view of chronology, this method of ornamentation developed from the beginning of X to the first half of the VIII century BC. While we do not know where in which region first appeared ceramic products with stamped ornaments. Perhaps this ceramics appeared almost simultaneously throughout its area in the X cent.BC. Nowadays it seems unbelievable influence from civilization of Protogeometric Greece on phenomenon of stamped pottery of Balkan. The data that we have speak about more early appearance of stamped ceramic on the Lower Danube.

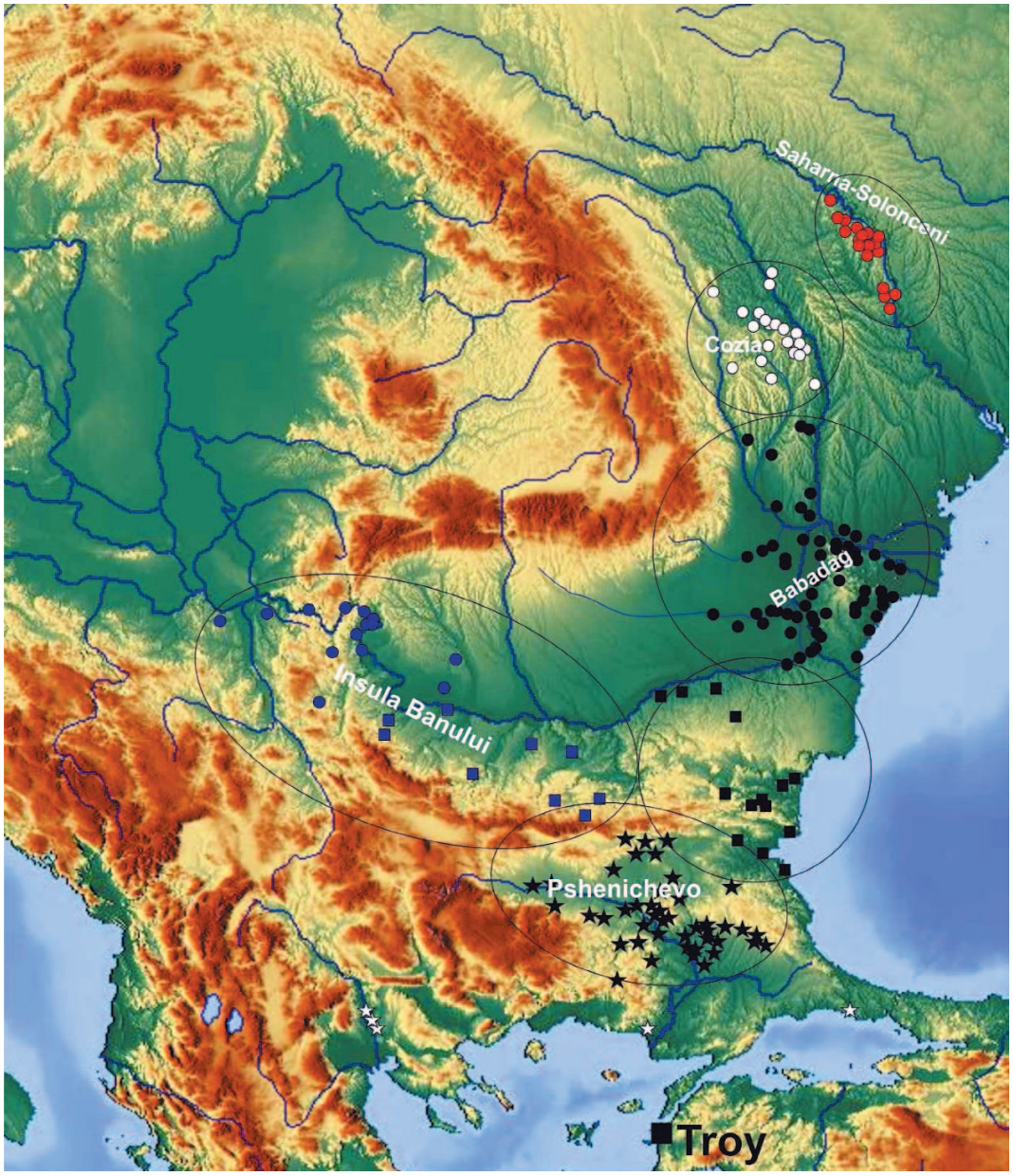

Рис.1. Ареал культур со штампованной керамикой Юго-Восточной Европы

Античная эпоха

Н.М. Секерская, А.В. Буйских

Ранняя расписная керамика из Никония

Город Никоний давно и по праву является неотъемлемой частью историко-культурного наследия античной эпохи в Северо-Западном Причерноморье. В результате его археологического изучения в течение второй половины 20 в. появилась солидная историографическая база, насчитывающая не один десяток статей и монографий (см. лит.: Секерская 1979; 1989; 1997; 2013; Античный Никоний 2018). Эти работы позволили выделить и охарактеризовать основные этапы исторического развития памятника, в общих чертах выяснить его историческую топографию, дать обзор основных категорий материальной и духовной культуры, предпринять попытку определить место Никония в системе политических, культурных и экономических связей Черноморского региона.

Современный этап исследований позволяет на новом уровне вернуться к этим вопросам, особенно к тем, углубленное изучение которых дает возможность существенно детализировать отдельные ключевые проблемы истории и археологии Никония. Среди таких – системное введение в научный оборот коллекции массовых археологических материалов, разработка их детальной типологии и хронологии. Это связано не только с необходимостью их современной датировки, но и с уточнением общей хронологии строительных остатков и культурных напластований памятника. В этом плане расписная столовая посуда архаического времени, импортированная из многих восточно-средиземноморских центров, представляет особый интерес, так как связана с наиболее ранним этапом жизнедеятельности в каждой колонии. Ее детально разработанная типология и хронология по многим базовым средиземноморским памятникам позволяет на новом уровне обратиться и к коллекции Никония. Помочь детализировать типологию и хронологию многих категорий импортной керамики, а также их имитаций, позволяют и наблюдения над составом керамических коллекций других причерноморских центров, позволившие выделить типовые наборы посуды для VI – первой половины V в. до н.э. (Bujskikh 2014: 67 ff.).

Ранняя расписная столовая керамика найдена как в заполнении строительных комплексов, жилых и хозяйственных сооружений Никония, так и в синхронных и перекрывающих культурных слоях. Отдельные категории расписной керамики уже становились предметом исследований (Секерская 1979; 1989; Секерська, Буйських 2018), что явилось первым шагом к уточнению времени возникновения Никония. Настоящая работа посвящена введению в научный оборот полной коллекции импортной расписной столовой посуды восточно-средиземноморского происхождения и ее имитаций, абсолютное большинство которой до сих пор неизвестно широкому кругу специалистов[1].

Как и другие памятники Северо-Западного Причерноморья, возникшие в результате греческой колонизации, коллекция Никония содержит керамику милет-

[1] Коллекция хранится в ОАМ НАН Украины, шифр по основному фонду: «ОАМ № … », шифр по научно-вспомогательному фонду: «Рокс. год, №». Коллекция состоит приблизительно из 150 целых и фрагментированных сосудов, 130 из которых публикуется в настоящей работе. В статью не включена аттическая черно- и краснофигурная керамика, исследование которой является отдельной задачей.

ского производства, представленную наиболее поздними типами – монохромными амфорисками (рис. 1). Это небольшие сосуды, известные в двух вариантах формы – амфориски на широком основании с тонкими и широкими полосами лака по тулову (рис. 1, 1), повторяющие форму поздних амфорисков, расписанных в стиле Фикеллура, и миниатюрные сосуды с конической ножкой, напоминающей стандартную форму ножек милетских столовых амфор (рис. 1, 3–5). Миниатюрная ручка (рис. 1, 2) принадлежит, скорее всего, лекифу (такие лекифы в литературе традиционно определяли как самосские: Гайдукевич 1959, рис. 35, 1). Такие сосуды, не исключено, выпускались в Милете уже после его разрушения персами в 494 г. до н.э., когда прекратился массовый выпуск расписной посуды. Совместные находки таких сосудов с амфорисками стиля Фикеллура и чернофигурными аттическими сосудами конца VI – первой трети / половины V в. до н.э. в некрополе Камир на Родосе (Jacopi 1931–39: fig, 99; 192, C; 213; 198; 279; 427; 439; Jacopi 1932: fig. 12; 212; 221) дают основание для надежной датировки никонийских амфорисков. Такие амфориски уже известны в керамической коллекции Ольвии (Буйских 2013: кат. 1.244-1.252), Борисфена (Буйских: в печати), поселения Приморский бульвар в Одесском заливе (Буйских, Редина 2015: рис. 13, 3).

Значительное место в коллекции занимает группа открытых сосудов для питья, представленная двумя основными формами – киликами (с отогнутым венцом) и чашами (с прямым венцом). Ареал их происхождения весьма широк, чаще всего его ограничивают Северной Ионией, известны также многочисленные колониальные имитации. Наиболее ранним в никонийском собрании является килик, форма которого и декор (рис. 2, 1) позволяют отнести его к типу 9 (вариант формы 9,1.C) по У. Шлотцхауэру с датой 590/580 – 550/540 гг. до н.э. (Schlotzhauer 2001, Kat. 175–178). Необходимо отметить, что такие килики принадлежат к категории массового импорта в Северо-Западное Причерноморье (подр. см.: Буйских 2016: 31 сл., рис. 2; Секерська, Буйських 2018: 38, рис. 1).

Основной массив киликов (рис. 2, 2–15; 3, 1–4) принадлежит типу 11 (вариант формы 11, 1.B) по У. Шлотцхауэру с широкой датой 620/610 – 580/570 гг. до н.э. Безусловно, время производства никонийских сосудов следует ограничить наиболее поздним периодом их выпуска – надежным хронологическим маркером является однотипная форма сосудов с приподнятыми до уровня края или над краем ручками, а также декор в виде широких полос по внешней стенке и залитого лаком интерьера с резервной полосой по краю (Секерська, Буйських 2018: 39, рис. 2–3). Аналогичные сосуды имеются и в керамическом комплексе ближайшего к Никонию поселения Надлиманское-III (Охотников 1990: 29, фото 6, 3). Следует отметить, что датировку в пределах последней четверти VI – начала V в. до н.э. подтверждают и результаты исследований ольвийского предместья, где также обнаружены аналогичные килики (Козуб 1979: рис. 13, 3; Форнасье, Буйских, Кузьмищев 2017: 39, рис. 9, 3–4). Глубокий килик с округлыми плечами и неровным покрытием внешней массивной стенки (рис. 3, 5) находит аналогии среди материалов закрытых комплексов в Ольвии, которые были засыпаны в конце VI в. до н.э. (Буйских 2013 кат. 5.62-5.68).

Чаши полусферической или четвертной формы в сечении (рис. 4) дополняют информацию, полученную при рассмотрении киликов. Из Никония происходит единственный пока фрагмент чаши с точечными розеттами и лучевым орнаментом в зоне ручек (рис. 4, 1). Такие сосуды широко известны практически на всех памятниках Северного Причерноморья, возникших в VI в. до н.э. Наблюдения над материа-

лами многочисленных заполнений архаического времени из Ольвии позволяют утверждать, что чаши с точечными розеттами уже не встречаются в комплексах конца VI в. до н.э. (см.: Буйских 2013: 108, кат. 8.16-8.46), отсутствуют они и среди материалов ольвийского предместья. Интересно, что на поселении Приморский бульвар, датировка которого установлена в рамках последней трети или четверти VI в. до н.э., также имеется несколько поздних вариантов чаш с точечными розеттами (Буйских, Редина 2015: рис. 14, 1–2).

Тонкостенные чаши, повторяющие основную схему декора чаш с точечными розеттами, включая полосы пурпура в интерьере, хотя и более тонкие по сравнению с ранними формами и уже без розетт по фасадам, но иногда с корзинкой лучей в основании стенки, значительно более многочисленны (рис. 4, 2–10). Они, скорее всего, относятся к последней четверти VI в. до н.э. Такую дату подтверждают стратифицированные массовые материалы из раскопок разных памятников: Клазомен (Ersoy 2004: fig. 17, d, f-g), Ольвии (Буйских 2013: 108, кат. 8.57-8.78), поселений Приморский бульвар (Буйских, Редина 2015: рис. 14, 4–6) и Надлиманское-III (Охотников 1990, с. 29, фото 6, 1) в Северо-Западном Причерноморье, а также Тиритаки на Европейском (Bujskikh 2014: fig. 5) и Кепах на Азиатском Боспоре (Кузнецов 1991: рис. 6, 12-13). Такие чаши найдены и в погребальных комплексах некрополя Ольвии (Скуднова 1988: кат. 29; 59; 158; 178) и Фанагории (Завойкин, Колесников, Сударев 2016: 119–120, рис. 8), сопровождающие материалы, из которых подтверждают эту датировку.

Значительный массив в никонийской коллекции представлен привозной ионийской полосатой керамикой и ее имитациями, получившими широкое распространение во второй половине VI и, как уже понятно, V в. до н.э. Среди закрытых форм выделяются гидрии (рис. 5, 1–4, 6), а также столовые амфоры (5, 5, 7; 6, 1), стамнос / пиксида (рис. 6, 2; 7, 3), амфориски (6, 4) и одноручные сосуды – арибаллические лекифы (6, 3), ольпы или ойнохои (рис. 7, 1–2). Датирующим признаком следует считать морфологию формы и сочетание декоративных элементов. Для амфориска весьма показательна форма биконического тулова и профиль ножки, сближающие его с сосудами североэгейского, в т.ч. фасосского производства середины – третьей четверти V в. до н.э. (см. напр.: Монахов 2003: табл. 39, 5–6).

Наиболее ранние варианты полосатых сосудов имеют округлую или яйцевидную форму, широкие и узкие полосы по тулову, одну или две полосы волнистого декора по горлу и плечам, горизонтальный S-видный знак по плечам. Такие сосуды хорошо известны по многим памятникам, среди которых массовая керамическая коллекция Ольвии может уже считаться эталонной (Скуднова 1988: кат. 87; 112; 174; 252; 254; Буйских 2015: кат. 9.11-9.89; Bujskikh 2014: fig. 6). Ближайшие памятники, на которых найдена керамика тех же типов и времени – Приморский бульвар (Буйских, Редина 2015: рис. 13, 7–8) и поселения левобережья Днестровского лимана (Охотников 1990: фото 7, 4–6). Известна совместная находка арибаллического лекифа с петлевидным декором по плечам и столовой амфоры с полосами, а также столовой амфоры с полосами и петлевидным декором по горлу в погребениях второй половины VI в. до н.э. некрополя Гермонассы (Гайдукевич 1959, рис. 15, 1–2; рис. 54). Последние находки на некрополе Фанагории дополняют эту информацию (Завойкин, Колесников, Сударев 2016: 163 сл., рис. 64).

Наиболее поздние варианты этого вида привозной столовой посуды датируются первой половиной V в. до н.э. В этом плане надежно началом V в. до н.э. датиру-

ется арибаллический лекиф – вытянутой формы и без горизонтального S-видного знака по плечам. Обращает внимание и редкость волнистых или мелких петлевидных орнаментов по горлу и плечам, нанесенных лаком, – надежных показателей более раннего времени. Еще одним надежным хронологическим индикатором является инвентарь погребений первой половины V в. до н.э. из некрополя Артющенко-2 на Тамани, среди которого имеется значительное количество полосатых ойнохой и ольп (в одном случае – полосатый стамнос), скорее всего, местного производства с крупным волнистым декором или без него, но с одной-тремя полосами лака по перегибу плечей (Кашаев 2009: рис. 5; 11; 13; 17; 20; 26; 29; 31; 36). Близкая полосатая ойнохоя без декора по горлу найдена также в погребении некрополя Гермонассы с материалами третьей четверти – второй половины V в. до н.э. (Гайдукевич 1959, рис. 8, 2). Материалы Истрии также содержат поздние полосатые ойнохои местного производства, которые, с точки зрения П. Александреску, датируются вплоть до конца V в. до н.э. (Alexandrescu 1978: cat. 650–653). Как видно, такие сосуды активно копировались местными гончарными мастерскими во многих центрах.

Из Никония происходит серия столовых амфор, основным морфологическим признаком которых является острое ребро по верхней части горла, в месте верхнего прилепа ручек. Эти сосуды имеют два варианта формы: с невысоким горлом и округлым туловом на профилированном кольцевом поддоне; с высоким горлом, округлыми плечами и вогнутыми стенками в нижней части сосуда на усеченно-цилиндрическом поддоне.

Амфоры первого варианта датируются концом VI – первой – третьей четвертью V в. до н.э., причем для более ранних, вплоть до середины этого столетия, характерно сплошное лаковое покрытие верхней части горла, до ребра и три-четыре тонких полосы по перегибу плечей, полоса в придонной части (рис. 8, 1; 9, 2–5; 10, 1–2, 3–5, 7–16). Именно такая амфора была найдена на ольвийском некрополе (Скуднова 1988: кат. 118). На родосском некрополе Камир одна такая амфора найдена вместе с поздней столовой амфорой стиля Фикеллура, вторая – вместе с белофонным лекифом начала V в. до н.э. (Jacopi 1931–39: fig. 149; 156), на некрополе Ялисс – вместе с коринфской круглой пиксидой шаблонного стиля, с ранним чернолаковым аттическим киликом или с чернофигурным аттическим киликом кассельского типа и с киликом с глазами (Laurenzi 1936: fig. 93; 166; 179). Общая морфология формы сохраняется вплоть до конца столетия, постепенно меняется только форма венчика, а из декора очевидно сохранение полос по плечам и точек, иногда с чередованием белой краской, по основанию горла (рис. 8, 2). Такие амфоры известны как массовый материал среди находок на ольвийском предместье и в Ольвии (Буйских 2013: 9.101-9.116). Следует отметить, что ребро на горле становится устойчивым морфологическим признаком столовых амфор и сохраняется в течение всего классического времени. Наиболее поздняя находка такого сосуда известна в мирмекийском (пантикапейском?) некрополе (район поселка им. Войкова) – это небольшая амфора местного производства, найденная вместе с аттическим сетчатым лекифом и краснофигурным лекифом с пальметтой (Капошина 1959, рис. 51).

Амфоры второго варианта, судя по находкам в погребениях некрополя Ялисс на Родосе, датируются тем же временем, что и первого, и наибольшее распространение получили во второй – третьей четвертях V в. до н.э. (Jacopi 1929: fig. 172; Laurenzi 1936: fig. 97; 172). Для сосудов этого варианта характерно использование белой краски для чередования полос по тулову и ножке (рис. 8, 1–4; 10, 3, 6) и чередование

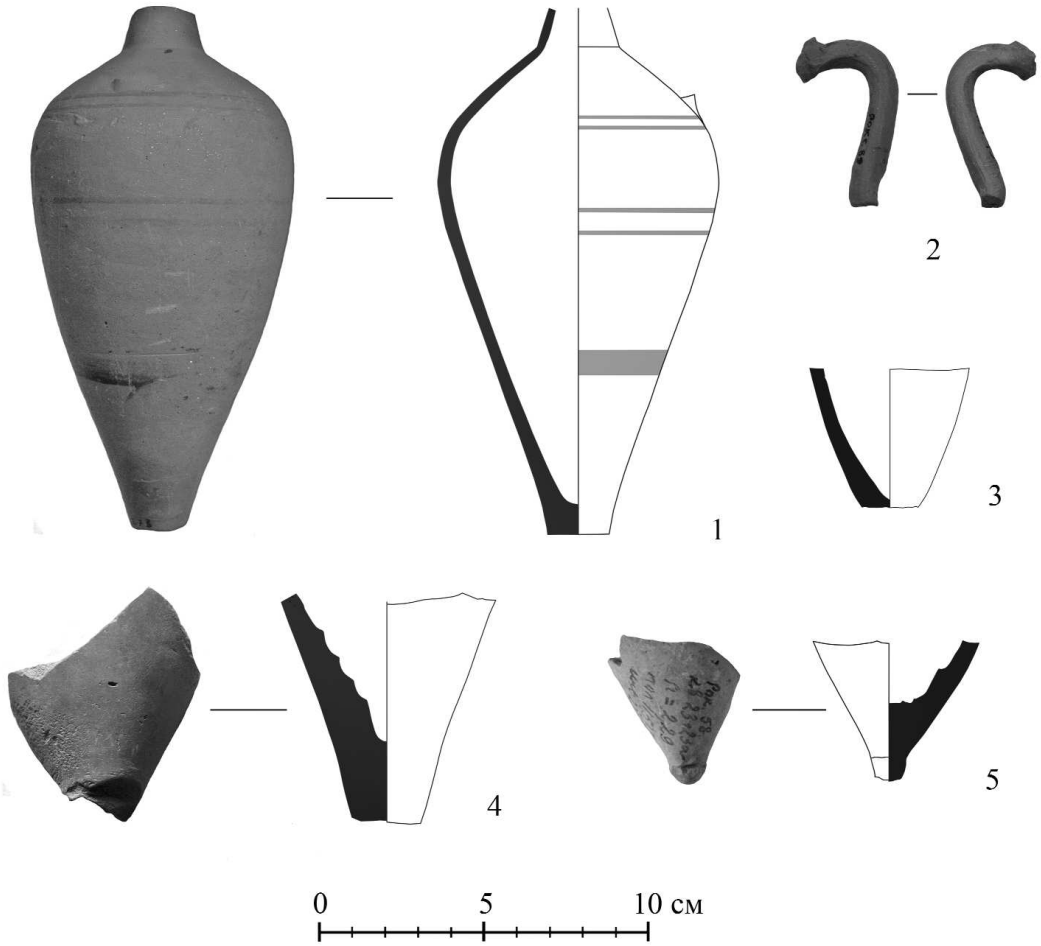

Рис. 1. Южно-ионийская (милетская) керамика: 1.
№ 742734; 2. Рокс. 89 № 75; 3. Рокс. 75 № 135; 4. Рокс. 86, № 146; 5. Рокс. 58, № 2270.

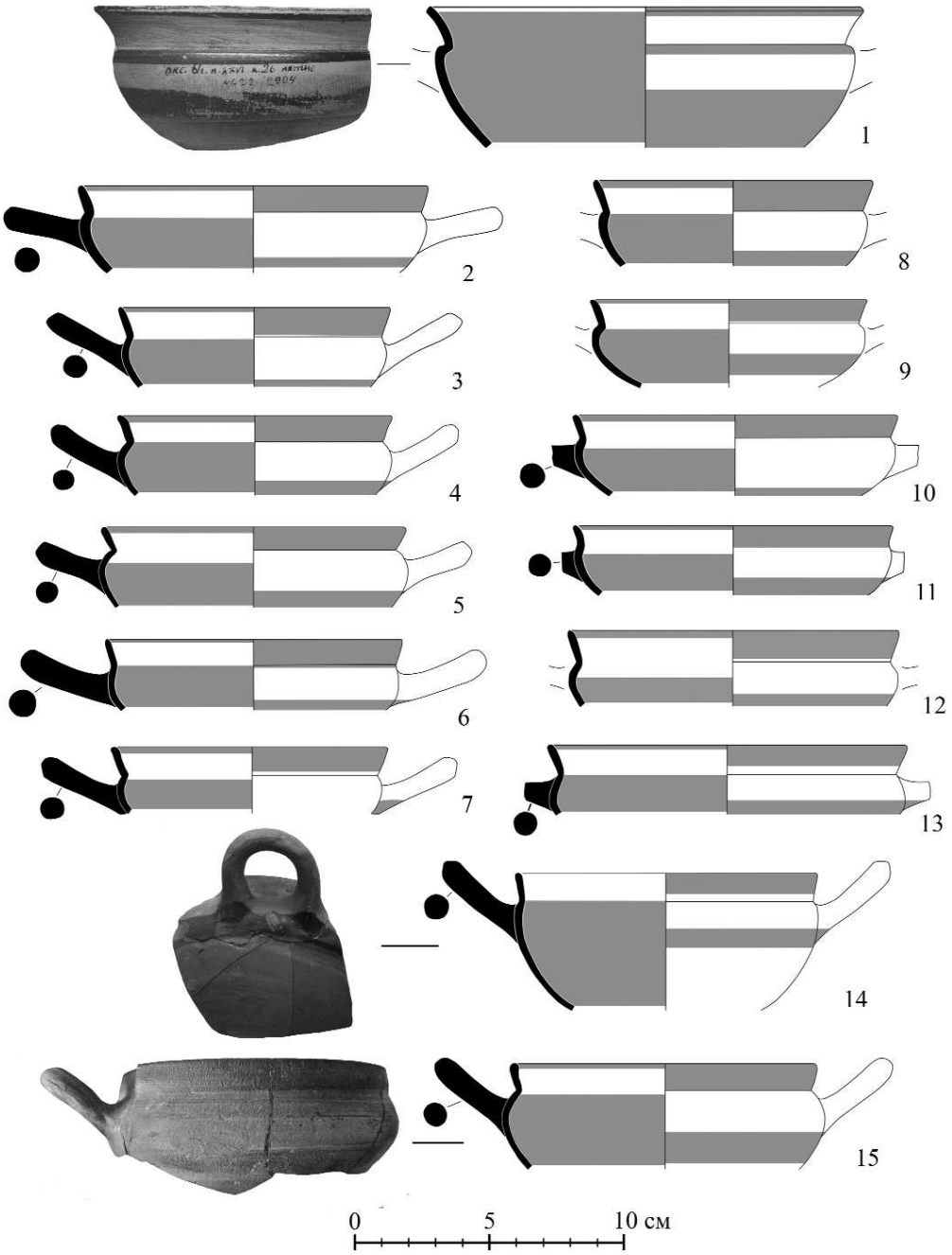

Рис. 2. Ионийские килики: 1. № 75022-4; 2. № 80747; 3. № 74191; 4. Рокс. 71, № 367; 5. Рокс. 72, № 127; 6. № 74184-1; 7. Рокс. 66, № 116–566; 8. № 80746; 9. Рокс. 86, № 19–361; 10. № 72895-1, 74269; 11. № 74269-4; 12. Рокс. 72, № 55-1; 13. Рокс. 66, № 217; 14. № 56481; 15. Рокс. 52, № 186–379.

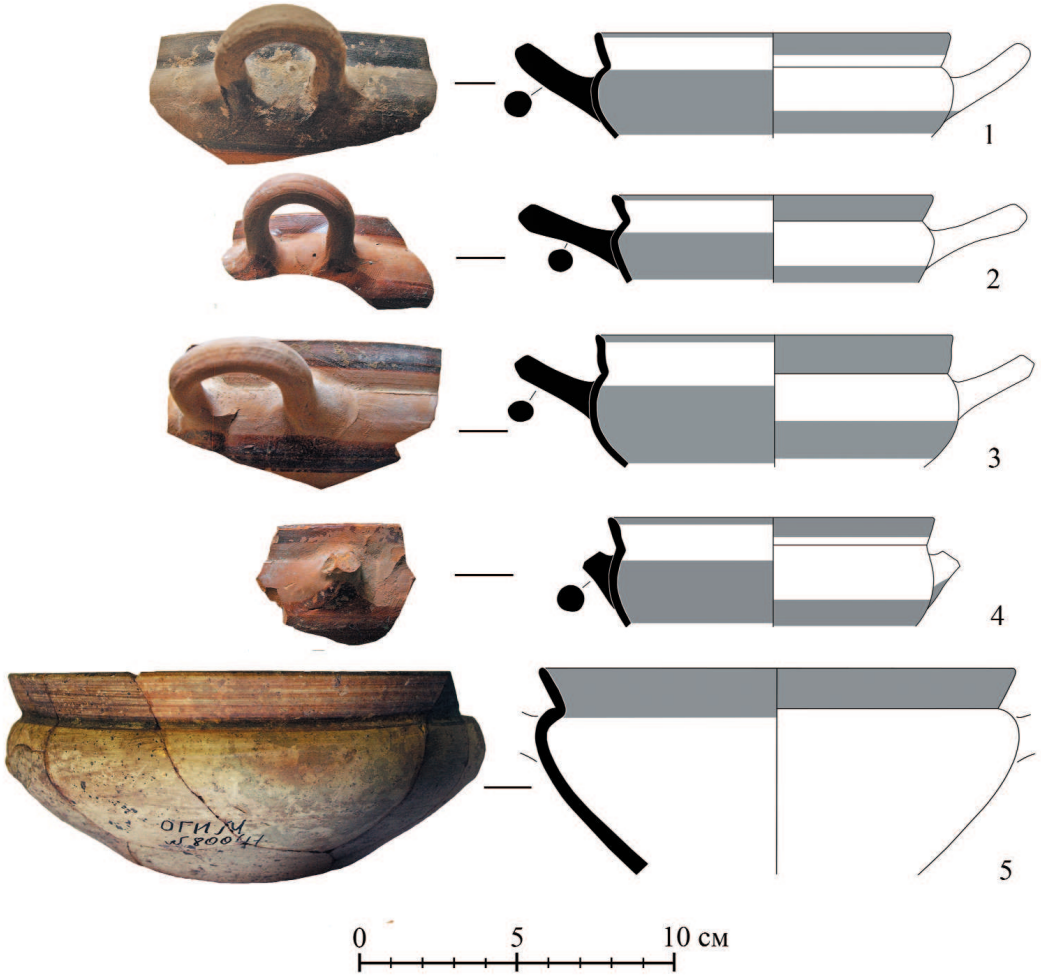

Рис. 3. Ионийские килики: 1. Рокс. 71, № 93; 2. Рокс. 62, № 528-714; 3. Рокс. 72, б?; 4. Рокс. б?; 5. № 80041.

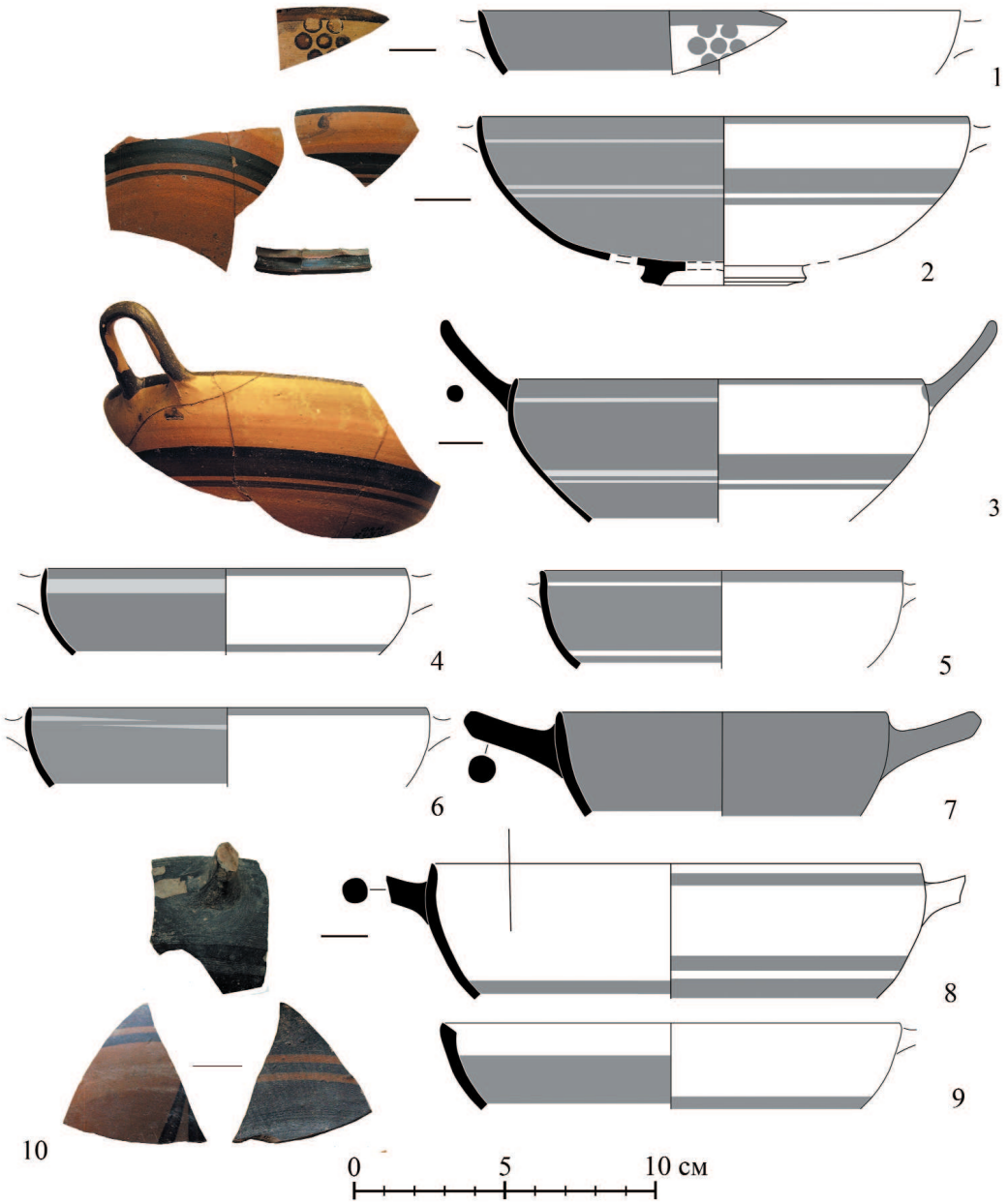

Рис. 4. Ионийские чаши: 1. № 72897-1; 2. Рокс. 72, № 126; 3. № 84882; 4. № 74268-4; 5. Рокс. 72, № 72; 6. Рокс. 72, № 55; 7. № 72591-1; 8. Рокс. 89, земл. № 255; 9. Рокс. 69, № 134; 10. Рокс. 72, № 133.

Рис. 5. Ионийская полосатая керамика: 1. № 75058; 2. № 76381; 3. № 75050-2; 4. № 74072; 5. № 75050-3; 6. № 74340; 7. Рокс. 78 № 429.

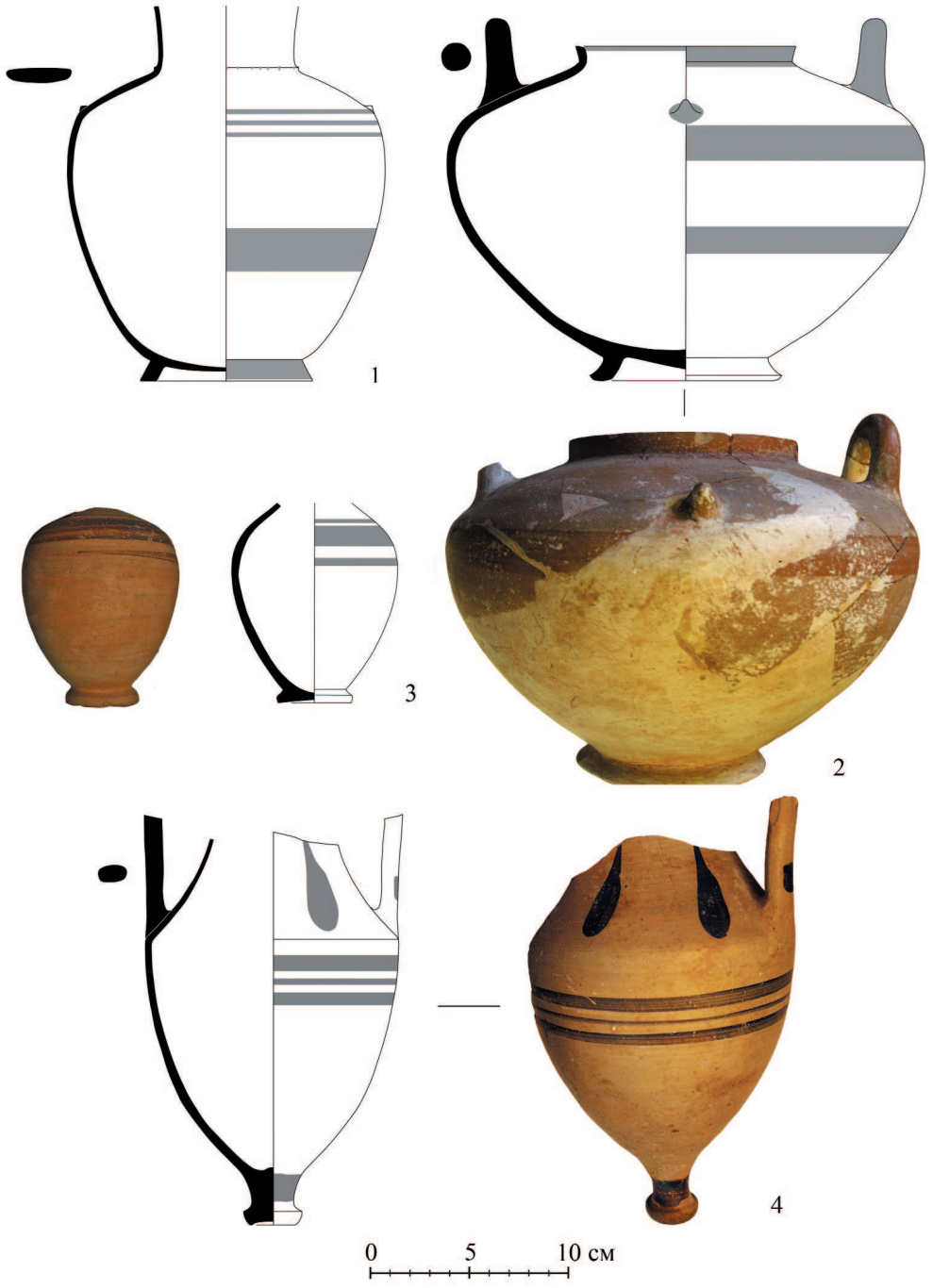

Рис. 6. Ионийская полосатая керамика: 1. № 75168; 2. № 75147; 3. № 75145; 4. № 72218.

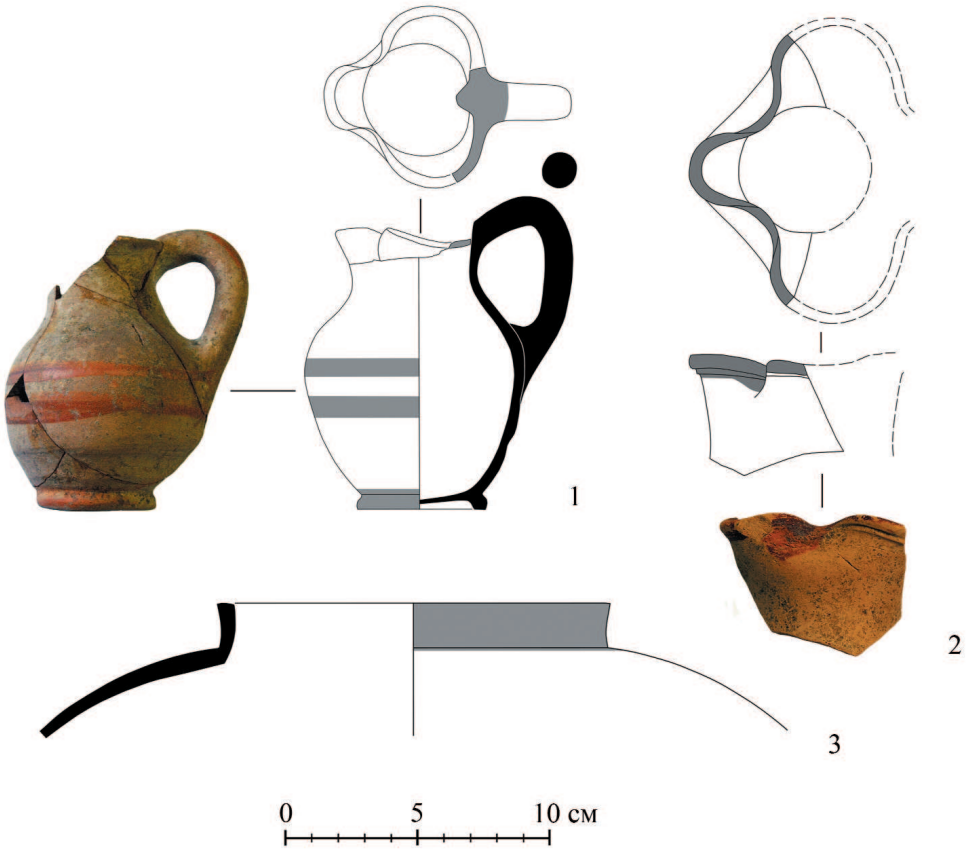

Рис. 7. Ионийская полосатая керамика: 1. № 76443; 2. № 94258; 3. № 72700-2.

Рис. 8. Ионийская полосатая керамика: 1. № 86463-1; 2. № 86467; 3. № 74408; 4. № 74457; 5. № 72702-2.

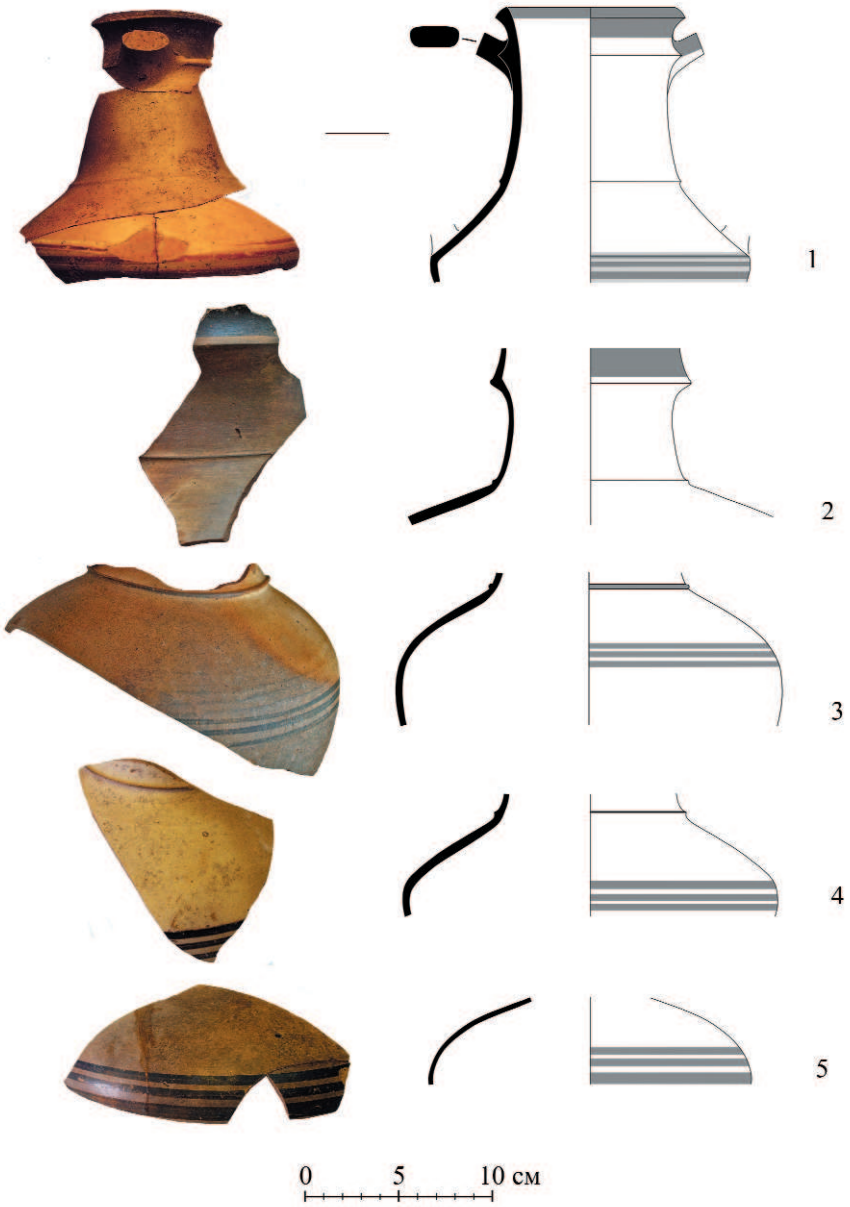

Рис. 9. Ионийская полосатая керамика: 1. № 80044; 2. № 76391; 3. № 80044-2; 4. № 75164-4; 5. № 72692-1.

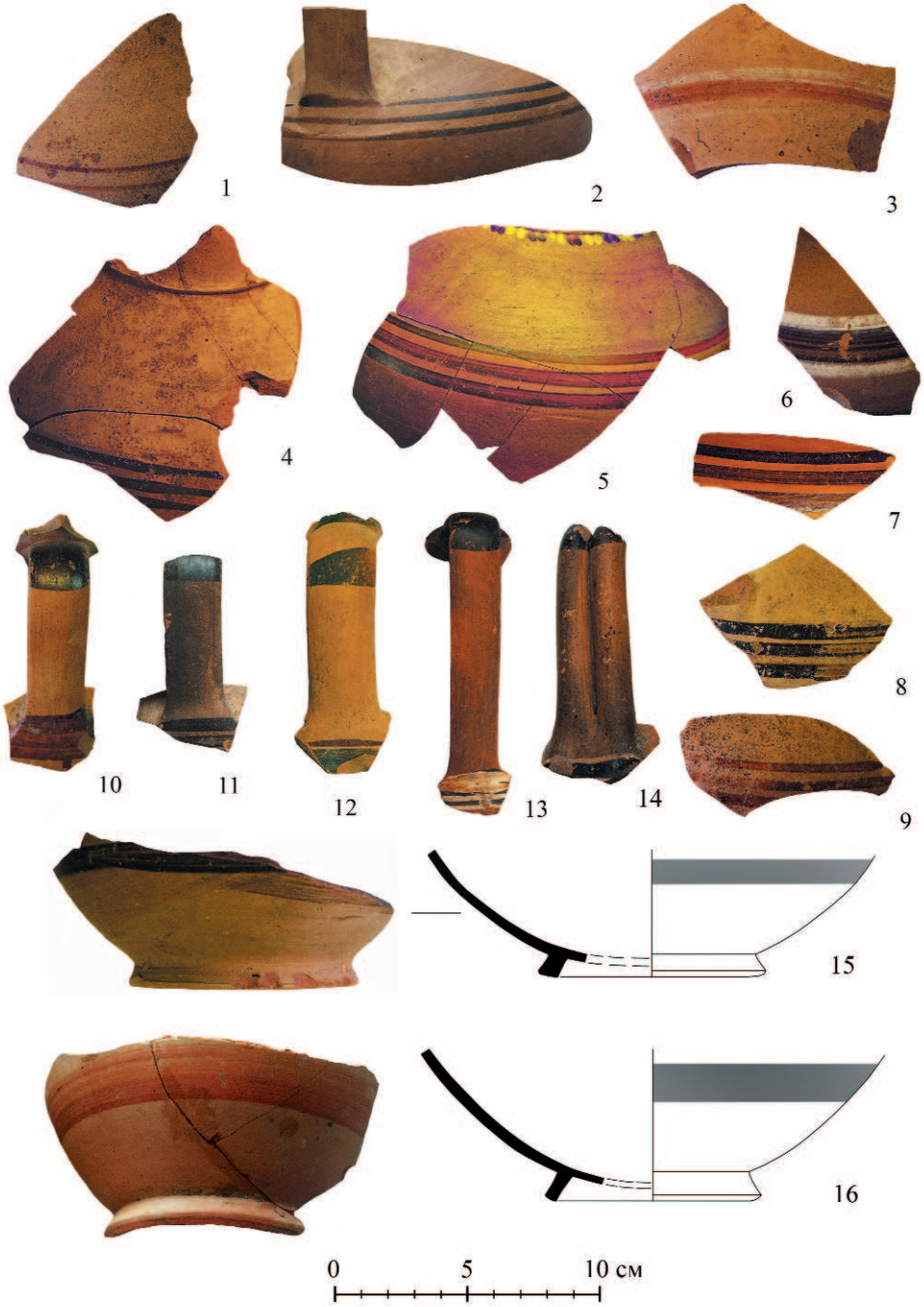

Рис. 10. Ионийская полосатая керамика: 1. № 74345-3; 2. № 76401; 3. № 72694-3; 4. № 75164-3; 5. № 86389; 6. № 86274; 7. № 86389; 8. № 72429; 9. № 72692-2; 10. № 86388; 11. № 74359-1; 12. № 93653; 13. № 75055; 14. Рокс. 89, яма № 352; 15. № 74356; 16. № 86463.

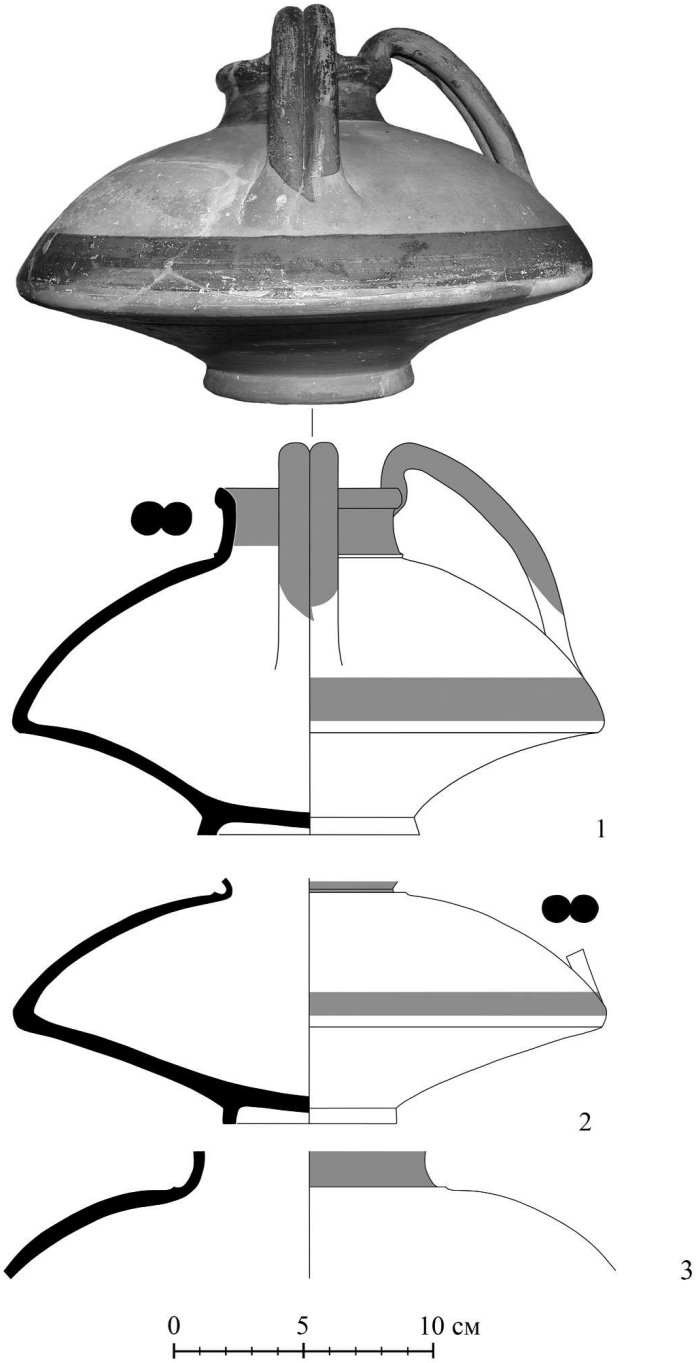

Рис. 11. Грибовидные полосатые кувшины: 1. № 72191; 2. № 92026; 3. № 72700-1.

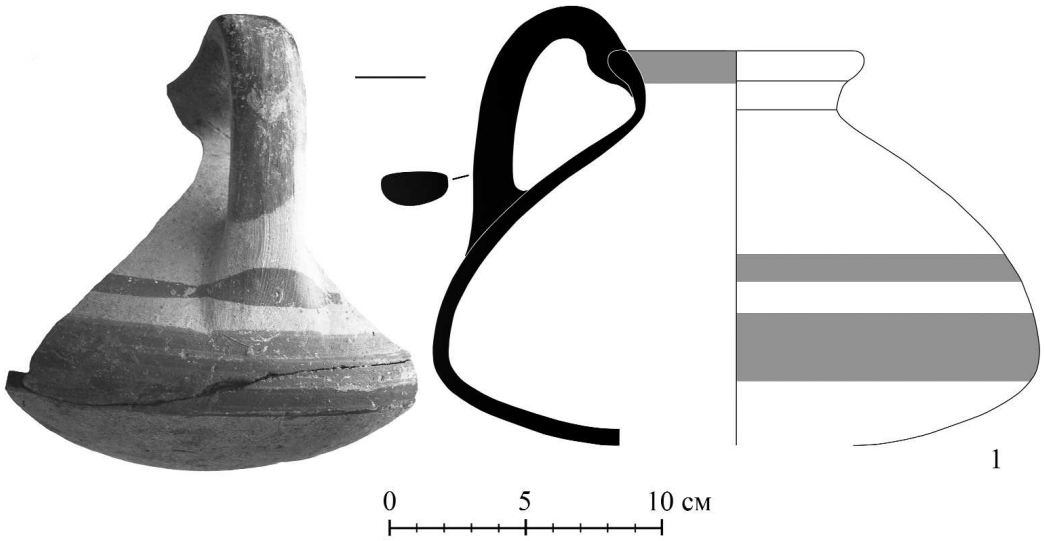

Рис. 12. Грибовидный полосатый кувшин: 1. № 76432-2.

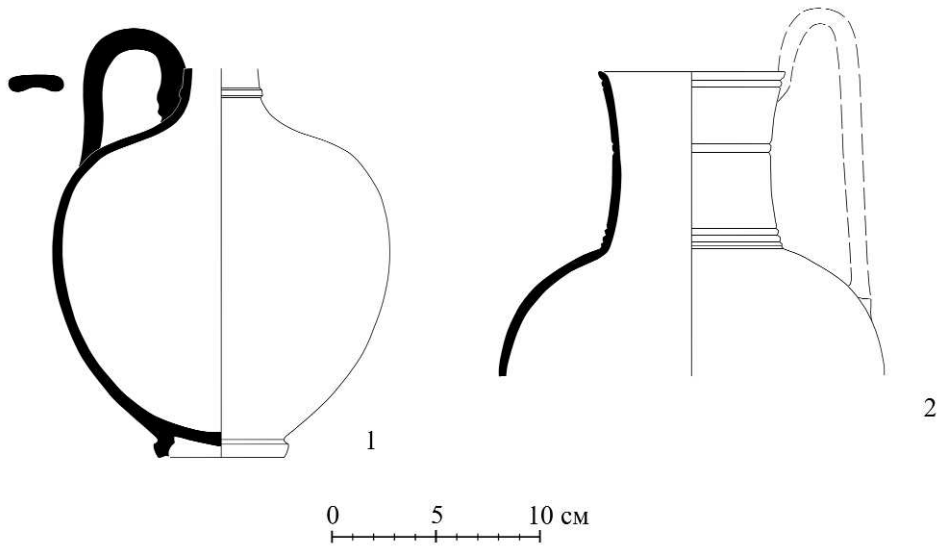

Рис. 13. Ионийская монохромная керамика: 1. № 75144; 2. № 72633.

Рис. 14. Ионийские полосатые аски: 1. № 76442; 2. № 84661; 3. № 74275-1; 4. Рокс. 66 б?; 5. Рокс. 66 № 111/357; 6. Рокс. 89 № 155.

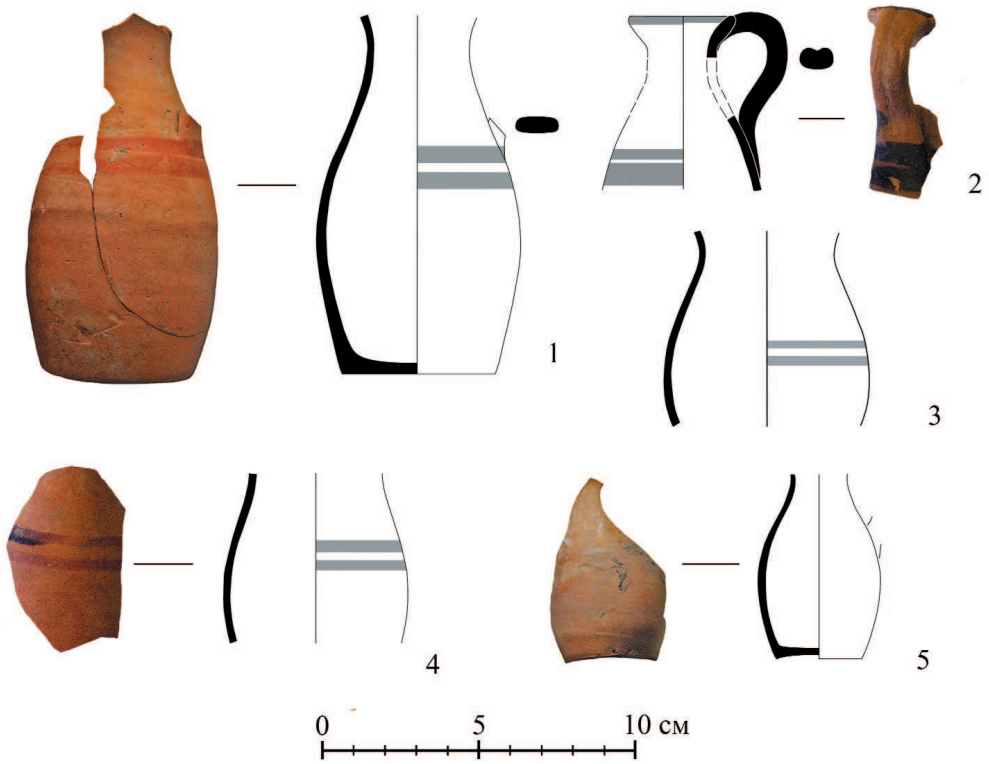

Рис. 15. Ионийские полосатые миниатюрные ольпы: 1. № 91435; 2. № 74275-9; 3. № 80044-1; 4. № 74362-1; 5. Рокс. 73 № 6.

Рис. 16. Полосатые чаши: 1. № 74081; 2. № 91483; 3. № 72263; 4. № 93664; 5. № 72228; 6. № 76419.

Рис. 17. Полосатые чаши с ручкой: 1. № 72564; 2. № 75064; 3. № 80562.

Рис. 18. Полосатые леканы: 1. № 76470-1; 2. № 83391; 3. № 74073; 4. № 84550.

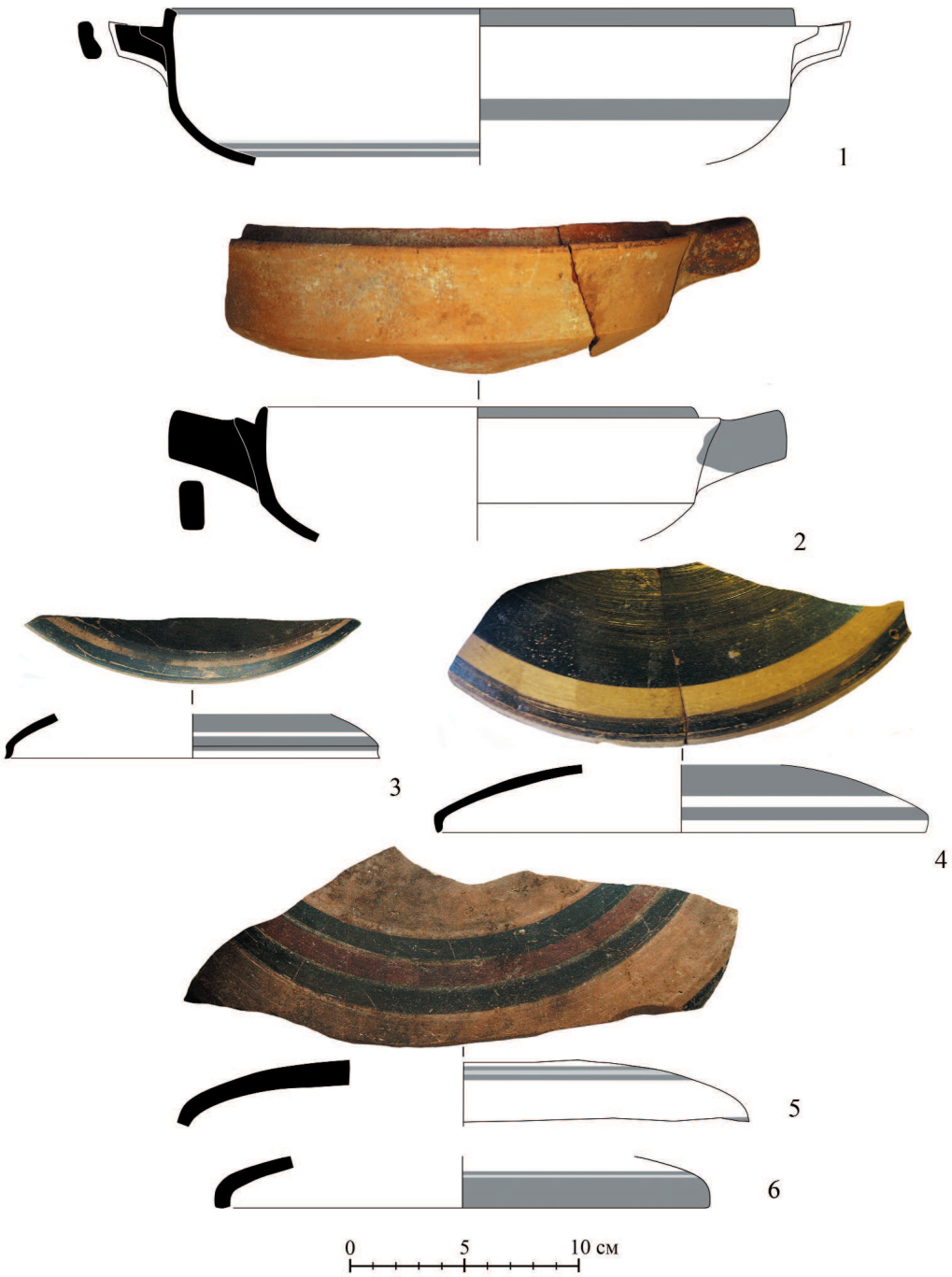

Рис. 19. Полосатые леканы: 1. № 72690-1; 2. № 74460-1; крышки лекан: 3. № 72538; 4. № 83402; 5. № 74342-4; 6. Рокс. 73 №? 102.

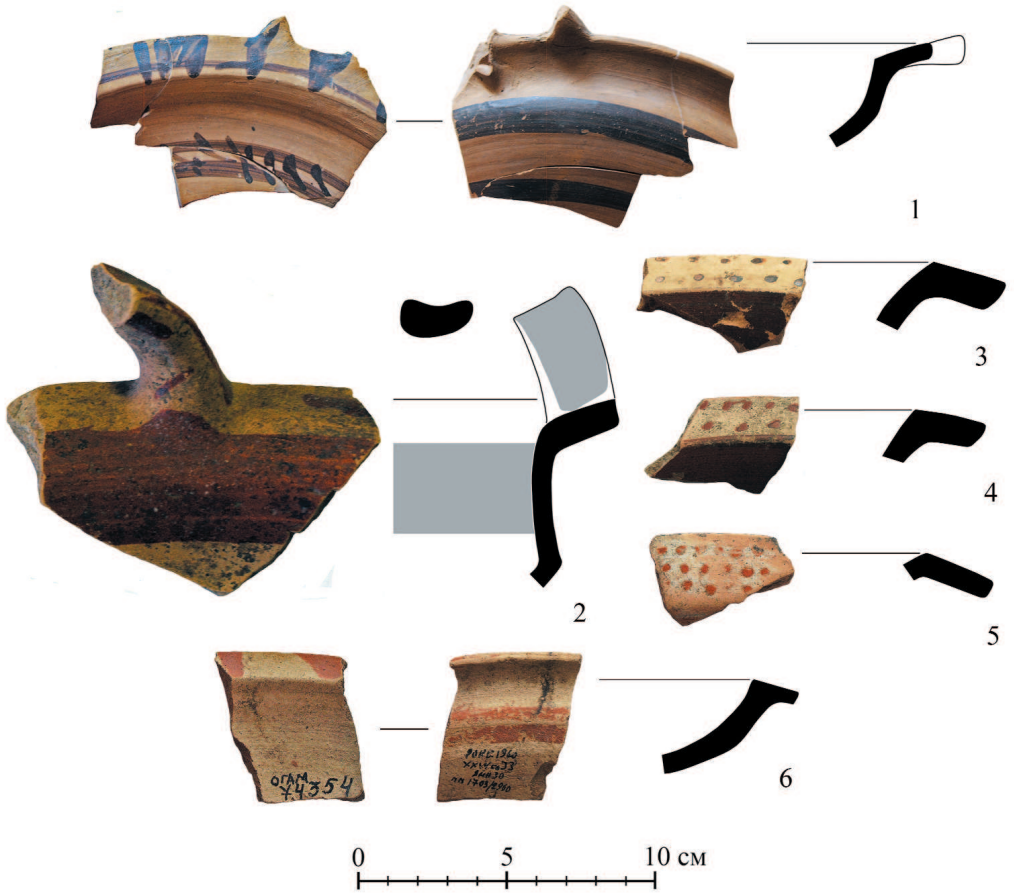

Рис. 20. Леканы: 1. Рокс. 76 № 21; 2. № 76415-1; 3. № 72695-1; 4. № 76415-2; 5. № 75087/2; 6. № 74354.

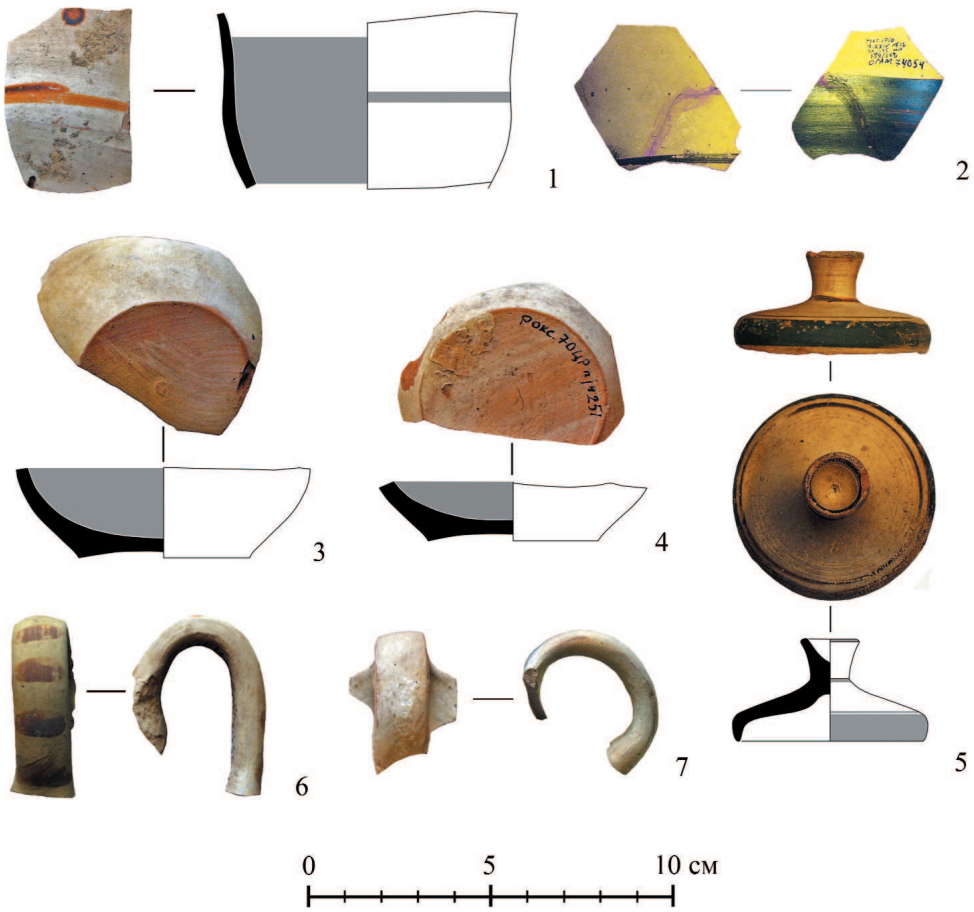

Рис. 21. Хиосская керамика: 1. Рокс. 72 № 3; 2. № 74054; 3. Рокс. 74 № 74; 4. Рокс. 70 № 251; 5. № 84733; 6. Рокс. 73 б№; 7. Рокс. 73 б№.

Рис. 22. Хиосская керамика: 1. № 74402; 2. № 82878; 3. № 72706-2; 4. № 80578; 5. № 86466.

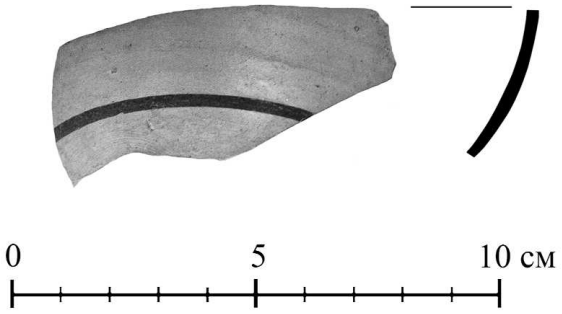

Рис. 23. Коринфский лекиф: 1. № 80066.

сдвоенных точек под горлом (рис. 9, рис. 10, 5). Следует отметить, что в ольвийском керамическом комплексе такие амфоры также известны (Буйских 2013: кат. 9.117-9.121). Совместная находка подобной амфоры из некрополя Гермонассы с чернолаковой аттической посудой дает первую половину V в. до н.э. (Гайдукевич 1959: рис. 11).

Место производства таких амфор остается нелокализованным точно, Г. Якопи предположил их производство на Родосе (Jacopi 1929: 178). В дальнейшем на этой локализации не настаивали, но и не опровергли, а при публикации таких находок из родосских некрополей указывали, что их находки на острове многочисленны. В историографии по Северному Причерноморью (см.: Гайдукевич 1959: 164) такая атрибуция традиционна. Однако, судя по разной технологии выполнения таких сосудов и, прежде всего, наличию светлого покрытия у ряда экземпляров, найденных в Ольвии (Буйских 2013: кат. 9.101, 9.103), можно предположить, что эти амфоры выпускали несколько разных центров.

Среди ионийских полосатых закрытых форм выделяются т.н. грибовидные кувшины – приземистые биконические сосуды с одной или двумя расположенными под углом ручками, чаще всего двухстворчатыми, на широком кольцевом поддоне. Никонийские сосуды представляют практически всю известную динамику их форм: от ранних, с коротким цилиндрическим горлом, имеющих округлую верхнюю часть и вогнутую нижнюю, причем нижняя меньшая по высоте (рис. 11, 1) до поздних, без горла, с округлой верхней и нижней частью (рис. 12, 1). Сосуды с прямой стенкой ниже перегиба плечей (рис. 11, 2) представляют, скорее всего, промежуточную форму. Появление таких кувшинов следует относить, судя по находкам в комплексах ольвийского предместья, еще к концу VI в. до н.э., а формы с округлой придонной частью стенки – ко второй половине V в. до н.э. (Буйских 2013: кат. 9.122-9.125). Грибовидные кувшины с прямой и округлой нижней частью стенки известны и в керамической коллекции раннего Херсонеса (Рыжов, Лесная 2018: рис. 1, 2–4).

Морфологически к полосатой керамике позднеархаического времени примыкают и два монохромных одноручных сосуда. Арибаллический лекиф (рис. 13, 1), судя по деталям профилировки, принадлежит импорту. Такая форма с поднятой ручкой и профилированным поддоном хорошо известна по ионийским полосатым аналогам (см. напр.: Скуднова 1988: кат. 90). Монохромные ольпы с поясками по горлу получили распространение среди импортной керамики в Борисфене еще в первой половине VI в. до н.э. От никонийского экземпляра (рис. 13, 2) они отличаются менее высоким горлом и идентичным количеством симметрично расположенных поясков (Борисфен – Березань 2005: кат. № 68). Керамологические анализы позволили в предположительной форме отнести такие сосуды к продукции Ким в Эолии (Posamentir, Solovyov 2007: Abb. 3, 7). Сосуд, найденный в Никонии, следует датировать более поздним временем, но, как представляется, не позднее рубежа VI–V в. до н.э. По комплексам V в. до н.э. из Северного Причерноморья нам такие сосуды не известны. Более того, можно предположить, что ольпа из Никония является наиболее поздним вариантом эолийских (?) монохромных ольп указанного типа.

К ионийской полосатой керамике типологически относятся и кольцевые аски с центральной трубкой и перекидной ручкой. При анализе никонийских изделий мы использовали не потерявшую своего значения типологию, разработанную В.М. Скудновой на основании обширной коллекции ольвийских асков, согласно которой основным хроноиндикатором является форма аска (Скуднова 1945: 131 сл.). Для изделий второй половины VI – начала V в. до н. э. характерно посаженное под

углом узкое горло, причем к концу этого времени угол наклона уменьшается, узкой цилиндрической трубкой с изломом у основания стенки и переходом от прямоугольной в сечении формы тулова к трапециевидной. Среди никонийских асков наиболее ранним, не позднее последней трети VI в. до н.э., является фрагмент с относительно вертикальными стенками вместилища (рис. 14, 4). Все же остальные аски, скорее всего, датируются уже началом – первой половиной V в. до н.э. (рис. 14, 1–3, 5–6). Такие аски происходят из погребений первой половины V в. до н.э. в некрополе Гермонассы (Гайдукевич 1959: рис. 44, 1) и Ольвии (Скуднова 1988: кат. 164; 210).

Миниатюрные полосатые ольпы, как и аски, входят в перечень керамических форм, типичных для позднеархаического времени (Bujskikh 2014: fig. 7, 3–4). Это сосуды с одной ручкой на плоском или уплощенном поддоне, декорированные сдвоенной полосой разной ширины у основания ручки, выше перегиба плечей, с полосой по краю венца. Ольпы из Никония стандартны (рис. 15, 1–4), они датируются концом VI – началом V в. до н.э., близкие аналогии массово известны в Ольвии (Буйских 2013: кат. 9.151-9.152) и среди инвентаря ольвийского некрополя (Скуднова 1988: кат. 217). Монохромные сосуды (рис. 15, 5) более поздние, датируются практически всем V в. до н.э.

Открытые формы, имеющие полосатый декор, представлены разнообразными мисками с загнутыми венчиками, в том числе с одной ручкой, их миниатюрными репликами, а также леканами и крышками к ним. Все миски (рис. 16, 1–4; 17, 1–3) принадлежат тому варианту, который в литературе определяется как «керамика ионийского типа», имитировавшая формы и декор привозных сосудов (Книпович 1940: 165). Массовые находки таких сосудов в закрытых комплексах Ольвии и ее предместья первых трех четвертей V в. до н.э.; уже позволили предположить их местное производство (Буйских 2013: 140, кат. 9.250-9.273). Интересно, что и на поселении Приморский бульвар также обнаружены близкие по форме и декору миски (Буйских, Редина: 2015: 118, рис. 1–2). Кроме того, именно такие чаши открывают керамическую коллекцию, найденную на территории Херсонеса Таврического (Лесная 2018: рис. 4, 5; 2018 а: 61 сл., рис. 1). Миниатюрные одноручные чашечки (рис. 16, 5–6), скорее всего, принадлежат привозной продукции. Как правило, их дата не выходит за пределы рубежа VI–V в. до н.э., как и в Ольвии, они представлены двумя основными вариантами декоративного решения – с окрашенной лаком верхней частью внутренней стенки и с полосами в интерьере (Буйских 2013: 140, кат. 9.316-9.338). Эта дата подтверждена находками таких и близких чаш в комплексах погребений некрополей Ольвии (Скуднова 1988: кат. 136; 236) и Фанагории (Завойкин, Колесников, Сударев 2016: рис. 89; более поздняя форма, без декора: рис. 37).

Отдельный интерес представляет коллекция полосатых туалетных лекан (рис. 18, 1–2, 4; 19, 1–2) и крышек к ним (рис. 19, 3–6), как правило, широко использовавшихся в быту. Все они принадлежат одному варианту формы с внешней закраиной. Среди лекан выделяется привозной экземпляр с волнистым декором по плечам (рис. 18, 1). Практически аналогичные по форме и декору сосуды происходят из Ольвии и ее предместья (Буйских 2013: кат. 9.342, 9. 344). Такой сосуд датируется рамками последней трети VI в. до н.э. Остальные леканы с полосами по внутренней и внешней стенкам, в которых прослеживается тенденция к утонению полос (рис. 18, 2, 4; 19, 1) вплоть до их полного исчезновения (рис. 19, 2), датируются концом VI – первой половиной – серединой V в. до н.э. Необходимо отметить, что ряд лекан

имеет визуальные аналогии с сосудами местного производства, происходящими из разных памятников Северной Эгеиды (Perron 2013: pl. 16–23, 49, 50). В коллекции известна гибридная форма, сочетающая морфологические признаки туалетных лекан и мисок (рис. 18, 3).

Крышки к туалетным леканам достаточно стандартны (рис. 19, 3–6), судя по профилю, все они предназначались для лекан с внешней закраиной. Такие и близкие по форме и полосатому декору крышки хорошо известны в керамической коллекции Ольвии (Буйских 2013: кат. 9.373-9.374, 9.384-9.385). Обращает внимание наличие в коллекции фрагмента с полосами лака, которые чередуются с тонкими полосами белой краски (рис. 19, 5). Такая манера декора характерна для многих сосудов североионийского производства (т.н. круг Клазомен). Как видно по массовым находкам из Ольвии, этот декоративный мотив использовался как в закрытых, так и открытых формах (Буйских 2013: кат. 4.225-4.243). Крышка леканы с аналогичным декором из Ольвии (Буйских 2013: 9.383) была, как и прочие сосуды, продатирована в широких рамках второй половины VI в. до н.э. Находка фрагментов амфоры с подобным декоративным элементом ниже позднеклассической улицы в Херсонесе (Рыжов, Лесная 2018: рис. 1, 1) дает основание предположить, что верхнюю хронологическую границу для североионийских сосудов с перемежающимися полосами лака и белой краски можно повысить до начала V в. до н.э.

Помимо туалетных, известны также т.н. хозяйственные леканы (рис. 20, 1–6). Как правило, это большие открытые толстостенные сосуды с широкими отогнутыми венцами и боковыми вертикальными или горизонтальными ручками, крепившимися на краю или на уровне плечей (см. подр.: Lüdorf 2000: 4 ff.). Такие сосуды преимущественно крышками не накрывались. Никонийские хозяйственные леканы, судя по декоративным элементам и технике исполнения, принадлежат импорту, часть из них также вполне могут иметь североэгейское происхождение (Perron 2013: pl. 50–51). Они также сопоставимы с ольвийскими материалами (Буйских 2013: кат. 9.361-9.366).

К категории керамики ионийского происхождения традиционно относится и керамическая продукция о. Хиос. Все сосуды хиосского производства из Никония надежно атрибутированы по плотному белому или черному лаковому покрытию. Наиболее распространенными являются сосуды для питья, канфары. Все они – и с белым (рис. 21, 1–4, 7), и с черным (рис. 22, 1–5) покрытием относятся к типу B2 (по Д. Уильямсу), имеют вертикально посаженные плоские, округлой формы ручки, плоское дно, край в виде расширяющегося раструба (Williams 1983: 169). Канфары с белым покрытием имеют черное лаковое покрытие в интерьере с белой полосой под краем. При стандартной морфологии датирующим признаком для таких сосудов является их форма, размеры и детали декора. Динамика прослежена от невысоких приземистых чаш усеченно-конусовидной формы до вытянутых чаш с курватурой стенки в месте нижнего прилепа ручек, в интерьере полоса меняется от тонкой к широкой. Поэтому один из никонийских канфаров (рис. 21, 1) надежно датируется началом – первой половиной V в. до н.э. Близкой аналогией может служить канфар из некрополя раннего Херсонеса (Стоянов 2007: 140, рис. 2, 1а-б). Такие канфары являются массовым импортом в Ольвию (Буйских 2013: кат. 10.141-10.10.144). Чернолаковые канфары той же формы (рис. 22, 1–5) также известны по материалам погребальных комплексов некрополя Ольвии раннеклассического времени (Козуб 1974: рис. 10, 4). Коллекция хиосских сосудов из Никония также содержит ручку с

пятнами лака от миниатюрной ольпы (рис 21, 6), время производства которых вряд ли выходит за пределы VI в. до н.э. (аналогию см.: Скуднова 1988: кат. 194). Крышка пиксиды (рис. 21, 5) нами отнесена к хиосскому производству несколько условно, в основном благодаря наличию плотного белого покрытия по внешней стенке. Такая крышка, как и сама пиксида, уже известна в Ольвии (Буйских 2013: кат. 10.123). Совместная находка такой пиксиды с крышкой и чернолакового аттического килика в некрополе Нимфея позволили датировать их первой половиной V в. до н.э. (Силантьева 1959: рис. 18, вверху).

Коринфская керамика в коллекции Никония представлена пока единственным экземпляром – фрагментом нижней части монохромного лекифа с тонкой пурпурной полосой (рис. 23). Такие сосуды относятся к наиболее позднему периоду производства расписной керамики в Коринфе и принадлежат т.н. белому стилю (Букина 2012: 49 сл.). Сосуды, декор которых был сведен до тонких полос, известны для всего V в. до н.э., а по некоторым данным – и в начале следующего столетия (Risser 2001: cat. 519 ff.). Лекифы, аналогичные никонийскому, происходят из некрополя Ольвии (Буйских 2013: кат. 13.171-13.172).

Проведенное изучение коллекции ранней расписной керамики из Никония, выяснение ее количественного и типологического состава, атрибуция сосудов и их фрагментов согласно известным производственным центрам-импортерам, а также анализ основных декоративных мотивов позволили прийти к нескольким выводам. Прежде всего, не подлежит сомнению, что Никоний входит в число колониальных памятников античной эпохи, основанных в Северо-Западном Причерноморье в VI в. до н.э. При этом несколько типологически разных сосудов из коллекции позволили уточнить время основания, сузив его до последней трети / четверти этого столетия. Поставить точку в этом вопросе можно будет лишь при таком же детальном анализе аттической керамики. Также за будущими исследованиями остается вопрос о политических и экономических причинах, приведших к возникновению этого центра, равно как и поселений к северу от него, вдоль побережья Днестровского лимана. Пока же очевидно, что появление Никония следует рассматривать в одном хронологическом ряду и с основанием памятников в Одесском заливе. Это значит, что на современном этапе исследований изучение исторического развития значительной части региона Северо-Западного Причерноморья, между Истрией и Борисфеном-Ольвией, наполняется новым смыслом лишь при наличии новых аргументов, среди которых роль массовых археологических материалов трудно переоценить.

Литература

Античный Никоний и мир племен Северо-Западного Причерноморья. 2018. Материалы «круглого стола», посвященного юбилею Н.М. Секерской и 60-летию начала раскопок Никония (Одесса, 18 мая 2017 г.). Одесса.

Борисфен – Березань. 2005. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 23 июня – 11 сентября 2005 г. СПб.: ГЭ.

Буйских А.В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). К.: Стародавній світ.

Буйских А.В. 2016. Ионийские килики из Борисфена // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (18).

Буйских А.В. (в печати). Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). К.

Буйских А.В., Редина Е.Ф. 2015. Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблема хронологии // МАСП 13.

Букина А.Г. 2012. Коринфские вазы с орнаментальными росписями белого стиля // РА. № 1.

Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА 69.

Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследователей. Т. 4, 2. М.

Капошина С.И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА 69.

Кашаев С.В. 2009. Некрополь Артющенко-2 // БИ 22.

Книпович Т.Н. 1940. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. Т. 1. К.

Козуб Ю.І. 1974. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. Київ.

Козуб Ю.І. 1979. Передмістя Ольвії // Археологія 29.

Кузнецов В.Д. 1991. Кепы: ионийская керамика // СА 4.

Лесная Е.С. 2018. Несколько комплексов раннеклассического времени из Херсонеса // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. Т. 18. Вып. 3.

Лесная Е.С. 2018а. Имитации некоторых форм восточногреческой столовой керамики из раскопок Херсонеса // БФ. Ч. 2.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.-Саратов.

Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. К.

Рыжов С.Г., Лесная Е.С. 2018. О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе // // Боспорские чтения XIX. Симферополь – Керчь

Секерская Н.М. 1979. Архаическая керамика из Никония // МАСП 8.

Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. К.

Секерская Н.М. 1997. Итоги исследований Никония за 40 лет (1957–1997) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Секерская Н.М. 2013. Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.

Секерська Н.М., Буйських А.В. 2018. Про час заснування Ніконія (за матеріалами східногрецької кераміки) // Археологія 1.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА 69.

Скуднова В.М. 1945. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды отдела истории искусства и культуры античного мира. Т. 1. Л.

Скуднова В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.

Стоянов Р.В. 2007. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ 2.

Форнасье Й., Буйских А.В., Кузьмищев О.Г. 2017. Новые данные об ольвийском предместье // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького). К.

Alexandrescu P. 1978. La céramique d'époque archaique et classique (VIIe – IVe s.) // Histria IV. Bucureşti, Paris.

Bujskikh A.V. 2014. On a Typical Ceramic Deposit of the 6th Century BC in the Northern Black Sea Territory: Olbia Pontike and Tyritake // Tyritake – antique site at the Cimmerian Bosporus. Proceedings of the international conference. Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw.

Jacopi G. 1929. Scavi nella necropoli di Jalisso 1924–1928 // Clara Rhodos III. Rodi.

Jacopi G. 1931-39. Scavi nelle necropoli Camiresi 1929–1930 // Clara Rhodos IV. Rodi.

Jacopi G. 1932. Esplorazione archeologica di Camiro. II // Clara Rhodos VI. Rodi.

Ersoy Ya.E. 2004. Klazomenai: 900–500 BC. History and Settlement Evidence // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki.

Laurenzi L. 1936. Necropoli Ialisie (scavi dell'anno 1934) / Clara Rhodos VIII. Rodi.

Lüdorf G. 2000. Die Lekane. Typologie und Chronologie einer Leitform der attischen Gebrauchskeramik des 6. – 1. Jahrhunderts v. Chr. // Internationale Archäologie. Bd. 61.

Perron M. 2013. La production et la diffusion des céramiques utilitaires de style à bandes à Argilos et dans le Nord de l'Égée aux périodes archaïque et classique. Thèse de Doctorat, Montréal – Paris. Panthéon-Sorbonne – Paris I // https://tel.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/1011569/filename/2013-04_-_PERRON_-_Pro.pdf.

Posamentir R., Solovyov S. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St.-Petersburg II // IstMitt 57.

Risser M.K. 2001. Corinthian Conventionalizing Pottery // Corinth VII V. Princeton.

Schlotzhauer U. 2001. Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet (Diss. Ruhr-Universität Bochum) // Available at: http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/ SchlotzhauerUdo/diss.pdf. (Accessed 03.11.2017).

Williams D. 1983. Aegina, Aphaia-Tempel. V. The Pottery from Chios // AA Hft. 2.

Summary

The collection of pained table wares from archaic – early classical Nikonion is analyzed in the paper. 130 items that belong to the Eastern Mediterranean imports and colonial imitations were attributed and classified in accordance with modern methodic. Nikonion collection includes table pottery and special ceramic forms that are usual for ceramic collections from the Northern Black sea sites founded in the 6th century BC. It contains some monochrome amphoriskoi produced in Miletus before and soon after the Persian destruction in 494 BC. The large assemblage of Ionian cups includes forms from the beginning of the last third of the 6th century up to the turn between the 6th and 5th centuries BC. Ionian simple waved pottery is represented with numerous fragments of closed forms – hydriae, table amphoras, olpai, oenochoe and askoi. There are also a number of different opened forms, mainly plates and dishes. Special forms are reflected in lekanai of different dimensions together with their lids. Some of them are typical for late-archaic time, some forms and ornaments were used up to the end of the 5th century BC. Chian pottery is represented with white-slipped and black-glazed ceramic – kantharos and small olpai. Corinthian production is amazingly small; there was found only one monochrome lekythos belonged to white style, usual for the 5th century BC. To summarize, the overlook of the collection of early pained pottery excavated in Nikonion permits to make a proof conclusion that this city was founded at the beginning of the last third of the 6th century BC. At present Nikonion is the earliest Greek colony between Histria and Borysthenes-Olbia, placed in the Lower-Dniester region.

Н.М. Секерская

Краснофигурные котилы из собрания Одесского археологического музея

Среди краснофигурных ваз в Одесском археологическом музее обращают на себя внимание две краснофигурные котилы. Речь идет об одном реставрированном сосуде и нескольких фрагментах второго. Реставрированный сосуд поступил в музей в качестве дара от А.Л. Бертье-Делагарда как найденный в Ольвии (инв. № 26606). Сосуд склеен из 15 фрагментов, места стыков обломков иногда дополнены какой-то массой, возможно, гипсом и затонированы. Высота сосуда 7,4 см, диаметр венчика 9,5 см, диаметр дна 5,3 см. С обеих сторон на сосуде представлена краснофигурная роспись. На стороне А изображена стоящая сова, повернутая влево, которую с двух сторон окружают ветки оливы (рис. 1). Сторона Б расписана аналогично стороне А, просматриваются только небольшие отличия в отдельных деталях изображения совы (рис. 2). В нижней части сосуда идет узкая полоска, оставленная в цвете глины, на которой помещены совы и ветки оливы.

В середине прошлого столетия Ф.П. Джонсон собрал все известные ему сосуды с изображением совы и провел их классификацию, тщательно проанализировав стилистические особенности росписи, обращая особое внимание на изображение глаз, клюва, перьев (Johnson 1955: 119–124). Ольвийский экземпляр по классификации Ф.П. Джонсона принадлежит к хронологической группе середины – третьей четверти V в. до н.э. (Johnson 1955: 122). Ф.П. Джонсон и другие исследователи, изучавшие сосуды с изображением сов, сосуды, служившие для питья, называли скифосами и полагали, что они посвящались Афине, в святилищах которой они часто встречаются (Георгиева 2005: 168–172; Вдовиченко 2008: 60). М. Мур в конце прошлого столетия, изучая материалы Афинской агоры, обратила внимание на группу сосудов с изображением сов, которые имеют одну горизонтальную ручку, как у скифосов, а вторую вертикальную. Автор выделила эти сосуды в отдельную группу (Moore 1997: 63–64). Еще в середине XX столетия В.Д. Блаватский писал, что котилы по форме близки скифосам. Это двуручный сосуд с широким устьем и узким основанием. Одна ручка горизонтальная, имеет обычную для скифоса форму, другая, вертикальная, представляет собой почти кольцеобразную изогнутую пластину (Блаватский 1953: 48). Котила в Древней Греции – мера сыпучих и жидких продуктов и равна 1274 г. На ольвийской котиле сохранились граффити. Под вертикальной ручкой процарапано граффити с посвящением Афродите с эпиклесой «владычица» Апатура (рис. 4). Под горизонтальной ручкой сохранилось граффити с исправлениями, которые можно прочесть: «от анфестерий до апатурий» (рис. 5). Возможно, дедикант имел в виду время от праздника Анфестерий, который был связан с богом Дионисом и проходил 11–13 анэстериона (февраль – март) до Апатурий, праздника, который проходил в месяце апатурион 27–29 (октябрь – ноябрь). В праздник Апатурий родившихся детей записывали во фратрию родителей. Геродот свидетельствовал, что апатурии праздновали все ионяне, кроме эфессцев и колофонян (Hdt., I, 47). Еще одно граффити размещается на донышке котилы (рис. 3) и свидетельствует о принесении сосуда в дар Гермесу, возможно, Гермесу – покровителю путешественников. Граффити на стенках и донышке котилы указывают, что сосуд был принесен в святилище

Афродиты и Гермеса и посвящен этим богам, т.е. они имели общее святилище в Ольвии. О существовании общего святилища Афродиты и Гермеса в Ольвии писал Ю.Г. Виноградов (Виноградов, Русяева 1980: 23–24). Святилище было найдено при исследовании второго священного участка Ольвии и существовало сравнительно непродолжительное время в V–IV вв. до н.э. Среди находок при исследовании святилища найден небольшой фрагмент верхнего края венчика краснофигурного скифоса (по определению Ю.Г. Виноградова). На фрагменте сохранилась верхняя часть совы, стилистические особенности росписи позволяют отнести сосуд к хронологической группе второй четверти V в. до н.э. по классификации Ф.П. Джонсона. Вдоль верхнего края венчика процарапана надпись. Граффити, оборванное с двух сторон, содержит совместное посвящение Гермесу и Афродите. Данная надпись, по мнению Ю.Г. Виноградова, является прямым указанием, что исследованное «святилище» было посвящено Гермесу и одновременно Афродите как двум сохрамным или соалтарным божествам (Виноградов, Русяева 1980: 23). Котила из собрания Одесского музея также содержит посвящение Афродите и Гермесу и хронологически совпадает со временем существования святилища. Это дает основание считать, что наша котила происходит из ольвийского святилища V–IV вв. до н.э. Возможно, что граффити, опубликованное Ю.Г. Виноградовым, является частью не скифоса, а котилы, но размеры фрагмента не позволяют с точностью определить форму сосуда. Котила как мерный сосуд более уместна в святилище Гермеса, покровителя мер и весов.

Фрагменты второго сосуда из коллекции Одесского музея, предположительно котилы, найдены в заполнении помещения при исследовании теменоса Никония. На фрагментах сохранилось изображение веток оливы (инв. № 83393), выполненных в краснофигурной технике. По сопутствующему материалу и рисунку ветвей фрагменты можно отнести к середине V в. до н.э. (Johnson 1955: 122). Диаметр сосуда предположительно 9 см, сохранившаяся высота 6,8 см. Фрагменты сосуда из Никония по размерам и форме венчика, слегка загнутого внутрь, можно отнести к котилам. Сосуды с изображением совы и ветвей оливы довольно редко встречаются при раскопках античных памятников, и поэтому очень важна фиксация всех находок этих сосудов.

В научный оборот введены два сосуда из собрания Одесского музея. Конечно, сосуды с изображением совы и ветвей оливы требуют отдельного изучения, но уже сейчас можно сказать, что они не всегда приносились в храмы Афины, а котилы больше связаны с Гермесом как покровителем мер и весов.

Литература

Блаватский В.Д. 1953. История античной расписной керамики. М.

Вдовиченко И.И. 2008. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). Симферополь.

Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. 1980. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.

Георгиева Р. 2005. Чернофигурен аттически скифос от Карнобат // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis.— Suppl. IV. Sofia.

Johnson F.P. 1955. A note of Owl skyphoi // AJA vol. 59.

Moore M.B. 1997. Attic red-figured and white-ground pottery // The Athenion Agora. Princeton. V. XXX.

Рис. 1. Сторона А.

Рис. 2. Сторона Б.

Рис. 3. Граффити под горизонтальной ручкой.

Рис. 4. Граффити на донышке.

Рис. 5. Граффити под вертикальной ручкой.

Summary

This note is description two cotiles from collection of the Archaeological museum. These vessels were rather rare. Cotiles were found in Olbia and Nikonion and it is very important for economics and culture these antique towns. Cotila is equal 0.274 litre. These vessels bring sacrifice in temple of Germes and Aphrodita. Germes was protector measure and scales.

Ф.В. Шелов-Коведяев

Аполлон ΙΗΤΡΟΣ и Артемида Пифийская
О двух культах милетских апойкий Причерноморья

Религиозная жизнь древних – одна из самых сложных, а порой и запутанных, тем в антиковедении. К счастью, знания о ней продолжают постоянно пополняться благодаря материалам, которые поступают из раскопок.

I

В 1979 году мой гениальный учитель Ю.Г. Виноградов (Vinogradov 1979: 299–300; ср. Виноградов, Русяева 1980; Виноградов 1989: 32–60) выдвинул гипотезу, согласно которой Аполлон «Врач» был ок. 650 г. до Р.Х. определён *коллективным* оракулом Дидимского святилища в качестве вожака и патрона всех,– что доказывается распространением его культа в Синопе, Аполлонии Понтийской, Истрии, Тире, Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Гермонассе, Патрее (Яйленко 2016: 530, прим. 156 – граффито ’Ιη]τρο), Горгиппии,– милетских переселенцев, на период их перебазирования в циркум-понтийскую зону, взамен Аполлона Дельфиния (ср. Толстой 1905: 44–46, где граффито ’Ιητρο ξυνὴ Δελφινίο (sc. κύλιξ) было предложено читать «Врача общий (и) Дельфиния (килик)»), главного почитавшегося в Дидимах божества, а потому и покровителя колонистов из Милета в Пропонтиде, которую от Черноморья отличает и отсутствие эпонимии по эсимнену или жрецу (Ehrhardt 1983: 246, 248), в то время как милетские филы и календарь распространены в обоих регионах (Ehrhardt 1983: 246). Общепризнанной идея стала практически сразу и сохраняет этот статус до сих пор (Ehrhardt 1983: 115 ff., 248; Русяева 1986: 30, 32–33, 62; Русяева 1991: 124–125; Сударев 1999: 213, 216, 224, 227; и др.). С резкой её критикой выступил разве что В.П. Яйленко (Яйленко 2016: 18, прим. 10 – из-за пропуска им самим в списке милетских колоний в Понте, где почитался Аполлон «Врач», Синопы), но до самого последнего времени она оставалась лишь весьма авторитетной мыслью. И вот – почти через 40 лет после её обнародования! – настал момент стать ей твёрдо установленной данностью.

Августом 2017 года на горе Митридат в Керчи был найден фрагмент закраины аттического килика типа С 1 четв. V в. до Р.Х. (М-2017, полевая опись № 158, хранится в фондах ГБУ РК ВКИКМЗ), на котором крупно выписаны литеры ΛΩΝΙΗΤ[1], а между и над ними значительно мельче начертаны – ΤΟΡΙΔΕ (см. рис. 1)[2]. Иначе говоря, имя Аполлона «Врача» – ’Απόλ]λων’ ’Ιητ[ρῶι – *в красисе* и – выше – ’Αγή]τορι Δε[λφινίωι, т.е. Аполлону «Врачу» (Пред)водителю Дельфинию: начала и окончания всех трёх эпиклес уникальны для данного божества, что делает их дополнения безальтернативными. Главенство «Врача» и переход от Дельфиния к нему функций руководства апойками обнаруживается и взаимным соотношением размеров шриф-

[1] Здесь и далее курсивом отмечены неполностью сохранившиеся символы

[2] Благодарю В.П. Толстикова, руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, за предоставленное мне право публикации памятников, вводимых здесь в научный оборот.

тов, и смыслом лексемы ἀγήτωρ. Magistrum glorifico,– его давняя догадка стала аксиомой!

Пантикапейское открытие заставляет вернуться к разговору о семантике эпиклесы Ἰητρός применительно к Аполлону и другим эллинским небожителям, коим она была присуща, а равно о возможных её коррелятах в негреческом языковом ареале. Но прежде – несколько замечаний об этом и сопутствующих ему культах из представленного граффито. Почитание Аполлона «Врачевателя» обладало особым статусом в Истрии, где божество известно как Ἰστρο μεδέων и где должность его жреца передавалась по наследству наподобие дидимских Бранхидов (Vinogradov 1981: 22; Русяева 1986: 38–39 и прим. 69, 57; ср. Ворυσθένε[ος μεδέοντι[3] – Русяева 1986: 42 слл.; Ehrhardt 1983: 139, 240; Виноградов 1989: 79), и на Боспоре, где представители правящей династии Левконидов (Спартокидов) также могли быть его потомственными жрецами (напр., КБН 25; ср. Ehrhardt 1983: 141 (с обзором мнений); Пичикян 1984: 146; Анохин1986: 25; Сударев 1999: 214).

Давно известна у Аполлона и ипостась Ἀγήτωρ (напр., Preller 1923: 250 Anm.3: Аргос). Однако она впервые засвидетельствована для Милета и его колоний, что дарит науке небольшое открытие, ибо после дорийского выявлена в ионийском регионе, и это заставляет задуматься об её общегреческой роли. Обозначала она, надо полагать, ту же функцию, что и более привычный милетянам Ἀρχηγέτης: основатель новых полисов.

Дельфиний (и его древнейшее святилище) в Милете был тесно связан с полисной организацией (Graf 1979: 2–22; Ehrhardt 1983: 143), милетской в том числе, и, судя по имеющимся данным, играл в восточном колонизационном движении ту же лидирующую роль, что и Дельфы в западном (Виноградов, Русяева 1980: 35; Ehrhardt 1983: 133 ff., 146; ср. Русяева 1986: 30 сл.; Виноградов 1989: 79). В Северном Причерноморье непосредственно представлен в Ольвии, Гермонассе (Ehrhardt 1983: 139, 141–142 – с библиографией), и теперь, что тоже есть маленькая сенсация (ранее его наличие можно было предполагать лишь по ЛИ), – в Пантикапее; по характерным антропонимам Мольпас, Мольпагор, Дельфиний et sim. – ещё в Синопе, Кепах и Горгиппии (Ehrhardt 1983: 136, 141–142). В Милете и Ольвии его храм хранил полисные архивы, что подтверждает его специальную и непосредственную связь с полисным строем (Ehrhardt 1983: 45, 120, 130, 139, 140; Виноградов1989: 80). Тем более что в Ольвии Понтийской зафиксированы заодно и коллегия мольпов, и эпонимия эсимнетов. Тогда его несомненное нахождение на горе Митридат (ранее считалось, что он мог находиться у Аполлона «Врача» – см. Vinogradov 1980: 95 f.; Шелов-Коведяев 1986: 69) позволяет ставить вопрос о его святилище как депозитарии важнейших городских документов и в Пантикапее. Что, в свою очередь, будет характеризовать последний полноценным полисом позднеархаического/раннеклассического времени. Поскольку же воздвижение культа Аполлона Дельфиния в Ольвии обязано прибытию туда новой волны колонистов и преодолению возникших в связи с этим проблем (Русяева 1986: 52 слл.; Виноградов 1989: 75, 79), невозбранно предположить, что и на Боспоре его выдвижение отмечает завершение одного из периодов потрясений: неслучайно ведь на пантикапейском городище в 490–480 гг.

---

[3] Яйленко (Яйленко 2016: 16, прим. 5) дополняет Ворυσθένε, где ε=ει, а Борисфен оказывается дубликатом эпитета «Врач», что мне представляется (ср. ниже) рискованным отождествлением.

V вв. до Р.Х. отмечаются следы разрушений, сопровождаемые пожарищем (Шелов-Коведяев, Толстиков 2014: 475, 482–491; Толстиков и др. 2017: 25–27).

Возвращаясь к образу Аполлона Ἰητρός, надо начать с того, что практически изначально и до самого недавнего времени ни у кого не возникало сомнений в том, что названная эпиклеса выражает его сотерическую сущность (напр., Usener 1896: 153; Usener 1899: 148; Толстой 1905: 47, 52–53; Ehrhardt 1983: 144; Vinogradov 1979: 299; Русяева 1986: 34; Сударев 1999: 213). Иногда в её понимание включали катарсические качества – очищение, в том числе от разного рода неурядиц, смут, бед и т.д. (Ehrhardt 1983: 144–146 (с обзором мнений); Русяева 1986: 34, 61; Гиндин 1977: 107–108). Норберт Эрхардт (Ehrhardt 1983: 130, 133, 145 f.) предположил, что возникнуть она могла ещё в Дидимах после колонизации Пропонтиды (где не известна ни она, ни связанные с нею имена). По аналогии с близкими Аполлоновыми прозвищами Οὔλιος (в Милете) и Τερμινθεύς (на освоенных милетцами островах и в Мюусе) он реконструировал характер дидимейского Аполлона в ἰατρικός (Ehrhardt 1983: 144).

Вообще говоря, объяснение выглядит вполне логичным. Во-первых, появление эпитета совпадает с периодом возможной реорганизации милетского полиса (введения эсимнетии и т.д.) и осуществляемой тиранами программы колонизации вслед за ущербом, понесённым Милетом от нашествия киммерийцев и других народов (Ehrhardt 1983: 145). Во-вторых, и собственно врачевательные (недаром Асклепий считался его сыном), и сотерические, и катарсические черты в целом были присущи культу Аполлона (напр., Лосев 1957: 290, 328–329, 343).

Но возникает вопрос: почему, если определяющим было вышеперечисленное, патроном милетских переселенцев в Понт отправился не Дельфиний, отвечавший (см. выше) за залечивание социальных ран, или не прямо Σωτήρ? Ведь такое свойство – «Спаситель, Избавитель» – за Аполлоном тоже числилось. Очевидно, что традиционное толкование хромает.

Недавно попытку дать иную интерпретацию предпринял Яйленко (Яйленко 2016: 15–29, особ. 18–20). Оттолкнувшись от того, что Ἰητρός известен лишь в Черноморском регионе и якобы связан с почитанием больших акваторий и идентичен Аполлону Гиперборейскому[4] (он же, по Яйленко, Аполлон Борей: дух северного ветра), он сблизил ἰατρός – *Fιατρός со слав. Вѣтръ и фрак. *iēthru – «быстрый». В его понимании Ἰητρός есть демон быстрого (преимущественно речного) течения, и стрела, его атрибут,– метафора того же.

Однако, во-первых, новая пантикапейская надпись-граффити демонстрирует, что Аполлон прибыл в Чёрное море в обличье Ἰητρός в готовом виде (ср. Виноградов 1989: 62), придя как покровитель первопереселенцев на смену Дельфинию, и потому не мог быть заимствован у аборигенов Западного и Северо-Западного Причерноморья, каковыми были фракийцы (на худой конец, можно было бы сугубо гипотетически рассмотреть вероятность таковой рецепции в ходе контактов данайцев с фрако-фригийской языковой общностью в Северной Анатолии во II тыс. до Р.Х., но это нуждается в более глубоком изучении, чем пока было проделано Яйленко). Во-вторых, именно Дельфиний, а не «Врач», был древним морским духом,

---

[4] При этом он ссылается на – Лосев 1957: 402. Но тот пишет только о связи Аполлона с гиперборейцами, но не об Аполлоне Гиперборейском, что не одно и то же. Те же замечания приходится высказать и отсылкам к статьям – Crusius 1890 и Daebritz 1914: 258 ff.

хозяином погоды (напр., Лосев 1957: 295; Гиндин 1977: 106–107). В-третьих, установлено, что колонизация всех черноморских побережий совершилась в столь сжатые сроки, что возможность передачи «Врачевателя» по эстафете от апойкий западного берега к их соседям на северном направлении превращается в исчезающую величину. Ясно, что искать предстоит в другом направлении.

Опять-таки, уже Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф пришёл к выводу, что Аполлон имеет малоазийские корни, уходящие, как он полагал на основе его прозваний – Λυκηγενής, Λυκεῖος, Λύκιοτ, – в Ликию (Wilamowitz-Moellendorf 1931: 324 ff.; его взгляд продолжает фигурировать у Kothe 1970 и Schretter 1974). И снова эпиграфика вносит свои коррективы: знаменитая костяная пластинка из Ольвии (Русяева 1986: 26, 33 слл.), фиксирующая этапы освоения греками Нижнего Побужья, ясно свидетельствует, что, как минимум в архаическую эпоху, все они уже были (пере)осмыслены эллинами как волчьи (см. λύκος ἀσθενής).

Идеи Виламовица оказались очень стимулирующими. Многие исследователи проследовали за ним дальше на Восток. Я позволю себе кратко напомнить, куда они пришли. За исключением анатолийских поисков Мартина Нильссона (Nilsson 1955: 562)[5], введённого в заблуждение ложной атрибуцией Магнезии на Меандре двух монет Аполлонии Понтийской, и доверившегося ему Гиндина (Гиндин 1977: 112), дело свелось к следующему. Пауль Кречмер (Kretschmer 1936: 250) связал самый архаичный пласт поклонения Аполлону с хеттами, а Бедржих Грозный (Hrozný 1936: 177 sqq.) вывел его имя из вавилонского abullu- «врата». Нильссон (Nilsson 1955: 559 ff.), не доверяя этимологии Грозного, предпочёл, следуя Зольдерсу, возводить форму Ἀπέλλων не к ἀπέλλα (сход рода, племени у дорян)[6], но к греч. же (глосса Гезихия) πέλλα/πέλλη «камень, столб» (Nilsson 1955: 558), от которого с помощью префикса *α* (очевидно, alpha copulativum) образуется омоформ ἀπέλλα, но в значении «палисад, ограда», и поддержал мысль Кречмера о приходе Аполлона из хеттского царства, где было сильно влияние Вавилона, и где (у вавилонян и хеттов) он первоначально был результатом фетишизации предвратного камня/ столба (Nilsson 1955: 562). Данное мнение Нильссона, в отличие от его же первоначальной гипотезы, в науке закрепилось (напр., Лосев 1957: 270–272 – дух входа, дверей, ворот, прохода; Гиндин 1977: 104, с библиографией).

Ежели древнесемитское влияние на зарождение Аполлонова культа имеет место, то интересно посмотреть, кто ещё из эллинских божеств обладал эпитетом ἰα/ητρός. Получаемая картина крайне любопытна. Вместе с Аполлоном в свойстве ἰατρός фигурируют: плотно связанные с ним нимфы (ἰατροί), Пэан и Асклепий, Дионис, Посейдон, Хронос и Кибела (напр., Preller 1923: 579 Anm. 1, 710 Anm. 2, 721 Anm. 4; Bruchmann 1893: s.v.; Gruppe 1906: 830 Anm. 2, 1158 Anm. 8, 1454 Anm.6). Обращает внимание, что из всего списка только двое – Асклепий и Хронос – могут пониматься буквально сотерически/катарсически: первый – будучи целителем, второй – утешителем. Остальные же, не исключая нимф (Лосев 1957: 307 слл.), имеют явные хтонические коннотации. Кибела, как всякая древневосточная Мать, символизирует сразу и жизнь, и смерть. Посейдон – губитель на воде, землеколебатель, повелитель

---

[5] Указание на исправление ошибки – Ehrhardt 1983: 145

[6] Старейшая этимология (см. Ehrhardt 1983: 143 u. Anm. 535 – с обзором литературы; Burkert 2011: 227) имеет, однако, тот недостаток, что ἀπέλλα, будучи лишь дорийским явлением, не удовлетворяет требованиям, необходимым для превращения в общегреческую эпиклесу.

смертоносных землетрясений, известный, в том числе, и как Посейдон-Аид (RE: s.v.). О Дионисе нечего и говорить (см. сводку о его хтонизме: Шелов-Коведяев 2018: 73). Знаменательно, что и прерогатива жреца пифагорейского культа (о нём, его обрядах и служителях см. Nilsson 1955: 699–708; Трубецкой 1997: 70–74; Элиаде 2002: 73), проводившего обряд инкубации/перехода, заключавшегося в погружении адепта в подземном пространстве в полную темноту и безмолвие, называлась тоже – ἰατρός. Ἥρος ἰατρός, хотя это отдельная тема, был славим и в Элевсине, будучи персонажем мистерий с Персефоной (Usener 1896: 153; Usener 1899: 148; Толстой 1905: 48). Да и сам Аполлон выступал в Дидимах в роли ἰατρομάντις – демона экстатической мантики (Nilsson 1955: 564; Ehrhardt 1983: 249; о его экстатическом культе см. Лосев 1957: 330; специально о восточном влиянии на греческую магию см.: Burkert 1984: 43 ff.).

Prima facie такое распределение эпиклесы ἰατρός шокирует. Стандартно Аполлон представляется божеством света, культуры, гармонии, искусств, просвещения и т.п. Однако это было далеко не так и не всегда (см. Лосев 1957: 267 и особ. 287 слл.).

Даже у Гомера он, поддерживая троянцев (что и навело учёных на мысль о его негреческом происхождении – Лосев 1957: 269, с библиографией), выведен, в основном, свирепым, жестоким, безжалостным губителем, разящим внезапно и из прихоти, произвольно – кого угодно (Лосев 1957: 290–291, 386; Гиндин 1977: 102, оба – с литературой). Он – страшен: δεινὸς θεός (Лосев 1957: 269). Лосев на каждом шагу натыкается на его хтоническую природу (Лосев 1957: 271–284, 287–294, 300–302, 307 слл., 313–314, 319, 334, 342–343 и т.д.), подчёркивая, что изначально он, как и Дионис, был уродлив и оргиастичен, а на Делосе, согласно Ватиканским мифографам, сперва вообще мыслился драконом (Лосев 1957: 302, 322 слл.). Он – божество смерти, сходящее ad infernos в Левкаде (Лосев 1957: 290, 292–294). Как тут не вспомнить название острова с его святилищем в Северо-Западном Причерноморье – Левке. Согласно Плутарху, после уничтожения Пифона Аполлон скрывался в загробном царстве (или – ином мире: ср. его регулярные визиты в Гиперборею – Лосев 1957: 276, 402 слл.; ср. Crusius 1890; Daebritz 1914; Гиндин 1977: 108; Сударев 1999: 213; Русяева 2005; Шауб 2007; Яйленко 2016: 11, 22, 24), отчего в Фессалии праздновали его ***Катабасис*** (Лосев 1957: 421; Гиндин 1977: 108). Посвящённый ему ὗγξν ὑδροφόρια на Эгине вплетался в местный культ мёртвых (Usener 1896: 153; Usener 1899: 148; Толстой 1905: 49).

Поскольку функция ἰατρός присутствовала в пифагорейских ритуалах, исключительно существенно, что от ученика Аристотеля Аристоксена (Лосев 1957: 334) мы узнаём о связанности хтонического Аполлона с пифагорейством. О его же связи с преисподней, браке с Персефоной и произведённом ими потомстве говорят орфики и Прокл (Лосев 1957: 300). Известно, что неоплатоники коллекционировали и препарировали именно древнейшие мифы. Поэтому крайне ценно, что Прокл подчёркивает, что пророчественные воды, дойдя до глубин земли, создал хтонический Аполлон (Лосев 1957: 301). Подземный бог он и для Ватиканских мифографов, а Порфирий пишет о его трансформациях: среди высших божеств он – солнце, на земле – Вакх, и лишь в загробной сфере – собственно Аполлон, и его стрела – символ инфернального и губительного (Лосев 1957: 302).

Лосев на множестве примеров показывает синтез хтонических Аполлона и Диониса вплоть до трагедиографов, Платона, Аристотеля и позднейших философов (Лосев 1957: 313–314, 322 слл., 326–327, 342–343; ср. Otto 1965: 202 sqq.). В контек-

сте же милетской колонизации Причерноморья, начавшейся во 2 пол. VII в. до Р.Х., принципиально, что мэтр считает низведение Аполлона, реставрацию его хтонической сущности результатом того, что он называет «дионисийской бурей, пронесшейся по Элладе» – внимание! – как раз в VII в. до Р.Х. (Лосев 1957: 323) Мнение тем более актуальное, что Понт Эвксинский искони ассоциировался в греческом миропонимании с инфернальными сюжетами (Hommel 1980: 15), а признаки культа Аполлона Ἰητρός прослеживаются в погребальных памятниках Ольвии (те же монеты-стрелки: *не* оболы Харона! – Русяева 1992: 14–26) и Боспора (Сударев 1999: 224).

Знаменательна и сама история почитания Аполлона в Северном Причерноморье. Уступив лидерство Дельфинию в Ольвии в V в. до Р.Х. (Русяева 1986: 52 слл.; Виноградов 1989: 75, 79), Ἀπόλλων Ἰητρός сохраняет свои позиции на Боспоре (см. КБН; ср. Сударев 1999: 217 слл.) и частично возвращает их себе в Ольвийском полисе (Сударев 1999: 217 – с литературой) в IV в. Тут ведущая партия в дальнейшем переходит Аполлону Простату (Заступнику), но лишь в полисном центре; прерогативы же обороны рубежей ольвийской хоры Ἰητρός, минуя, поверх Простата, передаёт напрямую Ахиллу Понтарху, одному из владык царства теней (Hommel 1980: 7–52), что удостоверяется в Днепро-Бугском регионе постановкой посвящений ему в верховьях балок, устьев лиманов, рек и ручьёв, у ключей и т.п., которые традиционно считались преддверием преисподней (см. об этом Шелов-Коведяев 2018: 73).

Собранный материал (включая локализацию ἰατρός в двух противолежащих точках перехода – Понте и Сицилии – и вероятных пунктах нисхождения Одиссея в Аид в мифологической географии), позволяет считать хтонические признаки Аполлона Ἰητρός, хранителя входа в загробный мир (вспомним, что он начинал с привратного фетиша), основными. Поелику же сами губительные, инфернальные качества пришли к нему от хеттов, где они сформировались под вавилонским влиянием (Nilsson 1955: 563–564), то аналогии эпиклесе «Врача» следует искать, по-видимому, именно в семитском материале.

И таковые действительно существуют. Из Лидды в Святой Земле происходит надпись попечителя сирот ΙΗΤΡΟ Θίνου. Издатель сближает первое буквосочетание с Jethro Вульгаты и его иначе транскрибированными аналогами в Септуагинте. Чтение ἰητρο̄=ἰητροῦ (в коем не уверен и Луи Робер), отвергается им за явной фонетической анахронистичностью (см. BE 64, 508). Jethro (др.-сем. Yetro, стандартная иуд. форма Yitro) в Библии – зять Моисея, жрец горного, вулканического (вулкан, что естественно, виделся порталом в преисподнюю), амбивалентного, наподобие Аполлона, вместе и благодатного (из-за насыщенности остывшей лавы и пепла веществами, благотворными для питания растительности), и губительного – божества Эль Шаддай, месопотамского, возможно ещё аккадского, происхождения. Yetro/Yitro происходит от теофорного эпитета «превосходный, великолепный» и «наследник» (что, между прочим, вполне соответствует тому, что мы знаем об Аполлоне), который отражает некую функцию: неслучайно так же называется один из *паршиот* – 54-х обязательных к прочтению недельных фрагментов Торы.

Аполлон (его бронзовая статуя, кстати, была найдена в 2013 году на мелководье у побережья Газы) оказывается тоже не чуждым вулканам (Forrer 1931: 141 sqq.), в его честь исполнялись даже огненные ритуалы (Гиндин 1977: 109), а его ипостась Дельфиния этимологизируется (Гиндин 1977: 105) из хеттского Telepinu/as, имени духа грозы (в горной же местности, где пребывали хетты, грозы формируются вокруг гор). Со своей стороны, сам Эль Шаддай в акрониме одного из мидрашей

выведен Стражем Врат Израилевых, что понуждает заново вспомнить об Аполлоне – фетише пред/привратного камня/столба.

Получается, что образ Аполлона Ἰητρός – хранителя прохода в Аид – имеет прочные основания и в происхождении его смертоносных характеристик из восточной (хеттской) среды, и в его собственной мифологии, и в распространении эпиклесы в специфическом кругу эллинских божеств и мифологем, и в её географическом распределении. А его появление в качестве покровителя понтийских апойкий Милета – в ощущении древними греками близости Чёрного моря к царству мёртвых. Возможность же рецепции эллинами данного прозвища с адаптацией к собственному языку – трансформацией его в ἰα/ητρός, из древнесемитских верований при хеттском посредничестве – также выглядит довольно привлекательно. В пользу такого решения говорит, в том числе, перекличка с ветхозаветными мотивами (Буркерт 1990: 158–159) упомянутого выше славного оракула Аполлона Дидимского (Русяева 1986: 25 слл.), найденного экспедицией ИА АН УССР на острове Березань.

II

В 2016–2017 гг. на горе Митридат в Керчи в ранних слоях были найдены две группы граффити, упоминающие Артемиду Пифийскую, ныне хранящиеся в фондах ГБУ РК ВКИКМЗ. Первая (М-2017 оп. № 67 ~ 3 четв. VI в. до Р.Х.: рис 2) есть посвящение Ἀρτέμ]ι Πυθείηι (с ионийской моделью склонения обеих лексем)[7]. Вторая представлена серией либо посвящений, либо приношений, предназначенных для использования в качестве храмовой утвари / меток на храмовой посуде в родительном падеже – М-2016 оп. № 230: [ἱερὸς (№ – здесь и далее ср. Lang 1976: 54, G16) Ἀρτέμιος Πυ]θείης (килик типа С, судя по, предположительно, квадратной *meme* – не позднее конца VI в. до Р.Х.: рис. 3); М-2016 оп. № 219: Ἀρτέμ]ιος П[υθείης (килик типа С начала V в. до Р.Х.: рис. 4); М-2016 оп. № 248: Ἀρτέμ]ιτος П[υθείης (килик типа С 1 четв. V в. до Р.Х.: рис. 5).

Несмотря на небольшое количество и незначительность размеров сохранившихся фрагментов, их историческое значение нельзя недооценивать. Во-первых, новые артефакты лишний раз подчёркивают роль Дидимского святилища в понтийской колонизации: культ Артемиды Пифийской – настоящая Milesische Spezialität (Ehrhardt 1983: 41) – мог попасть в Пантикапей только оттуда, ибо в извечном конкуренте Дидим – Дельфах – его в историческое время попросту не было (вероятно, он исчез вместе с замещением исконных названий местности Πυθώ/Πύθων топонимом Δελφοί – см. Гиндин 1977: 113). В Милете же поклонение Пифийской Артемиде было даже более распространено, чем почитание её в облике Дельфинии.

Во-вторых, популярность Артемиды Пифийской, ранее известная по религиозным союзам в Кизике (Πυθαιστρίδαι), на Телосе (Πυθαΐσται) и из вотивов Аполлонии Понтийской и Нижнего Побужья (см. сводку: Ehrhardt 1983: 148, 152–154; Русяева 1986: 32), сейчас впервые подтверждается и для Пантикапея. Что делает названные артефакты ценными историческими источниками.

---

[7] Вотив предварительно опубликован с чтением и комментарием А.В. Агафонова в книге: Толстиков и др. 2017: 186–187, рис. 44. Агафонов датирует надпись 1 пол. VI в., – что невозможно, т.к. сам предмет более поздний,– и считает Артемиду Пифийскую соалтарной Аполлону Дидимейскому. На мой взгляд (см. ниже), надо говорить о ней как о паредре Аполлона Пифийского

Рис. 1. Посвящение Аполлону Врачу (Пред)водителю Дельфинию.
М-2017 оп. № 158.

Рис. 2. Посвящение Артемиде Пифийской.
М-2017 оп. № 67.

Рис. 3. Храмовый килик Артемиды Пифийской М-2016 оп. № 230.

Рис. 4. Храмовый сосуд Артемиды Пифийской М-2016 оп. № 219.

Рис. 5. Храмовый килик Артемиды Пифийской М-2016 оп. № 248.

В-третьих, Артемида часто заимствовала эпиклесы Аполлона, выступая в том же качестве паредрой своего брата (Ehrhardt 1983: 147, 154). Тем самым, наряду с засвидетельствованными тоже в первый раз в позапрошлом году ЛИ Πυθέης на остраконах 2 четв. V в. до Р.Х. из Пантикапея (М-2016 оп. № 228; М-2016 оп. № 231: хранятся в фондах ГБУ РК ВКИКМЗ), даруется ещё один неоценимый аргумент в пользу существования пока иначе не известного ни в Милете, ни в его колониях культа Аполлона Пифийского.

Как и Аполлон Ἰητρός и Дельфиний, новые сведения об Артемиде Пифийской подчёркивают укоренённость милетского наследия на Боспоре. А это само по себе имеет огромное значение для истории Северного Причерноморья конца архаического – начала классического времени.

Литература

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. К.

Буркерт В. 1990. Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. № 2.

Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. 1980. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К.

Ю.Г.Виноградов 1989. Политическая история Ольвийского полиса. М.

Гиндин Л.А. 1977. Миф о поединке и мифология Аполлона (на материале I–III гомеровских гимнов) // Славянское и балканское языкознание. М.

Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в её историческом развитии. М.

Пичикян И.Р. 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. М.

Русяева А.С. 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия // ВДИ. № 2.

Русяева А.С. 1991. Исследования Западного теменоса Ольвии (предварительные итоги) // ВДИ № 4.

Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.

Русяева А.С. 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. К.

Сударев Н.И. 1999. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. Т. 2.

В.П.Толстиков и др. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойкии к полису. М.

Толстой И.И. 1905. Врач и Дельфиний // ИАК. Т. 14.

Трубецкой С.Н., Кн.1997. История древней философии. Т. 1. М.

Шауб И.Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII-IV вв. до н.э. СПб.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1986. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М.

Шелов-Коведяев Ф.В., Толстиков В.П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р.Х.: Из истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. Т. 18.

Шелов-Коведяев Ф.В. 2018. Древнегреческая поэзия на Боспоре // Вестник НИНГУ. № 6.

Элиаде М. 2002. История веры и религиозных идей. Т. 1. М.

Яйленко В.П. 2016. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора в VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб.

Bruchmann C.F.H. 1893. Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur. Lipsiae.

Burkert W. 1984. Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg.

Burkert W. 2011. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. 2. Aufl. Stuttgart.

Crusius O. 1890. Hyperboreer // Roscher W.H. (Hrsg.) Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig. Bd. 2.

Daebritz R. 1914. Hyperboreer // Pauly's Realencyclopдdie der Classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. Bd. 17.

Ehrhardt N. 1983. Milet und seine Kolonien. Fr. a. Main, Bern, N.Y.
Forrer E. 1931. Apollon, Vulcanus und die Kyklopen in den Bogazköi-Texten // RHA. № 1.
F.Graf 1979. Apollon Delphinios // Museum Helveticum. Vol. 36.
Gruppe O. 1906. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd. II. München.
Hrozný B. 1936. Les quatres autels «hittites» hiéroglyphiques d'Emri Ghazi et d'Eski Kisla // Archiv Orientalni. T. VIII.
Kothe H. 1970. Apollons ethnokulturelle Herkuft // Klio. Bd. 52.
Kretschmer P. 1936. Nochmals die Hypachäer und Alaksandus // Glotta. Bd. XXIV. H.3–4.
Lang M.L. 1976. Graffiti and Dipinti (Athenian Agora Vol. XXI). Princeton.
Nilsson M.P. 1955. Geschichte der Griechischen Religion. 2. Aufl. Bd. I. München.
Otto W.F. 1965. Dionysus. Myth and Cultus. Bloomington, L.
Preller L. 1923. Griechische Mythologie. 6. Aufl. B.
Schretter M. 1974. Alter Orient und Hellas. Innsbruck.
Usener H. 1896. Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn.
Usener H. 1899. Sintfluthsagen. Religionsgeschichtliche Untersuchungen. Bd. III. Bonn.
Vinogradov Ju.G. 1979. Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Schwarzmeergebietes // Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. P.
Vinogradov Ju.G. 1980. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. Bd. 10.
Vinogradov Ju.G. 1981. Olbia. Konstanz.
von Wilamowitz-Moellendorf U. 1931. Der Glaube der Hellenen. Bd. I. München.

Summary

The paper presents some graffiti from excavation of Panticapaeum at seasons of 2016–2017 years. The first, Ἀπόλ]λων' Ἰητ[ρῶι | Ἀγή]τορι Δε[λφινίωι, argues the Ju.G. Vinogradov's hypothesis that Apollo Ietros was called by the common oracle issued from Didyma as leader of Milesian colonization in Pontus and changed in this part Apollo Delphinios. From other hand, a number of graffiti naming Artemis Pythia brings the sensation – the existence on Bosporus Cimmerian of cults of Artemis Pythia and ipso facto of Apollo Pythios as *paredros* of Artemis. The last fact accentuates also the leading role of Didyma sanctuary in the colonization process of Pontus. Besides the Semitic background of Apollo's Ietros cult and his development from the fetish in front of gate/door in Asia Minor to custodian of passage into Hades on northern Black Sea shore are discussed.

Перечень опечаток

Ф.В. Шелов-Коведяев
Аполлон ΙΗΤΡΟΣ и Артемида Пифийская
О двух культах милетских апойкий Причерноморья
(стр. 216–224)

стр. 216 (18 строка сверху) – вместо ’Ιη]τρο следует читать ’Ιη]τρῶ,
стр. 216 (20 строка сверху) – вместо ’Ιητρο ξυνὴ Δελφινίο следует читать ’Ιητρῶ ξυνὴ Δελφινίῶ,
стр. 216 (7 строка снизу) – вместо ΛΩΝΙΗΤ следует читать ΛΩΝΙΗ*Τ*,
стр. 217 (8 строка сверху) – вместо ’Ιστρο μεδέων следует читать ’Ιστρῶ μεδέων,
стр. 218 (1 строка сверху) – вместо в 490–480 гг. V вв. до Р.Х. следует читать в 490–480 гг. до Р.Х.,
стр. 219 (8 строка сверху) – вместо Λύκιοτ следует читать Λύκιος,
стр. 220 (16 строка снизу) – вместо ὕγξν ὑδροφόρια следует читать агон ὑδροφόρια,
стр. 223 (2 строка снизу) вместо Realencyclopдdie следует читать Realencyclopädie

М. Дана, И.В. Бруяко, Н.М. Секерская

Новый эпиграфический документ из Никония*

В Никонии известны четыре категории письменных источников: лапидарные, граффити, дипинти и надписи на свинцовых пластинах. Лапидарные памятники представлены одним экземпляром. Это фрагмент мраморной плиты (инв. № 72613) с четырьмя буквами (Иванчик 2017: 1, 40). Наиболее многочисленная категория письменных источников в городе, как и в других населенных пунктах античного мира – граффити. В Никонии граффити насчитывают несколько сотен экземпляров, большинство из которых дошли до настоящего времени во фрагментарном виде. Это в значительной степени затрудняет их прочтение и интерпретацию. Некоторые граффито были изданы, так И.Д. Головко опубликовал около 130 граффити (Головко 1961: 81–84; 1966: 77–85). Проанализировав рассмотренные граффити, автор пришел к выводу, что в Никонии широко был развит культ Зевса, а то обстоятельство, что граффити найдены в непосредственной близости друг от друга, свидетельствует о том, что в этом месте в период расцвета города находился храм или святилище, посвященное Зевсу. Этот вывод И.Д. Головко подтверждается интерпретацией граффито (инв. № 7412/1-3), на донышке чернолакового килика, т.н. «*delicate class*» 460–430 гг. до н.э., найденного в 1960 г. при раскопках дома V–IV вв. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 102-105). Килик был разбит еще в древности, и тогда его пытались починить. Надпись сделана рукой профессионального писца и трижды издавалась (Головко 1961: 81–84; 1966: 78; Мальцев 1976; Секерская, Секерский 1997: 44–47). Граффито состояло из пяти слов, четвертое отсутствует, но надпись восстанавливается достаточно точно: «Килик, преподнесенный в храм Зевса за благополучное дело». Это единственное в настоящее время сведение о существовании в Никонии храма Зевса. В этом плане большой интерес представляет граффито (ин. № 72531), в котором к имени Зевса присоединяется титул «царь». В городах Северного Причерноморья культ «Зевса-царя» известен только в Ольвии (Головко 1966: 78). Никонийские граффити показывают, что в городе почитали всех божеств греческого пантеона: Зевса, Деметру, Кору, Афродиту, Кибелу, Артемиду, Афину, Диониса, Ахилла, Нику, Нику Бескрылую, Героя (Секерская 2015: 91–96). Опубликованный П.М. Секерским фрагмент верхней части чернолакового античного скифоса (инв. № 74124) содержит только часть текста: «да выпьешь быстро» (Секерский 1976: 215–218). Автор считает надпись, приглашающую сотрапезника выпить, необычной, несмотря на то, что у древних греков застольные надписи были очень распространены. Учитывая объем скифоса, не менее 2,5 литра, П.М. Секерский допускал, что надпись связана с соревнованиями в винопитии на праздновании анфестерий, а именно со вторым его днем – праздником кружек. Это подтверждает, по его мнению, существование культа Диониса в Никонии. В 2010 г. при раскопках в юго-восточной части верхнего города было найдено граффито с посвящением «певцу» «мольпу» на донышке светлоглиняного, с красным покрытием, рыбного блюда (инв. № 96573) V–IV вв. до н.э. Граффито интересно тем, что коллегия мольпов зафиксирована

---

* Данная статья является переработанной (отчасти сокращённой, отчасти дополненной) версией первой публикации этого источника (Dana, Brujako, Sekerskaya 2018).

рядом лапидарных памятников в ближайшей к Никонию Ольвии (Карышковский 1984: 42–51). П.О. Карышковский не сомневался, что в V в. до н.э в Ольвии союз мольпов с его айсимнетом и стефанефорами, занесенный из метрополии еще первыми поселенцами, имел аристократический характер. Это позволяет судить об олигархическом характере ольвийского государственного устройства и, в свою очередь, сделать некоторые предположения о государственном устройстве Никония в V в. до н.э.

О высокой степени образованности никонийцев может свидетельствовать надпись на фигурной ойнохое (инв. № 74636). На правом боку женской фигуры сверху вниз процарапана надпись: «взяв – возврати». Это изречение наряду с другими моралистическими афоризмами приписывалось Иоанном Стабейским одному из Семи мудрецов (Секерский 1971: 226–227).

В 2007 и в 2010 гг. при раскопках в городе найдены два фрагмента письма на обломке хиосской амфоры IV вв. до н.э. Обломки идеально стыкуются друг с другом. Письмо неоднократно издавалось, но уже в первой публикации была допущена ошибка, касающаяся происхождения этого граффито (Awianowicz 2011: 237–239).[1] В 2012 г. письмо было переиздано А.В. Белоусовым (Белоусов 2012: 210–211).

Дионисий желает здравствовать своим домашним. Пока я здоров и так же наш сын. Вам ни в коей мере не следует поддаваться слабости, но послать кого-нибудь к Маракату и известить его о том, что я загрузил лодку песком. После того как он (ее) разгрузит, пусть вытащит (на берег), поскольку, кроме как на него, иной надежды (на это?) нет. И есть девять медимнов ячменя. Пусть Поссикрат будет здоров! Получи от тоаспов (?) гемистатер, отдавши (взамен?) гиматий.

Из содержания письма известны имена горожан Дионисия, Мараката, Поссикрата, а также о некой акции (вероятно, строительного свойства) по доставке песка, о наличии девяти медимнов ячменя и, вероятно, стоимости гиматия. Песок должен помочь решить какую-то проблему, перед которой могут спасовать адресаты, коих Дионисий призывает сопротивляться ударам судьбы. Впервые об именах никонийцев писал И.Д. Головко: «… мы уже имеем своеобразные «визитные карточки» граждан города: Тимокл – владелец прекрасных сосудов и кубков, Аристоксен – торговец оливковым маслом, Артемидор – владелец красноглиняной амфоры, Гефестий – без сомнения, купец, владелец свинцовой гири…» (Головко 1966 : 81).

Дипинти менее многочисленны, чем граффити, и встречаются они преимущественно на амфорной таре. Судя по наблюдениям, дипинти на амфорах появляются в IV в. до н.э., в римское время их становится больше, и они значительно информативнее. Большинство дипинти являются торговыми метками и состояли из одной, максимум трех букв. На одном из фрагментов амфор дипинти является цифрой «512», иногда дипинти указывает на содержимое амфоры, например, «пальмовое вино» (инв. № 72869) (Головко 1966: 88). Дипинти являются ярким свидетельством

---

[1] Автор сообщает, что письмо было найдено при раскопках Никония Отделением классической археологии университета им. Н. Коперника (г. Торунь, Польша). Приходится сожалеть, что автор не уточнил данные о происхождении письма, ибо оно было найдено при работах Никонийской экспедиции Одесского археологического музея НАН Украины. В экспедициях музея с 1995 г. принимали участие сотрудники и студенты Торуньского университета. Ошибка неоднократно повторялась во всех последующих изданиях письма.

о тесных и интенсивных экономических связях Никония с государствами Черного и Средиземного морей (Головко 1966: 86–88).

Чуть более десяти лет тому назад в распоряжение сотрудников Одесского археологического музея были переданы фотографии свинцовой пластины, которая, по словам владельца фотографий, была найдена в Никонии в результате нелегальных раскопок. В настоящее время пластина находится в одной из частных коллекций. Несмотря на необычные обстоятельства происхождения пластины, она, бесспорно, заслуживает публикации (Dana 2007: 97; Jordan 2007: 1355–1366; Ceccarelli 2013: 335–356; Decourt 2014: 25–79).

Табличка имеет прямоугольную форму (4,4 x 11,7 см). После её складывания в несколько раз справа налево (рис. 1) автор выгравировал адрес получателя на последнем сегменте, чтобы он остался видимым (рис. 2/A). Верхние и нижние края таблички слегка зазубренные; наблюдаются лёгкие трещины вдоль сгибов. На внутренней поверхности выгравированы 6 строк, без сокращения слов в конце строки, за исключением пятой строки (силлабическое сокращение). Слева между краем таблички и началом строчек осталось пространство приблизительно в 1 см; в конце третьей строки стоит пробел так же, как и с обратной стороны пластины, в конце второй строки. Буквы вырезаны тщательно, но всё равно неравномерно (высота букв 0,2–0,5 см). Обращение занимает всю первую строку. Адрес получателя выгравирован на обратной стороне перпендикулярно к строкам текста. Похоже, те, кто нашёл табличку, почистили её, чтобы можно было прочитать написанное с обратной стороны, они начали чистку с обоих концов и остановились, когда поняли, что там есть только адрес, расположенный в две строки; таким образом, два центральных сегмента и небольшой сегмент слева не очищены (рис. 2/A). Форма букв соответствует тем, которые известны в других схожих документах того времени, личных письмах или табличках проклятий; грамматика в целом верна, с некоторыми особенностями, которые характеризуют частную переписку.

Текст написан на восточно-ионийском диалекте с элементами диалекта койне. По части диалектных форм отметим долгий замкнутый звук «о», который записывается буквой «омикрон» (стк. 4, Καλλιστράτο), открытие второго элемента дифтонга αυ (стк. 6, αὐτῆι), а также написание ионического ὅκως (строка 3), Ποσίδηος и τέσσερας (стк. 4). С другой стороны, присутствует постдиалектное написание в χαίρειν (строка 1), ἐπίστειλον (стк. 2) и ἔχουσι (стк. 2). В начале строки 2 наблюдается ассимиляция назальных конечных перед лабиальными в ἐπίστειλόμ μοι (стк. 2). Палеографические особенности, а также переходный период к диалекту койне, связанный с наличием стандартной эпистолярной формы, указывают на период первой половины IV века до н.э.

Строка 1: Наличие «классического» обращения типа ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν, позволяет установить *terminus ante quem* в начале IV века. В северо-понтийском регионе эта эпистолярная форма появляется в семи или девяти посланиях на свинцовых табличках и на черепках, и не только с χαίρειν, но и с вариациями относительно получателя(ей) в трёх других посланиях.[2] Имя Ἀρτιμίδωρος (sic!) встречается на табличке *defixio* – опистографе первой пол. III в. до н.э., которая также была обнаружена в Никонии при нелегальных раскопках (Belousov 2018: 149–153).

---

[2] Некоторые документы эпистолярной формы, представленные в корпусе М. Даны, пока не опубликованы.

Строка 2: Глагол ἐπιστέλλω был несколько раз засвидетельствован в эпистолярном корпусе. Единственное слово, которое вызывает вопросы в этом хорошо читаемом тексте – καλύβ{ρ}ιον, в котором есть лишнее *rhô*, поскольку оно может быть только уменьшительным καλύβιον, которое происходит от καλύβη.

Строка 3: τα ἐν τοῖς οἰκίοις в другой уменьшительной форме, используемой во множественном числе, со значением «дом, жилище»; отправитель интересуется, как и в других подобных документах, о ситуации дома.

Строка 4: Ποσίδηος представляет собой более древнее и диалектное написание ионического имени, которое позже упоминается как Ποσ(ε)ίδεος; оно было довольно распространено в ионийской среде Причерноморья, особенно в Ольвии. Термин παῖς, также используемый для обозначения рабов. В частной греческой переписке этот термин появляется со значением раба в заметке на черепке из Аттики (Lang 1976: 8 N B2), служит для идентификации одного из сыновей Каллистрата, у которого должно было быть, по крайней мере, два или даже несколько тёзок по имени Посидей: «сын Каллистрата, тот, которого зовут Посидей». Как сын он встречается в адресе получателя в письме Ахиллодора из Березани: παρὰ τὸμ παῖδα. Это слово также используется со значением «сын» в других эпиграфических документах Ольвии Понтийской: погребальная эпиграмма Эпикрата, παῖς Ἰσοκράτεος (первая половина IV века); эпиграмма, в которой упоминаются победители соревнования по стрельбе из лука: Φιλτέω δὲ παῖδα (конец IV века); надпись на вазе: Γλαῦκος ... παῖ{ε}ς Ποσιδήο̄ (начало V века); керамическое *defixio* – παίδων Τελεσικράτεος» (первая половина IV века); и, наконец, δύο παῖδες на свинцовой табличке *defixio* (середина IV века).

Строка 5: Упоминание статеров, без сомнения, Кизика.

Строка 6: αὀτῆι относится к определённому человеку, личность которого знали только те, кто отсылал письмо. Προσδόκιμός εἰμι может объяснить резкое обрывание сообщения, так как оно использовалось для выражения объявления предстоящего прибытия Артемидора в те края. Клаузула ὑγίαινε примечательна тем, что впервые встречается в конце сообщения в корпусе писем на свинцовых табличках; в контексте погребальных надписей она иногда сопровождается самым обычным χαίρε, как приветствие прохожим. В заключительной части писем эллинистического периода, написанных на папирусе, встречается ὑγίαινε, хотя и редко (Buzon 1984: 26). В классической эпистолярной форме этот глагол в инфинитиве обычно идёт вслед за приветствием χαίρειν, как в письмах на свинцовых табличках, найденных на Пниксе, в Аттике и в Агафе (Dana 2017:123–138).

Адрес получателя

Строка 1–2: Διονυσίωι / χαλκει. В адресе получателя указывается только имя получателя, уточнённое с помощью указания его рода деятельности, чтобы отличить его от многочисленных тёзок, так как он был известен в регионе под этим определением («Дионисий кузнец»). Этот ключевой вид деятельности затрагивается эпистолярным корпусом в аттическом письме из Лесис (*SEG* L 276, l. 2: ἐν τῶι χαλκείωι), а также на территории Ольвии, где он даже дал название микротопониму Χαλκήνη, «Кузницы» (*IGDOP* 24 или «письмо жреца», l. 5).

> Ἀρτεμίδωρος Διονυσίρειν΄
> ἐπίστελόμ μοι ὅτι ἔχουσι καλύβ{ρ}ιον
> καὶ ὃκως ἔχει τὰ ἐν τοῖς οἰκίοις. *vac.*

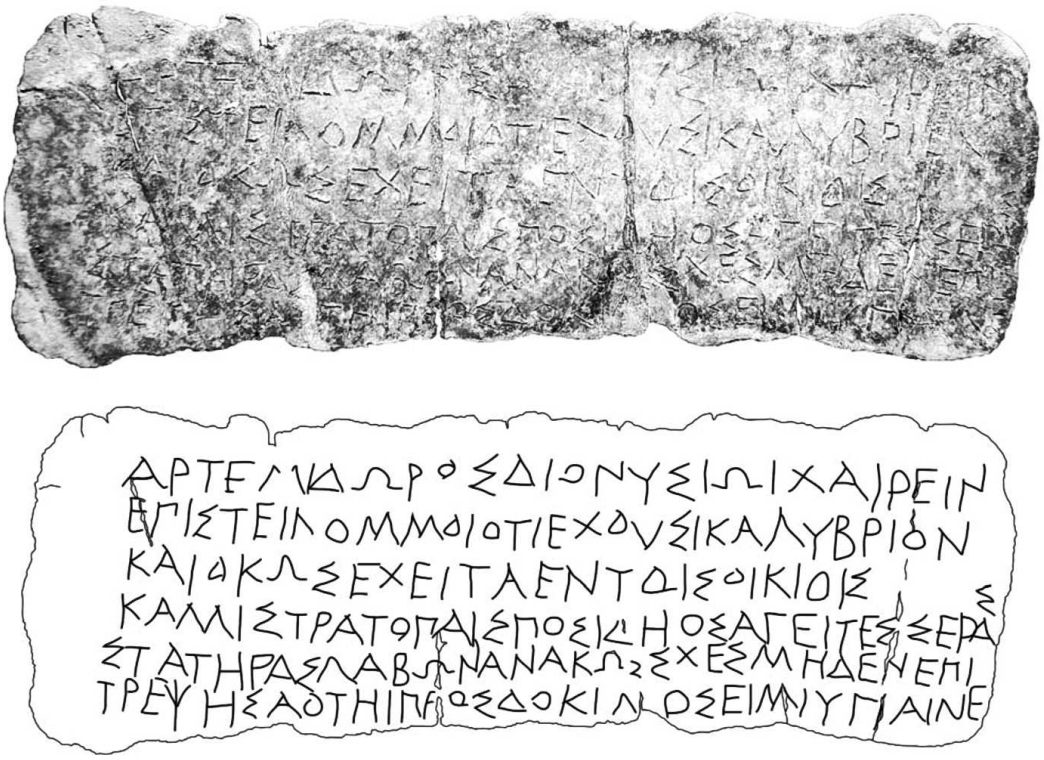

Рис. 1. Свинцовая табличка с текстом письма: А – фотография; Б – прорисовка.
Fig. 1. Lead plate with the text of letter: A – photo; Б – drawing.

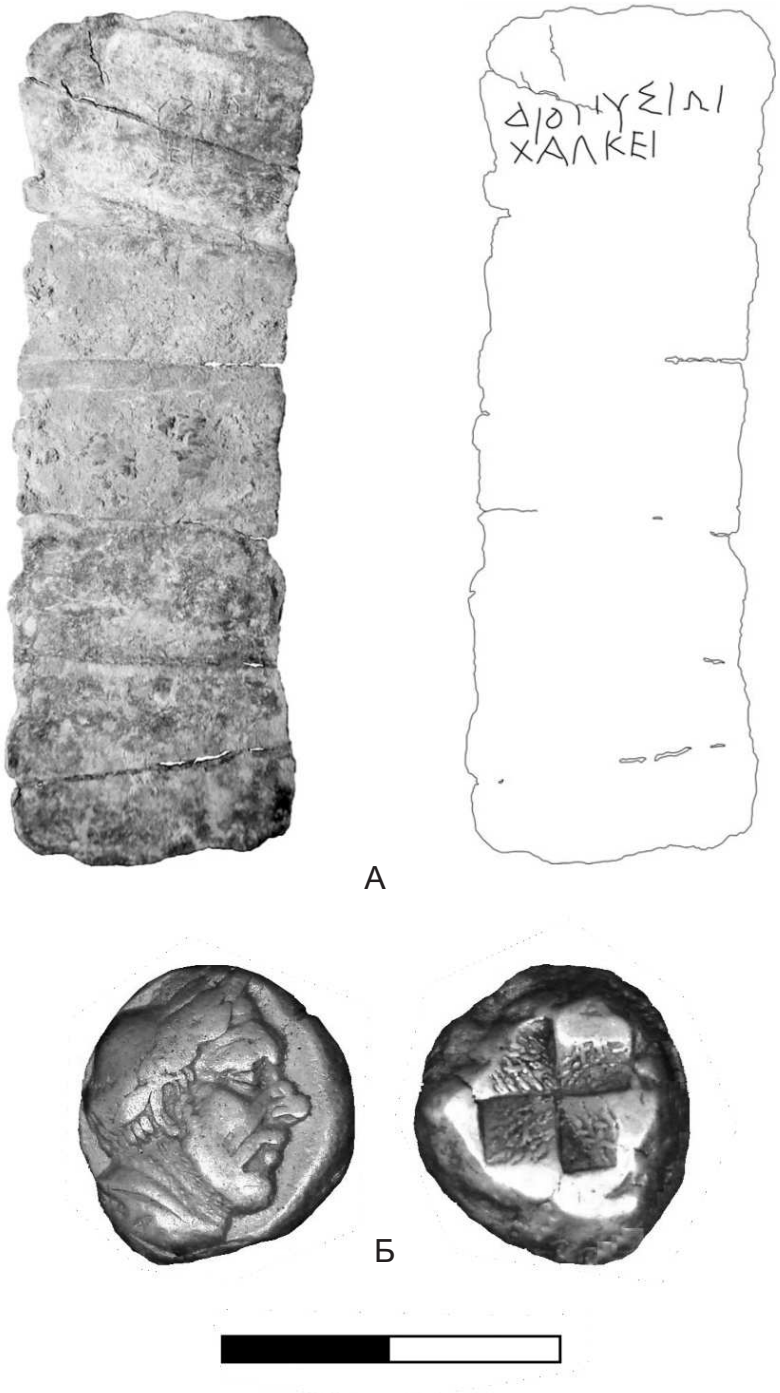

Рис. 2. Обратная сторона пластины с адресом (А); статер Кизика, найденный в Никонии (Б).
Fig. 2. Reverse side of lead plate with address (А); stater of Kyzicos found in Nikonion (Б).

4 Καλλιστράτ̄ο παῖς Ποσίδηος ἄγει τέσσερα`ς΄
στατῆρας λαβών· ἀνακῶς σχὲς μηδὲν ἐπι-
τρέψῃ αὐτῇι. Προσδόκιμός εἰμι· ὑγίαινε.

---

2 ΚΑΛΥΒΡΙΟΝ plumbum

Оборотная сторона (адрес):
Διονυσίωι
χαλκει. *vac.*

От Артемидора. Дионисий здравствуй! Сообщи мне письмом, есть ли у них небольшая хижина и как идут дела дома. Посидей, сын Каллистрата, взял и принёс четыре статера. Будь осторожен и не давай ей ничего. Жди меня (думаю, что скоро буду). Будь здоров!
(Адрес) *Дионисию кузнецу.*

Благодаря этому новому документу на свинцовой табличке мы можем изучить переходный период как с точки зрения палеографии, так и в плане сосуществования ионического диалектного разнообразия и форм диалекта койне, а также осуществления правил ведения корреспонденции. Автор наверняка был не очень образованным человеком, как это видно из разговорных выражений и использовании союзов, при этом он был βραδέως γράφων: он знал, что его текст содержит ошибки (стк 2). В дополнение к классическому написанию типа «От такого-то к такому-то, здравствуй!» в начале письма, мы находим клаузулу, содержащую пожелания хорошего здоровья (ὑγίαινε), которому предшествует ранее неизвестное выражение (προσδόκιμός εἰμι), вероятно, сигнализирующее о предстоящем прибытии отправителя.

Как и в других письмах, мы знаем имена главных героев, Артемидора и Дионисия, и третью сторону, Посидея, который должен был помочь им совершить сделку с денежной суммой в 4 статера и который точно является одним из сыновей какого-то Каллистрата. Но мы не знаем, какого рода отношения связывали этих трёх людей. Известно только, что Дионисий был кузнецом, о котором хорошо знали в самом Никонии и/или в его окрестностях. Разумно предположить, что все трое – близкие родственники, друзья, или деловые партнёры. В письме есть упоминание и об еще одном, четвёртом персонаже, который обозначен единственным указательным местоимением αὐτῇι. Таким образом, мы знаем, что это женщина. Ни её личность, ни роль во всей этой истории нам неизвестна. По-видимому, ей ничего не должны были давать, возможно, именно сумму в четыре статера, или скорее часть той суммы, которую принёс Посидий. Причём женщина явно имела на неё какие-то права. В противном случае предостережение «не давай ей ничего» кажется совершенно излишним. Очевидно, что эта фигура умолчания могла каким-то образом воспрепятствовать (или помешать) общему делу.

Сумма в 4 статера относительно велика, если мы вспомним список должников, указанный в послании на свинцовой табличке от Патрасия (начало V века), которые задолжали автору послания более скромные суммы (Kuznecov 2016: 230–249). Безусловно, что манера, в которой Артемидор упоминает женщину, не потрудившись назвать её по имени, показывает, что оба протагониста были хорошо знакомы, веро-

ятно, она была кем-то из близких Артемидора или хорошо знакомых ему людей (мать, сестра, дочь, соседка). Присутствие этой женщины напоминает другие упоминания о женщинах – членах семьи, которые были вовлечены в дела (Guzman 2014: 169–175) или отвечали за поддержание домашнего хозяйства в хорошем состоянии в отсутствие мужей или сыновей. Женщина и сама была автором письма на черепке из Вышестеблиевской 3, в котором она даёт указания относительно земель во второй половине IV в. (Kashaev, Pavlichenko 2015: 61–79).

Упоминание о статерах (стк 5) ставит вопрос об используемой валюте. Тем более что и в письме Дионисия упоминается та же валюта – полстатера. С 1957 года в Никонии во время археологических кампаний, при которых исследовано около 40% города, было найдено 400 монет. Большинство, более 80%, являются бронзовыми монетами Истрии, а остальные – бронзовыми монетами из Ольвии и Никония (Mielczarek 2005: 273–274). Согласно М. Мельчареку, полстатера, которые упоминались в письме Дионисия, возможно, являлись монетой Кизика, изготовленной из электрума, поскольку местные монеты из бронзы и серебряные монеты из Истрии, которые начали чеканить во второй половине V века, в это время были редкостью (Mielczarek 2014: 27–28). По неофициальным данным, при грабительских раскопках Никония было найдено от одного до двух/трёх кизикинов. Поэтому есть веские основания полагать, что денежные единицы, упомянутые в нашем документе, также являются кизикинами, как упоминалось в ольвийском письме от Апатурия Леанаксу (сумма в 27 статеров) и в сопроводительном письме на свинцовой табличке от Патрасия (полстатера). Электровые статеры Кизика и их фракции стабильно присутствуют в северо-понтийском регионе, в том числе и в форме кладов (Орловка, Мирмекий).[3]

Глагол εχουσι может указывать на группу родственников, поскольку автор интересуется их участью. Мы не знаем, что они должны были делать с «маленькой хижиной», отмеченной орфографической ошибкой: она могла быть сезонным жилищем, расположенным на территории их собственности, либо временным укрытием, которое служило им домом, если с ними что-то случалось. Вспоминается похожая ситуация, которая присутствует в сообщении на свинцовой табличке от Артикона из Ольвии, где отправитель письма рекомендует своей семье попытаться восстановить пристройку, если её убрали. Учитывая, что вторая пол. V – первая пол. IV в. – время расцвета каменного домостроительства в Никонии, вряд ли в этой хижине стоит видеть потенциально жилое сооружение. Возможно, она понадобилась для того самого совместного дела, для которого предусматривались и 4 статера. И тогда это помещение предназначалось для какого-то производственного (ремесленного либо аграрного) цикла. В любом случае мы имеем дело с относительно средним классом, ремесленниками или торговцами, которые могли читать и писать, свободно пользовались этим, в том числе и в обиходной переписке.

---

[3] Один из кизикинов, найденных в Никонии при нелегальных раскопках, предоставлен для фотографирования и взвешивания (рис. 2/Б). По заключению С.А. Булатович, это портретный кизикин (Fritze 1912: Taf. VI, 9). Город Кизик. Малая Азия. Статер. Электр. Вес 15,85 г. Начало IV в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого лысого пожилого мужчины в лавровом венке, вправо; снизу тунец вправо.

О.с.Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, на поверхности малых квадратов рельефные штрихи и точки.

Подобный статер есть в составе Орловского клада.

Вряд ли кто-либо подвергал сомнению наличие в Никонии сословия ремесленников, в том числе и металлургов. Однако до сих пор все данные на сей счёт были опосредованными, точнее, в их основе лежали исключительно археологические данные (Бруяко, Секерская 2016: 186 и сл.). Отныне мы располагаем письменным источником, в котором содержится прямое указание на этот счёт.

Литература

Белоусов А. В. 2012. Греческая и римская эпиграфика // Аристей VI.

Бруяко И.В., Секерская Е.П. 2016. Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху

Головко И. Д. 1961. Граффити Роксолановского городища // КС ОГАМ за 1960 г. Одесса.

Головко И. Д. 1966. Эпиграфические находки // МАСП. Вып. 5.

Иванчик А.И. 2017. Надписи Тиры и окрестностей// Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE3) – http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html

Карышковский П. О. 1984. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев.

Мальцев М. М. 1976. Посвятительные граффити Никония // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Одесса.

Морозова Я. И. 1997. Раскопки верхнего горизонта Никония в 1996 г. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Секерская Н. М. 2015. Культовые сооружения Никония // МАСП Вып. 13.

Секерская Н. М., Секерский П. М. 1997. Граффити с посвящением Зевсу из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья.

Секерский П. М. 1971. Граффити на фигурном сосуде из Никония // МАСП Вып. 7.

Секерский П. М. 1976. Застольная надпись из Никония // МАСП Вып. 8.

Шелов Д. Б. 1949. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ № 2 (28).

Awianowicz B. A. 2011. A new Hellenistic Ostrakon from Nikonion // ZPE 177.

Belousov A.V. 2018. A New Greek Defixio from Nikonion// ZPE 206

Buzón R. 1984. Die Briefe der Ptolemaerzeit. Ihre Struktur und ihre Formeln. Diss. Heidelberg 1984.

Ceccarelli P. Ancient Greek Letter Writing // A Cultural History. 600–150 BC. Oxford.

Dana M. C. 2007. Letteres grecques dialectales nord-pontiques. REA 109.

Dana M. C., Bruyako I. V., Sekerskaya N. M. 2018 // ZPE 206.

Decourt J.-Cl. 2014. Lettres privées grecques sur plomb et céramique// La letter gréco-latine, un genre littéraire? Lyon

Fritze H. von 1912. Die Elektronpragung von Kyzikos // Nomisma VII

Gluszek I. 2016. The Private Letter Discovered in Nikonion // Acta Archaeologica Lodziensia. 16.

Guzman O. 2014. La carta de Dionisio // ZPE 192.

Jordan D. 2007. Early Greek Letters on Lead// A History of Ancient Greek Language from the Beginnings to Late Antiquity. Cambridge

Kashaev S. V., Pavlichenko N. 2015. Letter on an Ostracon from the Settlement of Vysheste-blievskaya-3 // Hyperboreus 21.

Kuznecov V. D. 2016. Fanogoriya. Rezultaty archeologiceskih issledovaniy. IV. Москва.

Lang M. 1976. The Athenian Agora. XXI. Graffiti and Dipinti. Princeton.

Jordan D. 2007. Early Greek Letters on Lead // A History of Ancient Greek Language from the Beginnings to Late Antiquity. Cambridge.

Mielczarek M. 2005. Coinage of Nikonion. Greek Bronze Cast between Istrus and Olbia. Madrid.

Mielczarek M. 2014. On the Coin Circulation in Ancient Nikonion. Севастополь.
Sparkes B., Talcott l. 1970. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC // The Athenion Agora. Vol. 12. Princeton.
Strubbe J. H. 2005. Young Magistrates in the Greek East. Mnemosyne 58.

Summary

The letter on the lead plate is publishing in this article. It was obtained by the illegal excavations of the ancient poleis Nikonion. The document is dated for the beginning IV cent. BC. This is the time of flourishing of Nikonion according to archaeological data. Text contains the information on a particular issue connected with the business relations. The recipient is the person involved in the production (blacksmith) who lived in Nikonion or on it vicinity. His name was Dionysios. Sender of letter was a man with name Artemidoros. Third person – Posideos through whom the money sum in 4 staters was transmitted. This money was meant for some deal.

The published document is a very important addition to the epigraphic collection from Nikonia that still remains a very not numerous.

О.К. Савельєв, К.С. Савельєва, О.С. Сінельніков

Археологічні розвідки на античному поселенні Надлиманське XI

Навесні та восени 2018 р. групою співробітників відділу археології Криму та Північно-Західного Причорномор'я ІА НАН України була проведена розвідка з шурфуванням на античному поселенні Надлиманське XI[1]. Метою цих робіт було встановлення наявності культурного шару та його потужності.

Пам'ятка розташована на лівому березі Дністровського лиману, на мису що закінчується невисоким обривом[2]. З півночі та півдня цей мис відділений неглибокими балками, на схід лежить широке плато, яке активно використовується в сільськогосподарських цілях. За свідченнями місцевих мешканців, поле, на якому розташоване поселення, використовувалось в 70–80-х рр. минулого століття під фруктовий сад, який був викорчуваний в 90-ті рр. Таким чином, тут мала місце неодноразова глибока плантажна оранка.

Поселення було виявлено під час планомірних розвідок берегів Дністра та Дністровського лиману, що були здійснені Надлиманським загоном Причорноморської експедиції ОАМ під керівництвом С. Б. Охотнікова в 1977–1978 рр. За знахідками ліпної та гончарної кераміки пам'ятка була датована IV–III ст. до н.е. (Охотников 1983: 111). Матеріали цих розвідок не були опубліковані.

Повторні обстеження 2016 і 2018 рр., які надали велику кількість фрагментів керамічних виробів (амфор, сіроглиняного і ліпного посуду) показали необхідність археологічного вивчення пам'ятки. Слід зауважити, що за результатами розвідки встановлено, що поселення відноситься до пам'яток пізньоархаїчного часу (Рис. 1).

В процесі робіт було закладено п'ять шурфів розмірами 2х1 м, починаючи від краю мису і на схід вглиб поля (Рис. 2,1). Глибина шурфів сягала 0,45–1,1 м. Стратиграфія двошарова: верхній шар – чорнозем, нижче – суглинок. В шурфах № 1–4 культурний шар не простежується: знайдено лише незначну кількість фрагментів кераміки, будь-яких об'єктів не виявлено. Перспективним виявився шурф № 5: майже у чорноземі були зафіксовані контури ями № 1. Частина ями розташовувалась під бортом і для її повного відкриття та фіксації зі східної сторони шурфу була зроблена прирізка розмірами 2х1 м.

Яма № 1 (Рис. 2,2–3) має циліндричне горло, що розширюється до низу. Стінки в нижній частині округлі. Висота горла – 0,45 м. Діаметр ями в верхній частині становить приблизно 0,8 м, діаметр дна – 1,4 м. Глибина склала 1,2 м.

Яма була заповнена темним ґрунтом. Знахідки в заповненні нечисленні. На дні виявлено кілька стінок амфор, кухонного посуду, ліпної корчаги, стінка чорнолакового посуду, фрагменти кісток (кінь або корова). Датувати цей об'єкт дозволяє наконечник стріли – бронзовий, трилопатевий зі втулкою, що виступає (Рис. 7,7). Нако-

---

[1] Висловлюємо подяку співробітникам відділу С.В. Івановій, А.М. Колесниченко та Л.С. Ковальському за допомогу в організації та проведенні розвідки. В роботі брали участь також студенти ОНУ ім. І.І. Мечникова та вихованці дитячого будинку «Перлинка» (м. Одеса).

[2] За адміністративним поділом, ця територія відноситься до Овідіопольського району Одеської області, географічно вона розташована ближче до с. Маяки Біляївського району (3 км на південний схід від центру села).

нечник має висоту 1,5 см. За типологією А.І. Мелюкової він відноситься до другої хронологічної групи (тип 3 – друга половина VI – перша половина V ст. до н.е.) (Мелюкова 1964: 21, табл. 7). Аналогічні деталі зброї знаходять в сагайдачних наборах у скіфських поховальних комплексах, зокрема наконечник того самого типу походить з ґрунтового поховання поблизу с. Маяки (датується початком – першою половиною V ст. до н.е.) (Носова 2011: 155, рис. 2, 27; Дараган 2017: 67, рис. 11, 23, тип 4/1).

Знахідки на поверхні

Більша частина всіх отриманих під час розвідки матеріалів походить з поверхні поселення. Як вже зазначалось, знахідки в шурфах нечисленні, представлені поодинокими фрагментами. Зібраний матеріал поділяється на декілька категорій.

Амфори. За кількістю серед знахідок переважають фрагменти амфор. Загалом вони нараховують близько п'яти сотень одиниць. Серед тих фрагментів, що піддаються визначенню, більша частина (в загальній кількості 26 одиниць) належить до продукції Хіоса останньої третини VI – першої половини V ст. до н. е. (Тип III-A та III-B за класифікацією С.Ю. Монахова) (Монахов 2003: 16–18, табл. 4–6) (Рис. 3, 3–15, 4, 1–13).

Однією з ознак, які дозволяють віднести частину знахідок до продукції вказаного центру, є діпінті, виконані червоною та коричневою фарбою – коло та хрест на горлі, вузькі вертикальні полоси під вінчиком та на ручках (Рис. 3, 3–15). В нижній частині однієї з ручок розташоване вдавлене клеймо у вигляді кільця (Рис. 3, 9). Серед цих фрагментів відмітимо також ручку, яка зашліфована у місті зламу, що може свідчити про вторинне використання амфори у господарстві (Рис. 3, 15).

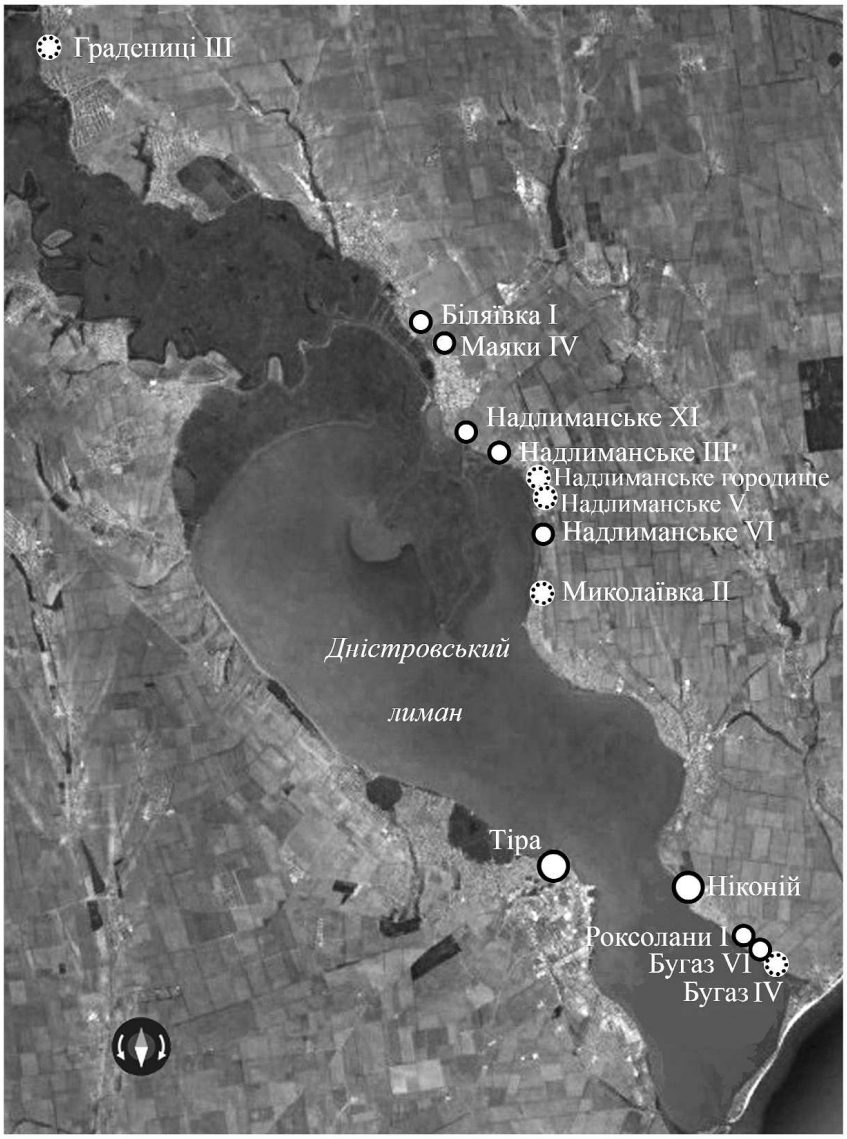
Амфори Хіосу цього періоду є широко поширеними серед матеріалів античних пам'яток як Нижнього Подністров'я (Охотников 1990: 19–20, Секерская 1989: 36), так і інших регіонів (Bîrzescu 2012: 60; Буйских 2014: 91; Асташова, Ломтадзе 2017: 55).

До продукції Лесбосу другої половини VI ст. до н.е. (червоноглиняні амфори, «зі склянкоподібними ніжками» за Зеєст, тип I-B за Монаховим) відносяться фрагменти вінчиків з невеликим уступом на горлі та дві ніжки конічної форми (Рис. 4, 21–26, 34–35), а також півтора десятка ручок, круглих в перерізі (Зеест 1960: 72–74, табл. III; Монахов 2003: 48, табл. 30–31).

П'ять фрагментів вінчиків сплощеної валикоподібної форми віднесено до продукції Самосу другої половини VI – першої половини V ст. до н.е. (тип I-B або II за С.Ю. Монаховим) (Монахов 2003: 27, табл. 14–15) (Рис. 4, 14–18).

Три фрагменти належать до продукції Клазомен. Серед них вінчик з широкою полосою червоної фарби (Рис. 3, 1), та стінка амфори з двома широкими полосами коричневої та червоно-коричневої фарби (Рис. 3, 2). Ще один вінчик не має пофарбування, визначається за формою та кольором глини (Рис. 4, 19). Ці фрагменти відносяться до типу амфор, датування якого лежить в межах другої половини VI – початку V ст. до н.е. (Монахов 2003: 52–53, табл. 32–33). Амфори цього центру представлені на інших пізньоархаїчних поселеннях Нижнього Подністров'я, але вони не є численними (Охотников 1990: 19).

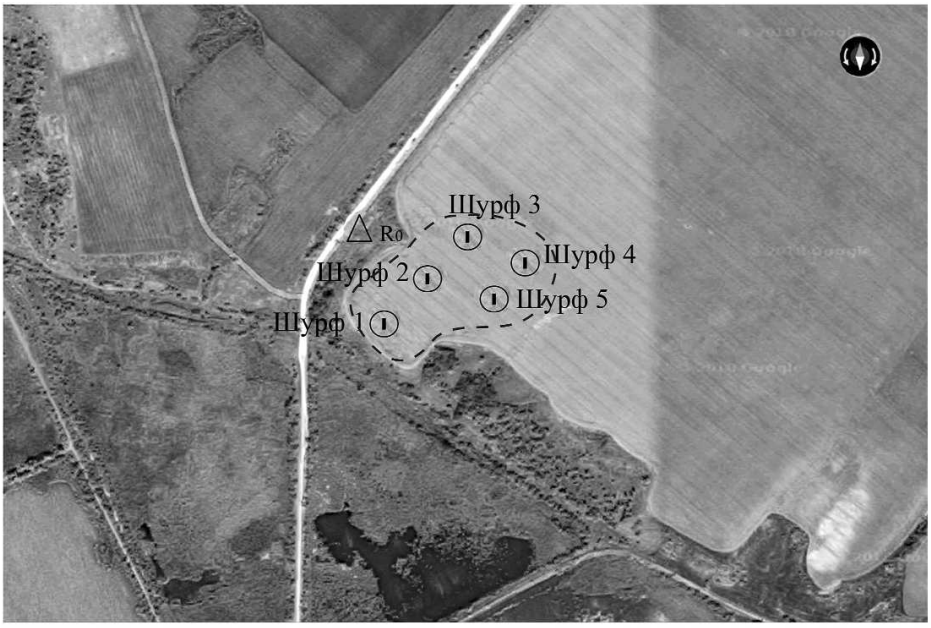
Дві ніжки амфор належать до продукції невстановлених центрів («протофасоські», «на складнопрофільованій ніжці») (Зеест 1960: 79–80, табл. V, 15; Монахов 2003: 40–41, табл. 24). Датування цих амфор – друга половина VI – початок V ст. до н.е. (Рис. 4, 36–37).

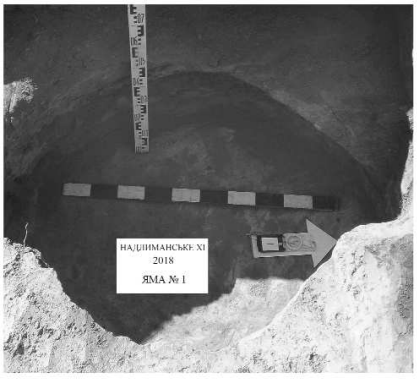
Умовні позначення:

- античні міста
- пізньоархаїчні пам'ятки
- пункти знахідок пізньоархаїчної кераміки

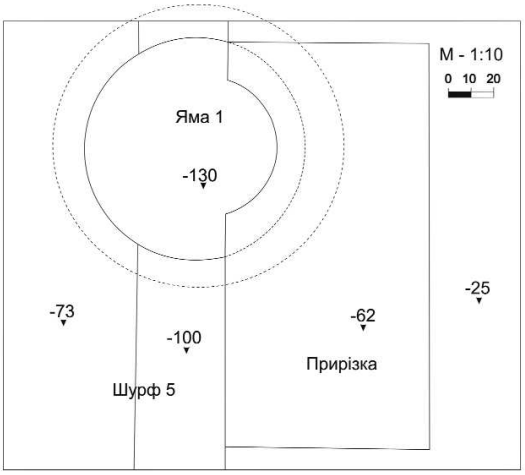
Рис. 1. Пізньоархаїчні пам'ятки та пункти знахідок пізньоархаїчної кераміки на лівому березі Дністра та Дністровського лиману (за археологічною мапою С.Б. Охотнікова: Охотников 1983).

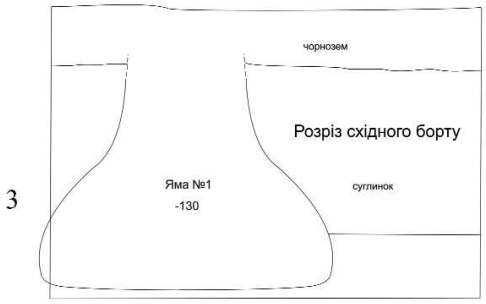

1

2

3

Рис. 2. 1 – розташування шурфів на поселенні Надлиманське XI та межі розповсюдження кераміки на поверхні; 2 – план та розріз ями № 1.

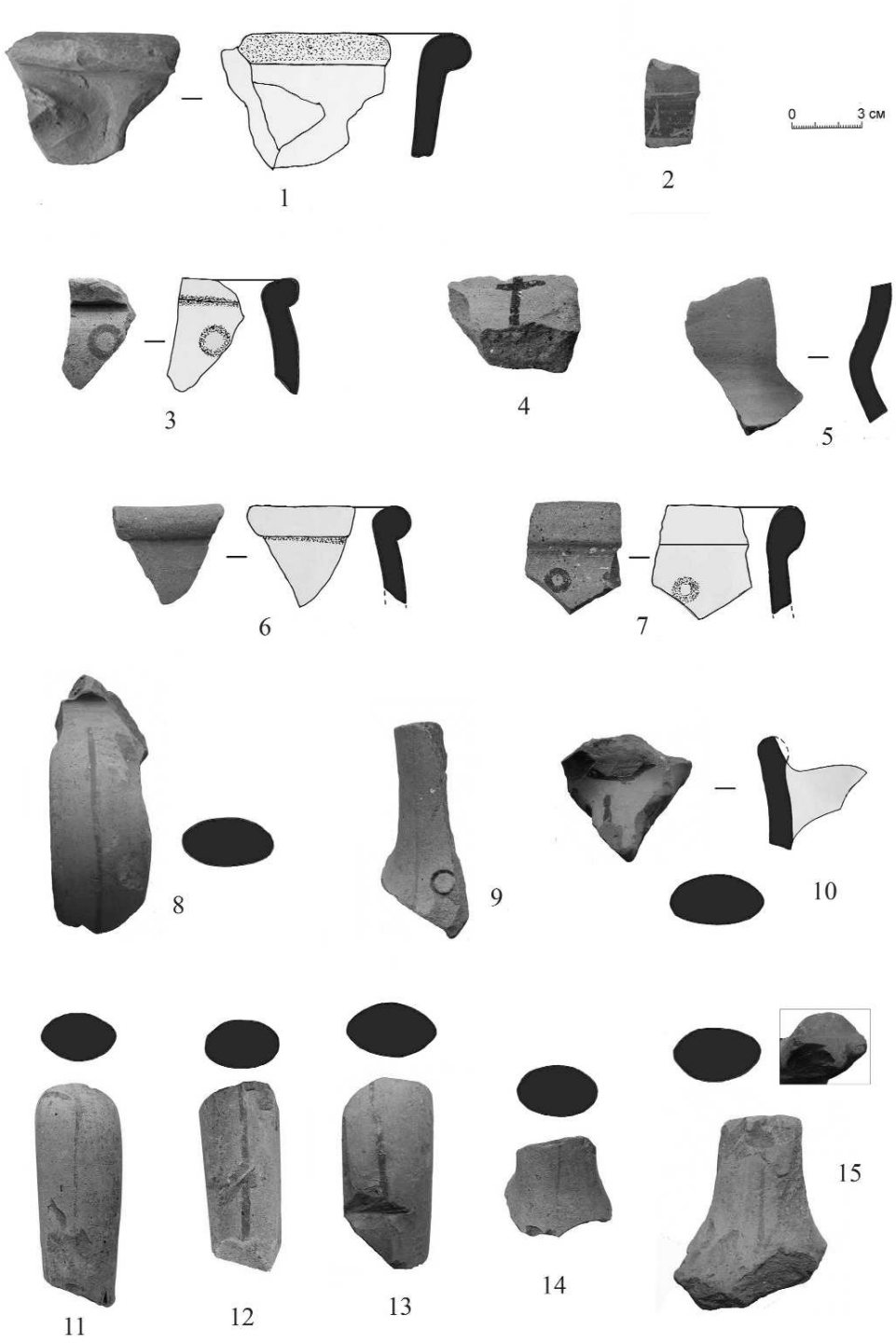

Рис. 3. Фрагменти амфор з діпінті: 1–2 – Клазомени, 3–15 – Хіос.

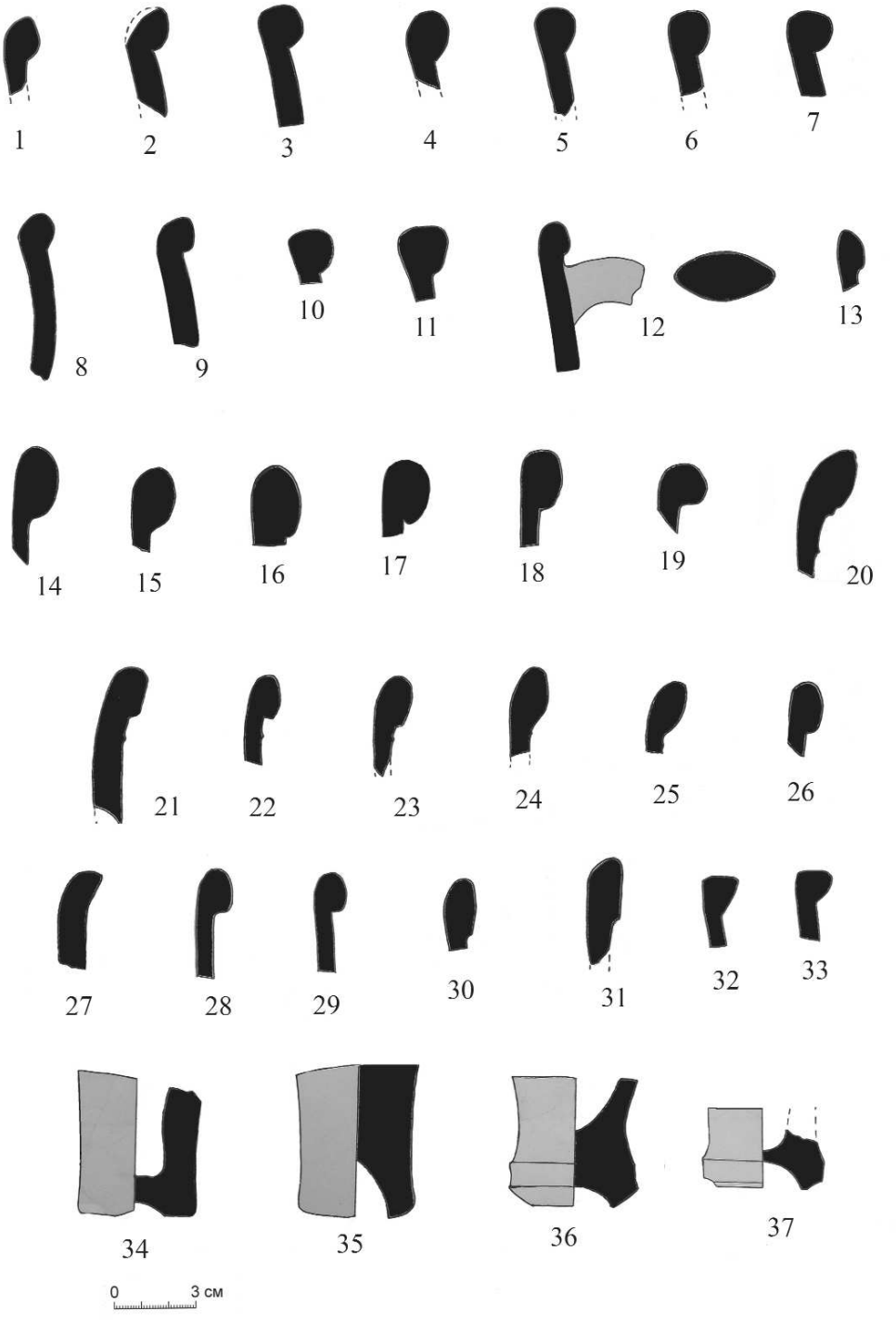

Рис. 4. Профілі вінчиків та ніжок амфор: 1 – шурф № 3, 2 – шурф № 4; 2–38 – знахідки на поверхні.

Фрагмент вінчика (Рис. 4, 20) ймовірно відноситься до одного з типів мілетської тари (варіант II-А за Монаховим) (Монахов 2003: 35, табл. 19, 6). Датування – друга чверть V ст. до н.е.

Приблизно таке саме співвідношення амфор за центрами виробництва спостерігається в Ніконії пізньоархаїчного часу та на інших синхронних пам'ятках лівого берега Дністровського лиману (Секерская 1989: 36; Охотников 1990: 19–21).

Чорнолаковий посуд представлений двома дрібними фрагментами кіліків. Це фрагмент дна, який має колір глини, на його внутрішній стороні нанесений кружок чорним лаком (Рис. 5, 11) та частина ручки (Рис. 5, 12).

Сіроглиняний посуд репрезентований трьома формами. Серед посуду відкритих форм – фрагменти вінчиків мисок з загнутим всередину краєм (Рис. 5, 1–3). Ще три вінчика належать посудинам з прямим вінчиком, що відігнутий назовні (Рис. 5, 4–6). С.Б. Охотніков відмічає, що найближчі аналогії такому посуду, знайдені в Істрії та на пам'ятках фракійського населення Лісостепової Молдови (Охотников 1990: 23). До посуду закритих форм (глечики?) відноситься фрагмент вінчика (Рис. 5, 7) та дві ручки.

Невеликий фрагмент вінчика з загнутим всередину краєм ймовірно є частиною сіроглиняного світильника відкритого типу (Рис. 5, 8).

Червоноглиняний посуд представлений незначною кількістю фрагментів. Серед них – стінка та дно, які орнаментовані полосами червоною фарбою (Рис. 5, 13–14).

Лутерії. Знайдено два фрагменти вінчиків лутеріїв, які виготовлені зі світлої крупнозернистої глини з домішками піску та піроксену (Рис. 5, 9–10).

Ліпна кераміка представлена невеликими фрагментами. Окрім значної кількості неідентифікованих частин посудин (переважно стінок), слід виділити вінця, прикрашені різними видами орнаменту. Серед орнаменту превалюють пальцеві вдавлення різної глибини (по вінцю та нижче вінця) та защипи (Рис. 6, 2–4, 6–10). Крім цього присутній фрагмент стінки із врізаним орнаментом (трьома паралельними лініями) (Рис. 6, 14) та невелика стінка із розчосами по внутрішній стороні. Присутні також фрагменти придонних частин посудин із пласким невиділеним або слабко виділеним дном (Рис. 6, 15–17). Через фрагментарність неможливо встановити їхню морфологію, але можна зазначити, що основна маса відноситься, ймовірніше, до посудин закритого типу із доволі широким діаметром вінця. За орнаментацією означені фрагменти слід віднести до кераміки скіфського вигляду, яка має широке розповсюдження серед пам'яток Нижнього Подністров'я та Нижнього Побужжя (Охотников1990: 27, рис. 14; Марченко, Доманский 1999: 46–47, рис. 13, 1–9, 13; Гаврилюк, Отрешко 1982: рис. 1).

Керамічні вироби. Серед них – два грузила, виготовлених зі стінок амфор, які мають просвердлені отвори (Рис. 7, 1–2), фрагмент стінки з обточеним закругленим краєм (Рис. 7, 4) та оброблена з двох боків, кругла в перетині ручка амфори з просвердленими не наскрізними отворами (Рис. 7, 3). Одна амфорна стінка має два стертих краї (інструмент для розтирання?) (Рис. 7, 5).

Вироби з каменю представлені фрагментом лощила з гальки (Рис. 7, 6). Також знайдені фрагмент жорна[3] (?) з вапняку та ручний розтиральник.

Металеві вироби. Бронзовий наконечник стріли трилопатевий, відноситься до категорії базисних (Рис. 7, 8). Висота 2,5 см. За типологією А.І. Мелюкової відно-

---

[3] Фрагмент плити з закругленим краєм (35х27 см, товщина 6 см).

ситься до другої хронологічної групи (друга половина VI – перша половина V ст. до н.е.) (Мелюкова 1964: 21). Наконечники такого самого типу знайдені в згадуваному похованні біля с. Маяки (Носова 2011: 155, рис. 2, 5–25; Дараган 2017: табл. 1, тип 8/1).

Ще один металевий виріб – свинцеве прясло. Воно має діаметр 2 см, висоту 1,2 см (Рис. 7, 9).

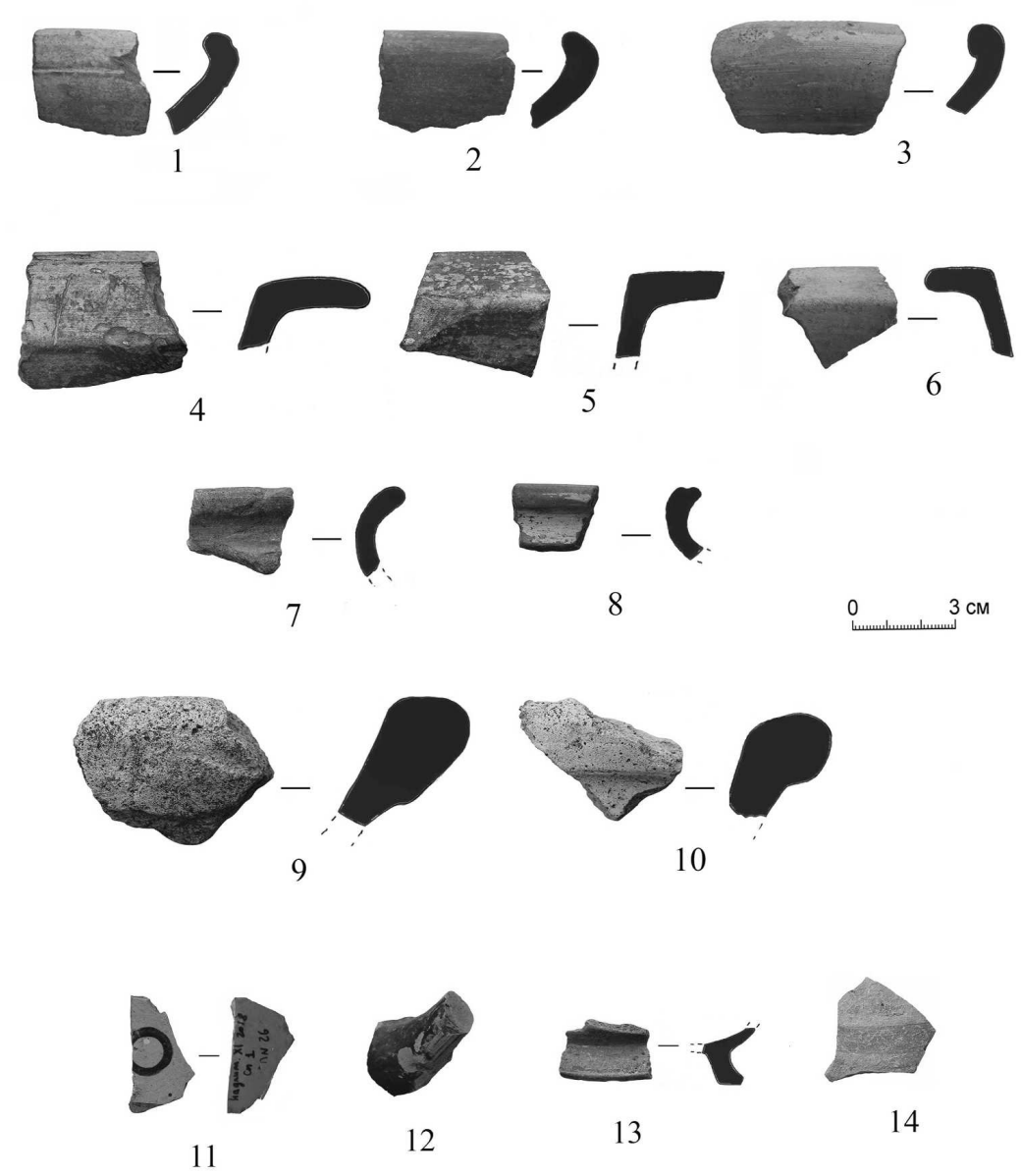

Рис. 5. Фрагменти гончарної кераміки. Знахідки на поверхні. 1–8 – сіроглиняна, 9–10 – лутерії, 11–12 – чорнолакова, 13–14 – червоноглиняна.

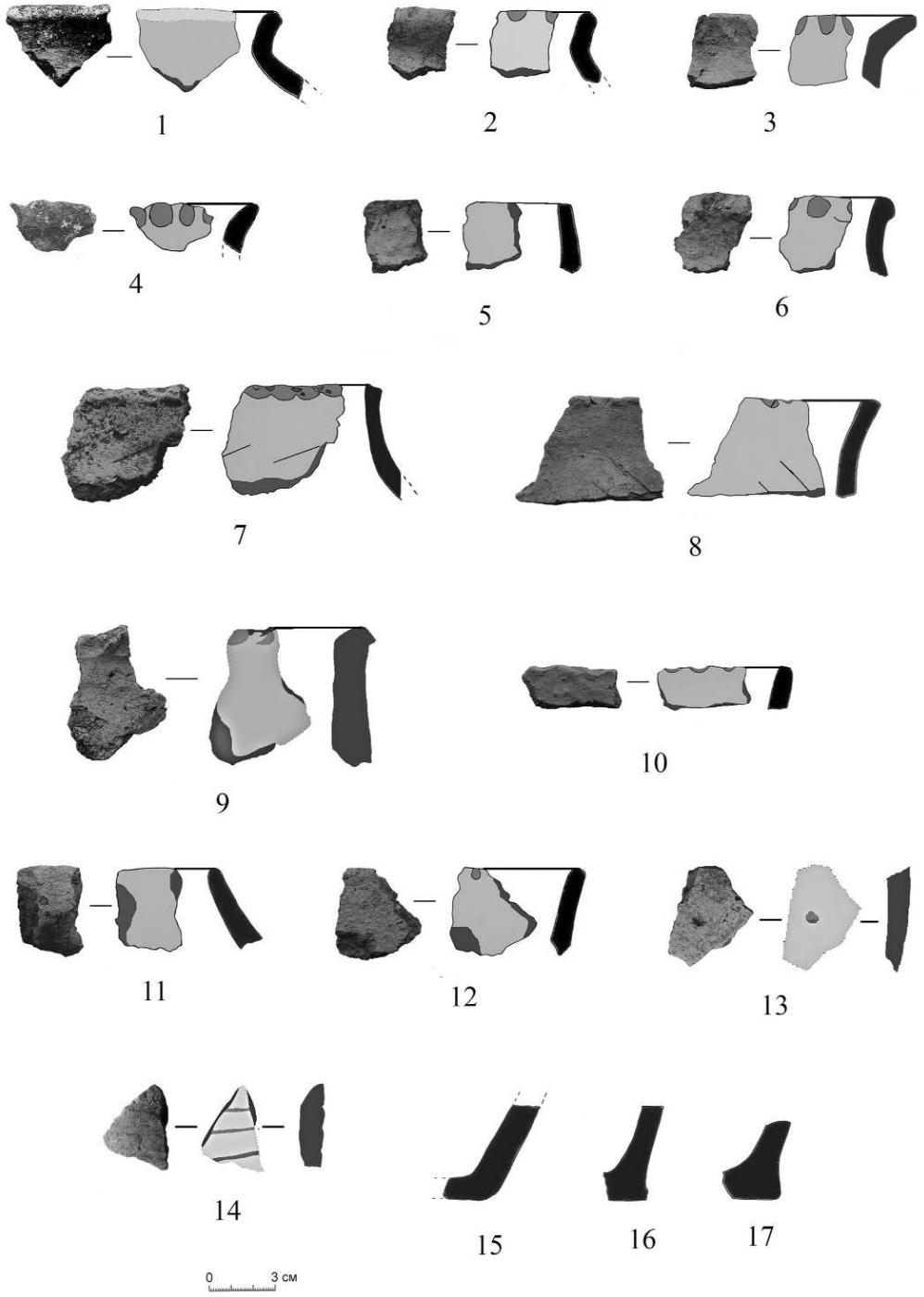

Рис. 6. Фрагменти ліпного посуду. Знахідки на поверхні.

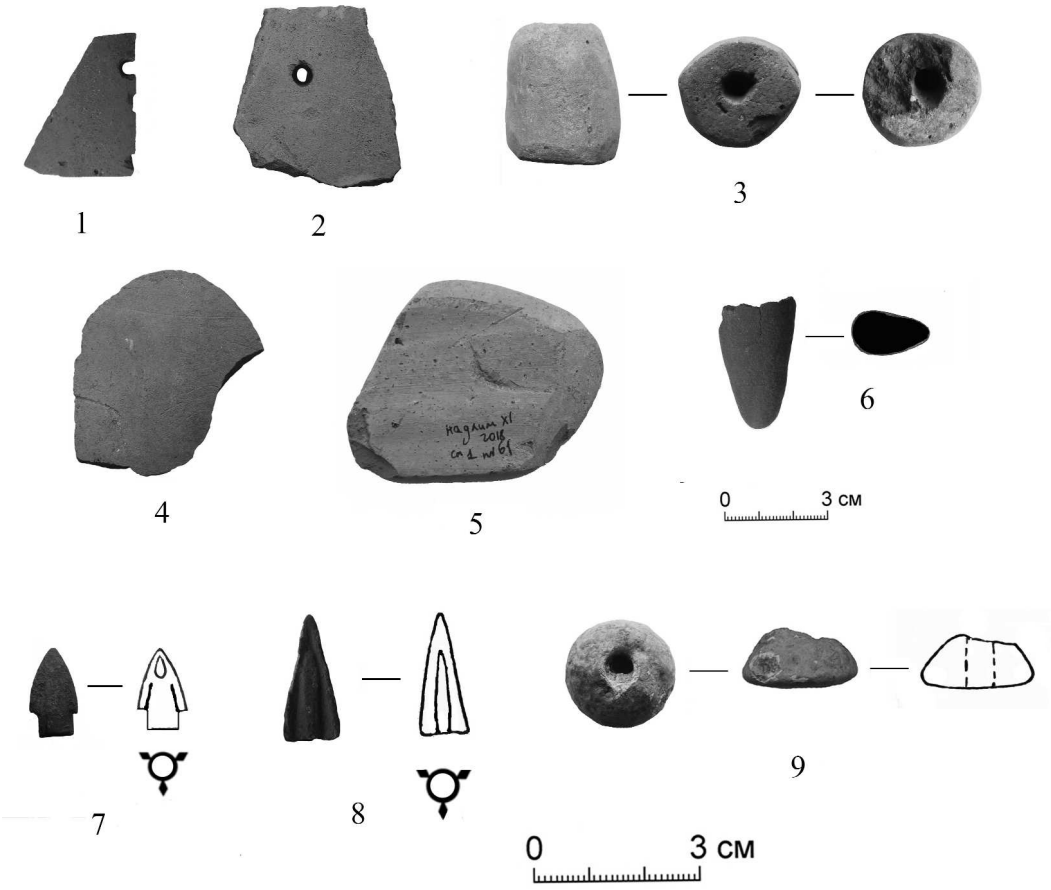

Рис. 7. Індивідуальні знахідки.

Висновки

В результаті розвідки встановлено, що поселення Надлиманське XI відноситься до пізньоархаїчного часу та відображає процес першого етапу заснування хори Ніконієм. Знахідок, які можна було б впевнено датувати більш пізнім часом, не виявлено. Більшість датованих матеріалів відноситься до широкого хронологічного діапазону: друга половина VI – перша половина V ст. до н.е. Спираючись на хронологію пізньоархаїчних пам'яток Нижнього Подністров'я, яку запропонував С.Б. Охотніков, можна вважати, що поселення з'явилось наприкінці VI ст. та припинило існування наприкінці першої третини V ст. до н.е. (Охотников 1990: 43–44; Охотников 2013: 564).

Визначити характер пам'ятки (хутір, господарча висілка?) за отриманими даними складно. Виявлений об'єкт – зернова яма – може свідчити про напрямок господарчої діяльності мешканців поселення.

З огляду на це, подальші дослідження та проведення планомірних розкопок є перспективними, оскільки дозволять виявити нові об'єкти, встановити розмір та межі поселення.

Література

Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А. 2017. Керамическая тара конца 7 – первой половины 5 века до н.э. из раскопок центральной части Пантикапея. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М.

Буйских А.В. 2014. Амфоры конца VII – первой половины V в. до н.э. из Борисфена // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (12). К.

Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. 1982. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II // Древности степной Скифии. К.

Дараган М. Н. 2017. О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н.э. // Stratum plus. № 3.

Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. М.

Марченко К.К., Доманский Я.В. 1999. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (Опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников) // Stratum plus. № 3.

Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1–4. М.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М. – Саратов.

Носова Л.В. 2011. «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI – первой половины V вв. до н.э. у с. Маяки) // МАСП. Вып. 12. Одесса.

Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. К.

Охотников С.Б. 2013. Поселения Нижнего Поднестровья (VI–III вв. до н.э.) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса.

Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. К.

Bîrzescu Iu. 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren // Histria. Vol. XV. Bucureşti.

Summary

In 2018 a field survey with digging prospect trench was conducted on the ancient settlement Nadlymanske XI, located on the left bank of the Dniester estuary (Odessa Oblast, Ovidiopol Raion). A large amount of surface finds has been collected. 5 prospect trenches were made. In the prospect trench № 5 a pit was discovered and explored. It contained several walls of amphorae, kitchenware, large handmade pot, a wall of black-slipped ware, fragments of bones (horse or cow) and the bronze triangular arrowhead with protruding socket.

Archaeological material is divided into several categories. Amphorae are represented by the production of Chios, Lesbos, Samos, Clazomenae, Miletus and unidentified centers. Two fragments of black-slipped ware belonged to kylikes. Gray-clay ware is represented by fragments of bowls, jugs and simple wheel-made oil lamp. Several fragments belong to red clay ware and louteria. The rims with fingerprint ornament analogous to the Scythian ceramic ware stand out among the handmade pottery. Individual finds are represented by two sinkers made of amphorae walls, pebble lissoir, stone quern, fragment of millstone (?), lead spindle whorl, bronze triangular arrowhead.

The analysis of the findings enabled to date the settlement to the earlier time than previously considered, namely to the late archaic period (late 6th - first third of the 5th century BC).

Транскультурная зона

И.В. Бруяко

Феномен Картала: динамика смысла

Об историко-географическом феномене Картала, который предопределён стратегическим положением памятника, в литературе сказано было вполне достаточно (Бруяко 1992; 2009; Бруяко, Ярошевич 2001: 19 и сл.). Можно лишь в очередной раз констатировать, что такое особенное (в чём-то уникальное) положение местонахождения Картала обеспечивал Дунай – природный ландшафтный рубеж, который время от времени обретал статус демаркационной линии – этнокультурной (археологической) в преистории и историко-культурной (геополитической) в историческую эпоху. Феномен Картала не был явлением статичным, а обладал известной динамикой. Именно обусловленность такой динамики и предполагается обсудить в этой работе.

В отличие от границы физико-географической, ландшафтной, статус границы историко-географической был характерен для Дуная в этом районе не всегда. Однако именно тогда, когда Дунай приобретал такое качество, т.е. становился границей культурных миров либо государственных образований, местонахождение Картал становилось обитаемым, а вместе с этим возникал и феномен Картала. Причём для поселения нехарактерны длительные тренды развития с линейной динамикой и поступательными переходами из одного качества в другое. Поселение на «Каменной горе» (акрополь Картала) фактически возникало уже в статусе стратегического пункта, который выполнял функции либо замка́, либо плацдарма. В первом случае замок, «навешенный» на переправу, позволял задунайским аборигенам контролировать ситуацию в прилегающей степной полосе и, возможно, как-то регламентировать перемещения восточного, степного населения, которые, как правило, плохо поддавались прогнозу. Тем самым формировалась и некая система взаимоотношений, условия которой и её особенности могла назначать сторона, владевшая стратегическим преимуществом. Во втором случае, если мы ведём речь о плацдарме, то и здесь инициатива его создания принадлежала балканскому населению, но уже в другой геополитической ситуации. А именно тогда, когда у этого населения имелась потребность и потенциал для колонизации районов, прилегающих к Дунаю с северо-востока. Необходимое условие для этого – стабильно-спокойная обстановка в Буджакской степи. Существование сколь-нибудь значительного поселения в Картале вне зависимости от геополитической конфигурации особого смысла не имеет. По своим ландшафтным характеристикам Картал был не слишком привлекателен для популяционных групп с низким порогом пассионарности и стратегией жизнеобеспечения, ориентированной исключительно на хозяйственную деятельность, предполагавшую размеренный, упорядоченный образ жизни. Тем не менее в истории памятника были и такие эпизоды, о чём будет сказано далее.

Итак, тезис первый гласит: возникновение сколько-нибудь значительного (крупного) поселения в Картале всякий раз было обусловлено геополитически.

Тезис второй можно сформулировать следующим образом. Поселение в Картале всегда возникало в результате действия западного (юго-западного) вектора культурного влияния, связанного с очередной активной фазой культурогенеза на севере Балкан и/или в Карпато-Дунайском бассейне. Именно для представителей оседло-земледельческих культур, населявших эти области, стратегический смысл местона-

хождения в Картале был очевидным, поскольку, переходя Нижний Дунай, они фактически выходили за пределы своего культурного ареала, вторгаясь, пусть и ограниченно, в чуждый для себя ландшафт, как культурный, так и в какой-то степени природный. Если же низовья Дуная оказывались внутри ареала степных скотоводов, в процессе их расселения на северо-востоке Балкан и в Карпато-Дунайском бассейне, понимание феномена Картала отсутствовало по причине не слишком отчётливых представлений о целях миграции, модели организации вновь обретённого пространства и совершенно иной стратегии жизнедеятельности.

Существует и еще одна особенность, которую следует выделить в качестве весьма важного положения, развивающего и конкретизирующего первый тезис. Если поселение в Картале выполняло функции замка́, оно являлось местом активного межкультурного диалога. Если же поселение играло роль плацдарма, посредством которого шло расселение (колонизация) районов к северу от Дуная, диалог, как правило, был невозможен по причине отсутствия собеседника, т.е. населения в зоне колонизации.

Вариативность стратегического статуса поселения в Картале
(семь эпизодов)
→ – *плацдарм*
↔ – *«замо́к»*

1. Гумельница → Болград-Алдень
2. Чернавода → (группа Хаджидер?)

3. Горизонт Тэмэоань/ Ханска/ Голеркань ↔ Белозерская культура
4. Горизонт среднего гальштата (фракийцы) ↔ кочевники предскифского периода (киммерийцы)
5. Фракийцы ↔ Скифы
6. Рим ↔ Сарматы (усл.)

7. Балкано-Дунайская культура (культура Первого Болгарского царства) →

Поскольку отмеченные закономерности подтверждаются исторически и/или археологически, то следует, вероятно, предоставить эти подтверждения.

Энеолит

Крупные поселения раннего и позднего энеолита, представленные в Картале, в обоих случаях играли роль плацдарма. При всех возможных оценках обособленности аспекта Болград-Алдень – культурная группа, вариант и даже особая культура, он имеет очевидную культурную и географическую метрополию – ареал Коджадермен-Гумельница-Караново. Что касается позднеэнеолитической культуры Чернавода I, то, хотя взгляды на её генезис более либеральные, однако, кажется, идея балканской метрополии доминирует и в данном случае (рис. 1).

Итак, поселение в Картале, выдвинутое с правого берега Дуная в пустынную область левобережья, сыграло роль плацдарма, с которого происходила колонизация балканскими земледельцами придунайских районов. Такие миграции были, как пра-

вило, неглубокими, локальными, и ограничивались ближайшими районами Буджакской степи, как максимум – бассейном Днестра.

Для эпохи климатического оптимума голоцена в наших построениях нужно непременно учитывать природно-климатический фактор и, в частности, эвстатику черноморского бассейна. Его ингрессия в определённый период времени привела к затоплению обширных участков дунайской поймы и образованию здесь солоноводного эстуария (Михайлеску 1990: 117, рис. 25ж; 128; Бруяко, Ярошевич 2001: 20–22). В таких условиях хозяйственная активность древнего человека в прибрежных зонах этого залива могла быть серьёзно ограничена, равно как и освоение обитателями Добруджи его левобережных территорий. Думается, что это природное явление могло иметь место либо до появления группы Болград-Алдень, либо позднее – то ли в период между ранним и поздним энеолитом, когда в Картале отсутствует поселение, то ли уже после периода Чернавода I. В нашем распоряжении имеются данные, которые указывают на 2 пиковых трансгрессивных значения в интервале 6500/6000 – 4500 BP (подр. см. Бруяко, Сапожников 2009: 304 и сл.). Первое повышение уровня моря – раннекаламитская трансгрессия – фиксируется в конце АТ-2 – начале АТ-3. В этом случае появление мелководного морского эстуария на месте дунайской дельты (вплоть до впадения в Дунай р. Прут) и образование заливов на месте будущих придунайских озёр предшествовало появлению в Буджаке раннеэнеолитического земледельческого населения.[1] Второй пик (позднекаламитская, или раннеджеметинская трансгрессия) с близкими первому абсолютными значениями, имел место, вероятно, уже в раннем суббореале, либо в позднейшей фазе АТ-3 (4900/4700 – 4500 BP). Процесс формирования солоноводного дунайского эстуария кажется наиболее вероятным в раннекаламитское время, предшествовавшее эпохе энеолита. И тогда продвижение населения группы Болград к северу от Дуная и появление целой свиты поселений по берегам только что образовавшихся придунайских озёр, состоялось только после значительного сокращения площади морского залива, а главное – после изменения его гидрохимического режима в сторону опреснения (Бруяко, Сапожников 2009: 305).

После периода Болград-Алдень поселение в Картале было надолго заброшено. Культурная декомпозиция в северо-восточной части Балкан и предпосылки к появлению новой конфигурации уже в позднем энеолите заняли по разным оценкам от 400 до 500 лет. За этот период в степях юга Восточной Европы формируется новый культурный стандарт, и впервые в регионе обозначается восточный вектор культурогенеза. Речь идёт о памятниках первых скотоводов (население Суворовской группы), которых обычно считают локальным вариантом Скелянской культуры восточных районов Причерноморья (Manzura 2005: 318). В зоне расположения Картала есть примеры, когда могильники суворовского (новоданиловского) типа располагаются непосредственно на месте поселений эпохи раннего энеолита. Один такой небольшой могильник возник прямо на поселении группы Болград-Алдень Новосельское II (Ванчугов, Субботин 2002).

Необходимость в Картале вновь появилась в позднем энеолите у населения, представленного культурой Чернавода I. В этот период поселение окружено форти-

---

[1] Именно с этой, раннекаламитской, трансгрессией связывается развитие торфяникового слоя, разделившего мезолитический и энеолитический слои стоянки Мирное (Бруяко, Сапожников 2009: 304–305).

фикационной линией, которая (сегодня об этом можно говорить абсолютно уверенно) представляет собой систему рвов.[2]

Эпоха бронзы

В эпоху ранней бронзы географический вектор, определявший доминанту межкультурного диалога в регионе, поменял направление, и далее, на протяжении раннего и среднего бронзового века, он оставался неизменным: восток – запад. На практике это означало экспансию (или, понижая пафос – расселение) причерноморских скотоводов в областях к югу и западу от низовьев Дуная. Успех в этом процессе был достигнут за счёт двух факторов, которые, как водится, оказались взаимообусловленными. Во-первых, внутри земледельческого континуума Балкан и, в частности в северо-восточной части региона, в Добрудже, в это время отсутствуют предпосылки к формированию крупных культурных блоков. Второй фактор – это ритмичность и мощность соответствующих волн степного населения, проникавшего из-за Дуная. Он же, вероятно, был и внешней причиной (препятствием) интеграционной динамики среди балканских оседло-земледельческих сообществ. В результате, на протяжении большей части бронзового века поселение в Картале отсутствует. Зато здесь вполне комфортно располагаются могильники степных скотоводов – ямные (позднеямные) и культуры многоваликовой керамики.[3] Полагаю, что именно ямники «поглотили» низовья Дуная, включив этот район в культурное пространство степного облика (рис. 2/А). Функции постоянно действующего транзитного узла с точкой переправы в направлении Степь – Балканы местность обрела с началом бронзового века. Передвижения довольно многочисленных групп ямного населения требовали навигационного оборудования места переправы. Два самых больших кургана в местности, примыкающей к дунайской пойме, располагаются на линии, строго перпендикулярной течению реки (рис. 2/В). Сооружение одного из них в ямное время (Чауш) удостоверено раскопками (Шилов 1989). Датировка другого (Султан-тепе/ Везир-тепе/ Мовилэ Маре) пока остаётся неизвестной, но, если данная концепция верна, то он также должен был быть сооружён, или, по крайней мере, досыпан до нынешних монументальных габаритов (+16 м) племенами ямной культуры.

На протяжении большей части бронзового века Дунай не имел стратегического значения, так как находился внутри крупных культурных провинций. Вначале это были скотоводы ранней и средней бронзы. Однако постепенно этот степной импульс гаснет, и район попадает под влияние культур западного, на этот раз уже не балканского, а карпатского, или карпато-дунайского круга.

На макрорегиональном (геополитическом) уровне период BrA2-B1 (по Райнеке), первый период глобализации – формирование карпато-дунайского очага культурогенеза на западе и волго-уральского – на востоке. Первый из них (фюзешабонь, витенберг, отомань, ватья, тей, монтеору) распался в результате натиска с запада (курганная культура) и с востока. Однако эволюционный потенциал не был исчерпан, и возник новый культурный блок: ноа-кослоджень-сабатиновка (Бочкарев 1995: 25).

---

[2] Первый ров исследовался в 2001–2003 и 2007–2008 гг. (Бруяко, Манзура, Субботин 2003; Bruyako, Manzura, Subbotin 2005; Govedarica, Manzura 2015). В 2015 г. Нижнедунайской АЭ ОАМ был открыт второй ров, а в 2018 г. – третий. Данные по двум последним рвам на сегодняшний день не опубликованы.

[3] Причём как курганные, так и грунтовые.

Итак, в позднем бронзовом веке формируется крупное культурное объединение оседлого населения Ноа-Кослоджени-Сабатиновка. Для него были характерны высокий уровень кооперации, в основе которой лежала экономика в широком смысле слова, общая коммуникационная сеть и кластер унифицированных культурных стандартов. Этот карпато-причерноморский культурный ареал охватил и район Нижнего Дуная, который таким образом опять оказался внутри провинции и, не имея пограничного статуса (*resp*. стратегического значения), выполнял роль внутренней коммуникационной линии (рис. 3/A). В этих условиях потребность поселения именно в Картале отсутствует. Его здесь и нет, хотя в окрестностях, в радиусе всего нескольких километров такие посёлки имеются, иногда довольно крупные. Следы этой эпохи есть и в самом Картале. Но полноценного археологического поселения ни на акрополе, ни на посаде нет.

Упомянутый культурный ареал (провинция) распадается к началу заключительной фазы позднего бронзового века. Вместе с этой провинцией рушатся налаженные коммуникационные линии, торговые контакты и социальные связи, в общем, всё то, что является залогом культурной стабильности, предсказуемости и перспектив долгосрочного развития (период глобализации и унифицированных стандартов). Наступает эпоха регионализации, технологической де-эволюции, с характерными признаками диссипативного, хаотического развития. В этих условиях постепенно начинают вырисовываться очертания новых культурных контекстов. В Причерноморье, это Белозерская культура. К западу и северу от Дуная – горизонт культур прочерченной керамики – Тэмэоань – Ханска – Голеркань – Балта. Таким образом, Нижний Дунай приобретает статус культурной границы между этими двумя провинциями (рис. 3/B). Соответственно, в Картале возникает крупное поселение, которое существует в диапазоне XII(XIII) – XI вв.

Эпоха раннего железного века

Начиная с предскифской эпохи и вплоть до конца древности западный вектор в районе переправы традиционно доминирует. Однако его генерирующая роль периодически нарушается мощными, хотя и короткими по времени импульсами с востока, где возникает принципиально новый социокультурный стандарт (или эпохальный тип культуры) – номады.

Поселение раннего гальштата прекращает существовать в XI/X вв. А уже примерно через столетие Картал вновь становится обитаемым. Поселение эпохи среднего гальштата (предскифский период) было едва ли не самым крупным и значимым за всю историю местонахождения. В этом поселении выделяется три строительных яруса, два из которых – ранний и поздний – представляют собой жилые горизонты, средний – строительный, точнее, фортификационный.[4] Мощный (1,5 м) культурный слой одинаково развит и на посаде, и на акрополе. Огромный могильник (свыше 500 только раскопанных захоронений) не имеет аналогов в Карпато-Дунайском регионе. Наконец, чрезвычайно пёстрая, насыщенная раритетами материальная культура, которая демонстрирует наличие связей практически со всеми Балканами (возможно, исключая западные области), Карпато-Дунайским бассейном, приальпийскими вос-

[4] Вал с палисадом, фланкированный полукруглыми ронделями (бастионами). Почти очевидно наличие рва, который, впрочем, пока не обнаружен.

точными и юго-восточными областями, восточно-европейской степью, включая северо-западные районы Предкавказья.

В этнокультурном плане поселение этого периода имеет смешанный облик, хотя, как представляется, в нём всё же доминирует фракийский элемент, включая как северо-, так и южно-фракийскую составляющие. Параллельно присутствуют и весьма заметные компоненты степной предскифской (киммерийской) культуры.

Последующая, раннеисторическая эпоха в нашей модели имеет ряд особенностей, которые как будто бы отличают её от более ранней. Однако это скорее следствие большей конкретизации фабульной части, которая становится возможной благодаря большему объёму информации, черпаемой уже не только из археологических, но также и из литературных (письменных) источников. Схема становится более дробной, распадаясь на микрофазы и даже отдельные эпизоды. В целом культурно-исторический тренд сохраняется. Однако его детализация иногда способна открыть какие-то новые акценты и мотивации. Собственно, уже в предскифский период пёстрая материальная культура Картала, где хорошо заметны как западный, так и восточный компоненты, не позволяет реконструировать длинную линейную динамику, а заставляет разбивать период на микрофазы с различными генерирующими векторами, иногда диаметрально противоположными. Так, появление упомянутого среднего («строительного») горизонта, вероятно, было следствием враждебной акции (нападения), в результате которой поселение ранней фазы среднего гальштата (условно IX в. до Р.Х.) подверглось разрушению.

Мощный опорный пункт и крупное поселение периода среднего гальштата перестаёт функционировать в начале/первой половине VII в. На протяжении большей части скифской эпохи, вплоть до конца V века, в Картале отсутствует полноценное поселение. Хотя материалы этого времени есть, но это, скорее, следы тех самых отдельных эпизодов из истории региона, которые нам известны благодаря письменным источникам.[5] К примеру, в небольшой, но вполне качественной коллекции предметов конца VI – начала V в. можно видеть след короткого сюжета, связанного с прохождением здесь армии Дария и длившимся затем 2 месяца дежурством ионийцев Мильтиада по охране моста через Дунай.[6]

Ситуация, которая складывается на дунайском рубеже в V веке, казалось бы, обязана была возродить поселение в Картале. По сути, это первый период, когда на этом рубеже сталкиваются раннегосударственные структуры – Одрисское царство, с одной стороны, и некая скифская полития – с другой. Однако Картал на протяжении почти всего столетия оставался необитаемым. И над этим исключением следует поразмыслить. Возможно, это результат абсолютного военно-политического равновесия, паритета сторон, зафиксированного некими соглашениями дипломатического свойства. Несколько конфликтных ситуаций, грозивших перерасти в полномасштабную войну, разрешались именно на берегах Дуная. Октамасад и Ситалк уже готовились вступить в сражение, которое вряд ли было неотвратимым, если бы противни-

---

[5] По репрезентативности эта группа материала вполне сопоставима с коллекцией периода Ноа-Кословджень-Сабатиновка. Однако последняя, по понятным причинам, «зависает» на уровне исключительно археологической интерпретации и потому кажется гораздо менее красноречивой.

[6] Наконечник стрелы персидского типа, погребение неизвестного с застрявшим в ребре опорно-втульчатым (базисным) наконечником, отдельные находки позднеархаической керамики, как амфорной тары, так и столовой посуды, вполне допускают подобную трактовку.

ков разделяла река. Как пишет Геродот, после того как конфликт был улажен миром, «…Ситалк увёл свои войска» (Hdt., IV, 80). Поскольку Октамасад в этом контексте не упоминается, то, вероятно, именно Ситалк переправился на левый берег, откуда и увёл назад свою армию после того как конфликт был улажен. Тогда, возможно, полоса левобережья, примыкающая к Дунаю, находилась на положении своеобразной демилитаризованной зоны. Здесь, кстати, известны поселения гетов этого или чуть более позднего времени. Одно из них – Новая Некрасовка II – возникло во второй чтв. V в. (Бруяко 2005). В то же время скифские погребения весьма редкие и вплоть до последней четверти этого же столетия представляют собой отдельные, рассеянные на большой территории пункты.

Хронология поселения в Картале IV в. до Р.Х. относительно неплохо восстанавливается благодаря античному керамическому импорту. Это чернолаковая керамика, в т.ч. и расписная краснофигурная, амфорная тара, в т.ч. клеймёная. Судя по типам лепной керамики и их соотношению, конструктивным особенностям жилых помещений (землянок), поселение этого периода, бесспорно, принадлежало фракийцам (гетам). Оно возникло в конце V в. и перестало функционировать во второй четверти III в. Более подробно ритм его существования в этих рамках помогает представить античный керамический импорт. Судя по коллекции клейм, соотношение которых по центрам само по себе выглядит необычно (Табл. 1), на этом хронологическом отрезке наблюдаются 2 пика поступления амфорной тары (Табл. 2). И они вполне согласуются с теми историческими событиями, ход которых донесён до нас античной литературной традицией. Первый пик приходится на 50-е гг. IV в. и его можно связать с периодом активной фазы гетского поселения накануне вторжения Атея в Добруджу. Возможно, переход скифов через Дунай носил характер прорыва. Во всяком случае, после этого события мы видим резкое падение поступления тары на городище в 40–30-е гг. Вероятно, в этот период поселение оставалось необитаемым, или, во всяком случае, его покинуло гетское население. После поражения Атея в войне с Филиппом II скифы были вытеснены из Добруджи. Это положение не изменилось даже после разгрома Зопириона в 331/330 гг. Основная масса скифского населения остаётся на левом берегу Дуная. В последней чтв. IV в. в Картал возвращаются геты и возобновляется жизнедеятельность поселения, которая, впрочем, была недолгой. Очевидно, что оба эпизода заселения гетами городища Картал предполагали использование ими этого пункта в качестве «замка́».

Центр	**Кол-во клейм**
Фасос	43
Гераклея	8
Синопа	3
Херсонес	2
Аканф	1
Родос	1
Менда	2
Неизв.	1

Табл.1. Городище Картал. Распределение клейм по центрам

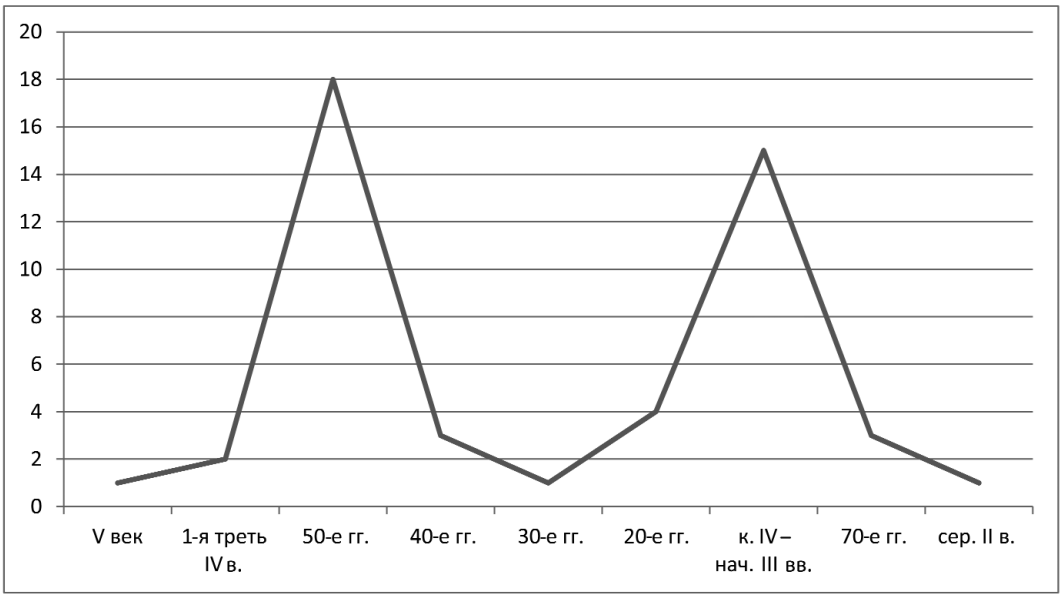

Табл. 2. Динамика поступления в Картал клеймёной тары.

Поздний эллинизм – хаотичная, неупорядоченная эпоха, наступление которой предопределено разрушением прежнего мира. Культурное пространство бывшей Великой Скифии дезинтегрировано, нет консолидированного сообщества и в Добрудже. Соответственно, в эллинистическую эпоху в Картале отсутствует полноценный памятник.[7] Правда, такой памятник есть буквально в нескольких километрах вниз по течению Дуная на городище Новосельское II, где представлен солидный слой позднегетской культуры конца III–II вв. (Бруяко, Ванчугов, Савельев 2011). И тем не менее Дунай в этот период, по всей видимости, не имеет серьёзного геополитического значения, или точнее, его не видят действующие лица того времени. Так, вероятное продвижение бастарнов в Добруджу при сохранении там массива памятников поздней гетской культуры свидетельствует об отсутствии у гетов намерения хоть как-то воспрепятствовать появлению пришельцев. Мотивы предстоит выяснять.[8]

Типичная для раннего железного века динамика, предопределённая изменением статуса Дуная (*resp*. Картала) наблюдается в римское время. Картал возрождается сразу же, как только на дунайский рубеж выходит Рим, консолидировавший Балканы. Этот период, благодаря своей археологической наглядности и исторической (нарративной) содержательности, представляет собой наиболее яркий и очевидный пример роли Картала в качестве замка́. На протяжении полутора столетий крепость на «Каменной горе» выполняла функции предмостного укрепления в составе опорного узла лимеса. Этот узел имел вид треугольника с вершиной в Новиодунуме и двумя другими углами в Картале и на городище Новосельское II (рис. 2/В).

---

[7] Хотя, опять-таки, отдельные материалы (напр. клейма Родоса) имеются.

[8] Нужно, впрочем, оговориться, что внедрение бастарнов в эту область, его формы и масштабность, продолжают обсуждаться.

Еще один нетипичный сюжет развивается в позднеантичное время. Он обозначился совсем недавно, когда на территории предместья был открыт черняховский могильник, а на поселении у подножия акрополя – слабые следы жизнедеятельности этого же времени. Черняхово – короткий период функционирования маловыразительного поселения в Картале – одного из многих в межозёрье Кагул-Ялпуг. Впервые мы наблюдаем экспансию (расселение) оседло-земледельческих племён в западном – юго-западном направлении, из Причерноморья на Балканы. И статус местонахождения в Картале (план выражения) также нетипичен.

Последний, седьмой эпизод, датируемый концом эпохи раннего средневековья, удивительным образом похож на первый, времени раннего энеолита. Культура Первого Болгарского царства (или Балкано-Дунайская), как и аспект Болград-Алдень, имеет ту же метрополию, ту же динамику и даже практически тот же самый ареал (рис. 4).

* * *

Если предполагать (а для этого есть определённые основания), что модель возникновения поселения в Картале имела универсальный характер, то есть была детерминирована более или менее постоянным (стереотипным) набором внешних условий, то тогда её можно использовать уже непосредственно как инструмент в реконструкции межкультурного диалога и миграционных процессов в регионе. В таком случае вопрос нужно ставить так. Если в Картале существует поселение, это значит, что течение реки в этом районе выполняет функции демаркационной линии между миром балканских (придунайских) культур с одной стороны, и сообществами степного пояса – с другой. Если в Картале поселение отсутствует, то это значит, что такой разграничительной линии нет, а низовья Дуная находятся, скорее всего, внутри ареала какой-то культурной провинции. Последняя может объединять представителей родственных культур.

В качестве примера возьмём эпоху позднего энеолита, конкретно – культуру Чернавода I, весьма яркое и выразительное поселение которой представлено в Картале. Генезис этой культуры, его интерпретация в значительной мере заданы её ареалом (рис. 1/B), который, по-видимому, не дифференцирован в хронологическом отношении, и между районами к югу и к северу от устьев Дуная нет соответствия – «первичный – вторичный». Или, во всяком случае, это соответствие не выглядит достаточно акцентированным (см. напр. Манзура 2013: 159). Исследователи говорят о безусловных балканских традициях, некоем раннеэнеолитическом субстрате (суворовская группа) и едином культурном пространстве от Мунтении и Добруджи до Тилигула (Манзура 2018: 46). Складывается впечатление, что ареал культуры Чернавода I возник сам собой, одновременно в заданных границах.

Модель смысловой динамики Картала, возможно, поможет прояснить этот непростой вопрос. Ещё раз озвучим исходную посылку. Наличие крупного поселения эпохи позднего энеолита в Картале означает, что это либо замóк, «навешенный» на переправу населением культуры Чернавода для сдерживания каких-то напористых «джентльменов» с востока, либо плацдарм, используемый им же для расселения в Буджаке. Исходя из того ареала, который предлагают исследователи для культуры Чернавода, первый вариант развития событий представляется маловероятным. Если племена Чернаводы принимали участие в создании культурного пространства

в Буджаке (и даже далее к северо-востоку от Днестра в Аджалыкской степи), то тогда события развивались по второй модели. Соответственно, ареал памятников культуры Чернавода I (или тип Хаджидер) в Северо-Западном Причерноморье можно считать «вторичным». В целом, данная проблема имеет общий характер, ибо касается особенностей колонизации Буджака в эпоху энеолита. Эти особенности кажутся довольно любопытными. Среди 7 упомянутых эпизодов вариативности Картала, лишь в 2 случаях можно говорить о колонизации классического типа – расселение обитателей метрополии к северу от Дуная и основание ими стационарных населённых пунктов (поселений). Этими двумя эпизодами являются периоды раннего энеолита и тоже раннего, но уже средневековья (рис. 4). Соответственно, если мы говорим о колонизации Буджака в позднем энеолите, то этот процесс будет отличаться от классической модели, поскольку, за исключением собственно Картала, других поселений культуры Чернавода на левом берегу Дуная нет. И если настаивать на том, что Дунай-Днестровское междуречье в этот период входит в ареал данной культуры, то тогда очевидно, что население, обитавшее в Буджаке, в силу специфики цикла жизнедеятельности, не оставляло следов в виде долговременных местонахождений. То есть, это население по образу жизни и хозяйственной стратегии было преимущественно скотоводческим, подвижным. Именно в этом и заключается особенность колонизации периода Чернавода. Она носила не вполне типичный характер, и её можно назвать неурбанистической, или пастушеской.

Однако существует и иная точка зрения на генезис культуры Чернавода, согласно которой в этом процессе активную роль сыграло некое мобильное степное население, продвижение которого в низовья Дуная и привело, в том числе, к формированию здесь культуры Чернавода I (Иванова, Никитин, Киосак 2018: 135).[9] Это население в таком случае также следует считать сообществом с подвижным образом жизни, то есть всё теми же скотоводами. Однако вряд ли его представители, расселившись в низовьях Дуная, могли трансформироваться в культуру Чернавода, опираясь лишь на собственный потенциал. Подобные процессы для пастушеских сообществ нетипичны, а если и происходят, то обычно во взаимодействии с некой внешней силой. Что за сила могла существовать в низовьях Дуная накануне образования здесь культуры Чернавода, неизвестно. Так же, впрочем, как и культурная принадлежность упомянутого степного населения.

Если настаивать на восточном факторе культурогенеза в позднем энеолите, то тогда события на Нижнем Дунае можно реконструировать только исходя из наличия поселения в Картале, которое безоговорочно принадлежало культуре Чернавода и которое в этом случае имело статус замка́. И тогда Картал периода Чернавода вполне мог иметь черты, свойственные Карталу эпохи раннего железного века, когда наличие замка́ на переправе обеспечивало активное взаимодействие между западным субстратом, владевшим этим замком, и восточным степным (и не только) населением. В целом, этот период (РЖВ) нужно оценивать как вполне равновесный, творческий, несмотря на периодически имевшие место «недоразумения», когда степняки выходили из режима культурного диалога и переходили к открытой агрессии с целью взломать этот самый замо́к. Для раннего железного века такая рекон-

[9] Поскольку этот тезис не имеет библиографической ссылки, надо думать, что идея принадлежит авторам работы.

струкция выглядит вполне достоверной. Для утверждения такой модели в позднем энеолите необходимо иметь доказательства наличия восточных элементов в культуре Картала периода Чернавода I. Есть ли таковые – вопрос узкоспециальный, и его следует адресовать исследователям энеолитического горизонта на памятнике.

Говоря о Картале в целом, нужно отметить ещё одну проблему, которая нуждается в осмыслении и объяснении. Речь идёт об особенности существования поселения на акрополе («Каменная гора»). Изучение соответствующих материалов раскопок показывает некую самостоятельную, независимую в известной степени динамику этого сегмента поселения. Она может совпадать, а может и противоречить общей динамике местонахождения. Так, наличие крупных поселений в Картале не обязательно означало заселение в это время акрополя. По большому счёту, полноценные поселения здесь фиксируются лишь для трёх (четырёх?) основных горизонтов из 7, указанных выше:

1) энеолит ранний и, возможно, поздний

2) эпоха среднего гальштата (предскифский период)

3) римское время

Совершенно достоверно, статус места повседневного обитания какой-то группы людей (культурный слой, жилые помещения, хозяйственно-бытовые ямы) устанавливается только для 2 последних периодов. Насыщенный и мощный культурный слой этих горизонтов равномерно развит на всей поверхности цитадели. Чем была «Каменная гора» в энеолите, пока неясно. Похоже, что её площадь в эту эпоху обживалась локальными, изолированными участками. Такая локальность иногда совершенно не соответствует характеру поселения конкретной эпохи, которое располагалось в предместье (на посаде) городища. Это очевидно, к примеру, для периода раннего гальштата и времени существования поселения гетов в IV в. В этих двух случаях, похоже, что собственно поселение со всей полагающейся инфраструктурой располагалось в предместье. Так, для раннего гальштата здесь зафиксирован целый квартал жилых построек. А для гетского времени, наряду с землянками – серия комплексов, которые, как мне представляется, были связаны с переработкой продукции аграрного сектора. Акрополь в эти периоды, вероятно, служил в качестве убежища. Там же, возможно, обитала верхушка сообщества, могли находиться святилища и т.п.

В заключение, подводя под всё сказанное выше некую теоретическую базу, можно заметить, что Картал, по сути, представляет собой «*node punct*» по Э. Шеррату (Sherrat 1997). Появление таких пунктов, считает английский исследователь, было следствием изменения экономической (и во 2 очередь политической) ситуации. Однако в нашей ситуации порядок изменений иной. При этом политическая ситуация может влиять (обуславливать) экономическую, а может иметь и исключительно самостоятельное значение.

* * *

Картал продолжал играть отведённую ему самой историей роль и в XX веке, в начале столетия, по крайней мере. Возможно, уже не как отдельно взятый стратегический пункт, а как системное звено в условиях развития военного искусства и совершенно иных масштабов ведения боевых действий. Подтверждение тому – недавние изыскания И.В. Сапожникова, который обнаружил и тщательно картогра-

фировал скрытые к настоящему времени следы эшелонированной системы полевых укреплений на левом берегу Дуная, между Карталом и Сату Ноу (Новосельское). Автор, правда, отнёс весь этот комплекс к античному времени, полагая, что его могли соорудить скифы, готовясь к вторжению Зопириона, либо готы против Валента (Сапожников 2017: 221–222, рис. 8). Эта версия кажется совершенно фантастической, поскольку её принятие влечёт за собой серьёзную ревизию истории военного дела в целом, военно-инженерного и оперативно-тактического искусства в частности.

Итак, перед нами следы полевых укреплений, во-первых, и, во-вторых, эти позиции имеют очевидные признаки эшелонированного построения, о чём говорит и сам автор этого нечаянного открытия. Следует заметить, что систематическое и массовое применение полевых укреплений, как фронтального линейного, так и закрытого начертания, начинается на полях сражений не ранее XVII в.[10] В XVII–XIX вв. номенклатура таких укреплений довольно разнообразна: редуты, реданы, люнеты, ретраншементы, флеши, и т.д. Что же касается принципов эшелонированной обороны,[11] то их теоретическое обоснование приходится на вторую половину XIX в., а практическое применение – на начало XX в. (элементы такого построения заметны в полевых сражениях русско-японской войны). В завершённом, развитом виде эшелонированная оборона предстаёт перед нами в 1914–1918 гг., когда стороны конфликта повсеместно находились в состоянии т.н. позиционной войны. Именно в Первую мировую войну, в 1917 г. район Картала стал передовой левого крыла Румынского фронта.

К январю 1917 года немецко-болгарская армия А. фон Макензена полностью вытеснила из Добруджи русскую Дунайскую армию генерала В.В. Сахарова. Дунай становится линией фронта. Одним из мест, где русская армия переправлялась на его левый берег, был район Исакча-Картал. Из мемуаров Д.В. Ненюкова следует, что здесь были наведены 2 моста, которые разводились ночью для прохода судов (Ненюков 2014: 66). После того как немецкие и болгарские части закрепились на правом берегу Дуная, начались артиллерийские обстрелы и авианалёты на придунайские города, в частности Измаил. Возникла реальная угроза форсирования Дуная немцами и вторжения уже на территорию Бессарабии, т.е. непосредственно в пределы Российской империи. И вполне понятно, что в такой ситуации необходимо было принимать меры, направленные на укрепление левого берега Дуная. В дополнение к уже имеющимся силам Дунайской и 6-й армий сюда была переброшена Балтийская морская дивизия, на Дунае в районе Рени – Галац сосредоточилась группировка румынских мониторов, на Измаил базировалась русская Дунайская флотилия (Козлов 2003: 88 и сл.). Даже на придунайских озёрах, в частности на Кугурлуе, была сформирова-

---

[10] Если не считать римских лагерей, таборных каре (= вагенбурги гуннов, аваров, позже гуситов), «гуляй-города» Московского царства, палисадные линии Столетней войны (Креси, Пуатье), траншеи для пехоты в армии Тамерлана и т.п. Римский лимес – отдельная тема. Но, всё же эту рейнско-дунайскую линию нельзя считаться полевым укреплением, тем более, имеющим признаки эшелонированного построения. Это стратегический объект, по сути, гигантский композитный забор, отделявший империю от остального мира, и который не был предназначен для кратковременного – полгода-год – позиционного противостояния с перспективой вероятного боестолкновения. Хотя, разумеется, его отдельные сегменты использовались для отражения локальных угроз. Кроме того, вал лимеса мог использоваться и как коммуникационная линия.

[11] Речь идёт о полевой, а не крепостной фортификации.

на военная флотилия из вспомогательных судов. Очевидно, однако, что отражать предполагаемое форсирование Дуная немецкой армией можно было лишь опираясь на развитую, эшелонированную, т.е. построенную по всем канонам, заданным ходом войны, линию полевых укреплений. Такая линия была построена, и перед нами, вероятнее всего – следы так называемых Картальских позиций, возведение которых осуществили в конце 1916 – начале 1917 г. русские военные инженеры, а их практически полностью забытые, по сути, неизвестные остатки открыл украинский археолог И.В. Сапожников, которому историки военного искусства XX века должны быть за это признательны.[12]

Впрочем, и без этого экскурса версию о строительстве эшелонированной линии обороны между Карталом и Сату Ноу (Новосельское) в античную эпоху, скифами либо готами (Сапожников 2017: 222–223), очевидно, следует отнести к разряду историографических курьёзов.

Литература

Бочкарёв В.С. 1995. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Восточной Европы (М-лы конф. 21–25 августа 1995 г. Саратов). Санкт-Петербург

Бруяко И.В. 1992. О древней переправе через Дунай // Историческое краеведение Одессщины. Сб.материалов. Вып. 2. Одесса

Бруяко И.В. 2005. Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае) // Revista Arheologică. vol. 1. nr. 1. Chişinău

Бруяко И.В. 2009. Об исторической топографии городища Картал // МАСП вып. 9. Одесса

Бруяко И.В. 2018. Материалы к истории археологической науки в Одессе (письма Н.Н. Мурзакевича А.С. Уварову) // Античный Никоний и мир племён Северо-Западного Причерноморья. М-лы «Круглого стола», посв. юбилею Н.М. Секерской и 60-летию начала раскопок в Никонии (Одесса, 18 мая 2017 г.)

Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2003. Энеолитический горизонт поселения Орловка-II на Нижнем Дунае // АВУ 2001–2002. Київ

Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. 2001. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса

Бруяко И.В., Сапожников И.В. 2009. Колебания уровня моря в конце плейстоцена – первой половине голоцена (около 30–4 тыс.лет назад) и археология Северо-Западного Причерноморья // STRATUM plus № 2. 2005–2009. СПб., – Кишинев – Одесса – Бухарест

Бруяко И.В., Ванчугов В.П., Савельев О.К. 2011. Слои эллинистического времени на городище Новосельское II // МАСП вып. 12. Одесса

Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 2002. Новосельский энеолитический могильник в Нижнем Подунавье // Северное Причерноморье от энеолита к античности. Тирасполь

---

[12] Не стоит совершенно исключать и версию о сооружении этой линии в начальный период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В то время низовья Дуная составляли дальнюю тыловую зону. К примеру, в Рени и в Измаиле располагались военные госпитали. Вместе с тем, глубокое наступление турецких войск считалось вполне возможным, о чём свидетельствуют меры по подготовке к эвакуации коллекций Одесского музея Общества истории и древностей (Бруяко 2018: 109).

Иванова С.В., Никитин А.Г., Киосак Д.В. 2018. Маятниковые миграции в Циркум-Понтийской степи и Центральной Европе в эпоху палеометалла и проблема генезиса ямной культуры // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (26)

Козлов В.И. 2015. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI века н.э.: Балкано-Дунайская культура. Казань – Санкт-Петербург – Кишинёв

Козлов Д.Ю. 2003. Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб.

Манзура И.В. 2013. Очерк развития энеолитических культур Северо-Западного Причерноморья // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса

Манзура И.В. 2018. Расписная керамика позднего энеолита на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае // Древности. Исследования. Проблемы. Сб.статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев – Тирасполь

Михайлеску К.Д. 1990. Происхождение лиманов дельты Дуная. Кишинев

Ненюков Д.В. 2014. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920. М.

Сапожников И.В. 2017. Древние валы и дороги района переправы через Дунай у озера Картал: опыт картографической стратиграфии // Tyragetia, SN, vol. XI(XXVI) nr. 1

Шилов Ю.А. 1989. Святилища III–I тыс. до н.э. у Новосельской переправы через Нижний Дунай // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А.И. Доватура). ТД научно-практического семинара. Рени

Bruyako I., Manzura I., Subbotin L. 2005. Prehistoric Settlement «Kartal» (Orlovka): Preliminary Information on the Excavations in 2001–2002// Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education. Reports of Prehistoric Research Projects 6–7

Govedarica C., Manzura I. 2015. The Cooper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine) // Neolithic and Cooper Age between the Carpathian Basin and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millenium BCE. International Workshop Budapest 2012. Archäologie in Eurasien 31. Bonn

Manzura I.V. 2005. Steps to the Steppe: or, how the North Pontic Region was colonized// Oxford Journal of Archaeology 24(4)

Sherrat A. 1997. Economy and society in prehistoric Europe: changing perspectives. Princeton

Summary

In the article some features of functional existing of the site near the place of cross through Danube in its lower part (Isakcha – Orlovka area). We are talking about the multilayer settlement (hillfort) Kartal. An attempt was made to show that appearance here the settlement in the concrete historical, or pre-historical period was not accidental. In the ground of the Kartal phenomenon, there was the one universal pattern. In each case, the appearance of the settlement was inspired by geopolitical circumstances and occurred, while the Danube acquired the status of a strategic line (cultural-historical, military-political), which divided the various cultural communities, civilizations, states. When the Danube flow existed inside some homogeneous archaeological, cultural space, in this case the Danube has been missing geopolitical status and became simple landscape and geographical unit with the functions of inner communication line. The necessity in the site in Kartal in these cases was not.

In the frame of marked model the site in Kartal could realize only two function. First of them was a springboard, or starting point for colonization the space to north, north-east from Lower Danube. The second - «pad lock», hanged on the crossing over the Danube against the unstable population of the Eastern steppe regions, whose behave was badly prognostic. In the both cases the population Balkan cultural space, representatives of agricultural archaeological cultures, was initiators. One need to add very important information as regards Kartal in the role of «pad lock». Always in these periods the very intensive dialogue between cultures was existed here.

We have seven episodes in the history of this settlement that are characterized noticed model. Two of them belong to the Copper Age (Eneolithic epoch). The Early Copper Age (Bolgrad-Aldeni) and later, after

400–500 years in the Late Copper Age (Černavoda I), Kartal settlement had status of the springboard (fig. 1/A-B). In next big period – Early and Middle Bronze Age Kartal was unhabited (fig. 2/A). In next time the very big settlement was arised here in the Late Bronze Age (fig. 3/B). In this time and later (4 episodes), during the whole period of Early Iron Age, Kartal played the role of «pad lock». In the Late Bronze Age it was the populations of the Early Hallstatt cultural groups from the West and the population of Belozerka culture of the North Black Sea steppe area. Then in the Middle Hallstatt period – the Thracians (mainly) from one side and steppe nomads (Cimmerians) from another. Next pare consisted Thracian tribes (Getae) and Scythians (IV cent. BC). In the Roman period Kartal was represented the classical fortified settlement of the castle type. It was the part in the chain of protective line of the Roman limes of the Lower Moesia province. Again Kartal played the role of springboard in the end of the Early Middle Age epoch (X–XI cent.) for the population of the First Bulgarian Kingdoms culture (fig.4/B).

If we assume (and, for this there are certain reasons) that the model of settlement in Kartal was universal, that is, it was determined by a more or less constant (stereotypical) set of external conditions, then it can be used directly as a tool in the reconstruction of intercultural dialogue and migration processes in the region.

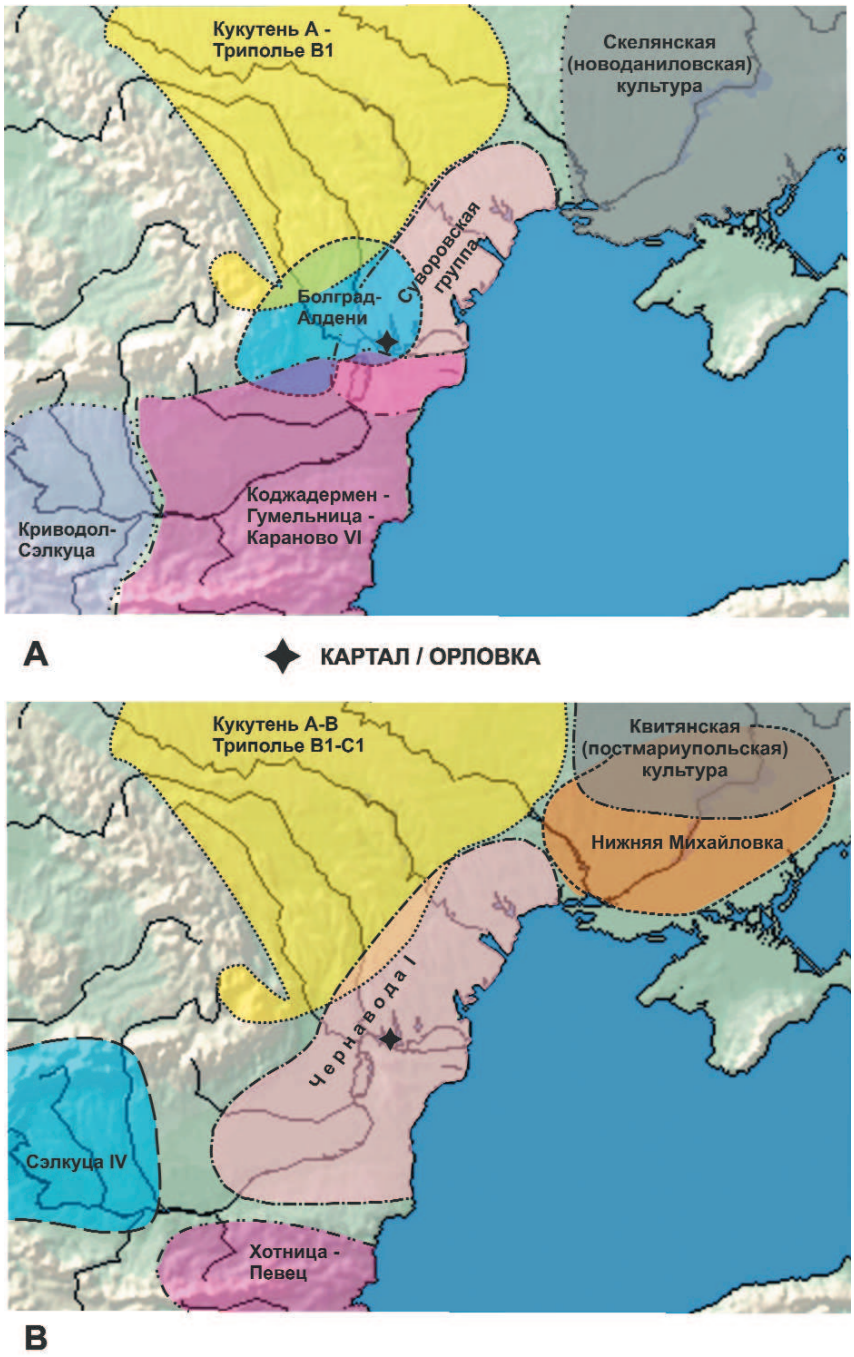

Рис. 1. Нижний Дунай и прилегающие области в эпоху раннего (А) и позднего (В) энеолита. (по изданию: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013)
Fig. 1. Lower Danube area and neighbour territories in the epoch of Early Copper Age (A) and Late Copper Age (B); after: Ancient cultures of the North-West Black Sea Region. Odessa, 2013 (in Russian)

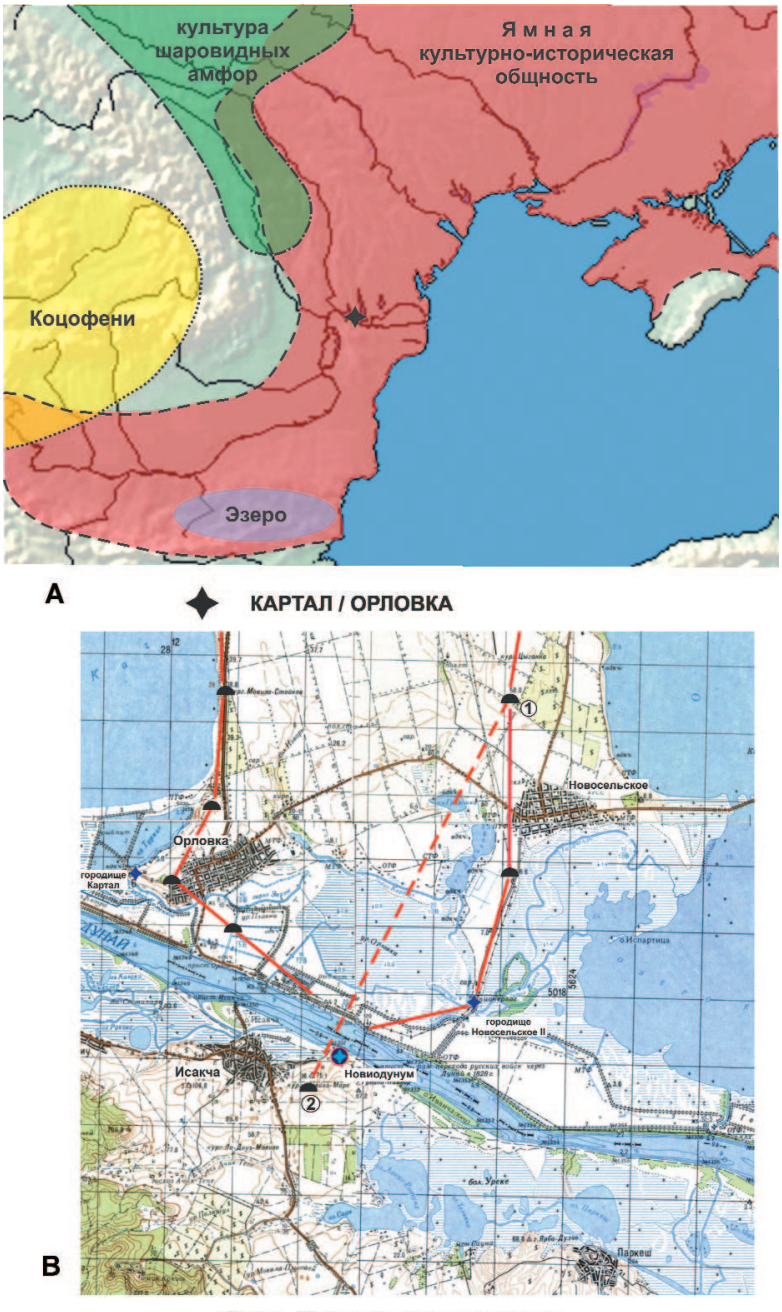

Рис. 2. Нижний Дунай и прилегающие области в эпоху раннего бронзового века (А)
Природный и культурный ландшафты в районе древней переправы (В)
А – по изданию: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013)
Fig. 2. Lower Danube area and neighbour territories in the epoch of Early Bronze Age (A)
after: Ancient cultures of the North-West Black Sea Region. Odessa, 2013 (in Russian)
The nature and cultural landscapes in the area of ancient crossing of the Danube (B)

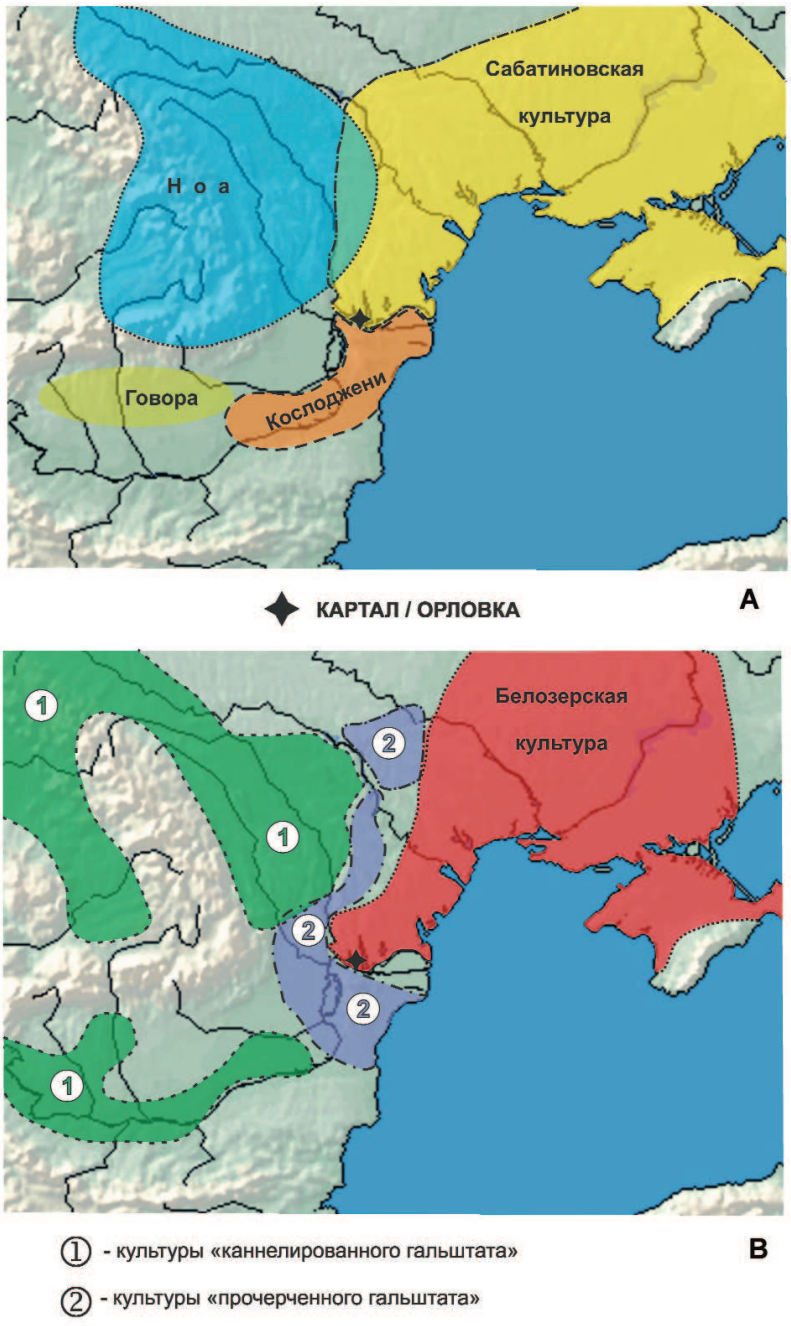

Рис. 3. Нижний Дунай и прилегающие области в эпоху позднего бронзового века
(А – старшая фаза; В – младшая, или финальная, фаза)
по изданию: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013
Fig. 3. Lower Danube area and neighbour territories in the Late Bronze Age (A – senior phase;
B – junior phase after: Ancient cultures of the North-West Black Sea Region. Odessa, 2013
(in Russian)

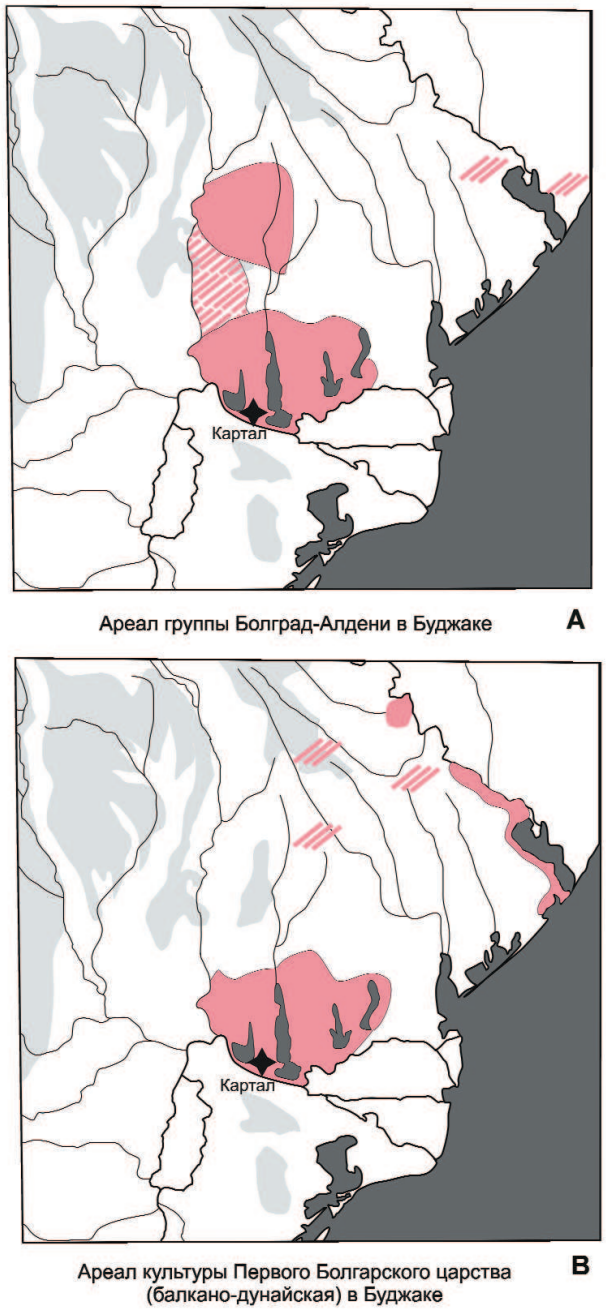

Рис. 4. A – Ареал группы Болград-Алдени в Буджаке
B – Ареал культуры Первого Болгарского царства (балкано-дунайская) в Буджаке
(по: Козлов 2015: рис.102-103)
Fig. 4. A – Area of Bolgrad-Aldeni culture group in Budzhak
B – Area of First Bulgarian Kingdom culture (Balkan-Danube culture) in Budzhak
(after: Kozlov 2015: fig.102–103 [in Russian])

Из научного архива ОАМ

А.В. Главенчук

Виктор Федорович Петрунь. Судьба одной рукописи

Виктор Федорович Петрунь (1922–2005 гг.) – известный советский и украинский геолог, минералог, петрограф, который внёс бесценный вклад в науку. Будучи специалистом в отраслях минералогии, минераграфии, месторождений полезных ископаемых, стратиграфии, литологии, четвертичной геологии, петрографии, археологии, он является одним из основателей нового научного направления – археологической петрографии. В.Ф. Петрунь собственноручно собрал многотысячную коллекцию петрографических образцов и археологических артефактов, которая теперь хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины.

Виктор Федорович сотрудничал с археологами как в лабораторных условиях, так и непосредственно в экспедициях, сделав много научных открытий. Статья «О камне энеолитического могильника Кошары I в бассейне р. Тилигул» была написана в 2003 г. (В.Ф. Петрунь датировал её окончание 22 июня 2003 г.). Это одна из последних работ В.Ф. Петруня. Он на протяжении многих лет тесно сотрудничал с Владиславом Григорьевичем Петренко, участвовал в его экспедициях.

Так сложилось, что о петрографическом исследовании кошарских материалов мне рассказывали и В.Ф. Петрунь, и В.Г. Петренко тогда же, в 2003 г. Оба говорили об интересных результатах, полученных В.Ф. Петрунём. Владислав Григорьевич рассказал, что он уговорил Виктора Федоровича не копировать заключение по Кошарам. Обычно В.Ф. Петрунь печатал свои работы на печатной машинке с «акцентом» (некоторые буквы пропечатывались весьма своеобразно), т.к. считал, что его почерк неразборчив, и делал несколько официальных копий заключений: для авторов, для личного архива, для архива Института археологии. Владислав Григорьевич говорил о планах опубликовать эту статью-заключение в своей монографии по энеолитическим Кошарам. К сожалению, этому не суждено было осуществиться. Поэтому, публикация результатов, полученных В.Ф. Петрунем, в выпуске сборника, посвященного памяти Владислава Петренко, является весьма уместным и логичным шагом. Папка с заключениями Петруня была передана мне Александрой Петренко, дочерью В.Г. Петренко, после его смерти.

В этом выпуске МАСПа статья по Кошарам I публикуется вместе с тремя записками В.Ф. Петруня, адресованными В.Г. Петренко, которые касаются пожеланий Виктора Федоровича касательно правок статьи. Все они на сегодняшний день являются архивными документами, иллюстрирующими историю работы над артефактными материалами Кошар, отношений между исследователями и часто непростую судьбу работ В.Ф. Петруня и их трудный путь к читателям.

Статья была закончена 22 июня 2003 г. После этого были написаны три записки (две напечатаны на печатной машинке и одна написана от руки).

Записка № 1, написанная от руки на небольшом клочке бумаги (дата её написания не известна), содержит пояснения к рисункам.

Записка № 2 касательно статьи, адресованная В.Г. Петренко, датирована 28 июня 2003 г. Содержание её следующее:

Владислав Григорьевич!

Если дело дойдет до компьютерного набора текста этой статьи «О камне энеолитического могильника Кошары 1...», прошу внести такие ред. правки:

1) шесть фраз со стр. 5–6, начиная со слов «Используемая в настоящей статье...» (с. 5) и кончая словами «во второй половине XX века.» (с. 6) переместить на с. 1, вклинив между фразами «безусловно оправдан» и «двухкратная (начиная с...)».

2) Соответственно на с. 4 (строки 3–4 сверху) убрать вместе со скобками фразу «оба этих термина принадлежат автору».

3) На с. 5 вторую сверху фразу перередактировать так: «К сожалению, для Левобережной Украины, где кремнистые отложения верхнемелового возраста также широко представлены (Колесник, 2002, рис. 1 и 2), автору в силу ряда причин аналогичную правобережной "демаркацию" осуществить в полном объеме не удалось».

4) На с. 17 в подписи к п. 5 рис. 1 после слов «Украинского щита...» вставить следующее слова: «И ныне спорадически фиксируемые», а потом уже имеющиеся «в районе» и т.д.

Если материал пойдет в совместном докладе в Переяславе-Хмельницком, то в целях экономии времени и места детальное описание онтогенически-литологических приемов, разумеется, лучше опустить (с. 2–5), ограничившись картой с подробными расшифровками условных обозначений и предельно кратким указанием состава и возможного происхождения сырья в артефактах, типологически затем характеризуемых уже с чисто археологических позиций. Галине Николаевне Бузян и ее коллегам по заповеднику – неизменные привет с поклоном. Если (мало шансов, но кто знает?) она все-таки в одном из тамошних сборников сумела «тиснуть» мой деснянский опус, который чуть не десять лет тому назад был отослан в ее края, – то желательно получить хоть один экземпляр этого сборника или хотя бы ксерокопию (вместе с форзацем) моей злополучной (еще дочернобыльской!) статьи... Расходы мои!

Наперед обязанный

(подпись) *В. Петрунь*

Записка № 3 датирована 1 февраля 2004 г. Она касается внесения желательных правок в статью:

Дорогой Владислав Григорьевич!

Если моя статья по Вашим материалам еще не получила типографского выражения и в нее можно вносить какие-то исправления, прошу о таком:

в рукописи машинописной

В.Ф. Петрунь

«0 камне энеолитического могильника Кошары 1 в бассейне р. Тилигул» на стр. 7, в 15-й строке сверху, после слова «новообразование» поставить звездочку к подстраничному примечанию следующего содержания:*

** Из категории уже на протяжении почти тысячи лет используемого в восточной (а в средние века и европейской) фармакопее в качестве магического спасительного средства (от яда, чумы, астмы, болезней почек или желчного пузыря) так называемого камня безоара, который извлекается из желудка определенных животных, особенно оленей и диких коз: даже в современном Иране стоимость большого безоара равна цене куска золота такой же массы (Уолтерс Раймонд Дж. Л. Все о драгоценных камнях. М.: БММ АО. 1999. С. 114–115). Правда, безоары в отличие от рассматриваемых предметов имеют фосфатный состав.*

С уважением болезный• (подпись) *В. Петрунь*
Привет коллегам и наилучшие пожелания всему музею!

Виктор Фёдорович Петрунь посвятил свою статью памяти археолога Павла Иосифовича Борисковского и минералога Дмитрия Павловича Григорьева: «Светлой памяти инициаторов приобщения автора к науке, ленинградских профессоров П.И. Борисковского (1911–1991), крупнейшего специалиста по палеолиту, и Д.П. Григорьева (1909–2003), творца онтогенической минералогии, посвящается».

Публикация работы «О камне энеолитического могильника Кошары I в бассейне р. Тилигул» в этом выпуске МАСПа позволяет почтить память всех четверых исследователей: П.И. Борисковского и Д.П. Григорьева, которым посвятил статью автор, а также самого В.Ф. Петруня и В.Г. Петренко, по инициативе которого было проведено исследование кошарских материалов.

В.Ф. Петрунь

О камне энеолитического могильника Кошары I в бассейне р. Тилигул[1]

Светлой памяти инициаторов приобщения автора к науке, ленинградских профессоров П.И. Борисковского (1911–1991), крупнейшего специалиста по палеолиту, и Д.П. Григорьева (1909–2003), творца онтогенической минералогии, посвящается

Предоставленная для изучения В.Г. Петренко коллекция каменных артефактов памятника в основном состоит из совершенных по форме и сохранности орудий и украшений, что естественно исключает попытки расшлифовки подобного материала с целью получения прозрачных петрографических шлифов стандартной площадью 199–200 мм^2 при строго выдержанной толщине 0,03 мм для последующего исследования под петрографическим микроскопом. Поэтому наиболее доступным, помимо макротестов, оставался иммерсионный метод изучения мельчайших (площадью в 1–1,5 мм^2 при толщине в сотые доли мм) осколочков моно- или полиминеральных пород, осторожно отжимаемых с поверхности изделий, а затем погружаемых в каплю иммерсионной жидкости, показатель преломления которой контролировался рефрактометром типа РЛУ (Татарский 1965: 207). Это позволяло в первом приближении определять минеральный состав, структуру, название и, соответственно, вероятное происхождение сырья.

Конечно, петрографический шлиф более информативен, особенно в структурном отношении, но при известных навыках, особенно если иммерсионной практике квалифицированного исследователя предшествовало ознакомление с сотнями-тысячами прозрачных шлифов, отражающих породный состав собиравшейся полвека эталонной (Кузебный, Кожемякин 1970: 186–188) коллекции автора, иммерсионная диагностика, безусловно, оправданна.

Двукратная (начиная с 31.07.1966 г.) рекогносцировка кошарских памятников, располагающихся на западном обрывистом берегу Тилигульского лимана, позволила получить исчерпывающее представление о геологическом строении примыкающего к Черному морю участка Причерноморского плато. Разрез последнего начинается с глин мэотиса у уреза воды, выше обнажаются известняки-ракушечники понтического яруса, перекрываемые красно-бурыми глинами плиоценового возраста с эпизодическими линзами (до 2 м мощностью) песков березанско-береговского горизонтов антропогена (Веклич, Сиренко 1972: 10, 11, 13 и далее).Стратиграфическая колонка венчается горизонтами лессов и лессовидных суглинков с ископаемыми и современной голоценовой почвами, что, вместе с результатами изучения литологии пляжевых отложений, позволяет различать в составе коллекции породы как местного, так и экзотического для региона происхождения.

---

[1] Статья написана в 2003 г. Подготовлена к публикации А.В. Главенчук

Последнее облегчается использованием приемов онтогенического анализа минеральных агрегатов (Григорьев 1961; Григорьев, Жабин 1975), возможности которых особенно наглядны при анализе и интерпретации структуры кремнистых пород – своеобразного ключа к определению региональной локализации исходных месторождений соответствующего сырья, даже если оно в результате эрозионных процессов позднее переотлагалось под воздействием текучих вод (с перезахоронением, например, в аллювиально-речных или прибрежно-морских террасовых песках и галечниках) еще до его технологического использования первобытным человеком зачастую с последующей транспортировкой порой за сотни километров от места первоначального залегания.

Например, хорошо просвечивающие дымчатые (иногда с переходом к серым в концентрически-зональных разводах) осадочно-диагенетические кремни так называемого волыно-подольского типа (сохраняющее свои технологические преимущества благодаря однородной, пелитоморфной структуре из микрохалцедоновых составляющих поперечником в тысячные – десятитысячные доли мм даже в переотложенном состоянии), визуально (макроскопически) порой неотличимы от также дымчато-серых и дымчатых (особенно в небольших артефактах) халцедонолитов из регионов Украинского щита, Крыма или Донбасса. Но под микроскопом для последних фиксируются чаще всего признаки собирательной перекристаллизации основы кремнистого субстрата, что сопровождается развитием своеобразной петлевидной микроструктуры, хорошо различимой при скрещенных николях поляризационного микроскопа (сохранение микрообособлений исходного пелитоморфного субстрата в петлевидных обособлениях чуть более крупнозернистого, с диаметром петель порядка 0,1 мм). При далеко зашедших процессах перекристаллизации, обычно на участках проявления остаточно-инфильтрационных преобразований, кремневое сырье может приобретать и вовсе вторичную мелкозернистую гранохалцедоновую структуру, что осложняет гранулометрическую диагностику.

Поэтому помимо последней принципиально важен также реализуемый в иммерсионных препаратах учет не только видового состава микрофаунистической составляющей кремнистых пород, но и их агрегатных форм и количественных соотношений между собой: в силицилитах Украины это преимущественно спикулы губок, призмы иноцерам, диски остракод, иглы морских ежей, членики стеблей морских лилий, мелкораковинный детрит, обломочки мшанок, следы ползания илоядных червеобразных организмов, в яшмах, радиоляритах, породах кремне-роговикового горизонта менилитовых сланцев или флишоидных халцедонолитов собственно Карпат, также радиолярии и т.д. Фиксация признаков вторичного изменения подобной микрофауны и производится в соответствии с приемами используемого в петрографии онтогенического анализа (Григорьев 1966: 23).

В частности, фиксируемые едва ли не в каждом кремне нормально-диагенетического происхождения остатки одно- и многокамерных фораминифер исходно хитинового, кальцитового (особенно в кремнесодержащих меле или мергелях) или вторично опало-халцедонового состава, отчетливо варьируются от одного типа силицилитов к другому, например, как в особенностях строения собственно раковинок этих простейших, так и в современном заполнении их внутренних полостей. Первые, толщиной чаще всего по 0,01–0,03 мм, целые или фрагментированные, как в шлифах, так и в иммерсионных препаратах, при халцедоновом составе выглядят замкнутыми контурами внешне сливного (но реально тонко-параллельнолучистого,

что фиксируется крестовидным погасанием в поляризованном свете) агрегата SiO_2. Однако на последующих этапах перекристаллизации подобный сливной контур может распадаться на разобщенные микрокомочки утратившего микроволокнистое строение халцедона (при сохранении исходных очертаний раковинки), а то и вовсе исчезает на фоне возрастающей перекристаллизации базиса.

Соответственно заполнение внутренних полостей фораминиферовых раковинок также различно: в одних случаях оно бесцветно и изотропно (типа апо-опалового), в других чуть буровато за счет тонкодисперсной глинистой примеси, отличаясь этим от основного микрохалцедонового базиса породы (или наоборот), может обнаруживать все переходы от тонкозернистой агрегатной анизотропии ядерного заполнения до прогрессивно возрастающей крупности выполняющих полость уже не изометричных, а удлиненных индивидов халцедона, вплоть до отчетливо сферолитовых агрегатов, обнаруживающих при полном исчезновении- растворении наружных стенок раковинки специфический «звездоподобный» габитус. При далеко зашедших процессах перекристаллизации сферолитохалцедон может сменяться гранохалцедоном (оба этих термина принадлежат автору), а затем переходить даже в микромозаичный кварц. В большинстве случаев подобные вторичные агрегаты мономинеральны, но иногда помимо SiO_2, как и в основном базисе кремнистых пород, обнаруживают обособленные зерна (или их унаследованные от микрофаунистических остатков сростки) кальцита, микрочешуйки глинистой примеси или также приобретающие онтогеническое значение минералы железа (сульфиды, окислы типа гематита или гидрооксиды лимонита).

Сходные преобразования характерны и для субпирамидальных призм соответствующего прослоя наружных раковин пластинчато-жаберных моллюсков семейства иноцерамов, то чисто кальцитовых, то вторично нацело халцедонозированных, фиксируемых по сферолито- или гранохалцедоновому (вплоть до микромозаичного кварцевого) замещению, а иногда – только по «фантомной» примеси тонкодисперсного оглинения, четко просматриваемого на фоне в остальном бесцветного субстрата кремней.

«Фантомные» структуры весьма типичны и для некогда заполненных глинистым материалом канальцев, спикул кремневых губок, особенно в интенсивно перекристаллизованных кремнях так называемой «плиты» Приднестровья. Конечно, единичные микроструктурные элементы кремнистых пород сами по себе далеко не всегда однозначны (хотя микропозвонки рыбной молоди, например, до сих пор фиксировались только в туронских кремнях левобережья Среднего Днестра), но взятые в комплексе, с учетом количественных соотношений в шлифе или иммерсионных препаратах, они позволяют различать артефактное сырье различных регионов.

Еще в 60-е годы прошлого века на основании сопоставления подобных признаков в выборке из полусотни кремней восьми анонимных для автора коллекций, отобранных по специальной схеме компетентной комиссией из таких крупнейших археологов, как О.Н. Бадер, М.М. Герасимов, А.П. Черныш, Е.А. Векилова под председательством П.И. Борисковского, пишущему эти строки удалось с использованием микроскопии безошибочно подразделить исследованное кремневое сырье на крымское и приднестровское (что подтверждается хранящимся в его архиве актом за подписями всех заинтересованных лиц).

В дальнейшем, после целенаправленных рекогносцировок с отбором проб силицилитов из основных регионов развития кремневого сырья в. центральной

части Украины (Petrugne 1995: Fig. 1), автору удалось установить признаки типоморфно-онтогенического отличия кремней различных регионов этой территории, с идентификационными целями теперь более детально расшифрованными в условных обозначениях к рисунку 1 настоящей статьи.

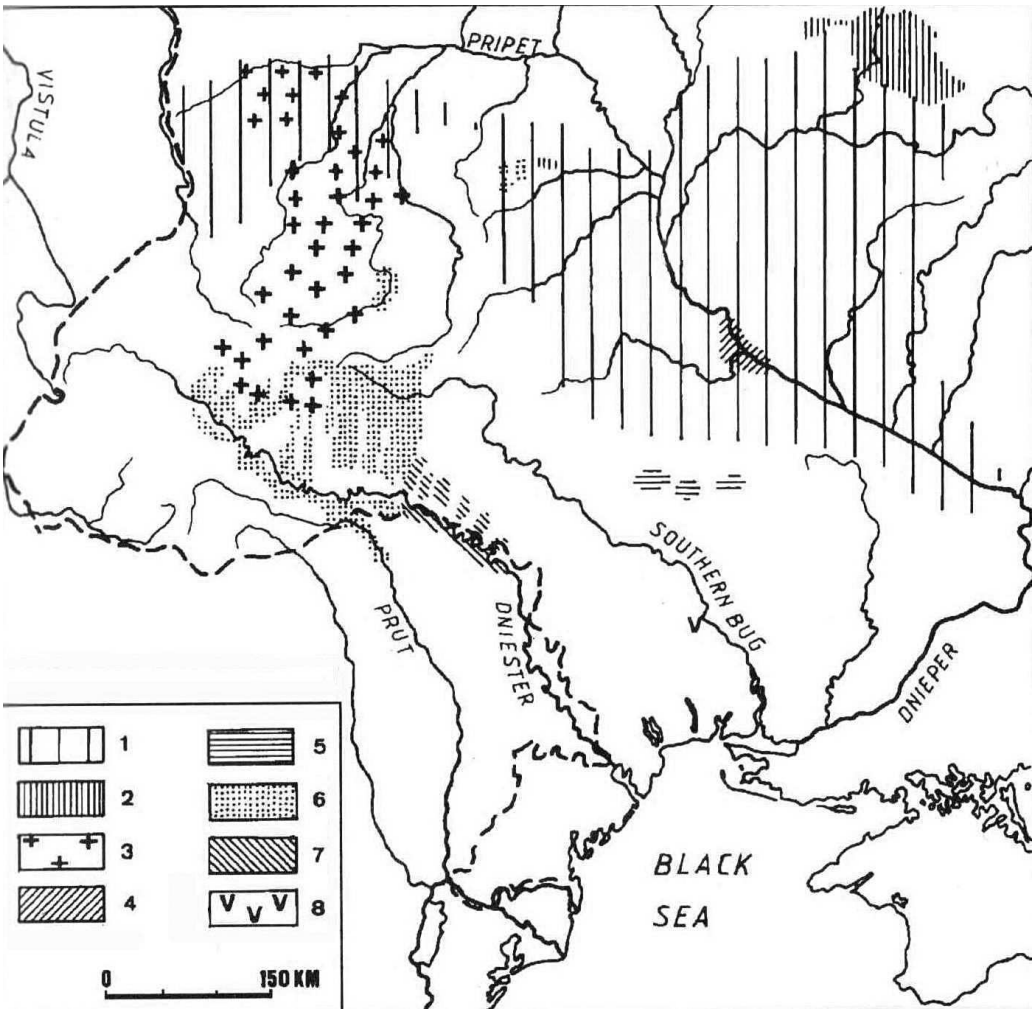

Рис. 1. Ориентировочная схема расположения кремненосных ареалов и отдельных месторождений халцедонолитов на части территории Украины
Fig. 1. The oriented scheme of the flint bearing areas and separate deposits of chalcedonolites on the part of territory of Ukraine.

1. Область распространения разнотипных (от халцедоновых до роговиковых) и разновозрастных (от палеозойских до третичных) переотложенных кремней из морены днепровского оледенения.

2. Визуально «запесоченные» (как за счет кластогенного,так и вторично перекристаллизационного кварца в мозаичных псевдоморфозах по микрофауне) темноокрашенные кремни верхнемелового возраста в бассейне р. Десны.

3. Наиболее тонкозернистые дымчатые иди дымчато-мышино-серые туронские кремни волыно-подольского типа с типоморфными реликтами раковинок фораминифер, замещенных халцедоном, с тонкопараллельноволокнистым окаймлением или в «звездчатых» микроагрегатах со сферолитовым погасанием при скрещенных николях поляризационного микроскопа.

4. Густо-черные с ржаво-вторичным окаймлением непросвечивающие инфильтрационные кремни днепро-каневского типа, сформировавшиеся в послеверхнемеловое время и поэтому рассеянно залегающие в разновозрастных (начиная с триасовых по И.Г. Пидопличко) отложениях зоны Каневских гор.

5. Осадочно-диагенетические кремни призмо-иноцерамового типа (в том числе в фантомном варианте) из остатков верхнемелового осадочного плаща, некогда перекрывавшего кристаллические породы Украинского щита в районе с. Аполянки, реки М. Выси и примыкающих территорий.

6. Апоспикульные осадочно-диагенетические силицилиты шерт-гезового происхождения нижнесеноманского возраста в бассейне Среднего Днестра и Прута, а также приуроченный к их кровле горизонт остаточно-инфильтрационных, преимущественно светлоокрашенных кремнистых пород так называемой «плиты».

7. Осадочно-диагенетические кремни верхнесеноманского возраста нижней части долины Днестра с остатками микрофауны в основном иноцерамо-спикульной (или наоборот), вторично замещенной микрохалцедоном.

8. Остаточно-инфильтрационные, сарматского возраста (Станко, Петрунь 1994: 165, 173; рис. 2) кремни так называемого бакшальского типа.

К сожалению, аналогичную проделанной на Правобережье «демаркацию» и для Левобережья, где кремненосные отложения верхнего мела достаточно широко представлены (Колесник 2002: рис. 1, 2), автору в полном объеме осуществить не удалось. Тем более что и на территории Донбасса, как на правобережье Среднего Поднестровья, наряду с безусловно осадочно-диагенетическими кремнями (от огромных, до 75 см в длину, желваков горы Кременец под г. Изюмом, разноокрашенных халцедонолитов окрестностей г. Краматорска, воспроизводимых на рис. 2[2], или многократно повторяющихся в разрезе верхнего мела Восточного Приазовья «цепочечных» горизонтов среднеразмерных кремневых конкреций), налицо и явно вторично-инфильтрационные кремни, которые воронежские геологи не совсем удачно предложили называть «метасоматитами» (Семенов, Аскоченский, Селезнев, Семенов 1980), приуроченные к каким-то зонам нарушений сплошности вмещающих пород, трещинам отдельности и т.п. (например, зафиксированных в карьерах района сёл Закотное или Райгородка в северной части Донецкой области на правобережье Северского Донца, да и в других точках).

Приёмы иммерсионного анализа онтогенических микроструктур отнюдь не ограничиваются силицилитами, хотя в этом случае могут потребовать дополнения

---

[2] К сожалению, рис. 2, представляющий собой, судя по описанию В.Ф. Петруня, фото халцедонового желвака в распиле, на сегодняшний день обнаружен не был. Здесь мы приводим подписи к этому рисунку, сделанные В.Ф. Петрунем:

Рис. 2. Смена разноокрашенных зон в халцедоновом желваке из верхнемеловых кремненосных отложений района г. Краматорска (в распиле алмазным диском):

1. Темнодымчатая наружная оторочка. 2. Серая (за счет тонкодисперсной примеси глинистости) зона. 3. Мелкопятнистая центральная зона конкреции.

если не химическими, то другими точными методами исследования (дифференциально-термическим, спектроскопическим, рентгеноструктурным и т.д.), которые при достаточном опыте исследователя могут из соображений экономии средств и времени свестись к минимуму (Петрунь 1967а: рис. 1; Петрунь 1971: табл. 1).

Используемая в настоящей статье геолого-минералогическая терминология является общепринятой (Геологический словарь 1978: тт. 1, 2). Автор использует термины «кремень», «халцедонолит», «силицилит» как синонимы, хотя это не совсем одно и то же, и позволяет себе употреблять наболее удобные с позиции онтогении агрегатов словосочетания «сферолито- и гранохалцедоновые» микроструктуры. Кристаллооптические константы породообразующих минералов в статье не приводятся, но они, как правило, совпадают с фигурирующими в справочной литературе (Винчелл, Винчелл 1953). При использовании сложносоставных прилагательных или существительных определяющим основной смысл служит последнее слово в «сцепке» (например, термин «алевро-пелитовая структура» означает, что порода слагается главным образом из частиц менее 0,01 мм в поперечнике, хотя в ней налицо также алевритовые зерна размером 0,01–0,1мм). При ссылках на условия залегания артефактов задействованы общепринятые сокращения, конкретно «п» (погребение), «с» (скелет), «кв» (квадрат). Обобщающие выводы учитывают как более ранние публикации автора (в форме сообщений, заметок и статей археолого-петрографического содержания), так и монографии отдельных лиц или целых коллективов, обнародованных во второй половине XX века.

Минеральное сырье рассматриваемого памятника представлено тремя основными группами горных пород (осадочных, метаморфических и магматических), но зачастую в единичных экземплярах, что осложняет задачи идентификации материала. Тем не менее, перечень продиагностированных минеральных агрегатов, равно как и заключения об их происхождении, достаточно убедительны и говорят сами за себя, конкретно:

А) *Осадочные (диагенетические, отчасти инфильтрационные) образования*

1. Глинистые (пелитовые) породы.

Представлены единичным слабоприкатанным обломком размерами до 1 см (п. 2) светло-бурого алеврито-аргиллита в основном кварцево-глинистого, отчасти карбонатизированного (тонкодисперсная примесь, реже отдельные, более крупные зерна кальцита). Текстура массивная, структура алевро-пелитовая. Назначение артефакта непонятно, равно как и происхождение сырья, во всяком случае, чуждого для региона. Автору известна только одна фрагментированная заготовка каменного топора-молота эпохи бронзы из довоенных сборов Г. Грабовского, хранящаяся в фондах Историко-археологического филиала Ялтинского краеведческого музея (индексы Ар-26, ЯМК-911, № 22034), материал центральной части которой близок описываемому.

2. Карбонатные неметаморфизованные породы.

2а. Дисковидная уплощенная галечка (п. 3, с. 4) светло-желтого апомелко-детритусового перекристаллизованного «дикаристого» известняка понтического яруса, вторично переотложенная (скорее всего, поднятая с поверхности морского пляжа, то есть местного происхождения). Назначение неясно.

2б. Небольшие стяжения (п. 2, с. 1 и п. 3, с. 3) и дисковидный обломок (п. 4, засыпка) буровато-желтых, в изломе специфически шероховатых на ощупь карбонатных агрегатов доломито(?)- арагонито- кальцитового состава гетерогранобластовой

структуры, в первых двух случаях с незначительной примесью рассеянных зерен кластогенного кварца алевритовой размерности, а в третьем – с вторично-инфильтрационной плёночкой гипергенного кальцита. Для более точной диагностики необходимы шлифы, поскольку в целом эти предметы напоминают конкременты, но не человеческие (Мамчур, Эдельштейн, Зузук 1969: 183–186), в той или иной степени фосфатные, а каких-то ближе не определимых четвероногих или птиц, которые бывают и известковыми (Ветеринарная энциклопедия, т. 3 1972: 554). В последнем случае не исключено использование подобных новообразований при погребении с какими-то ритуально-магическими целями, вроде предсказания негром Джимом будущего Геку Финну по волосяному шару, извлеченному из внутренностей забитой коровы (Марк Твен, т. 6 1960: 25–27).

2в. Каплевидной формы обособление длиной 18 мм (п. 3, между кв. 106–107) пелитоморфного известняка в сплошной черной пленке так называемого «пустынного загара». Подобные образования эпизодически встречаются в кровле известняков понтического яруса, реже – в приподошвенной части разреза перекрывающих последние плиоценовых красно-бурых глин. Наиболее значительные выходы подобных вторично омарганцованных пород известны в осматривавшемся автором огромном карьере к югу от г. Белгорода-Днестровского, а в естественных обнажениях – в верховье Березанского лимана, в свое время ошибочно принятые за излившиеся лавовые, эффузивные породы (Наследие де Волана 2002: 134). Возможно, использовалось как украшение (?).

3. Кремнистые, существенно халцедоновые осадочно-диагенетические и вторично-инфильтрационные силицилиты.

Поскольку в составе коллекции практически отсутствуют кремни нацело опалового или микрокварцевого (роговикового, типичного для донецкого палеозоя или частично морены днепровского оледенения) состава, также использовавшиеся в первобытной технике Украины, ниже приводимое описание почти целиком характеризует именно халцедоновые разновидности сырья, правда, то с дисперсной глинистой примесью, то с включениями карбонатов, учитываемых при онтогенической классификации.

3а. Разбитая на две половинки ножевидная пластина из хорошо (на глубину до 5–6 мм) просвечивающего дымчатого халцедонового кремня (п. 1). Микроструктура исходно пелитоморфная, но с петельчатым узором из обособлений по 0,03–0,05 мм в диаметре, а также рассеянными участками собирательной перекристаллизации в скоплениях зерен до 0,02 мм. Судя по характеру редких остатков микрофауны фораминифер, периферические раковинки которых начали дезинтегрироваться, это сырье донецкого ареала.

3б. Три наконечника дротиков на темно-дымчатом, плохо просвечивающем, с пятнами (до 30 мм в артефакте из п. 5, с. 1) мышино-серого непрозрачного кремня, как с черной оторочкой (п. 2, с. 3), так и почти без нее (п. 12, с. 3), а также скребок на отщепе с аллювиальной (?) гальки (п. 5, с. 1), судя но псевдоперлитовой забитости на поверхности этого вторично отмытого от вмещавшей мелово-мергельной породы желвака. Кремни слабоглинисто-халцедонового состава, структура исходно пелитоморфная, вторично петельчатая (половина объема из агрегата слагающих по 0,00 h мм а поперечнике внутри петель диаметром 0,05–0,06, заполненных неделимыми по 0,005–0,01 мм). Налицо фораминиферы с перекристаллизационной дезинтеграцией стенок раковин, единичные зерна кластогенного алевритового (0,03 мм)

кварца (п. 2, с. 3), единичный рассеянный микрораковинный детрит (п. 5, с. 1) и редкие зерна FeS_2 (п. 12, с. 3). В целом это осадочно-диагенетический кремень (в образце п. 5, с. 1 – подвергшийся водному переносу) слабоглинисто-халцедонового состава, серо-пятнисто-дымчатый, предположительно из разных точек в общем донецкого ареала распространения верхнемеловых кремненосных толщ.

3в. Неправильной формы наконечник дротика (п. 2, с. 1) из серовато-дымчатого, с отдельными белыми пятнами, слабоглинисто-халцедонового мелкозернистого (из зерен по 0,01–0,02 мм, результат перекристаллизации) кремня с реликтами спикул губок, единичными зернами кластокварца и лимонитовыми псевдоморфозами (до 0,02 мм в диаметре) по редким выделениям FeS_2.

Краевой скол с притертой ретушью (п. 3, с. 4) на пятнами патинизированном дымчато-светло-сером (за счет уже не глинистости, а органической пигментации) кремне с вторично перекристаллизованным (в халцедоновых лейстах до 0,15 мм в длину, между которыми – рассеянные реликты исходно пелитоморфного материала) субстратом, с редкими апоспикульными формами микрофауны, типичными для днестровского ареала.

Наконечник дротика (подъемный материал) из гетерогранобластовой структуры вторично перекристаллизованного (но менее интенсивно по сравнению с сырьем предыдущего артефакта) бежево-белого роговиковидного халцедонолита. Обнаруживает редкие реликты спикул кремневых губок, единичные. обособления (до 0,04 мм в диаметре) лимонита, заместившего FeS_2. Порода типа «плиты» в кровле апогезовых кремнесодержащих отложений нижнесеноманского возраста Среднего Поднестровья.

Наконечник дротика (п. 3, с. 2) из белого, непросвечивающего, роговикообразного, в неделимых по 0,03–0,04 мм халцедонового кремня. Состав глинисто-силицилитовый, с фантомными реликтами спикул губок, с единичными индивидами обнаруживающего положительное удлинение лютецита-кварцина (Петрунь 2000: 198).

В целом кремни этой подгруппы исходно (без учета возможного аллювиального переноса вплоть до Черного моря) тяготеют к области развития среднеднестровских силицилитов нижнесеноманского возраста и их вторичной остаточно-инфильтрационной силькретовой «плиты», достигающей мощности первых метров, хотя, повидимому, из разных точек (рис. 1, 6). Возможно к этой же подгруппе относится и материал наконечника дротика (п. 4, с. 1) из светло-серого, редко-мелкопятнистого, плохо просвечивающего кремня, иммерсионно не исследовавшегося, как и в дротике из п. 5, с. 1 с небольшими реликтами желвачной корки. Но поскольку доказательства апоспикульной природы этих силицилитов пока отсутствуют, оба артефакта по сырью приходится считать регионально не привязанными.

3г. Клинок на тщательно отретушированной, длинной ножевидной пластине (п. 3, с. 2) отлично просвечивающего дымчатого кремня с реликтами на спинке артефакта белесой желвачной корки. Микроструктура пелитоморфная (из неделимых порядка 0,00h мм), в халцедоновом субстрате наблюдаются единичные крупные (до 0,5 мм) многокамерные фораминиферы с тонкопараллельноволокнистым погасанием (при скрещенных николях) стенок раковин, более мелкие, вторично перекристаллизованные фораминиферы, нередко с дисперсной глинистой «мутью», слабый «петельчатый» рисунок субстрата (до 30% от объема породы). Кремень осадочно-ди-

агенетический, апофораминиферовый, по сумме признаков – предположительно туронский, волыно-подольского происхождения (рис. 1.3).

Не исключено, что к этой же подгруппе пород относится и материал ножа (п. 4, с. 1) на кремневой пластине дымчатой окраски с голубоватой вуалевидной патиной, неравномерно (послойно?) то лучше, то хуже просвечивающей, проба которой для иммерсионного исследования не отбиралась.

3д. Два наиболее совершенных по форме наконечника дротиков на чуть зеленовато-желтом, почти (на глубину не более 0,5 мм) не просвечивающем кремне из п. 4, с. 3 и с. 1. Первый из них обнаруживает под микроскопом тонкозернистый (из неделимых по 0,00h мм) халцедоновый состав, с примесью тонкодисперсной и рассеянной микропятнистой глинистости мелкозернистого (по 0,02–0,04 мм) сидеритовидного, судя по оптике и локальному вторичному побурению, обусловленному начинающейся гипергенной лимонитизацией, карбоната, единичных зерен кластогенного алевритового кварца и редких чешуек слюды наряду с немногочисленными участочками развития вторичного «лепесткового» кварца, образовавшегося за счет собирательной перекристаллизации халцедонового субстрата. Последний обнаруживает мелкие обломочки (длиной до 0,1 мм) тонких игл морских ежей, часто оттеняемых тонкодисперсной глинистостью.

Сырье второго наконечника – сходной окраски, но с довольно частыми пятнами более светлой субстанции (до 10–15 мм в поперечнике) и с двумя небольшими (до 3 мм) полуовальными углублениями, возможно, связанными с гипергенным выщелачиванием карбонатов и инкрустацией вторичным кварцем (в иммерсии материал не изучался).

Незначительно карбонатно-глинистое, существенно халцедоновое сырье этой подгруппы наиболее полные аналогии находит в «гороховых» кремнях Добруджи – нижнедунайского участка территории современной Болгарии, впервые встреченных и описанных автором в материалах гумельницкой культуры из Бессарабии (Петрунь 1967: 59).

3е. Фрагмент ножевидной пластины хорошо просвечивающего светло-серого (с переходами к дымчатому) кремня, по определению В.Г. Петренко, возможно, даже деталь современной соломорезки «саночного» типа (без индексикации). Под микроскопом обнаруживает в петлеструктурном базисе (30% объема – пелитоморфный халцедон из неделимых по 0,00h мм внутри «петель», собственно последние, из более крупнозернистого, по 0,01–0,015 мм, субстрата, образовавшегося в результате собирательной перекристаллизации в остальном объеме) мелкие скопления тонкодисперсного глинистого материала, главным образом оттеняющего фантомы призм иноцерамов, что характерно для силицилитов в реликтах верхнемеловых отложений на Украинском щите (рис. 1, 5).

В районе могильника Кошары I известны находки обработанного кремня также в подъемном материале местонахождения Кошары III нескольких типов. Это:

3ж. Угловатый обломок светло-серого, эмалевидного с поверхности, в изломе черного, матового, в тонких осколках коричневого, но непросвечивающего силицилита апоопалово-микрохалцедонового, почти изотропного в скрещенных николях состава, с реликтами раковинок простейших типа радиолярий (?) и рассеянной примесью частично лимонитизированных микровыделений пирита или марказита (FeS_2). Порода – так называемый роговик из олигоценовых сланцев карпатского орогена (Менілітові сланці Карпат 1963: 6), в переотложенном состоянии широко рас-

пространенный в «карпатской гале» верхних (да и нижних) террас Днестра, а в Северном Причерноморье, как подтвердили личные рекогносцировки автора, эпизодически встречающийся в гравийных обломках среди песков березанского и береговского горизонтов плиоцена, обнажающихся в береговых обрывах Черного моря и его лиманов к востоку от г. Одессы (Веклич, Сиренко 1972: 111–139 и далее, табл. 1). Порода местная.

3з. Субтреугольный отщеп серо-дымчатого, с белесыми пятнышками, до 2 мм просвечивающего кремня. Под микроскопом тонкозернисто-пелитоморфный (0,00h мм), но с вторичными микропетлями халцедона чуть более крупнозернистого (в неделимых от 0,005 до 0,01 мм), с рассеянной глинистой примесью, единичными зернами обломочного кварца (размерами от 0,03 до 0,1 мм), реликтами в примерно равных количествах фантомных спикул губок и призм иноцерамов, редкими иглами морских ежей, в том числе вторично перекристаллизованных (в гранохалцедоновых агрегатах из зерен до 0,02 мм). По сумме признаков это сырье верхнесеноманского возраста, коренные выходы которого обнажаются в нижнем течении Днестра (рис. 1, 7).

3и. Фрагмент ножевидной пластины трапециевидной формы на хорошо просвечивающем дымчатом (неяснослоистом) кремне с редкой белесой пунктацией. Под микроскопом однородный, пелитоморфный (из неделимых по 0,001–0,008 мм), с редкими остатками слабо-, вторично-, сферолитово перекристаллизованными раковинками простейших округлой формы, рассеянными непрозрачными зернами FeS_2, частично лимонитизированными. В целом осадочно-диагенетический халцедонолит из месторождений донецкого региона.

Еще один тонкий обломок кремня из подъемного материала патинизирован и поэтому под микроскопом не изучался.

Б) *Метаморфогенные породы*

4. Породы регионального метаморфизма.

4а. Шаровидный пест-терочник (п. 2, с. 3) на сером мелкозернистом гнейсе гетерогранобластовой, реликтово бластоалевропеаммитовой (в зернах от. 0,08 до 0,2 мм) и частично регенерационной структурами. Состав (в убывающей последовательности): кварц, плагиоклаз, пироксен, биотит, гранат, единичная чешуйка графита (?); текстура массивная. По минеральному составу аналогичен территориально наиболее близким к памятнику графитосодержащим гнейсам среднего течения Ю. Буга (Справочник 1975: 400 402), хотя более мелкозернист, не несет признаков выветривания (так сказать, «кайнотипен» и свеж), чем напоминает геологически более молодые гнейсы современной Румынии (Онческу 1960: 293, 320), правда, как будто бы лишенные графита (который для указанной территории приурочен к выходам кристаллических сланцев Южных Карпат). Единичность изделия не позволяет точно локализовать сырье артефакта, но показательно, что макроскопически весьма близкие породы, судя по результатам ознакомления с материалами И.В. Бруяко, явно задунайские, зафиксированы в энеолитическом комплексе из левобережных низовий этой речной магистрали.

4б. Серия уплощенно-цилиндрических подвесок, встреченная в ряде захоронений (п.п. 2, 3, 4, 5), обнаруживает примерно одинаковый минеральный состав светлоокрашенного (белесо-бежевого, реже серого или красновато-бурого, частично охристо-желтого за счет вторичного ожелезнения) доломитового мрамора гетерогранобластовой, даже бластобрекчиевой структуры с пойкилобластовой примесью пылеватого магнетита, иногда единичными зернами кварца или тонкодисперсного

глинистого вещества (п. 3, с. 1). Помимо доломита $CaMg(CO_3)_2$ иногда присутствует кальцит $CaCO_3$, как первично-метаморфогенный (в наиболее крупной подвеске из заполнения в п. 4), так и гипергенный вторичный, в поверхностной плёночке инфильтрационного происхождения (п. 3, с. 1).

Описываемые породы серии происходят из нескольких, по-видимому, разобщенных выходов карбонатных кристаллических образований докембрия Украинского щита. В принципе, это могут быть территориально наиболее близкие к Кошарам I обнажения долины Ю. Буга, вдоль которой эпизодические «впайки» карбонатных мраморов зафиксированы в мигматито-гнейсовых массивах от Первомайска до Гнивани, а крупное месторождение офио-кальцито-доломитового сырья в районе современного с. Завалье эксплуатировалось уже в трипольскую эпоху (Петрунь 1967б: 56). Правда, это были зеленоватые силикатно-доломитовые породы, среди которых только современные карьеры вскрыли участки с чисто карбонатными линзочками, по цвету и составу идентичные материалу подвесок, так что вряд ли сырье для последних происходит отсюда. То же касается и сильно выветриваемых с поверхности «впаек» мраморов района Первомайска или Гнивани, а по отсутствию магнетита – и наиболее северного выхода крупнозернистых мраморов в одиночном скальном обнажения на р. Тетерев, ниже по течению Радомышля.

И только в Приазовье, на р. Берде в районе устья ее левостороннего притока Каратыш, в свое время также посещавшегося автором, речной долиной вскрываются полосы сменяющих друг друга как офиокарбонатных, так и бессиликатных доломитовых и кальцито-доломитовых мраморов, наиболее близких материалу подвесок. Иначе говоря, сырье последних, безусловно восточное по отношению к Кошарам I, скорее всего приазовского происхождения, хотя примесь магнетита более характерна для Побужья (Минералы карбонатных пород Украинского щита. 1976: 19–24, 35–38, рис. 12).

В) *Магматические (изверженные) породы*

5. Единственный плитчатый обломок какого-то пришлифованного артефакта (п. 2, с. 1), возможно, топора или куранта, представлен темно-зеленой полифировой (с призматического габитуса вкрапленниками до 5–7 мм в длину) породой. Минеральный состав – интенсивно пелитизированный и серицитизированный полевой шпат, вторичный хлорит, нацело заместивший исходные темноцветные породообразующие обособления также, по-видимому, постмагматического кварца и зерна магнетита. Исходная структура основной массы – гипидиоморфнозернистая. В целом это интенсивно вторично измененный эффузивный порфирит палеотипного ряда, предположительно среднего состава (хотя без результатов химического анализа подобное определение предварительно). По макро- и микроскопическим признакам он отличается от разновозрастных порфиролитов Приазовья и Крыма, габбро-диабазовой серии преимущественно интрузивно-дайковых пород основного состава, приуроченных к докембрийским мигматитам и гнейсам на территории от Приднепровья до Полесья и западных границ Украинского щита (Справочник по петрографии Украины. Магматические и метаморфические породы 1975: 162–212).

Поскольку высокая степень вторичной изменённости ряда эффузивно-дайковых пород основного-среднего состава доказана автором для отдельных артефактов трипольских и гумельницких памятников юго-запада Украины, сырье которых имеет запрутско-задунайское происхождение, оттуда же, скорее всего, был доставлен и кошарский обломок, тем более что такая возможность подтверждается кремнем подгруппы 3д.

Выводы

1) Каменный материал кошарских памятников достаточно пестр и разнотипен по минеральному составу и структурно-текстурным параметрам. Он исходно происходит из различных, разновозрастных месторождений, располагающихся на огромной территории от Донбасса до Добруджи. Если с чисто петрографических позиций источники и генезис одних видов сырья устанавливается предположительно (слишком малы соответствующие выборки),то для других они однозначны.

Впрочем, разнопородность используемого артефактного сырья вообще, по-видимому, типична и для других погребений эпохи энеолита, в том числе располагающихся, в отличие от Кошар, внутри или в непосредственной близости к регионам с первоклассным, например, кремнем (Писларий, Кротова, Клочко 1976: 24), что в первом приближении при прочих равных условиях может отражать практику «проб и ошибок» в знакомстве первобытного охотника с новыми, ранее не опробованными каменными материалами или, наоборот, стойкую приверженность к строго определенным разновидностям халцедонолитов в наконечниках дротиков, прошедших вместе с охотником всю Украину.

2) Во всяком случае, причина неожиданной концентрации в погребениях могильника Кошары I, регион которого лишен собственного кремня, одновременно силицилитов как восточного (донбасского), так и западного (добруджинского) происхождения, остается неясной, хотя факты достаточно дальних перемещений людей каменного века сомнений не вызывают. Правда, до сих пор, судя по литературным данным, они были однонаправленными. Да и изучение камня коллекции В.Ю. Коена и В.М. Степанчука (верхнепалеолитическая стоянка Мира к югу от г. Запорожья) также доказывает не вызывающий сомнения «марш-бросок» коллектива первобытных охотников от Карпат (из специфических флишоидных отложений которых происходит кремень памятника), к низовьям Днепра, хотя по пути эти люди подбирали и единичные экземпляры хадцедонолитов промежуточных месторождений.

3) Но как бы то там ни было, петрографический анализ артефактного камня, особенно в больших выборках, просто позволяет если не решать, то ставить перед исследователями принципиально важные вопросы в проблемах, покуда еще только намечающихся, однако безусловно перспективных.

Литература

Веклич М.Ф., Сиренко Н.А. 1972. Опорные геологические разрезы антропогена Украины. Часть III. К.

Ветеринарная энциклопедия. 1972. Том 3. М.

Винчелл А.И., Винчелл Г. 1953. Оптическая минералогия. М.

Геологический словарь. 1978.Т. 1, 2. М.

Григорьев Д.П. 1961. Онтогения минералов. Львов.

Григорьев Д.П. 1966. Использование онтогении минералов в петрографических исследованиях // Труды ВСЕГЕИ. Новая серия. Т. 65. Л.

Григорьев Д.П., Жабин А.Г. 1975. Онтогения минералов. Индивиды. М.

Колесник О.В. 2002. Система природокористування у середньому палеоліті Донецького басейну // Археологія. № 1

Кузебний В.С., Кожемяко М.И. 1970. Эталонные коллекции и методика их составления // Труды ИГН АН Каз. ССР. Т. 29.

Мамчур Ф.И., Эдельштейн И.И., Зузук Ф.В. 1969. Петрография органогенных (мочевых) камней, развивающихся в организме человека в условиях Прикарпатья // Вопросы литологии и петрографии. Львов. Кн. 1.

Твен Марк. 1960. Приключения Геккельберри Финна. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 6. М.

Менілітові сланці Карпат. 1963. К.

Минералы карбонатных пород Украинского щита. 1976. К.

Наследие де-Волана. 2002. Одесса.

Онческу Н. 1960. Геология Румынской Народной Республики. М.

Петрунь В.Ф. 1967. О достоверности петрографо-минералогических определений в археологической практике // Записки ОАО. Одесса. Т.II (35).

Петрунь В.Ф. 1967а. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.

Петрунь В.Ф. 1967б. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами юго-запада СССР // КСИА. Вып. 111.

Петрунь В.Ф. 1971. К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР. Т.6. МИА. № 173.

Петрунь В.Ф. 2000. Кварцин, кварциты и кварцитовидные породы в первобытной технике Приднепровья и других регионов Украины // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вип. IX. Запоріжжя.

Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н. 1976. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. К.

Семенов В.П., Аскоченский Б.В., Селезнев В.И., Семенов П.В. 1980. Геология кремнистых метасоматитов карбонатных пород верхнего мела КМА. Воронеж,

Справочник по петрографии Украины. Магматические и метаморфические породы. 1975. К.

Станко В.Н., Петрунь В.Ф. 1994. Анетовка 13 – памятник начальной поры позднего палеолита в степном Причерноморье (предварительная публикация) // Археологический альманах. № 3. Донецк.

Татарский В.В. 1965. Кристаллооптика и иммерсионный метод. М.

Petrougne V.F. 1995. Petrographical-lithological Characteristics of Stone Materials from Late-Tripolye Cemeteries of the Sofievka Type // Baltic-Pontic Studies. Vol. 3.

Summary

The article of V.F. Petrun deals with a petrographic analysis of the collection of stone artifacts from the Eneolithic cemetery Koshary I located in the basin of Tiligul river. The collection was provided for study by Vladislav G. Petrenko. For the analysis of the archaeological materials from Koshary I Victor F. Petrun applied the immersion method (with a polarizing microscope). The article was written by Victor F. Petrun in 2003 and is published for the first time.

Список сокращений

ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
БИ – Боспорские исследования. Керчь-Симферополь
БФ – Боспорский феномен. Санкт-Петербург
ВДИ – Вестник древней истории
ГБУ РК ВКИКМЗ – Государственное бюджетное учреждение «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗДУ – Запорізький державний університет
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИГН АН Каз. ССР – Институт геологических наук Академии наук Казахской ССР
ИМФ – Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
КБН – Корпус боспорских надписей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии (ИА АН СССР / ИА РАН)
КС ОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
КМА – Курская магнитная аномалия
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НИНГУ – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
ЛГО – Львовское геологическое общество
ОАО – Одесское археологическое общество
ОНУ – Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова
САИ – Свод археологических источников. Москва
AA – Archäologische Anzeiger
BAR – British Archaeological Report
BE – Bulletin épigraphique
IstMitt – Istanbuler Mitteilungen
PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RE – Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
RHA – Revue d'histoire ancienne
SCIVA – Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologice. Bucureşti
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Содержание

Ad memoriam

Охотников С.Б. (Одесса)
О наших встречах с В.Г. Петренко 7
Okhotnikov S.B. (Odessa)
About our meetings with V.G. Petrenko 7

Черниенко Ю.А. (Одесса)
Не просто коллега... 9
Chernienko Yu.A. (Odessa)
Not just a colleague... 9

Яровой Е.В. (Москва)
Вспоминая друга 15
Yarovoj E.V. (Moscow)
Remembering a friend 15

Каменный век
Stone Age

Пиструил И.В. (Одесса)
Наконечники метательного вооружения у охотников на бизона
Северо-Западного Причерноморья (на примере археологической коллекции
верхнепалеолитического поселения Анетовка II) 25
Pistruil I.V. (Odessa)
Arrowheads of throwing weaponry of bison hunters of North-west Pontic region
(archaeological collection of Upper Palaeolithic settlement of Anetovka II) 25

Главенчук А.В. (Одесса)
Культурный слой поселения Анетовка 2
на примере северо-восточного производственного участка 38
Glavenchuk A.V. (Odessa)
Cultural layer of settlement Anetovka 2
on the example of north-east section excavations 38

Паламарчук С.В. (Измаил)
Петровская Балка – памятник заключительного этапа каменного века 49
Palamarchuk S.V. (Izmail)
Petrovskaya Balka – the settlement of the final stage of the stone age 49

Лобанова М.А., Киосак Д.В. (Одесса).
Кремнеобрабатывающая «мастерская» в археологических остатках
поселения культуры линейно-ленточной керамики Цыра (Молдова) 72
Lobanova M.A., Kiosak D.V. (Odessa).
Flint workshop in the archaeological remnants in the site of
Linear pottery culture Ţîra 72

Энеолит и усатовская культура
Eneolithic and Usatovo-culture

Кайзер Э., Герлинг К., Ризенберг М. (Берлин)
Маяки в лаборатории. Изотопно-химические анализы
комплексного памятника Маяки 89
Kaiser E., Gerling C., Riesenberg M. (Berlin)
Majaki im Labor. Isotopenchemische Untersuchungen
des vielschichten Bodendenkmals Majaki 89

Бурдо Н.Б. (Киев)
Антропоморфные статуэтки усатовской культуры 112
Burdo N.B. (Kiev)
Anthropomorphic figurines of the Usatovo Culture 112

Попович С.С. (Кишинев)
Малоизвестные находки усатовских сосудов
из разрушенных погребений 134
Popovici S.S. (Chişinău)
Less known finds of Usatovo vessels from destroyed burials 134

Товкайло М. (Київ)
Нові дослідження усатівського могильника Ґард 141
Tovkaylo M. (Kiev)
New researches of the cemetery Gard of Usatovo culture 141

Секерская Е.П. (Одесса)
Эволюция животноводства и охоты в экономике племён
Триполье-Кукутень (на примере памятников Молдовы) 149
Sekerskaya E.P. (Odessa)
Evolution of animal husbandry and hunting in the economy of the
tribes of the Trypol'e-Cucuteni (by the example of sites of Moldova) 149

Бронзовый век
Bronze Age

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. (Киев)
Булавки с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы 161
Lysenko S.S., Lysenko S.D. (Kiev)
Late Bronze Age Pins with Looped Head from the Territory of Ukraine 161

Агульников С.М. (Кишинев)
Погребение позднего бронзового века в кургане № 1 у с. Брынзений Ной
(о культурно-историческом блоке Ноуа-Сабатиновка) 182
Agul'nikov S.M. (Chişinău)
The Grave of the Late Bronze Age in the Mound no. 1 near the
Brinzenii Noi village (about cultural-historical block Noua-Sabatinovka 182

Аилинкэй С. (Тулча)
К вопросу о раннегальштатском горизонте со штампованной керамикой Юго-Восточной Европы 192
Ailincăi S.-C. (Tulcea)
To the question about Early Hallstatt horizon with the stamped pottery of the South-Eastern Europe 192

Античная эпоха
Antique period

Секерская Н.М. (Одесса), ***Буйских А.В.*** (Киев)
Ранняя расписная керамика из Никония 203
Sekerskaya N.M. (Odessa), ***Bujskikh A.V.*** (Kiev)
Early painted pottery from Nikonion 203

Секерская Н.М. (Одесса)
Краснофигурные котилы из собрания Одесского археологического музея 213
Sekerskaya N.M. (Odessa)
Red-figured cotiles from collection of the Odessa archaeological museum 213

Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва)
Аполлон ΙΗΤΡΟΣ и Артемида Пифийская.
О двух культах милетских апойкий Причерноморья 216
Shelov-Kovedyaev Fedor V. (Moscow)
Apollo ΙΝΤΡΟΣ and Artemis Pythia.
Two cults of Milesian apoikiai in the Black Sea 216

Дана М. (Париж), ***Бруяко И.В. Секерская Н.М.*** (Одесса)
Новый эпиграфический документ из Никония 225
Dana M. (Paris), ***Bruyako I.V., Sekerskaya N.M.*** (Odessa)
A new epigraphic document from Nikonion 225

Савельєв О.К., Савельєва К.С., Сінельніков О.С. (Одеса)
Археологічні розвідки на античному поселенні Надлиманське XI 233
Savel'yev O.K., Savel'yeva K.S., Sinel'nikov O.S. (Odessa)
The archaeological survey on the ancient settlement Nadlymanske XI 233

Транскультурная зона
Trans-cultural zone

Бруяко И.В. (Одесса)
Феномен Картала: динамика смысла 245
Bruyako I.V. (Odessa)
Phenomenon of the Kartal: dynamics of meaning 245

Из научного архива ОАМ
From the scientific archiv OAM

Главенчук А.В. (Одесса)
Виктор Федорович Петрунь. Судьба одной рукописи 263
Glavenčuk A.V. (Odessa)
Viktor Fedorovič Petrun'. The fate of the one manuscript 263

Петрунь В.Ф.
О камне энеолитического могильника Кошары I в бассейне р.Тилигул 266
Petrun' V.F.
Regarding the stone from Eneolithic cemetery Koshary I
in the basin of Tiligul river 266

Список сокращений 279

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ВЫПУСК 14

Технический редактор С.П. Малыгина.
Корректор Н.И. Кривцов.

Подписано к печати 12.07.2019 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,75. Тираж 150 экз. Зак. 762.

ООО РИА «Ирбис».
Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъектов издательского дела ДК № 5198 от 05.09.2016 г.
68600, г. Измаил, ул. Парковая, 73.
Тел. 04841-63-915. E-mail:maligina@ukr.net